+18

АНАТОЛИЙ СЕМЁНОВ

НЕЛЕГАЛЬНОЕ ЛИЦО

Россия – не проходной двор!

АНАТОЛИЙ СЕМЁНОВ

НЕЛЕГАЛЬНОЕ ЛИЦО

РОССИЯ – НЕ ПРОХОДНОЙ ДВОР!

Краткая история последнего десятилетия СССР, эмиграции и возвращения автора в новую Россию

РИПОЛ
КЛАССИК
МОСКВА

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С30

Семёнов Анатолий
С30 Нелегальное лицо / А. Семёнов. – М.: РИПОЛ классик, 2018. – 502 с.

ISBN 978-5-386-10554-9

В своём сатирическом произведении «Нелегальное лицо. Россия – не проходной двор» Анатолий Семёнов рассказывает о последнем десятилетии существования СССР, отце-фронтовике, своей матери – воспитавшей десять детей, Матери-героине, старшем брате – строителе БАМа, о репатриации братьев и сестёр в Израиль и о том, как спустя десять лет работы в России он оказался на нелегальном положении.

Тонкий юмор придаёт его рассказам о дяде – капитане дальнего плавания, муже сестры – цеховике и подпольном советском миллионере, подполковнике ФМС, не выпускающем из страны нарушителя визового режима, особый колорит и увлекает с первых страниц. Также книга раскрывает взгляд автора на любовь и предательство, потерю и обретение веры, на пропагандистскую кухню западной и российской телевизионной журналистики.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-386-10554-9

© Анатолий Семёнов, текст, дизайн обложки. 2017
© ООО ГК «Рипол классик», издание, оформление, 2018

Дорогой сестре Риве
с благодарностью и любовью

Лене Семёновой, моей бывшей жене и спутнице,
в сложные годы испытаний в эмиграции

Жизнь изо всех сил старается походить
на хорошо придуманную историю.

Исаак Бабель.
Мой первый гонорар

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предупреждаю сразу: моя книга – это автобиографический вымысел. Так что убедительно прошу особо впечатлительных читателей не принимать данное сочинение близко к сердцу, даже несмотря на схожесть героев с реальными людьми. В жизни каждого нередко происходят непредсказуемые события и перемены. Судьба нагло вторгается туда, куда её не просят, нарушая наши планы. Не являясь исключением, я взял на себя смелость – осознавая всю ответственность, – изложить некоторые подобные события моего героического прошлого.

Воспоминания порой не поддаются точной хронологии, а мои – особенно. Осмысляя собственные действия и поступки в прошлом, я погружался в рефлексию.

Книгу я хотел назвать «Повесть о настоящем человеке», но в какой-то момент усомнился. А вдруг это роман? Тогда возникло другое название: «Герой нашего времени». Но меня осудили. Сказали: такое произведение уже есть, причём гениальное. Да и какой ты герой? «Какое время, такие и герои», – напомнил

я моим судьям народную мудрость. Короче, и от «Героя» пришлось отказаться. Настоящее заглавие мне подсказал подполковник Федеральной миграционной службы. Сделал он это непреднамеренно – не думаю, что офицер ФМС хотел подсказать название для сатирического произведения. Но он это сделал, и я ему благодарен. Благодарен за его верную службу Родине и за всё, что меня с ним связывало.

Должен чистосердечно признаться: я не хотел писать эту книгу. Говорю без лукавства. Я не был способен на такой подвиг. Написать книгу – это тяжкий труд. А написать хорошую книгу – значит провести за письменным столом долгие бессонные ночи, месяцы и даже годы своей жизни. Потому что если браться, то нужно творить, как Лермонтов или хотя бы как Семёнов (я про Юлиана Семёновича говорю, не подумайте обо мне чего). Только в большом писателе загорается божественный огонь вдохновения, который после его смерти продолжает гореть в гениальном произведении. Меня этот огонь миновал. А за письменный стол принудил сесть неведомый мистический голос. Я долго боролся с искушением – до той поры, когда зыбкое честолюбие доросло до пошлого тщеславия. Это был переломный момент. Вот тогда я и решился. Помогал мне тот самый мистический голос, который щедро одаривал меня идеями, предложениями и даже, когда он был в ударе, наговаривал целые абзацы будущей книги. Я делал какие-то наброски в блокноте, записывал навязчивые фразы на разрозненных листочках и всём, что попадалось под руку, но продолжал противостоять соблазну сесть за письменный стол и послужить древнегреческой музе. Немаловажным фактором в принятии мной решения стало письмо президенту Российской Федерации, которое, каюсь, я написал под диктовку того же могущественного таинственного голоса. Мне и в страшном сне не могло присниться, что это письмо послужит основанием для сатирического

произведения. Но реальность современной России оказалась настолько неприглядной, что я был вынужден пойти на это, и, видно, с того момента тяжкой участи писателя мне было не избежать. В каждом из нас где-то таится этот неведомый внутренний голос. И я даже догадываюсь, в каком именно месте.

Эту книгу я писал в разных странах, даже в разных полушариях (почти как Хемингуэй). Я не расставался с мыслью о ней, куда бы ни заносила меня нелёгкая судьба. Работу начал в 2007 году в Москве при президенте Путине. Вторую часть писал в Финляндии, когда президентом России избрали Медведева, – я в это время не по доброй воле отсиживался в гостинице «Sokos» в Хельсинки. Проработкой характеров и деталей занимался снова в Москве при вновь избранном президентом Путине. Завершал книгу на берегах Онтарио в городе Торонто при премьер-министре Канады Стивене Харпере. Окончательная редактура была сделана при молодом и перспективном Джастине Трюдо, сменившем в должности Стивена Харпера. Я писал в кровати, в самолёте, в поезде, в библиотеке, за рулем автомобиля, в телефонной будке и даже под душем. Я довёл себя до морального истощения, не досыпал, не доедал, похудел – но книгу я написал! Для кого? И почему я вообще взялся за перо? Вразумительный ответ на этот вопрос у меня один: чтобы переложить ответственность за свои ошибки и поступки на ваши плечи. (Ведь обвиняя других в своих неудачах, – легче жить.) Мне понадобилось для этого десять лет жизни, и насчёт шедевра этого произведения судить тоже вам, дорогие читатели.

Мой друг Павел, видеооператор иностранных корпунктов, прочитав рукопись первой части, позвонил мне из Москвы в Торонто и задал обескураживающий вопрос: «Ты ещё собираешься возвращаться в Россию?» – «Разумеется, собираюсь!» – оскорбился я. И добавил: «Я же не Салман Рушди, приговоренный на родине к смертной

казни за роман». – «Тогда измени фамилии героев своей книги! – настоятельно посоветовал друг. – Иначе тебя ждет судьба Салмана Рушди». Но я, несмотря на это предупреждение, отказался. Отказался по нескольким причинам. Во-первых, страна должна знать своих героев, скрывать это – недостойно автора. Во-вторых, не хочу нарушать художественность формы. В-третьих, это уже не люди, не физические личности, а литературные персонажи. И в конце концов, каждый настоящий автор стремится обессмертить своих героев. Надеюсь, прототипы героев моего произведения будут необычайно благодарны за мой бескорыстный титанический труд. А если нет, то я напомню им слова Антона Павловича Чехова, который сказал: «Вся наша жизнь – сюжет для небольшого рассказа». А за то, что вместо короткого рассказа я навязываю вам, читатели, автобиографический роман, прошу меня простить великодушно и не судить. Для вас только лишние хлопоты, для меня – скандальная популярность. Вам это надо? Поверьте на слово, я не стремился нанести вреда вашему душевному здоровью и психике. Живите с миром и берегите себя. Жизнь коротка, так что не занимайтесь пустым неблагодарным делом. Лучший судья своим поступкам – я сам.

И последнее. В тексте встречаются нецензурные выражения. Я в этом не виноват, даже пытался бороться с ненормативной лексикой, сокращал и заменял эвфемизмами. Но бороться с великим, могучим, правдивым и свободным русским языком – безрассудство. Имейте это в виду.

– Что, по-вашему, самое большое счастье?
– Жить в нашей стране.
– А самое больше несчастье?
– Самое большое несчастье – это иметь такое счастье.

Старый еврейский анекдот

ПРОЛОГ

В Администрацию Президента
Российской Федерации,
Президенту РФ Путину В. В.
от Семёнова Анатолия Юрьевича,
гражданина Канады, паспорт
№ BA 700124, выдан 16.11.2006
посольством Канады в г. Москве.

Уважаемый господин Президент, Путин В. В.,

я, Анатолий Семёнов, бывший гражданин СССР, а ныне гражданин Канады, нахожусь в России с 2000 года по приглашению МИД, работая видеооператором в иностранных корпунктах в г. Москве. По причине болезни я просрочил свою визу M–VI № 0389543, которая истекла в апреле 2005 года. Имея просроченную визу, я не могу выехать за пределы РФ для того, чтобы получить новую российскую визу.

Я неоднократно обращался в соответствующие органы (УВИР, МИД, ФМС) с просьбой о выдаче выездной визы, но вопрос до настоящего времени остается не решённым. Начальник УВИР г. Москвы (ул. Покровка, д. 42) утверждает, что мой вопрос может быть решён только в судебном порядке, путем выдворения (депортации) меня из России.

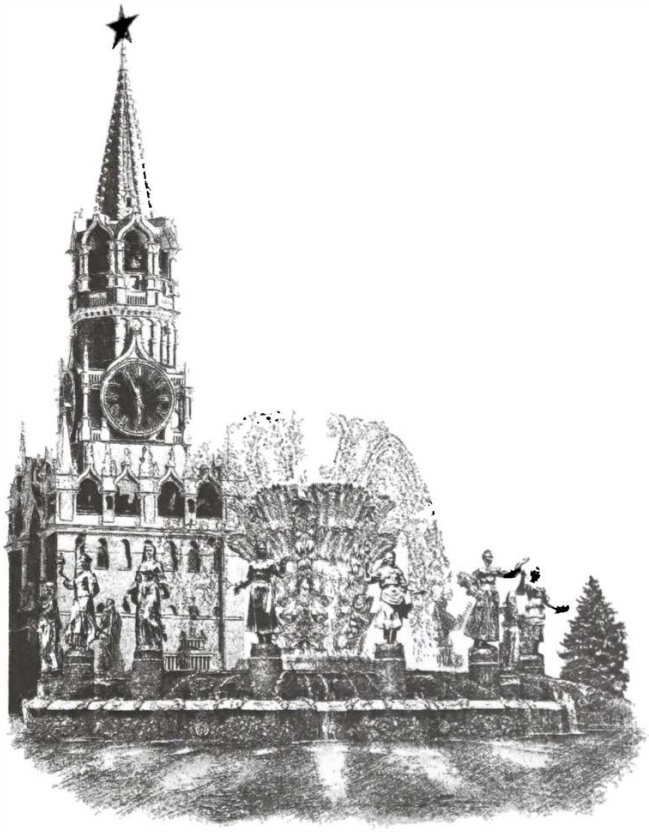
За время моего нахождения в г. Москве с 2000 года по настоящее время у меня появилась семья. В январе 2003 года у меня родилась дочь, что подтверждает Свидетельство о рождении. Но официальный брак с гражданкой России я не могу зарегистрировать

в ЗАГСе, поскольку для этого мне требуется действительная российская виза.

Уважаемый господин Президент, я полностью осознаю, что, просрочив свою визу, совершил административное правонарушение. Убедительно прошу Вас, принимая во внимание наличие у меня семьи в Москве, не депортировать меня из России и дать разрешение на выдачу выездной визы.

С уважением, Анатолий Семёнов.
15 января 2007 года

МОСКВА

Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!

А. С. Пушкин

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС

Эту историю невозможно представить без подполковника Шпаковского Владимира Владимировича, заместителя начальника Отдела регистрации и учёта иностранных граждан Управления Федеральной миграционной службы по городу Москве, подтянутого, симпатичного мужчины средних лет. Уже при нашей первой встрече я догадался, что имею дело с незаурядной личностью. Небрежно вертя в руках мою просроченную визу, господин Шпаковский с напором в голосе поинтересовался:

– А где вы были всё это время и чем вообще занимались?

Этот странный вопрос был задан на лестничной площадке, у двери кабинета заместителя начальника ФМС. Похоже, чувство такта у него отсутствовало. Господин Шпаковский даже не догадывался, что спрашивает об интимном, нарушая мое *privacy* – право на неприкосновенность частной жизни. Что оставалось делать в такой ситуации? Как было реагировать? Пришлось сознаться: был в России. Но так как наш разговор происходил при посторонних, я не решился добавить, что занимался повышением рождаемости в стране. Во всяком случае, мне удалось внести свою лепту: у меня родилась умная и красивая дочь. Сам Президент России это отметил, официально сообщив по телевидению: «Заметен рост рождаемости в России», – и пообещал согражданам за второго ребёнка двести пятьдесят тысяч рублей. Слов нет, сумма ощутимая, и мы с женой поначалу даже соблазнились, но, хорошо подумав, решили не торопить события. Я – лицо нелегальное, а в России рожать от нелегала – безрассудство, потому как власти не признают законным браком гражданские отношения. И начнутся

долгие хождения по мукам, в процессе чего всплывут нежелательные факты и подробности. Хотите доказательств? Я их вам предъявлю.

Оформляя российское гражданство нашей дочери, в паспортном столе ответственное лицо в служебной форме заявило: «Отцу необходимо представить справку из посольства, что ребёнок не имеет канадского гражданства». Это, конечно, абсурд: нет такой необходимости, как нет и постановления на этот счёт. Но если дело касается российского гражданства – тут на всё можно решиться. За российское гражданство не то что последние деньги, жизнь отдают. Я был тому свидетелем – и даже сам был готов принести себя в жертву! Но жена посоветовала не совершать провокаций в канадском посольстве – неизвестно, чем всё закончится.

Вкладыш, удостоверяющий российское гражданство дочки, мы всё-таки получили. Это оказалось поразительно просто. Я потом долго недоумевал, как это произошло. Простая удача или игра случая? Случайное торжество справедливости или триумфальная победа российского федерального конституционного закона? Но всё оказалось прозаичнее: ответственное лицо продвинули по карьерной лестнице, и наши документы попали на рассмотрение к молодому, ещё не обремененному опытом сотруднику, и тот, ещё не ведая про служебные тонкости и удобство своего положения, выдал нам документ, удостоверяющий личность и гражданство нашей дочери, без извлечения личной выгоды.

Итак, после посещения жёлтого здания на Покровке и увлекательного общения с подполковником Шпаковским я сидел дома и, опасаясь погрузиться в затяжную депрессию, обдумывал план дальнейших действий. Что мы имеем? Первое: все мои действия бесполезны. Всюду отказ. Тупик. Второе: угнетение сознания и духа. Короче, полный набор неудачника. Я когда-то занимался в шахматной секции при городском Доме офицеров. Так

вот, в шахматах есть положение, когда любой ход только ухудшает ситуацию. Называется цугцванг. Примерно в таком положении я и находился.

В это время и позвонил неожиданно Павел – как с неба свалился. Тот самый, который советовал изменить фамилии героев этой книги и выяснял, собираюсь ли я возвращаться в Россию. Павел раньше работал оператором в московском корпункте государственного норвежского телеканала NRK. Мы с ним познакомились в Чечне ещё в 2000 году, когда вместе работали в общей группе аккредитованных иностранных журналистов, которые освещали действия российских военных в Грозном. Аккредитацию на эту поездку выдавал лично Ястржембский, тогдашний руководитель Информационного управления Администрации президента, контролировавшей поступление информации из Чечни. Пластиковая карточка хранится у меня до сих пор. Павел успешно работал под руководством Ханса-Вильгельма Стейнфельда, шефа-корреспондента норвежского корпункта, «очерняя российскую действительность», как и другие иностранные СМИ в России, пока неожиданно для всех Ханс его не уволил. Что касается Ханса, он заслуживает особого внимания.

Известный как в России, так и в Европе неординарный норвежский телекорреспондент, автор многих популярных книг, статей и радиопрограмм о России, Ханс-Вильгельм Стейнфельд был близко знаком с Михаилом Горбачёвым. Именно он первый из иностранных журналистов взял знаменитое телеинтервью у президента СССР сразу после того, как Горбачёв в 1991 году сложил с себя полномочия; это интервью транслировали все мировые телекомпании.

В общем, после возвращения Павла из Чечни Ханс его уволил. Мой друг оказался в подвешенном состоянии. Павел всё чаще стал задумываться о возвращении к родным пенатам в Мурманск. Но в родном городе ловить

ему было нечего. Я предполагаю, что Ханс-Вильгельм остался недоволен работой своего оператора, который без должного рвения очернял российскую действительность в Чечне, не настолько усердно, как сам Стейнфельд, настоящий талант в этом деле. Но угнаться за истинным профессионалом невозможно: российские реалии Ханс представлял в неблаговидном свете с особенным воодушевлением и мастерством – в этом ему не было равных.

Когда в декабре 2000 года мне предложили должность в корпункте голландского телеканала NOS, – я у них уже прошёл собеседование и отрабатывал последний месяц у финнов – я вспомнил про безработного Павла и порекомендовал своему финскому шефу-корреспонденту Мартти Хосиа рассмотреть его кандидатуру мне на замену. Мартти уже был знаком с Павлом по работе иностранных тележурналистов в Чечне. Так что его приняли в финский корпункт, причём с повышенной зарплатой. (Мне почему-то Мартти повышать зарплату отказался.)

И вот Павел позвонил и спросил:

– Чем занимаешься?

– Цветы поливаю, – ответил я. – Что ещё остаётся делать?

– Ты серьёзно? – усомнился Павел.

– Конечно. Они же засохнут.

– Записывай телефон...

– Какой телефон? – переспросил я. И поинтересовался: – Ты куда пропал? – В последнее время я радовался всему, что отвлекало от мрачных мыслей.

– В норвежском корпункте освобождается место, – сообщил Павел хорошую новость.

– А Ханс? – Со Стейнфельдом, непредсказуемым, импульсивным журналистом, я не горел желанием связываться.

– Ханс в Норвегии. Контракт закончился. Приехал новый шеф бюро – Арне.

– Такой же мудило? – усмехнулся я.

– Не думаю… – проговорил Павел. – Ханс один на всю Норвегию.

– Ханс скоро вернётся, – заметил я с уверенностью.

– С чего ты взял?

– Он там долго не выдержит. Его только негатив привлекает. Особенно российский.

– Ну да, – согласился Павел. – Подобных ему типов сюда тянет, как мух – на навозную кучу, – философски прибавил он и сказал: – Чего им у себя не хватает?

– Духовности, о которой ты мне постоянно рассказывал. Крис даже женился на балерине из Пскова и купил квартиру на Академика Королёва…

– Потом расскажешь! – перебил меня Павел и настойчиво произнёс: – Звони норвежцам, пока они другого не взяли. Ты же не один в Москве оператор с английским.

Здесь я с ним был согласен: хороших операторов в Москве со знанием английского найти можно. Может, не с таким хорошим английским как у меня, но для оператора это не принципиально.

Я записал номер и в тот же день созвонился с новым шефом бюро. Разговор получился коротким и деловым, и это меня сразу порадовало. Арне предложил встретиться. Нравится мне работать с иностранными корреспондентами. Не в пример российским они не задают лишних вопросов, чётко знают чего хотят, без долгих предисловий назначают встречу и талантливо очерняют российскую действительность. Хотя были редкие случаи, когда и приукрашивали.

Изюминка состояла в том, что работа в иностранном корпункте была для меня единственным шансом легализоваться в России без долгого, мучительного и унизительного процесса депортации. Я всё ещё надеялся уладить проблему со своей просроченной визой наименее болезненным для себя способом. Иностранный корпункт

обладает правом обратиться в Министерство иностранных дел с просьбой о выдаче визы и аккредитации для своего сотрудника. Это был для меня реальный выход из цугцвангового положения, надежда, подаренная мне Павлом. Я мог бы снова официально работать, свободно передвигаться по столице и за её пределами, вести обычную, привычную жизнь – и даже мог зарегистрировать в ЗАГСе отношения с гражданской женой, хотя с этим как раз не спешил.

На следующий день, окрылённый и счастливый, я отправился на собеседование. В метро, как уже неоднократно случалось, меня остановил сержант милиции и потребовал предъявить документы. Я к этому почти привык: «интерфейс» у меня не славянский. Но проблема заключалась не во мне, а в моей просроченной визе. Предстояло откупиться. Так поступают все приезжие, у кого с документами непорядок. И на такой случай я всегда держал в кармане пятьсот рублей.

Я протянул милиционеру паспорт с оттиснутым золотом канадским гербом на синей обложке.

– Вы из Канады? – заинтересованно произнёс страж общественного порядка, увидев обложку моего паспорта.

– Из Канады, – подтвердил я.

– Как там жизнь? – полюбопытствовал он с оживлением.

– Как в сказке.

– А здесь вы чего?..

– Работаю.

– В Канаде тоскливо? – улыбнулся сержант.

– Ага. Зато в России весело.

– Так всегда. Загадочная русская душа. Иностранцам здесь нравится… А берёзы в Канаде есть?

Вопрос застал меня врасплох – настолько он не вязался с ситуацией. Сержант милиции в метро спрашивает нарушителя визового режима, есть ли берёзы в Канаде. Помнил я одно четверостишие в тему:

Над Канадой небо синее,
Меж берёз дожди косые.
Хоть похоже на Россию,
Только всё же не Россия.

Но я его воспроизвёл мысленно, а сержант тем временем продолжил меня удивлять:

– Мой друг уволился из милиции и в Канаду эмигрировал.

– Как ему удалось? – искренне удивился я.

– Женился на еврейке, и... мама не печалься, папа не горюй... Здесь ловить нечего, – с грустью заключил он.

– Может, и вам тоже того... в Канаду? – предложил я симпатичному милиционеру.

– Какая Канада? Я на русской женат. И Родину свою люблю, – без улыбки ответил он, возвращая мне паспорт.

Я взял документ и спрятал в карман. Пятьсот рублей не доставал. Негоже было оскорблять патриотические чувства сержанта своими непотребными деньгами, он такого не заслужил.

У перрона встал поезд, раскрылись двери. Из вагонов высыпали пассажиры. Мы с сержантом тепло попрощались. В наше время нечасто встретишь стража порядка, бескорыстно служащего высоким идеалам. Душевного – тем более. Мне в тот день впервые попался душевный милиционер. Выпал редкий случай. А в советское время положительные люди были нашими маяками, про них писали в газетах и сочиняли песни. Милиционер дядя Стёпа вызывал уважение всех – от мала до велика. Наши герои были честными, с добрыми идеалами, о таких сегодня лишь изредка публикуют скупые заметки, да и те вызывают скорее недоумение. Другое время, другие ценности...

Ехал около часа; норвежский корпункт находился в самом конце Ленинского проспекта, в новом высотном здании, которым заведовало УпДК – Управление

по обслуживанию дипломатического корпуса. Вагоны, по обыкновению, были заполнены нервными пассажирами. Под землёй, куда не проникают солнечные лучи, острее проявляется авитаминоз. Я обратил внимание на молодую беременную женщину, стоявшую рядом. Её округлый живот говорил о большом сроке. Вряд ли я придал бы этому значение, если бы напротив беременной женщины не сидели три молодца, красавцы как на подбор. Контраст оказался вызывающим. Один, в поисках умных мыслей, читал газету. Двое других глядели в пространство.

Первое в жизни серьёзное потрясение я испытал в пятом классе. Михаил Павлович Мадатов, требовательный преподаватель музыки, поставил весь класс перед неприятным фактом, сообщив: «Человек – социальное животное. Это ещё Аристотель сказал. В нас много животных инстинктов. Так что помните об этом, когда на мой урок приходите». Мы, конечно, уже были знакомы с теорией эволюции Дарвина, но лишь в общих чертах – не до такой степени! И почему учитель пения на уроке музыки сообщил нам о животной природе человека? Может, ему не нравилось, как мы поём?.. Это откровение оказалось настолько огорчительным для советских пионеров, что многие поделились новостью с родителями, и те наконец узнали, чему нас обучали на уроках музыки. Скандала не было, но преподаватель ботаники и биологии, полная с усиками женщина, имела с Михаилом Палычем продолжительную беседу.

И вот в метро я воочию видел социальное зверьё, не скрывающее свои животные инстинкты.

Мой бывший шеф с телеканала «Russia Today», Алексей Дементьев, у которого на дверях кабинета висела красноречивая табличка «Вазелин надо ещё заслужить», укоризненно однажды заметил: «Толя, у тебя обострённое чувство справедливости». На подобные заявления люди реагируют по-разному. Лично я, услышав такое

от своего шефа, смутился и растерялся. О некоторых собственных недостатках мне известно – об этом при каждом удобном случае мне напоминает жена. (У кого нет недостатков, пусть первый бросит в меня камень!) Но чтобы непосредственный начальник завёл об этом разговор, – с таким я столкнулся впервые. Спасибо, уважаемый Алексей Викторович, что избавили от искаженного восприятия окружающей действительности и помогли прозреть. Моя тонкая впечатлительная натура стремится помочь всем униженным и оскорблённым. Меня возмущает вселенская несправедливость и несовершенство мироустройства.

Как-то на очередном общем собрании нашего отдела я имел наглость высказаться о неподобающем поведении корреспондентки, с которой работал в командировке, – рассказал о злодействах и интригах мадмуазели с южной внешностью. В результате моя популярность среди коллег по цеху резко выросла. Но моя выходка пришлась не по нраву Дементьеву, отвечавшему за распределение вазелина для подчинённых сотрудников. Надеюсь, читатель понимает, для чего я об этом упоминаю: чтобы не возникло сомнений по поводу моей гипертрофированной восприимчивости. Я чистосердечно признаюсь: моё обострённое чувство справедливости – как высоковольтные провода, такого же высокого напряжения. Не влезай! Убьёт!

И вот я со своим оголённым, как провода, восприятием в переполненном вагоне напротив молодых красавцев. Всё тогда закончилось хорошо и для меня, и для беременной женщины. Добры молодцы уступили ей место. Причём встали все трое. Обострённое чувство было удовлетворено и высоким напряжением никого не убило. Дементьев, несомненно, прав, но меня удивляет другое: почему я сам об этом никогда раньше не задумывался? Задачка, как говорится, с двумя неизвестными. Хотя почему с двумя? С одним хорошо известным

дивергенциальным членом, который, как известно, не отбрасывается. У меня же на лице написано: дивергенциальный член. И всем это видно. Ладно. Это сложная теория…

Новый шеф-корреспондент московского корпункта норвежского телеканала встретил меня приветливо. Арне оказался мужчина подтянутый, среднего роста и возраста, с открытым добрым лицом и высоким лбом. Одним словом, приятной наружности интеллигентный человек. Как и многие иностранные корреспонденты, работающие в России, он говорил по-русски с незначительным акцентом. Зато речь его была чистой и грамотной, без примеси инородных слов, – видимо, Арне был в университете отличником.

Собеседование длилось не более десяти минут. Тот же финский корпункт, например, неделю вынудил меня томиться в ожидании ответа.

– А как насчёт командировок? – заканчивая интервью, поинтересовался Арне.

Это был ожидаемый вопрос, но к тому времени я уже терялся, не знал, честно на него отвечать или лгать.

Я не люблю командировки! Там приходится много работать, преодолевая стресс и напряжение. А я от этого устал. В командировках, как и в горах, проявляются настоящие личностные качества и подлинный характер напарника. И мне приходилось уже не раз попадать в неприятные ситуации.

Нередко в командировках происходят любопытные случаи. Вот где источник забавных историй и компромиссов. Всё зависит от степени алкогольного опьянения съёмочной группы. Лично я не пью и потому интересного рассказать о себе могу немного. Зато о коллегах поведаю с большим удовольствием. И пусть они на меня зла не держат. Как гласит русская пословица, мало ли что было, да быльем поросло.

С одним молодым оператором с RT, где я некоторое время добросовестно пятнал свою и без того запятнанную репутацию, приключилось загадочное происшествие. Нет, его не похитили пришельцы, хотя и такое не исключено. Всё было гораздо прозаичнее. Бывший мой сослуживец спустил в воду двадцать тысяч долларов. Вы спросите как? Да легко. Но сделал он это неумышленно. За это можно ручаться. Из рук оператора непроизвольно выскользнула дорогостоящая телевизионная камера в чистое с прозрачной водой озеро. Съёмочная группа к тому времени уже неделю трудилась над сложным сюжетом о природе богатого цветными металлами Красноярского края. Сказывались усталость, недосыпание, недоедание – все прелести тяжёлой бесполезной телевизионной работы. Оператор, сидя в лодке, сосредоточился на лазурной глади и на потерю камеры отреагировал с запозданием. Хотя корреспондент, продюсер и даже ассистент в один голос впоследствии утверждали, что коллега был трезв. И так и могло быть в действительности. Но телевизионная видеокамера, извините, не мешок картошки. Стоит такая вещица – как новый автомобиль, и если каждый оператор с «Russia Today» (а их там не двадцать и даже не сорок энергичных молодцов, а намного больше) хоть раз позволит себе упустить в воду кремлёвское имущество, вы представляете что будет? Нет, канал от этого не обеднеет, и его не закроют. RT финансируется из федерального бюджета, и президент не допустит прекращения его работы. Разве что руководству единственного в России канала, вещающего на Европу, Азию, Северную и Латинскую Америки на английском, арабском и испанском языках[1], придётся отказаться от служебных «Мерседесов» и «Ауди» и пересесть на более скромные автомобили. Но на «Киа Рио» и «Хонда Сивик» их к Кремлю и близко не подпустят. Дешёвого юмора там не поймут.

[1] А теперь ещё и на русском. – *Здесь и далее примечания автора.*

Возникнет вопрос: «Где деньги?» Ведь тут дело касается международного престижа страны и канала, который команда западных специалистов поднимала не один год.

В далеком счастливом детстве меня учили, что горькая правда лучше сладкой лжи. Уверяли, что честным надо быть до конца. Такому могут учить только в детстве. Повзрослев, мы не можем позволить себе эту роскошь. Правда идёт во вред. Люди не всегда хотят её слышать и не всегда к ней готовы. Но сейчас, ненадолго вернувшись в детство, я постараюсь быть честным. Это будет не смешно, уж не обессудьте.

Я не в восторге от своей работы. Телевидение XXI века – это сливной бачок, извергающий на телезрителей поток зловонной лжи. Нескончаемый поток грязи, как вредный микроб, безжалостно проникающий в незащищённое от вируса сознание, калечит психику доверчивых людей. Телевидение – это поработитель и зло современного общества, наносящее непоправимый вред душевному здоровью и спокойствию людей. От плазменных телеэкранов сегодня невозможно скрыться. Они находятся в каждой квартире, в офисах, машинах, самолётах. Эти ловушки поджидают нас повсюду. Мы сами для себя их расставили. Пошлость, ложь, гламур, лицемерие, агрессия, насилие двадцать четыре часа в сутки извергаются на нас. Понятия о добре и зле искажены. Цель владельцев телеканалов, магнатов, олигархов и политиков – унижение человеческого достоинства. И справляются они со своей задачей великолепно, воплощая в жизнь хорошо известный принцип: «Дайте мне средства массовой информации, и я из любого народа сделаю стадо свиней». Чтобы освободиться от этого рабства, телевидение надо запретить. А кто не в состоянии без него прожить, того направить на принудительное лечение, как курильщиков и наркоманов. Я, например, не смотрю телевизор уже несколько лет и семье своей не разрешаю.

Эту сермяжную правду рассказать Арне? Вряд ли она придётся ему по вкусу. И вряд ли после этого откровения он возьмёт меня на работу. Я даже знаю, что он мне ответит. Что западное телевидение отличается от российского. Что в европейских странах государство не вмешивается в работу журналистов. Что западные программы качественнее. Возможно, так. Не спорю. Мне неоднократно приходилось это слышать. Но Арне не скажет, что телевидение – инструмент управления сознанием, орудие распространения заказной и лживой информации. Допускаю, может, он об этом не догадывается. Я сам не сразу прозрел и открыл для себя эту правду. Потребовались годы работы в этой сфере, чтобы понять, а потом ещё работа над собой. Встречаются, конечно, честные журналисты, но, к большому сожалению, срок их жизни недолгий. В России честных устраняют, и неважно, где они трудятся: на телевидении, в газете или на радио. Дмитрий Холодов, Анна Политковская, Михаил Бекетов… Скорбный список можно продолжить. Это у них, там, в заманчивых европейских странах честных журналистов просто увольняют, а в России о них остаётся светлая память, иногда непродолжительная. Вот чем отличается российское телевидение от западного. «Пора не пора – открываю глаза. Кто не спрятался – я не виноват», – так охарактеризовал Ханс-Вильгельм Стейнфельд работу честных журналистов.

Кстати, видеокамеру из озера вытащили, руководству RT не пришлось пересаживаться на дешёвые автомобили.

Вернёмся в корпункт норвежского телеканала на Ленинском проспекте.

– Так как насчёт командировок? – деликатно повторил Арне.

– Полный порядок, – нагло соврал я. – Я в командировках лучше работаю.

Арне подозрительно взглянул мне в глаза. Кажется, я перегнул. Не всегда, конечно, но я действительно в командировках лучше работаю. При больших нагрузках и нехватке времени мой организм мобилизуется и начинает функционировать в усиленном режиме. Правда, недолгое время. Как-то снимали с Лией Фергюссон в Праге сюжет в публичном доме... Стоп! Сейчас не возбуждаться!

– Командировки у нас нечасто. Примерно раз в месяц, – охладил меня Арне.

Я удовлетворенно кивнул. Значит, не придётся топить в озере камеру или танцевать стриптиз перед корреспонденткой.

Выдержав короткую паузу, Арне наконец заключил:

– О'кей, ты принят. Поговорим о зарплате.

«Железная птичка снесла яичко! – обрадовался я. – И чего было кота за хвост тянуть».

– Обычно мы платим две тысячи долларов, но, учитывая твой большой experience[2], мы будем платить тебе две с половиной. Через год – повышение. Идёт? – Арне выжидающе посмотрел на меня.

Две вещи способны возбуждать мою примитивную мужскую фантазию, а именно: внушительный гордый женский бюст и большая зарплата. Моя, конечно, зарплата, не чужая.

– Идёт, – воодушевляясь, ответил я.

Арне на секунду задумался.

– О'кей, я поговорю с руководством.

– То есть это ещё неточно? – забеспокоился я.

– Думаю, они согласятся... – успокоительно проговорил он.

А вдруг мой *experience* останется недооценённым его руководством? Знали бы они, как я с финнами в Афганистане неделю под стрессом находился... Бегали

---

[2] Опыт. – *Англ.*

в горах по пыльным окопам, искали Усаму бен Ладена, надеясь взять у него эксклюзивное интервью. Уже один этот факт заслуживает восхищения. Разве нет? Наш водитель, молодой афганец, пел нам афганские народные песни и всё порывался подарить мне антикварный одеколон «Красная Москва», очевидно, приняв меня за своего. Разве за эти моральные страдания я не достоин уважения и лучшей жизни?..

– К работе приступаешь с завтрашнего дня, – прибавил Арне, отвлекая меня от воспоминаний. – Принеси с собой ксерокопию паспорта, визу и четыре фотографии на матовой бумаге. Мы отправим ходатайство в МИД, через две недели получишь аккредитацию и визу.

– Всё ясно. Будет сделано, – кивнул я, ликуя в душе.

– Да, кстати, как твой английский? – встрепенулся вдруг Арне.

– Хорошо! – с готовностью ответил я. – Не сомневайся.

Но Арне всё-таки усомнился. И неожиданно переключился на английский:

– For how long have you lived in Canada and do you have plans to go back? Please keep in mind that we need a person, who will stay with us for at least two-three years[3]. – Говорил норвежец легко и непринуждённо. Слова струились, как прозрачная родниковая вода.

– I understand[4],– коротко ответил я. Краткость – сестра таланта. Чехов так сказал. И неважно, к чему это относилось. Краткость – во всём сестра таланта.

– Хорошо, – удовлетворенно кивнул Арне. – Вопросы?

– NRK – это государственный или частный канал?

---

[3] Как долго ты жил в Канаде, и когда собираешься возвращаться обратно? Нам требуется человек, который будет работать у нас как минимум два-три года. – *Англ.*

[4] Я понимаю. – *Англ.*

Мне было хорошо известно, что NRK – государственный телеканал, об этом сказал Павел. Но требовалось спросить что-то для приличия. В зарубежных компаниях так принято. Если не проявляешь интереса к компании – значит, ты человек случайный и кроме зарплаты тебя ничего не волнует. Хотя в действительности так и было. Меня, кроме зарплаты, уже ничего не интересовало, даже скажу точнее: виза заботила меня намного больше, чем зарплата.

– Государственный, – односложно ответил Арне.

Замечательно! Итак, я буду работать на государственный норвежский телеканал. На финский и шведский работал. И на голландский NOS. И даже отметился на немецком ARD и французском TF1. «BBC News» вообще отличились – заплатили мне двести пятьдесят долларов за десятиминутную съёмку ЮКОСа. Сотрудничал я и с другими иностранными корпунктами, но не стоит обо всём вспоминать. Память – непредсказуемая вещь. Всякое было в жизни, и незачем глубоко влезать в тёмные дебри прошлого. Главное, что я смогу решить свои личные проблемы.

Аллилуйя! Или нет, в моём случае так: «Мазль тов!»[5] Сбылось.

Как всё-таки приятно иметь дело с иностранцами. Всё кратко, чётко и предельно ясно. Важно, что теперь я получу визу, и меня не депортируют из России. День Страшного суда отменяется! Выдворения не будет! Благодаря Павлу я избежал суровой кары российского закона.

На следующее утро, основательнее ощущая под ногами землю, я в приподнятом настроении вошёл в офис норвежского корпункта. Деловито прошёлся по всем комнатам, осмотрел видеокамеру, монтажный компьютер, на котором мне предстоит монтировать негативные

[5] Поздравляю! – *Иврит.*

видеосюжеты о России. К этому мне не привыкать. Я таких сюжетов не одну сотню смонтировал для западных телеканалов.

Арне тоже был в благостном расположении духа. Он в моем лице, не потеряв кучу драгоценного времени на поиски, заполучил профессионала, который к тому же хорошо владеет английским. По крайней мере, так он считал. Арне любезно предложил мне чаю. Я отказался – от счастья всё внутри вибрировало настолько, что чашку я бы вряд ли удержал. Но наша общая радость продлилась недолго. Просмотрев копию моей визы, Арне медленно приподнял голову. На его худом и умном лице одновременно отражались недоумение и замешательство.

– Ты что?.. – Он осекся, потом продолжил: – Ты два года живёшь в Москве без визы?! – На меня смотрели ошалелые глаза Арне.

– Как же без визы? Вот виза, – ответил я, не представляя масштаба неотвратимой трагедии.

– Эта виза истекла два с половиной года назад… – ещё более поражаясь, выговорил Арне.

– Я собираюсь новую получать…

– Вера, зайди сюда! – крикнул Арне в открытую дверь, проигнорировав мой ответ.

Тревожное чувство охватило меня до последнего органа. Я ощутил дискомфорт, покалывания в нижней части тела.

В комнату вошла немолодая женщина в строгом чёрном костюме – секретарь или, может, офис-менеджер. Вера вопросительно и деловито взглянула на меня. Она была уверенная и спокойная.

– У тебя были проблемы с милицией? – Норвежский акцент Арне стал более заметным.

– Нет, не было, – сказал я, пытаясь сохранить спокойствие.

Арне с Верой удивленно переглянулись, и он печально вздохнул.

– Значит, у тебя большое будущее, – грустно предрёк он мне.

Вера посмотрела мне в глаза, утвердительно кивнула и добавила:

– И не очень светлое…

Я хотел было возразить, но Арне меня опередил:

– Ты до сих пор не понял, что это за страна?

– Смотря что ты имеешь в виду. – Я не мог сообразить, к чему он ведет. Видимо, от волнения и беспокойства мозги уподоблялись силикону, что слабый пол имплантирует себе в грудь.

– Россия – это не матрёшки, водка и чёрная икра.

«Ничего себе, сказанул! – поразился я. – Вроде банальность, штамп, а как хлёстко звучит!»

Меня всегда интересовало суждение иностранцев о России. Я их мнения коллекционирую, записываю в блокнот. Был не самый подходящий момент, но я не удержался.

– Объясни.

– Это феодальное государство с кремлёвскими опричниками и рублёвскими князьками. Здесь всё находятся в вассальной зависимости от чиновников и силовиков.

От такой меткой оценки текущей исторической ситуации у меня отпала челюсть. За долгое время работы с иностранцами я разное слышал, но подобное высказывание – впервые. Помню, шеф-корреспондент голландского корпункта сказал мне: «Услужливость и страх перед чиновником у русских в крови». Согласен. Тяжёлое наследие крепостного права царского режима. Шеф-корреспондент финского канала сказал: «Западная Сибирь, где живут финно-угорские народы, должна принадлежать Финляндии». И это допускаю. Границ скоро не будет. Мир станет единым – глобализация! Корреспондент германского канала сказал: «Байкал – всемирное достояние, которое должно принадлежать всем. Не только

России». И это я допускаю – об этом уже давно ведутся разговоры, но всё это по сравнению со словами Арне было тускло и бледно.

Феодальный строй, князья, опричники... Как же он не боится? Мне понятно, что он человек с западным менталитетом. Непонятно другое. А если я платный осведомитель? Подосланный. Или пусть даже бесплатный, неважно. Похоже, я не представляю для него опасности. Арне просёк это по моему потухшему взгляду.

Повисла гнетущая пауза.

Что касается феодального строя, то я об этом знал из истории средних веков. У меня в школе была хорошая учительница истории – Нина Михеевна. Ветеран Великой Отечественной войны. На фронте была санинструктором. Получила боевое ранение. Её любила и уважала вся школа. Нина Михеевна подробно рассказывала о феодальном строе, о крепостном праве. Она излагала материал интересно, увлекательно. Я помню её рассказ о хеттах, индоевропейском народе, обитавшем в центральной части Малой Азии, о царях хеттского царства Шуппилулиума III и Хаттусили. Оказывается, народы Кавказа являются потомками хеттов.

Ладно. Это сейчас неважно. Но Арне! Откуда в голове норвежского корреспондента взялись вассалы?

– К чему ты всё это? – Я надеялся избежать страшного удара, цеплялся за соломинку.

– Любой чиновник в России – князь. У них свои земельные владения, личная охрана, дороги, поселки, суды. Они выше закона. Здесь феодальный строй! Ты этого ещё не понял?

– Я думал, здесь демократия.

– Не думал не гадал, да в суп попал, – усмехнулся Арне.

Встречаются уникальные журналисты. Арне один из них. Как ему так быстро удалось разобраться в государственном устройстве России? И проникнуть

в анналы? Безусловно, он был лучший студент в университете. Анализирует не хуже опального журналиста и депутата Государственной Думы Юрия Щекочихина, у которого незадолго до его скоропостижной смерти я брал интервью для голландского телеканала и которого, по утверждениям западной прессы, отравили опричники. Ведь приехал Арне в Россию всего месяц назад, и уже такой прогресс. Впрочем, другого бы сюда не отправили. Расходы на содержание московского корпункта немалые, потому требуют от него интересных сюжетов. Надо бы предостеречь Арне: за подобное откровение, чего доброго, лишат аккредитации или, ещё хуже, отправят вслед за Щекочихиным или Литвиненко. Кто знает, что у опричников на уме. Способы у них разнообразные.

В 2006 году для канадского телевидения CTV я брал интервью у полковника КГБ в отставке Станислава Лекарева. Этот персональный пенсионер союзного значения с первого раза с расстояния двух метров легко забросил кусочек сахара в чашку, продемонстрировав свой профессиональный навык; у западных журналистов есть предположение, что с помощью такого приёма убийца мог полонием отравить в Лондоне Александра Литвиненко. Дома потом я пытался освоить это мастерство, раз за разом метая сахар в чашку, но полезным навыком так и не овладел. Лекареву на момент интервью было семьдесят два года, а мне – только сорок лет. В КГБ если научат – на всю жизнь останется. Вот потому и говорят: бывших кагэбэшников не бывает.

– Визу я получу, – неубедительно сказал я.

– Сколько лет ты в России? – спросил Арне.

– Скоро уже шесть...

– Более двух из них – нелегально! – заметила немногословная Вера.

Неужели это конец? Крушение всех надежд? Неужели снова на Покровку, к господину Шпаковскому

на поклон, демонстрировать ему свою вассальную зависимость? До этого я знал только о наркотической и алкогольной зависимости. В подростковые годы мне приходилось видеть, как в нашем бандитском дворе старшеклассники курили анашу, а взрослые кололись в подъездах; я видел, как в металлических столовых ложках доводили до кипения белую жидкость и потом вкалывали её себе в вену. Слова «шприц», «морфий», «план» и «анаша»[6] я узнал намного раньше, чем слова «вассалы» и «феодалы». И вот теперь узнал о вассальной зависимости от чиновника.

– Тебя депортируют, – прервал мои воспоминания о счастливом детстве Арне.

Вера снова утвердительно кивнула. Я отметил: говорила она мало, но её короткие редкие фразы больно вонзались в сердце.

– Не депортируют, – возразил я. – У меня есть план. Я еду в Финляндию...

– Так... – иронично произнёс Арне.

– Сижу в гостинице, жду там приглашения – об этом я уже договорился. Потом иду в российское посольство, получаю новую визу и въезжаю в Россию... На всё не больше двух недель, – подытожил я с выразительным жестом.

– Ты читал «Зима тревоги нашей» Джона Стейнбека?

Странный вопрос Арне поставил меня в тупик. При чём тут тревоги Джона Стейнбека? Начитанный гусь попался. Хотя иностранные журналисты все такие.

– Не читал, – сознался я. – Но я читал «Над пропастью во ржи» Сэлинджера.

– Рекомендую, – посоветовал Арне.

Что за наставления по зарубежной литературе? Мне русская ближе. Да и зачем мне чужие тревоги, когда у меня своих достаточно? Нет. Джон Стейнбек

---

[6] Анаша, план – сленговые названия марихуаны.

не поможет. И Сэлинджер не поможет. Шпаковский! Вот кто повелитель моей судьбы! Обладатель таинственной власти надо мной. Хозяин моей биографии. Вот в чьих руках находится моя дальнейшая жизнь и судьба. Вот у чьих ног находится мое достоинство и гордость.

– Это ваши фантазии, – сказала Вера.

– Как это – фантазии? – опешил я.

– Так. Вас даже отсюда не выпустят.

– Почему не выпустят? Такого не может быть.

– В России ещё и не такое может быть.

Ну да, секретарю иностранного корпункта известны правила регистрации иностранных граждан. Она ежедневно с чиновниками имеет дело, не первый день в этой мутной жиже. Спорить бессмысленно: опытная, деловая информированная вумен (это я свой уровень английского демонстрирую). Её строгий чёрный костюм, проникновенный взгляд подтверждают мои догадки: этой даме хорошо известны правила постановки на учёт иностранных граждан.

Арне с Верой снова переглянулись. Испытывая ко мне отеческую жалость, Арне рассказал:

– В прошлом году здесь работал корреспондент из Осло. Заработался. Обо всём забыл. Просрочил свою визу всего на два дня. На два! Я его предупреждал: «Олав, давай паспорт, могут быть проблемы». Когда он опомнился – МИД отказал! Выездную визу не выдал. Олава отсюда не выпускали. Тут такой цирк был…

– Только без клоунов, – добавила Вера. – Мы руководству в Осло звонили...

«Чирлики-мирлики! Шаранды-баранды! Что от вас ушло, то к нам пришло!» Прямо «Сказка о потерянном времени». В тот период я её часто вспоминал. Время было безнадёжно упущено. Мозг, перегруженный информацией, перегрелся. Требовалось ненадолго отвлечься. Мысли стали куда-то уноситься против моей воли. Психика умеет защитить себя от подобных коллизий.

Значит, не видать мне этой должности в норвежском корпункте. Не видать зелёной бумажки с фотографией, благодаря которой я надеялся уладить все свои проблемы. А я уже размечтался с Мортеном Харкетом познакомиться, вокалистом любимой группы «a-ha». Норвегия – страна маленькая, Арне наверняка лично знаком с ним. У Мортена есть песня «Ready to Go Home»[7]. Всякий раз, когда её слушаю, она доводит меня до горьких слёз. В тот момент я был готов пролить горькие слёзы. Из-за обиды, сожаления, неудачи. За что мне эти танталовы муки? Чем же я прогневил древнегреческих богов? Точнее, древнееврейских.

На планете имеются аномальные зоны, например Курская магнитная аномалия. Для меня в тот момент норвежский корпункт на Ленинском проспекте стал магнитной аномалией, где силы притяжения также работали в обратном порядке. Я перестал чувствовать притяжение, меня оторвало от земли и понесло. Вспомнилось школьное стихотворение, которое учил сорок лет назад:

Если скажут слово «Родина»,
Сразу в памяти встает
Старый дом, в саду смородина,
Толстый тополь у ворот...[8]

Это стихотворение я торжественно читал у доски в школе. Нина Михайловна, моя учительница в начальных классах, поставила мне в дневник большую красную пятёрку, которой я долго гордился. Почему я вспомнил эти строчки? Произошёл отрыв сознания от тела. Расслоение. Мозг пребывал в невесомости, а на тело воздействовало земное притяжение. Утверждают,

---

[7] «Готов вернуться домой». – *Англ.*

[8] Начальная строфа стихотворения «Родина» Зинаиды Александровой.

что у человека задействовано около трёх процентов мозга. Другие говорят о четырёх. Какое-то время даже велись споры на эту тему. Мне кажется, мой мозг вообще не работает. Иногда думаю, его в черепной коробке просто нет. Не удивляйтесь, живут же люди без мозгов. Об одном любопытном случае писали. Прохожему упал на голову кирпич. Когда он пришёл в себя, родного языка вспомнить не мог, на хинди заговорил. Вот если бы и мне на голову упал кирпич, размечтался я, все проблемы враз бы решились. А лучше даже два кирпича. Я мог бы вспомнить, как мечтал стать диаконом. Тогда бы меня отправили в «жёлтый дом», бесплатно лечиться.

РОССИЯ – НЕ ПРОХОДНОЙ ДВОР!

Как раз я и нахожусь в жёлтом доме, трёхэтажном здании на Покровке, в кабинете замначальника ФМС. И это, к сожалению, не сумасшедший дом. Хотя моя крыша давно готова поехать.

– Господин Семёнов! – укоризненно обращается подполковник Шпаковский. – Россия вам не проходной двор! – В голосе отчетливо звенят угрожающе железные нотки.

С этих пугающих слов начинается наш с ним очередной волнующий разговор, словесный поединок. Я заискивающе вздыхаю, виновато поддакиваю и оправдываюсь, но мои душевные терзания Шпаковского совершенно не беспокоят. Он увлечен перевоспитанием и наказанием провинившегося типа. Догадываетесь кого? Конечно же, меня.

В кабинете подполковника Федеральной миграционной службы тесновато: он заставлен служебной мебелью, офисной техникой, повсюду толстые папки, на столе документы. Кабинет подполковника находится в трёхэтажном жёлтом здании, хорошо известном

иностранным гражданам в Москве. В будние дни, кроме среды (среда – неприёмный день), это здание кишит разношёрстным народом. Кого здесь только не увидишь: финны, немцы, французы, поляки, голландцы, кубинцы, арабы… Были даже замечены корреспонденты японского, корейского и китайского телеканалов. Здесь как на международном вокзале: покупаешь в окошке зелёный билет (за визу с наклеенной фотографией надо заплатить пошлину), расписываешься и выходишь. Если иностранцу необходимо получить визу, разрешение на временное проживание или вид на жительство – ему сюда, всё это производится в стенах жёлтого здания могущественными чиновниками ФМС. Здесь так же, как в моем случае, могут оказать и содействие в депортации. Но, похоже, я тут один такой неудачник. Других страдальцев здесь нет.

Шпаковский сидит за столом в сером штатском костюме, однако мне хорошо известно, что Владимир Владимирович состоит в чине подполковника Министерства внутренних дел.

Я пытаюсь разгадать значение слов, произнесённых подполковником, стою перед Шпаковским по струнке – не издавая вибраций, как туго зачехлённый инструмент. В моей голове беспорядок, мысли блуждают и не стыкуются. Зачем я тут нахожусь? Может, мне в соседнее здание? В соседнем здании драмтеатр. Туда я потом как-нибудь зайду. А сейчас именно здесь разыгрывается настоящая драма, и подполковник Шпаковский справляется со своей ролью блестяще. Главное – не мешать. Моя задача – поддержать мизансцену, и я виновато бормочу:

– Я знаю, Россия – не проходной двор. Я Россию люблю всем сердцем…

(И я говорил тогда правду!)

– Обращайтесь в суд. Там вам помогут, – цинично рекомендует Шпаковский.

– А может, как-нибудь по-другому решим? – намекаю я.

Но мой намёк растворяется в воздухе. Шпаковский не реагирует.

Я прожил в Москве около десяти лет, но взятки давать так и не научился. Отстал от жизни в мегаполисе. Наверное, достойных кандидатов не находилось. Не попадались достойные моей взятки. А ещё мой животный страх: ворвутся в кабинет блюстители закона, защелкнут на запястьях наручники и бросят в тёмные сырые помещения. И пропадёшь там. Я такие сюжеты по ящику видел. А я в него не то что смотрю, я этому ящику преданно служу – пособник дьявола.

И всё-таки на последние деньги я купил бутылку дорогого французского шампанского в изящной золотистой коробке. И вот выбираю, как мне кажется, удобный момент и, потупив взгляд, точно нерешительный школьник, ставлю бутылку на край заваленного бумагами стола.

– Что это? – встревоженно говорит Шпаковский.

– Французское шампанское. Очень хорошее, – спешу заверить подполковника.

– Уберите. – Шпаковский недоволен подношением. – Это для тех, у кого печень здоровая.

– А у вас, что, больная?

Подполковник молча морщится.

Значит, больная. А ведь не скажешь. Я колеблюсь, потом решаюсь и ставлю импортную бутылку на пол, к шкафу. Не уносить же с собой – неприлично! Хотя в моём положении не до приличий. Я бы унёс, но Новый год на носу.

– Отметите праздник с сотрудниками, – нерешительно рекомендую я, но тут же вспоминаю: шампанское для печени вредно.

– У вас всё? – реагирует Шпаковский.

Зря я всё-таки на бутылку последние деньги потратил. Надо было в конверте ему всучить. Похоже, шампанским здесь не обойтись.

– Меня депортируют?

Почему я об этом спросил? Ему всё ясно. Всё давно решено. Но ничего лучшего мне в голову не пришло.

– Представьте – да! – хмурится подполковник.

Шпаковский немногословен. Говорит строго по делу. Это издержки кадровой службы. Спрашивай что угодно, а выход из этого кабинета один – в суд!

– Но это же на пять лет, – всем своим видом и соответствующей интонацией пытаюсь я разжалобить строгого чиновника.

– А вы бы на месяц хотели? Внесите предложение, – острит Шпаковский.

Я оцениваю шутку, даже несмотря на то, что мне не до смеха. Юмор Шпаковского искромётен, как бенгальские огни в холодную новогоднюю ночь.

Все заранее подготовленные вопросы куда-то мигом проваливаются. Память отшибает начисто. Все слова забыты, молчу как рыба. Мама часто повторяла: молчание – золото. Она, несомненно, права. Надо молчать. Помолчу. Особенно сейчас. Пауза. Тайм-аут.

– Вы – гражданин Канады, – вдруг прерывает мои грустные мысли подполковник, – более двух лет находитесь в России незаконно, без визы! Это, вообще, как объяснить?

Нет, надо немедленно что-то ответить, иначе это может далеко зайти.

Наконец на меня снисходит озарение, и я спрашиваю:

– А где ваше милосердие? У меня здесь ребёнок родился… и жена… скоро в первый класс пойдет…

– Тем хуже для неё, – замечает Шпаковский.

– Будьте снисходительны.

Что же я несу?! Прости меня, Господи. Откуда во мне эта христианская покорность, это смирение? Шпаковский такого слова, может, никогда даже и не слышал. Оказалось, ещё как слышал.

– В суд обращайтесь! Наши судьи милосердны и снисходительны, – продолжает глумиться он.

– Я в России жить хочу. Я не хочу в Канаду…

– О Канаде забудьте! – вдруг сердится Шпаковский. – Кленового сиропа здесь нет!

Что это было с кленовым сиропом? Откуда он это взял? К чему упомянул? Не думай об этом! Лучше не думать, иначе можно совсем запутаться и потеряться. С кленовым сиропом едят блины и оладьи. А берёзовый сок вкуснее и полезнее. Я когда-то давно пил настоящий берёзовый сок. Я в весеннем лесу пил берёзовый сок…

– Я пытаюсь забыть, вы сами напоминаете.

– Бросьте! В девяносто первом вы бежали, только пятки сверкали. Возвращаться и не думали, – с осуждением упрекает меня Шпаковский. – Главное было – туда! За джинсами и райской жизнью...

– В девяносто первом все уезжали. Никто не думал возвращаться, – оправдываюсь я, но мои аргументы не убедительны.

– Вы настолько наивны, полагаете, нам ничего неизвестно? – постепенно расширяет тему подполковник.

Я вздрагиваю. Меня пробирает до шнурков, которых нет. Туфли со шнурками я не ношу – неудобно, но взгляд опускаю вниз, проверяю. Всё как обычно: туфли чистые и без шнурков.

– Не понимаю, о чём вы?

– Всё вы понимаете... – лукавит Шпаковский.

– Меня без визы на работу не берут, в ЗАГСе не регистрируют... Даже таджики в лучшем положении. Их в ЗАГСе расписывают…

– Семёнов, оставьте таджиков в покое. Нам известно больше, чем вы думаете, – многозначительно ухмыляется Шпаковский.

– Всё это лирика... – Я начинаю нервничать.

– И как вы канадское гражданство получили – это тоже лирика? Или детективная проза?

Меня передергивает, как затвор автомата Калашникова (впервые услышанный в армии звук, раздающийся при

передергивании затвора, мне запомнился на всю жизнь). Я чувствую болезненный спазм внизу живота. Тенезмы. Снова опускаю взгляд на туфли. Снова убеждаюсь: нет шнурков. Меня не раз спрашивали друзья и знакомые о моей эмиграции, но подполковник Федеральной миграционной службы – впервые, и от его вопросов я ощущаю большой дискомфорт. У Шпаковского на мой счёт совсем другой интерес, а именно суд и депортация. Цели у нас, надо признать, диаметрально противоположные.

– Обыкновенно получил, как все, – отвечаю.

– В том-то и дело, что не как все. В январе тысяча девятьсот девяносто первого года вы вылетели в Канаду по гостевому приглашению и попросили политическое убежище. – Шпаковский замолкает. – На каком основании? – чуть повышая тон, прибавляет он. – Вы что, академик Сахаров?

Ничего себе момент истины. Ну я в долгу тоже не остаюсь.

– Академик Сахаров политического убежища не получал. Он находился в ссылке в Горьком.

Шпаковский брезгливо кривится.

Понятно, как всегда, я сболтнул лишнего. Молчи, дурак! У тебя длинный язык.

– А в апреле тысяча девятьсот девяносто седьмого года вы принесли клятву английской королеве и получили канадское гражданство, – продолжает он излагать тёмную сторону моей биографии.

– Какой ещё королеве? – неосторожно усмехаюсь я.

– Английской! Елизавете Второй, – спокойно отвечает Шпаковский.

– Причём тут английская королева? – тушуюсь я.

Что происходит? Почему я слышу об английской королеве от подполковника МВД в здании ФМС?!

– В Канаде, господин Семёнов, конституционная монархия с парламентарной системой, – назидательно ликвидирует мою неосведомлённость Шпаковский.

Ну для чего мне эта информация? Что мне с ней делать? Мне сейчас виза нужна. Выездная. Визу мне дай! Но я смиренно молчу. Слушаю дальше. А что ещё мне остается?

– Канада входит в Ассоциацию независимых государств, признающую британского монарха в качестве символа свободного единения, – заканчивает Шпаковский лекцию.

Шпаковскому всё-таки удалось ввести меня в ступор. Видимо, подполковник обладал особым для этого даром.

Похожее состояние я пережил в горах Афганистана в 2001 году. Американские агрессоры вторглись в эту страну под предлогом уничтожения «террориста номер один» Усамы бен Ладена. Вся эта затея с самого начала напоминала провальное бродвейское шоу, которое с размахом освещали все ведущие мировые средства массовой информации, в числе которых оказался и скромный финский государственный телеканал, где я в ту пору трудился. В горах быстро выяснилось, что в Афганистане Усамы бен Ладена уже давно нет – а видели его в Америке – и никаких военных действий не ведется. Хотя бородатый афганский офицер армии Северного альянса, давший нам в окопе убедительное интервью, утверждал, что бен Ладен скрывается за холмом напротив. И даже указал пальцем место и дал приказ танкистам выпустить туда снаряд. Но при всём его желании, журналистов, готовых проглотить уловку и поверить в ложь, не нашлось. Театр военных действий сиротливо пустовал – военных операций не велось, зато театральность действа была очевидна. Многих теле-, радиокорреспондентов и пишущих журналистов в горах ждало разочарование. Как же им следовало поступить? Командировочные деньги потрачены, а бен Ладена в горах так и не нашли. Никто его не видел. Как сделать сюжет об американской освободительной войне? Как вернуться из горячей точки героем? Радиожурналистам и пишущим корреспондентам легче:

рассказать и написать можно всё что угодно, а вот как быть телевизионщикам? Ведь от них требуется показать подходящую «картинку».

Корреспондент «BBC News» сообразил быстро, найдя оригинальный выход из сложного положения. Он предложил афганским танкистам двести долларов за выстрел. Танкисты дважды пальнули из советского танка Т-62 и положили четыреста долларов в карман чёрного советского комбинезона. Деньги я, конечно, не видел, но лица танкистов светились от улыбок. Я заметил, что и шлемофоны на них были советские. Так был оживлён сюжет корреспондента «BBC News» из Афганистана. Вот какой дорогой ценой (в прямом смысле слова) достаётся информация. Вот под каким стрессом приходится работать журналистам и операторам. Так как финский канал – не «BBC News» и свободными средствами не располагал, я ухитрился отснять эти залпы конспиративно, хотя и не без риска для здоровья: мои барабанные перепонки едва не лопнули. Бездумно близко я находился к Т-62, потерял слух на короткое время. Шеф давал указания, а я его не слышал. Точно контуженный солдат из советского военного фильма.

Вот такой же и я стою перед подполковником Шпаковским – жалкий и беспомощный. Видно, историю канадской монархии и процедуру получения канадского гражданства он хорошо знал. Получается, что клятву английской королеве я действительно приносил. Катастрофа! Я со своей визой никак не разберусь, а мне связь с самой английской королевой приписывают. Это они умеют. Но у меня есть смягчающее обстоятельство: клятву английской королеве я давал не один. Клятва была произнесена под диктовку главного заседателя в зале суда вместе с другими счастливчиками. Была также одна незначительная погрешность в датах: гражданство я получил не в апреле, как заметил Шпаковский, а в сентябре 1997 года. Но здесь мне удалось промолчать – зачем

свидетельствовать против себя, уточняя лишние подробности? Всё это можно использовать против меня в суде.

Постепенно я выхожу из ступора, ко мне возвращается слух.

– Семёнов, вы плохо учились в школе? – Ирония Шпаковского острая и обидная. Не зря говорят, что в России лучшая сатира.

Неужели они мой аттестат зрелости изучали? Люди в погонах ничем не побрезгуют. Для компромата любые методы хороши. А компромата на меня хоть отбавляй. Достаточно вспомнить моё письмо. «Может, всё-таки о письме им неизвестно?» – с надеждой подумал я.

– Я учился. Остальное к делу не относится, – вызывающе отвечаю я.

С возвращением слуха я на некоторое время ощутил себя смелее. Почему мне приходится обсуждать историю своего невозвращения с подполковником Федеральной миграционной службы в его кабинете? Здесь же не передача «Жди меня»! Мне совсем не до шуток. Насмешки и остроты тут отпускаются исключительно в одностороннем порядке, и это для меня может плохо закончиться. Возьмут и отправят, как академика Сахарова, в ссылку. Хорошо если в Горький – в отличие от Сахарова, я об этом мог только мечтать. Меня депортируют в Канаду, и тогда я не смогу вернуться к своей семье. Покажут по ящику, как доблестные сотрудники ФМС выдворяют в наручниках злостного нарушителя миграционного законодательства: борьба с нелегальной иммиграцией. И сиди себе там пять лет с кленовым сиропом. Мне ли не знать, как делаются новости.

Хорошо, я добровольно сам всё расскажу. Чистосердечное признание смягчает вину.

Итак, в январе 1991 года, прибыв в Канаду, я действительно подал документы на статус беженца – это был единственный путь к получению гражданства, истинной цели моей поездки. Возвращаться назад я не думал. Как

заметил осведомлённый Шпаковский, поехал за райской жизнью и джинсами. С нехитрой схемой подачи документов и получения статуса беженца я вкратце был знаком. Кстати, об этой тайне знали многие пассажиры авиарейса Москва–Монреаль.

Первое потрясение в Канаде я испытал, когда узнал, что моим делом будет заниматься бесплатный адвокат. Не такой, от которого добровольно отказываются («Бесплатный адвокат нам не нужен!»), а настоящий канадский адвокат, серьёзный господин – мистер Файн. Симпатичный, высокий, в сером костюме, аккуратно выбритый, с голосом диктора радио – я таких видел только в кино. Даже фамилия адвоката – Файн в переводе на русский означает «прекрасный», «отличный», «превосходный» – говорила о его профессионализме и личных качествах. Работу мистера Файна оплачивало государство. Он сидел напротив, ставя меня в тупик своими затруднительными вопросами. Мы общались через переводчика. Его помощница, молодая канадка, изучала русский язык в институте и объяснялась приемлемо. Во всяком случае, её я понимал лучше, чем мистера Файна.

– Для получения статуса беженца вам надо приложить письменное объяснение. Вы должны убедить канадский суд в притеснении, – сказала она.

– В чём? – растерялся я.

– Что вас притесняли. Разве евреев в Советском Союзе не притесняют?

Что я мог на это ответить? Что мог убедительного написать? Диссидентом я не был, политикой не занимался, за гражданские права не боролся. Более того, предпочитал русскую народную песню «Во поле берёза стояла» еврейской песне «Хава нагила».

– В армии притесняли.

– Это не актуально.

Я напряг память.

– В комсомол вступил по принуждению.

– Вы состояли в молодежной военной организации? – перевела вопрос адвоката его помощница.

Меня от испуга перекосило. Никогда не думал, что комсомол – это молодежная военная организация. Получается, что я не только в ней состоял, но ещё и финансировал. Кто мог знать, на что шли мои членские взносы? А я ещё, идиот, взял с собой в Канаду комсомольский билет. Надо немедленно его сжечь!

– Может, про начальника ЖЭКа написать? Он отказывался меня прописывать на жилплощади родителей.

– Что такое прописка?

– Ущемление гражданских прав! – наконец озарила мою голову светлая мысль.

– В СССР существует расовая дискриминация. Ваша жизнь подвергалась опасности? – пытал меня обескураживающими вопросами мистер Файн.

Я задумался. Вспомнил папу, который после работы слушал «Радио "Свобода"».

– Сахаров, Щаранский, Солженицын, – вместо ответа перечислил я фамилии, которые неоднократно слышал по радио.

– Хорошо. Вот в таком духе, – рекомендовал адвокат. – Думайте.

Где бы я в СССР ни жил или учился, или останавливался на короткое время, никаких притеснений или расовой дискриминации на себе не ощущал. После распада страны, уже в новой России – было. Особенно на канале «Russia Today». А в советское время не припомню никакой дискриминации. Но если я в этом сознаюсь – гуд бай, Канада!

– Соседи меня притесняли, – сказал я после паузы.

– Very good, – обрадовался мистер Файн. – Go ahead[9].

[9] Очень хорошо. Вперёд. – *Англ.*

И я написал: «Соседи через балкон обзывались неприличными словами и притесняли. В общественном транспорте оскорбили по национальному признаку».

Мистер Файн выслушал перевод написанного и задумался. Потом резонно поинтересовался:

– А почему ты на такси не ездил?

– Тогда бы меня оскорблял таксист за мои же деньги. Это очень дорого.

И мистер Файн наконец отстал со своими озадачивающими вопросами.

Свой пасквиль я сочинил для канадского суда под корректировку иммиграционного адвоката. Мои обвинения были безосновательными. Если Шпаковскому известно об этом письме, – копия его у меня до сих пор хранится, – то в суд я пойду уже совсем по другой статье...

Шпаковский, как и подобает большому актеру, держит внушительную паузу, перелистывая бумаги на рабочем столе. Окидывает меня холодными, пронзительными глазами офицера. Я молчу, о письме ни слова. Страх заполняет и сковывает меня. Шпаковский смотрит в окно. О чём-то сосредоточенно думает. Берёт карандаш, вставляет его в механическую точилку и крутит ручку, потом поднимает на меня тяжёлый задумчивый взгляд. Сейчас, похоже, о письме заговорит.

– Господин Семёнов. Россия – не проходной двор! – повторяет он. Видно, словарный запас иссяк.

– Я это запомню, – говорю.

– Можете идти, – распоряжается он.

– Я не могу. Мне виза нужна, – упрямлюсь я как баран.

– Идите в суд!

Хорошо, что не в другое место послал. А ведь мог бы. Ему такие полномочия даны. Мне бы надо спросить, в какой именно суд обращаться, но после ответа придётся

сразу покинуть кабинет Шпаковского, уйти, раствориться, исчезнуть. А попасть в этот кабинет непросто – нужно отстоять многочасовую вялотекущую очередь. Просителей много. Простому смертному оказаться на приёме у государственного чиновника сегодня сложнее – времена наступили другие, тяжёлые. Матери декабристов до самого государя Николая I доходили. В ноги ему кидались. Помню по советским фильмам. И ведь добивались! Сыновей миловали. Выпускали. А я стою перед подполковником Шпаковским в полный рост и двух фраз грамотно связать не могу. Не говоря уже о том, чтобы опуститься перед ним на колени. Да я бы и опустился – не до гордости теперь, но ведь не так поймет. Времена сегодня другие. Поэтому я пытаюсь задержаться в кабинете. Вспоминаю, что в кармане лежит справка из Института имени Бурденко. Неделю назад я получил её от профессора-нейрохирурга Владимира Львовича Найдина, талантливого специалиста, у которого лечил поясницу. На эту форменную со штампом бумагу я надежд не возлагал, хотя знал, что серьёзная болезнь может послужить иностранцу основанием для выдачи ему визы.

– Я болел. Нельзя мне заболеть? – Вынимаю из кармана справку. Протягиваю. – Проблемы с позвоночником были.

Шпаковский не притрагивается, только пренебрежительно оглядывает листок.

– У вас проблемы с российским законом!

Шпаковский напирает, как Т-62, из какого афганские танкисты пальнули за четыреста долларов. Ничем не отклонить его от цели. А цель его ясная и бескорыстная – служить во благо Российского государства. Подполковник Шпаковский желает устроить надо мной показательный суд. В стране назрела острая необходимость продемонстрировать всем несознательным иностранным элементам: Россия – не проходной двор! В Москве масса таджиков, в метро стало невозможно

ездить. Документы не в порядке. С законом проблемы у каждого третьего. Мой пример послужит распоясавшимся гастарбайтерам хорошим уроком. Я, конечно, сомневаюсь, что Шпаковский ездит на метро, но не в этом дело.

– Я же не гастарбайтер, – беспомощно оправдываюсь я.

– Вы нарушитель визового режима. Точка. Не лучше таджиков, – резюмирует господин Шпаковский.

– Как раз я в худшем положении, чем они. Их на работу принимают и в ЗАГСе регистрируют. А мне даже денежный перевод не выдают в банке. Так что, кто из нас таджик, большой вопрос.

– Не разводите демагогию. Имидж России падает... – с досадой в голосе произносит Шпаковский.

– Неужели из-за меня? – пугаюсь я.

– Из-за таких как вы Россия теряет международное влияние! – назидательно объясняет Шпаковский.

– Давайте по-другому решим, тогда Россия не потеряет международного влияния, – пытаюсь убедить я подполковника.

– Гражданин Семёнов! – Шпаковский грозно привстаёт.

Я вздрагиваю: так обращался ко мне военком двадцать лет назад.

– Без визы вам даже в сортир нельзя! – ставит точку подполковник, ставя все точки на «и».

Понятно. В сортир без визы тоже нельзя. Это армейский юмор такой. А всё равно смешно. С армейским юмором я на «ты». Сам служил и даже месяц сидел в армейской тюрьме, а ещё с прапорщиком дружил. Так что армейский юмор мне хорошо понятен. А если это не шутка? Я испытываю неприятные ощущения.

– Вы предлагаете мне добровольно сдаться? – предполагаю я.

– Разве мы говорим с вами на разных языках?

Шпаковский безмятежен, он устал. Его олимпийскому спокойствию можно крепко позавидовать. Я и завидую.

– Я же тогда не увижу семью пять лет! – восклицаю я со слезами на глазах.

– Я сейчас сам расплачусь, – иронизирует он. – Вы о чем раньше думали?

Ни о чём я не думал. Жизнь свою молодую прожигал. Спросил в подзорный окуляр, как говорили в армии. О чём я тогда думал? Лучше не рассказывать. Если бы я тогда думал – не стоял бы сейчас перед Шпаковским и не клянчил у него господской милости. Я готов перед ним вывернуть наизнанку всю свою жизнь, но это вряд ли что-то изменит. Ему не интересно. Шпаковский высоко сидит, далеко глядит. Мне до него не достучаться. Цели, как я уже сказал, у нас диаметрально противоположные. Шпаковский – исследователь человеческих пороков. Он взвалил на себя тяжёлый крест и теперь с честью исполняет свою святую миссию.

– Давайте штраф заплачу, не надо в суд... – выпрашиваю я.

– Пока будет длиться суд, вы будете в России, – успокаивает меня Шпаковский. – И у вас нет другого выхода.

Лаконичная непререкаемость подполковника загоняет меня в глухой угол. Похоже, игра проиграна.

Насчёт другого выхода, конечно, можно было с ним поспорить, но мои аргументы испарились, и я после некоторого колебания с плебейской покорностью спрашиваю:

– В какой суд обращаться?

– По месту проживания, – не поднимая головы, отвечает Шпаковский.

– У меня же прописки нет.

– Неважно. Где вы нелегально проживаете, туда и обращайтесь.

– Ясно, – говорю я, хотя ясно ничего не было.

Разговор окончен. Пора удаляться.

Я открываю металлическую дверь.

– Семёнов, – окликает меня на пороге Шпаковский.

«Наконец-то совесть у человека проснулась», – думаю я и с надеждой разворачиваюсь.

– Объясните, зачем вы вернулись? В Канаде вам мало было проблем?

– Счастья приехал искать, – говорю.

– Сколько ни ищи, ничего, кроме себя, не найдёшь, – изрекает блестящий афоризм Шпаковский.

Я застываю в дверях, вытаращив глаза. Даже шевельнуться не в силах. Беспомощно смотрю на Шпаковского – жду, когда он ещё чего-нибудь скажет.

– Это Сартр, – добавляет подполковник.

А мне «сортир» послышалось. Действительно, в туалет пора. Спазмы внизу живота дают о себе знать. Вот же урод! Моя судьба решается, а он мне своего блядского Сартра цитирует. Эрудированные чиновники сегодня пошли, с высоким уровнем культуры. Надо бы измерить интеллект Шпаковского.

Я выхожу из кабинета и закрываю за собой тяжёлую, из листового металла дверь, обтянутую чёрным дерматином. Слышен щелчок металлического замка за спиной. Железная дверь и узкий коридор возвращают меня к воспоминаниям об армейской тюремной камере, где я отсидел месяц за нарушение воинской дисциплины незадолго до увольнения в запас. Наша армейская гауптвахта по всем параметрам походила на настоящую тюрьму. Те тридцать дней я часто вспоминаю, когда мне тяжело. А тяжело мне в последнее время почти всегда. Эти воспоминания помогают держаться, сохранять силу духа. Я не жалею, что отсидел на гауптвахте. Я там многое понял и многому научился. Всего месяц – но какой бесценный жизненный опыт я там приобрёл! Спасибо моим армейским учителям. Трудности закаляют характер.

Я быстро пересекаю коридор и спускаюсь вниз. Итак, в третий раз ухожу от Шпаковского без визы. А виза – это не зелёненькая бумажка с фотографией, как может показаться. Виза – это продолжение моей жизни – второй части «Марлезонского балета». Настолько суматошно и непредсказуемо она развивается! А подполковник ФМС Шпаковский – без преувеличения – балетмейстер, постановщик, режиссер, драматург, композитор, дирижёр. Он – всё в одном лице. Он хозяин моей жизни. И эта его миссия. Это его театр и его сцена. А я – эпизодический исполнитель, участник массовых сцен, а может, даже пассивный зритель. Свет погашен. Пора покидать зрительный зал.

Только выйдя из жёлтого здания и глотнув тяжёлого, пыльного московского воздуха, я смог по достоинству оценить краткое и мудрое изречение Сартра – похоже хорошего писателя, раз Шпаковский его цитирует. Но, стремясь к сегодняшней реальности, я бы перефразировал Сартра: сколько ни ищи, сортира в Москве не найдёшь! Это гораздо ближе к истине. Шпаковский – талант, и его талант не должен остаться незамеченным. «Браво! – неистово аплодирую и кричу я с последнего ряда. – О вашем превосходном исполнении, Владимир Владимирович, должна узнать вся театральная Россия, поклонники водевилей, оперетт, фарсов и сатирических комедий. Такой талант не должен пропадать в тусклом государственном кабинете».

Должен сказать, что мои документы регулярно проверяли городские блюстители порядка. Казалось, только ленивый милиционер не требовал предъявить паспорт, остановив меня на улице или в метро. Интерфейс нерусский подводил. Я на таджика похож. За кого меня только ни принимали: за индуса, афганца, кубинца и даже вьетнамца. За русского – ни разу. Вдобавок ко всему, у меня постоянно испуганный взгляд, напряжённое выражение лица. Изредка попадались мне и ленивые

стражи закона, проходившие мимо. К ленивым можно было отнести также неопрятных тёток, собирающих плату возле общественных туалетов. Им я благодарен, что в моменты острой физиологической необходимости они не требовали предъявить паспорт и визу. Требовали только деньги. Но если бы и на границе была такая же система, как в общественных туалетах: заплатил – проходи, то вы никогда не узнали бы о доблестном подполковнике Федеральной миграционной службы; и тогда я даже не взялся бы представить себе масштабы потерь для русской современной литературы. Но, видно, ему от судьбы не уйти. Слава найдёт своего героя, а Шпаковский действительно герой; здесь даже французское шампанское не выставляй. К сожалению, государственная граница – не сортир, и двадцатью рублями там не откупишься.

Владимир Владимирович Шпаковский – безумно одаренная личность. Все одаренные, талантливые люди немного безумны. Но, признаюсь, я счастлив, что судьба свела меня с ним. Поскольку встреча с такими людьми идёт на пользу. После общения со Шпаковским я всегда ощущал сильный духовный подъем. Обладатель тонкого чувства юмора, ясно и чётко мыслящий, талантливый подполковник ФМС, которого впереди ожидал карьерный рост, – Владимир Владимирович Шпаковский появился в моей жизни так же, как появляется в изнурительный от жары летний день грозовая туча, готовая пролиться на землю благодатной влагой. Одно решение этого столичного чиновника с петушиной дутой гордостью было способно кардинально изменить мою тусклую, презренную жизнь.

Дорогой читатель, напоминаю, что историю, которую я рассказываю, невозможно представить без этого, надёленного блестящим умом и высокими устремлениями мэтра, которому я многим – без иронии – обязан. «Безумству храбрых поем мы песню», – сказал Максим

Горький. О безумстве Шпаковского судить не берусь, но посвятить оду, ораторию, хвалебную песнь или даже величальный акафист чиновнику Федеральной миграционной службы – мой авторский долг. И я со всей добросовестностью и ответственностью попытаюсь внести свою скромную лепту в отечественную словесность. Да простят меня классики русской литературы за утопический максимализм и безрассудство.

Подполковника Шпаковского одно время мне приходилось видеть часто, но, несмотря на это, возраст его точно определить не удалось. Говорят, красивый мужчина всегда молод. Это относится к моему герою. Постараюсь описать хотя бы его внешность. Выше среднего роста, правильные черты лица, всегда подтянутый, в отглаженном строгом костюме и тщательно выбритый. Такому нужно в кино сниматься, играть роли героев-любовников, спасителей мира, а не прятаться от людей за серыми стенами казённого кабинета. Здесь его, кроме неудачников вроде меня, больше никто не видит. А молодость – не самолёт, пролетит, не успеешь помахать ручкой. Неужели Шпаковскому это не ясно? В кино, господин подполковник! Пока не поздно. На съёмочную площадку бегом марш! У меня хороший приятель кастинг-директором на «Мосфильме» работает. Могу посодействовать. Вы, без сомнения, с первого дубля сделаете как надо. «Вор должен сидеть в тюрьме!» – скажете в камеру. Или: «Россия – не проходной двор!» Но съёмочная площадка – тоже не проходной двор. В кино необходимо идти по зову сердца. Однако достаточно, все шутки в сторону.

Итак, подполковник Шпаковский, несостоявшийся актёр, звезда Федеральной миграционной службы и гроза нарушителей паспортно-визового режима, пообещал мне серьёзные неприятности ещё при моём первом посещении, и, надо отдать ему должное, слово он своё сдержал.

Пора было заканчивать мои мучения. Тянуть больше не имело смысла. Сколько можно, подобно страусу,

прятать голову в песок, отгораживаясь от проблем? Я видел только один выход из тупика, в который сам же себя и загнал, и выход этот указал мне Шпаковский. Это даже был не тупик, а безнадёжно глубокая канализация. Не думал я, что всё настолько серьёзно, что так далеко зайдёт. Надеялся, что простят, никуда не денутся, выпустят. Не оправдались мои ожидания. Не случилось. От заслуженного наказания гуманного российского правосудия не удавалось скрыться ещё ни одному нарушителю визового режима. Справедливое возмездие настигнет повсюду. Пришло время и мне подвергнуться прессингу государственного аппарата. Хватит откладывать, – сказал я себе. Мне даже два кирпича на голову не помогут. Только явка с повинной сможет облегчить мою участь. Да здравствует наш суд, самый гуманный суд в мире! Но это легко сказать. А вы попробуйте добровольно депортировать себя из России, где в первом классе у доски читали стихотворение о Родине. На такое решиться непросто. Страх парализовал разум. Я тянул время, чего-то ждал. И вот однажды, вдохнув полной грудью, отправился в отделение внутренних дел Рязанского района, по месту жительства.

Посетителей – ни души. Это меня сразу озадачивает: обычно коридоры заполнены гражданами из дружественных южных государств. Может, сегодня мой день, повезёт, и меня предадут справедливому суду? Но всё оказывается проще и банальнее: неприёмный день. Но мне наплевать! С дороги меня ничто не свернёт. Я безрассудный, как разъярённый бык. Я сильный, как свободный лев. Ни перед чем не остановлюсь. Если не сейчас, то уже никогда. Велика Россия, но не всём здесь рады. Не для всех приезжих в ней есть место. Жители столицы часто говорят: «Москва не резиновая».

Стучу в дверь кабинета начальника отделения внутренних дел Рязанского района ЮВАО. «Войдите!» – раздаётся глухой неприветливый голос. Приоткрываю

железную дверь. Всё! Действуй! Вперёд! За рабочим столом сидит в расстегнутом кителе коротко стриженный, крепкого телосложения подполковник. На служебном лице его лёгкая тень тревоги. На всякий случай. В кабинете душно, окна затворены. Воздуха мало, хочется поскорее выйти.

– Разрешите? – спрашиваю я по-военному.

Подполковник поднимает на меня надменный тяжёлый взгляд, удостаивает исчерпывающим ответом:

– Приемный день в четверг.

Печать лёгкой тревоги снята с усталого лица.

К счастью, о некоторых тонкостях государственной службы я уже осведомлён, научен опытом.

– У меня особый случай, – осторожно продолжаю я.

– Слушаю. – Колючий взгляд скользит по мне, как шайба по льду, не задерживаясь на деталях. И хотя я никогда не стоял на коньках, – рождён на юге – чувствую, как теряю равновесие. – Что у вас?

– Я пришёл сдаваться…

Подполковник застывает, потом неожиданно приподнимается. Глаза его начинают беспокойно бегать, учащается ритм дыхания. Неожиданно для меня обычные слова, которые я повторял мысленно по несколько раз в день после моего последнего визита к Шпаковскому, действуют на начальника районного ОВД как сигнал тревоги. Видно, не часто сюда приходят с подобным заявлением. Простите за беспокойство, что поделаешь, мне очень надо. И я по доброй воле сюда явился. То есть раньше я бы сюда по доброй воле не пришёл, а сейчас уже другого выхода нет. Я сам во всём запутался. Но делаю это ради пользы стране. Добровольно приношу себя в жертву. Пора уже очистить Россию от нелегальных мигрантов и гастарбайтеров. Такова твёрдая воля подполковника Шпаковского и всей Федеральной миграционной службы.

– Кому сдаваться? – недоумевает подполковник.

– Суду. Меня депортировать нужно, – заявляю я.

Начальник отделения подозрительно смотрит мне в глаза.

– Что вы несёте?

– Я злостный нарушитель визового режима, – разъясняю я.

Одновременно приходит мысль, что подполковник, наверное, думает: «Откуда взялся этот шизофреник?» Я бы обязательно так подумал.

– Вы откуда?

– Волжский бульвар, дом три…

– Откуда приехали? Гражданство у вас какое? – нетерпеливо уточняет он вопрос.

– Канадское.

– Мы такими иностранцами не занимаемся.

– А какими вы занимаетесь? – Я чувствую желание оскорбиться. Меня задело слово «такими».

– Из ближнего зарубежья, а вы из дальнего. Вам на Покровку надо...

– Я уже там был. Они меня сюда направили.

Подполковник тяжело вздыхает.

Я продолжаю:

– Я два с половиной года в России без визы нахожусь...

Милицейский начальник молчит. Думает, куда бы меня послать... без последствий для себя. Как раз этого я и пытаюсь добиться. Может, пошлёт, наконец, куда надо?

– Я добровольно...

Подполковник хмуро перебивает:

– Что?

– Добровольно предаюсь в руки закона... – говорю я, но эффекта не выходит. Впрочем, для меня главное – сказать, вовремя донести информацию, иначе

потом не докажешь, что тебя не силком затащили в отделение.

Подполковник погружается в безмолвие, растворяется, становится похожим на призрак. По-видимому, не желает со мной связываться. Я хорошо его понимаю. У него своих проблем достаточно. Да и кому захочется иметь дело с шизофреником, добровольно отдающим себя в руки закона. Где вы таких видели? А вот он я. Здесь. Стою прямо перед его святейшеством и высочеством.

Я подхожу к столу ближе и для убедительности кладу свои документы перед подполковником:

– Вот моя виза... вот паспорт.

Ни один мускул на лице начальника не шевелится, он в упор ничего не видит.

Снова пауза.

Наконец какая-то светлая мысль брезжит в нём, и подполковник с облегчением говорит: «Завтра в девять зайдите в двадцать седьмой кабинет. Этот вопрос в компетенции Ефимцева», – и снова погружается с головой в дела.

Я выхожу из кабинета на нетвёрдых ногах.

Но мне ли отступать после всего? Мне ли трепетать перед всесильными повелителями судеб? Мне ли не привыкать к поражениям? На этот раз я доведу дело до конца! Чего бы мне этого ни стоило. Я полон решимости. Я не сдамся, не сломаюсь. Я заставлю их шевелиться. Я приведу в движение этот заржавевший, неповоротливый государственный механизм. Если меня необходимо судить, то, будьте любезны, выполняйте свою работу – судите и депортируйте! И не тяните кота за хвост.

На следующее утро, в девять, стучу в кабинет лейтенанта Ефимцева. Никакой реакции. Не дождавшись отклика, решительно раскрываю дверь. В кабинете царит, что называется, весенняя идиллия, помещение залито солнцем. В стене напротив входа – широкое окно. У левой и правой стен расположены столы. За столами

сидят сотрудники милиции. Один, старший лейтенант, ему около двадцати семи, пишет что-то. Сосед, лейтенант, помоложе, белобрысый, неотрывно смотрит в монитор, увлечённый компьютерной игрой. На меня внимания не обращают. Как бы и нет меня. Придётся нарушить этот пасторальный пейзаж.

– Здравствуйте!

Ноль внимания. Демонстрация пренебрежения.

– Кто здесь лейтенант Ефимцев? – спрашиваю.

– Что вы хотели? – неохотно поднимает голову старший лейтенант.

– Я по важному делу, – начинаю я деловито.

– Проходите, – нехотя предлагает он. – Я Ефимцев.

Я вхожу в кабинет, присаживаюсь к его столу без приглашения: настроен решительно. На стене рядом с репродукцией «Моны Лизы» настенный календарь с фотографией Путина. Улыбки обоих загадочные. У президента России улыбка более загадочная. Этот портрет Путина мне доводилось видеть во многих кабинетах Москвы. На Покровке, 42 он в каждом кабинете висит. И на каждом этаже в здании ФМС на Верхней Радищевской, 4. Что-то привлекательное в этой фотографии есть: загадочная улыбка, ясные добрые глаза…

В углу кабинета тяжёлый стальной сейф – наследие советского прошлого. Такие сейфы стояли во всех конторах и служебных кабинетах. Две тусклые золотистые рыбки едва шевелят плавниками в тесном аквариуме на подоконнике среди декоративных растений. Похоже, даже рыбки ленятся. На подоконнике растут традесканция, цефалоцерус, рододендрон Шлиппенбаха, драцена. В ботанике, как и в других науках, я не силён, но отличить травянистое растение от кактуса могу с лёгкостью. С тех пор, как стал невыездным, я по совету жены занялся комнатными цветами. Развёл дома настоящий зимний сад. Наша гостиная утопала в зелени и цветах. «Хоть какая-то от тебя польза», – говорила

жена. Она подарила мне книгу о комнатных растениях, и теперь я знаю, какие растения относятся к суккулентным видам, а какие к бромелиевым. К суккулентам относятся алоэ, кактусы, ниолины, гастерии. Существуют также лиственные суккулентные растения, но о них я во второй книге расскажу. Меня больше интересует, как в РОВД города Москвы мог попасть рододендрон Шлиппенбаха, произрастающий в России только на юге Приморья? Кто его сюда доставил? Надеюсь, не сам Шлиппенбах.

– Слушаю вас, – отвлекает меня Ефимцев.

– Меня депортировать надо, – без долгих разъяснений докладываю я милиционеру.

– Куда?

Коллега Ефимцева за столом напротив прерывает свою игру, глядит на меня с любопытством. «Правильно. Полюбуйся придурком, который пришёл добровольно сдаваться», – думаю я.

– В Канаду.

– А почему не в Америку? – шутливо говорит Ефимцев. – Туда легче попасть.

– Я – гражданин Канады. Живу здесь нелегально, – объясняю я коротко и достаю свой канадский паспорт. Важно всё объяснить кратко и доступно, избегая подробностей. От этого будет зависеть успех моей затеи. – Я здесь три года без регистрации живу, – намеренно увеличиваю я для большей убедительности срок истекшей визы. – Надо заявление в суд подготовить.

В надежде на торжество справедливости я с уверенностью смотрю в глаза представителю закона в лице лейтенанта милиции Ефимцева. Именно для этого я к нему и пришёл, ради торжества справедливости.

Наступает пауза. Ефимцев недоверчиво смотрит мне в глаза. Видимо, пытается выяснить степень моей вменяемости.

– Кто это вам посоветовал? – наконец спрашивает он.

– Шпаковский, из центрального управления… С Покровки, – уточняю я.

– Вы телефон знаете?

– Шпаковского? Нет, он не давал.

Ефимцев молча выдвигает ящик рабочего стола, извлекает оттуда записную книжку. Листает. Находит нужный номер. Звонит. Спрашивает Шпаковского.

– На совещании? – переспрашивает Ефимцев и, получив ответ, кладёт трубку на рычаг. Он растерян и, похоже, даже несколько подавлен. – Что будем делать? – обращается ко мне старший лейтенант.

Вопрос обескураживает, но я не показываю виду. Представитель закона прекрасно знает, что надо со мной делать! Нечего ломать комедию.

– Заявление в суд следует подавать, – подсказываю я, пытаясь сохранить невозмутимый вид. Мне хочется нагрубить, но я держу себя в руках. Надо поскорее это заканчивать. – Строгость закона должна применяться безотлагательно, – добавляю.

Молодой коллега Ефимцева, забыв на время о своей игре, обращается ко мне:

– А вам известно, что въезд в Россию для вас на пять лет будет закрыт?

И он меня спрашивает? Мне ли об этом не знать, драгоценный.

– Известно, – киваю я утвердительно. – На Покровке уже объяснили.

– Зачем вам это? – осведомляется Ефимцев.

– Это не мне. Это Шпаковскому надо. Говорит: Россия – не проходной двор!

Ефимцев озадачивается, погружается в глубокую задумчивость.

Молчание затягивается.

Неожиданно старший лейтенант говорит:

– Давайте представим: мы переправим вас через границу… – Выжидательно смотрит мне в глаза. – Вы сможете новую визу получить?

Окружающая реальность начала расплываться перед глазами. Я перестал осознавать, где нахожусь. Время и пространство потеряли надо мной власть. Тело, словно в невесомости, утратило вес и зависло в воздухе. Грубый, жестокий мир начал казаться розовым и радушным. Как реагировать, услышав подобные слова в кабинете отделения внутренних дел? Можно ли верить услышанному? А вдруг это провокация?

Животный страх вернул меня в немилосердный реальный мир и опустил на землю. Я огляделся по сторонам, посмотрел на закрытую дверь кабинета. Чувство страха защищает нас от опасностей. Наверняка это провокация. Явная подстава. Но для чего им этим заниматься? – спросил я себя. И тут же родился ответ: чтобы осудить меня по криминальной статье и не заморачиваться с депортацией. Возни и затрат меньше. В милиции подобная тактика – норма. Слишком очевидны приёмы. И всё же не должен был Ефимцев давать мне надежду. Не имел он морального права её пробуждать, открывать мне эту дверь. Может, мне послышалось, и не говорил Ефимцев ничего противозаконного?

С тусклой надеждой я попросил:

– Могли бы вы повторить? Я не совсем понял…

– Если мы поможем вам пересечь границу, вы там сможете новую визу в Россию получить? – спокойно удовлетворил просьбу Ефимцев.

До этого я никогда на здоровье не жаловался, и давление у меня всегда было в норме: сто двадцать на восемьдесят. Но тут почувствовал учащение пульса и слабое головокружение. Если выйду из этого кабинета – надо будет срочно показаться врачу.

А может, у них видеокамера под столом? Знаю я эти дела. Я для работы и сам не раз к такому нехитрому приёму

прибегал. Директор одного из московских кладбищ подозревался в каком-то нечистом деле и не хотел давать интервью, так я его скрытой камерой снял.

– Каковы будут ваши дальнейшие действия? – отвлёк меня от воспоминаний Ефимцев.

– В таком случае я пойду в Хельсинки в российское посольство и получу новую визу, – неуверенно сказал я.

– А приглашение есть? – поинтересовался старший лейтенант.

– Я уже договорился. Мне вышлют на финский адрес.

– У вас есть там знакомые?

– Да.

С Марко Лёнквистом, корреспондентом московского корпункта финского телерадиоканала YLE я три года провёл в командировках, поездил с ним по бескрайним просторам России и бывших союзных республик, включая холодные и горячие точки. После окончания контракта Марко вернулся в Финляндию и любезно согласился предоставить свой домашний адрес для отправки мне официального приглашения. Заграничный адрес – важное требование правил регистрации иностранных граждан в России. Адрес гостиницы или учреждения не принимался и не рассматривался. Приглашение высылали только на заграничный домашний адрес.

Поразмыслив, Ефимцев продолжил:

– А на границе у вас знакомые есть? Или хотя бы проводник поезда?

Я уже хотел ответить отрицательно, но тут вдруг вспомнил, как несколько лет назад мы с Марко работали на узбекско-киргизской границе и познакомились там с начальником КПП, гостеприимным пухлым узбеком, чей золотой рот сверкал на солнце каждый раз, когда тот его открывал. Я пожалел, что не взял с собой солнцезащитные очки. Снимать пограничного начальника было непросто: яркие лучи солнца отражались от золотых зубов и ослепляли объектив видеокамеры.

Солист группы «The Rolling Stones» Мик Джаггер по сравнению с ним отдыхает. У Мика, я слышал, только один бриллиант в зубах, а у начальника пограничного КПП вся челюсть была золотой, хоть он и не был солистом рок-группы. Кстати, позже выяснилось, что начальник любит музыку, отдавая предпочтение узбекской народной. Мы почти подружились с этим добрым человеком. Перед нашим отъездом он угостил нас обедом и, пожелав счастливого пути, сказал: «Мы стоим на страже!» В машине Марко лаконично мне всё объяснил: «Через этот КПП проходит крупный наркотрафик. Весь конфискат пограничники реализовывают по собственным каналам. Синдикат. Понял?» Понял! Они днём и ночью стоят на страже! Значит, получается, наш добрый знакомый может пригласить Мика Джаггера на КПП и услышать в живом исполнении знаменитую «Ruby Tuesday»?[10] «Прощай, Руби Тьюсдей. Мне будет не хватать тебя».

– Он может пригласить к себе «Роллинг Стоунз» в полном составе, включая звукоинженеров, осветителей и личного повара, – подтвердил Марко.

– Но начальник сказал, что крупные партии уничтожаются в присутствии представителей ООН и средств массовой информации, – напомнил я напарнику интервью.

– Сюда ни один представитель без разрешения не сунется, не говоря уже о провинциальном телеканале.

Вот так! Иностранным журналистам в России всё хорошо известно! Иногда мне кажется, что я работаю не в корпункте западного телеканала, а в киножурнале «Хочу всё знать»: любая тайна известна. Жаль, что тот золотозубый узбек не служит на российско-финской границе. Я бы к нему обратился, и он бы мне помог.

Но вернёмся в ОВД Рязанского района, в служебный кабинет старшего лейтенанта Ефимцева. Что здесь

[10] Буквально: «Рубиновый вторник». – *Англ.*

происходит? Почему сотрудники милиции задают мне провокационные вопросы? Меня под суд надо! Я же пришёл добровольно сдать себя в руки закона! Где эти руки? Где этот закон? Где «самый гуманный и справедливый суд»? Где торжество справедливости?

Ефимцев встал из-за стола, подошёл ко мне и, подвинув стул, присел рядом. Теперь, глядя на нас со стороны, можно было подумать, что мы старые добрые приятели.

– Нет у меня на границе знакомых, – сознался я.

– Ладно. Давай подумаем, – доверительно перешёл на «ты» Ефимцев, – как тебя через границу переправить...

Наверное, дорогой читатель, у тебя появилась мысль, что всё это плод моего воспалённого воображения? Что я выдумал и лейтенанта Ефимцева, и репродукцию «Моны Лизы», и календарь с Путиным рядом на стене? И золотых рыбок в аквариуме и комнатные растения? Что всего этого не было? Нет! Не выдумал. Моя фантазия не способна на такой полёт. Помните Веру, секретаря норвежского корпункта? Она предупреждала меня: «В России ещё и не такое может быть».

Прости меня, Господи, за мои грехи! Я искренне каюсь, Господи. Я больше никогда не нарушу закон №155 «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Клянусь! Никогда не посмею пренебречь своей визой! Обещаю вовремя продлевать, зарегистрируюсь в паспортном столе, сделаю временную прописку и даже в ЗАГС пойду. Честное слово. Я на всё пойду, только сделай так, чтобы этот кошмарный сон закончился. Пробуди мой мозг, выведи меня из этого заговорённого состояния. Ведь ради чего-то же официальный представитель закона пошёл на обсуждение деталей нелегального перехода государственной границы? Мне, понятно, терять нечего. А ему это зачем? Ради чего? Из сочувствия? Сострадания? У него, наверное, семья, дети есть. Ради чего этот риск? Выходит, не перевелись ещё

люди большой, доброй души на земле Русской. Или перевелись, просто начальник не предупредил старшего лейтенанта о моём визите?

– Серёга, – обратился Ефимцев к молодому коллеге, – у тебя там есть кто-нибудь?

Серёга отрицательно покачал головой:

– Гусева давно перевели.

Ефимцев повернулся ко мне:

– Придётся тебе самому.

– Мне самому что? – похолодел я.

– Границу переходить!

Честное слово, я вздрогнул. Мне приходилось многое слышать, не раз оказываться в неприятных ситуациях, но чтобы лейтенант милиции предлагал совершить нелегальный переход границы – такое было впервые. На тот момент я был только нарушитель визового режима, за что мне грозила депортация. Но если меня задержат на границе за нелегальный переход – я иностранный шпион, и уже тогда меня будут судить по другой статье. Нет у меня опыта в этом опасном деле. Профессионалы для этого специальные ботинки используют, с подошвами, оставляющими следы животных. Где я такие ботинки возьму?..

– Ехать лучше ночью, под Новый год, – продолжил Ефимцев. – Главное – не вызывать никаких подозрений.

– А как же ночью без визы не вызвать подозрения на границе?

– Машина есть? – спросил деловито Ефимцев.

– У жены. Но мы не расписаны…

– Какая? – прервал моё объяснение Серёга.

– «Хонда Джаз»… А на поезде шансов больше?

– Смотря кто будет дежурить, – ответил Ефимцев.

– На кого попадешь, – пояснил Серёга.

– Ехать лучше на машине, – продолжил инструктаж старший лейтенант. – Лишних сумок не бери! Могут подумать, у тебя в сумке камера.

Что мне оставалось после всего делать? После всего, что я услышал, мы с лейтенантами становились соучастниками преступления.

– Под Новый год начальства всегда меньше, или совсем не будет, – заметил Серёга.

Ефимцев щелкнул пальцами:

– Долларов пятьсот–семьсот если дашь – могут пропустить... Действуй! Всё от тебя зависит. Удачи! – сказал на прощание старший лейтенант, пожимая мне руку.

«Всё от тебя зависит», – повторял я как заклинание, выходя из здания ОВД. А ведь действительно. От меня зависит всё. Вся моя жизнь. Конечно, от Шпаковского тоже многое зависело, о чём не следовало забывать.

Я не диссидент, да и с долларами у меня напряжённо – говоря по правде, долларов совсем нет. А хотя, подождите, какие деньги? Почему речь зашла о деньгах? Депортация должна проводиться за государственный счёт. Теперь же мне придётся за всё самому платить. Хитро придумано, ничего не скажешь. На всём экономят чиновники. Вон как о государственной казне неподдельно заботятся! Переживают. Теперь мне ясно, что на государство надежды нет. Остаётся на себя полагаться. Делай, что должно, и будь что будет. Ладно. Сделаю, что должно, а там посмотрим.

Представляю, как расстроится подполковник Шпаковский, узнав о моём подлом, бесчестном поступке. Сильно огорчится. А он последний человек, которого я хотел бы огорчить. И если переход мне не удастся, Шпаковский превратит мою жизнь, которая и так не сахар, в настоящий ад. И будет моя душа обречена на вечные скитания и страшные муки. Ни отсюда не выехать, ни туда не заехать – между небом и землёй. Точнее, между Россией и Канадой. Отношения между странами и без меня напряжённые, а тут ещё я, как говорится, масло в огонь. Если на границе пресекут мои намерения – много подозрительных фактов моей биографии вылезет

на поверхность. Посудите сами: бывший гражданин СССР с канадским гражданством, без регистрации, бывший сотрудник иностранных корпунктов, злостный нарушитель визового режима, пытавшийся нелегально перейти государственную границу, к тому же еврей. Много у вас будет доверия к такому типу? Сомневаюсь. Такого только суду предавать. И никому не докажу, что этот путь мне подсказал Ефимцев. Мне даже в кошмарном сне не могло привидеться, что я опущусь до такого серьёзного преступления.

В детстве мне очень нравились фильмы о бдительных и храбрых пограничниках, которые бесстрашно пресекали все попытки незаконного проникновения через границу. В фильмах показывалось, как иностранные шпионы пытались пронести запрещённые в СССР книги, а доблестные военные их ловили. Вон отсюда, шпионская нечисть! Гадкие, мерзкие враги и предатели Родины! Россия вам не проходной двор!

РУСЛАН

Спустя неделю после моего апофеозного посещения Рязанского ОВД, где, наконец, прояснилось, что всё зависит от меня, я остался дома один. Жена с дочкой улетела к своим родителям в Улан-Удэ. Я лежал на диване, обдумывал дальнейшие действия и сам не заметил, как заснул. Около девяти неожиданно раздался телефонный звонок. Ну что за дела?! Стоит жене уехать, как мне тут же начинают звонить. На домашний аппарат нам звонили редко, не многие знали этот номер. Я и сам его не знал. Забыл. Я поднял трубку и услышал весёлый, смутно знакомый голос из далекого прошлого.

– Спорим на бутылку бургундского сухого вина «Мулен-а-Ван», ты ни за что не угадаешь, кто звонит, – уверенно произнёс он.

Стоп. Во-первых, я впервые слышал о таком вине – «Мулен-а-Ван». Я знаю вина «Агдам», «Кюрдамир», «Чинар», «Зубровка», «Белый аист». Впрочем, последние два напитка – это настойка и коньяк. А про «Мулен-а-Ван» никогда не слышал. Во-вторых, кто из моих знакомых такой энофил? Кем мог быть этот таинственный ценитель вин? Сам я не употребляю. И пьющих друзей у меня нет. Павел, который дружески предостерегал меня об опасности возвращения в Россию, тоже не пьёт. И его голос я бы сразу узнал. Я так и не догадался, кто бы это мог быть.

Оказалось, звонил мой бывший одноклассник Руслан, с которым мы не виделись уже более двадцати лет. Бутылку «Мулен-а-Вана» я проиграл. Откуда же я мог знать, что Руслан большой ценитель красного бургундского вина. Последний раз я встречался с ним в 1986 году, когда, возвращаясь из армии домой, навестил его в Москве. Но тогда он не пил и в винах не разбирался. А теперь Руслан столичный бизнесмен, владеющий уютным кафе и магазином в центре Москвы, недалеко от Большого театра.

– Как ты меня нашёл? – удивился я.

– Спорим на «Шато ля Лагун»?..

– Нет. Стоп. Хватит, – осадил я Руслана. И спросил: – Ты только на бутылки споришь?

– Почему? На деньги. Я ищу наших одноклассников.

– Многих уже нашёл?

– Пока только тебя, и это уже немало.

– Вовремя ты меня нашёл. – Я уже говорил, что меня радовало всё, что отвлекало от унылых мыслей. Встреча с одноклассником была способна отвлечь от тоски и помочь справиться с депрессией.

– Если бы ты знал, как было нелегко. Кстати, ты про Калашникову что-нибудь слышал?

Откуда же я мог слышать? Я ни о ком ничего не слышал. Но надо же, как ловко Руслан ввернул. Спросил между делом. Вот что значит пить хорошее вино.

Красное вино однозначно ему в этом помогает. Я бы и сам хотел найти Калашникову, потому не удивился вопросу. Ирина нравилась многим мальчикам нашего класса. Следующий вопрос будет об Ушаковой Саше? Так и есть. Руслан дружил со всеми красивыми девочками. Теперь всех разыскивал. Интересно зачем. Похоже, что-то тайное растревожило его воспоминания о далёких временах юности. С каждым может случиться. От этого никто не застрахован.

Мы условились встретиться с Русланом в офисе, в его магазине у метро «Театральная». Я хорошо знал этот магазин, много раз проходил мимо и даже однажды зашёл. Здесь продавали соблазнительные сладости, экзотические сухофрукты, около тридцати сортов высококачественного листового чая, более пятидесяти сортов импортного зернового кофе. Служебный кабинет, кафе и винный отдел находились внизу, в полуподвальном помещении. Цокольный этаж был разделён на две части. В левом зале было уютное кафе со столиками, в правом торговали французским шампанским, дорогим красным вином и кубинскими сигарами, которые хранились в специальных застеклённых шкафах. Руслан провёл для меня небольшую обзорную экскурсию.

– Эти шкафы из особых сортов дерева. Здесь поддерживается определённая температура, – рассказывал он. – С Кубы доставили.

Рассмотрев цену одной сигары, я не по-детски удивился:

– И это кто-то покупает?

– Ещё как! – претенциозно ответил Руслан. – Богема. Элита. Михалков недавно заходил. Верник. Плисецкая. Волочкова. Все балерины Большого театра здесь бывают. Кстати, билеты в Большой нужны? – между прочим поинтересовался Руслан. – Недорого.

– Пока нет. – Моя собственная жизнь похожа на большой спектакль, только никто не хочет платить.

– Обращайся.

Мы подошли к стеллажам, на которых лежали бутылки с красным вином. Уложенные в ячейки под наклоном, они демонстрировали свое вогнутое дно.

– Здесь у меня дорогие сорта французских красных вин: «Шато ля Лагун», «Шато Пап Клеман», «Шато Монтроз», «Шато Мулен-а-Ван»... – перечислял Руслан названия.

Мне захотелось узнать цену вина, которое я ему проспорил. Я подошёл поближе, и у меня глаза на лоб полезли. «Шато Мулен-а-Ван» было самым дешёвым вином на полке – пять тысяч сто шестьдесят семь рублей. «Шато Монтроз» стоило тридцать тысяч двести сорок пять рублей. Чтобы Руслан не заметил моё замешательство, я задал первый пришедший на ум вопрос:

– А почему у бутылок вогнутое дно?

– Вогнутое дно называется пунт, – просветил меня Руслан. – На дне бутылки собирается винный осадок. При разливе вина в бокалы осадок остается в углублении, образованном вогнутым дном. Но я думаю, сегодня это просто дань старым традициям.

Потом мы поднялись наверх, в торговый зал, где находились многочисленные сорта кофе, чая, различные сладости и экзотические сухофрукты.

– Здесь у меня вся Латинская Америка, – указал Руслан на широкую стену за прилавком. Аккуратные ряды ячеек с кофе в баночках производили впечатление. – Пятьдесят два сорта. Включая кофе с островов Ямайка, Индонезия, Сулавеси, Ява.

– Ты все эти сорта перепробовал?

– Основных сортов кофе всего три: «Арабика», «Робуста» и «Либерика». Все остальные – производное.

Мы уселись в его рабочем кабинете. Через пять минут официантка принесла нам чай и шоколад. На рабочем столе я заметил фотографию в металлической рамке: Руслан в обнимку с Жераром Депардье.

– Это у него в винном погребе на юге Франции, – вальяжно заметил Руслан. – Депардье большой ценитель вин и русских женщин.

Вот так да! Наши с Депардье вкусы совпадали. Я тоже люблю красивых русских женщин и ради этого даже готов употреблять красное вино и курить дорогие кубинские сигары. Но моя виза давно истекла, и русским женщинам теперь не до меня, как и мне не до них. Я по русским чиновникам хожу, которым тоже до меня дела нет.

Руслан всегда мог произвести хорошее впечатление. Он этим ещё в школе отличался. Умеет человек марку держать. Он рассказал о своей семье, поездке во Францию, редких сортах чая и самом дорогом сорте кофе «Лувак», зёрна которого подвергаются ферментации в кишечнике маленьких хищных зверьков – пальмовых циветт. Подробно изложил идею и философию употребления дорогих вин. Даже Омара Хайяма процитировал:

Лови же радости и жадно пей вино:
Жизнь коротка, увы! Летят её мгновенья[11].

Говоря о чае и вине, Руслан приводил невероятные подробности. Это черта серьёзных бизнесменов. Мы наслаждались редким сортом чая с высокогорьев Шри-Ланки.

– Это листовой чай из скрученных цельных листьев, – делился со мной Руслан интересными сведениями. – Его вручную собирают исключительно на рассвете и только женщины. Женская рука с бóльшей любовью срывает чайный лист. Они разговаривают с чайными кустами.

Помню, я однажды с деревом заговорил. Кажется, это был дуб. Тогда я вовремя опомнился и взял себя в руки.

[11] Перевод О. Румера.

Но если моя жизнь и дальше так будет продолжаться, чувствую, снова заговорю – и нет гарантии, что моим собеседником окажется чайный куст.

Я с наслаждением сделал глоток чая, представив смуглых женщин, срывающих листья с чайных кустов в пять утра, на высоте одна тысяча пятьсот метров над уровнем моря. Вообразил себе хрупких женщин, говорящих с чайными листьями: «Здравствуйте! Достаточно ли вы впитали солнечных лучей? Простите за беспокойство».

– Чувствуешь всю полноту насыщенного вкуса? – шутливо поинтересовался Руслан.

Я сделал глоток бесценного напитка и отставил чашку в сторону. Нет, не заслужил я напитка, в который вложено столько труда и любви.

– А проще нет чего-нибудь? Чай в пакетиках, например?

– Никогда не пей чай в пакетиках! – всполошился Руслан. – Там один мусор. Я тебе напиток богов, а ты пакетики…

– Извини. Почему «Лувак» считается самым дорогим? – переменил я тему.

– Процесс изготовления этого кофе сложный и очень необычный, – повёл рассказ осведомлённый Руслан. – Пальмовые циветты поедают спелые кофейные ягоды, в желудке у зверьков переваривается окружающая кофейные зёрна мякоть, а потом у них в кишечнике зёрна подвергаются воздействию особых ферментов. Кофейные зёрна после выхода их с помётом сушат на солнце, тщательно промывают, снова сушат и слегка обжаривают на огне из особых сортов дерева. Плантации находятся в Индонезии, в основном на Бали.

– Не хотел бы я пить эти… отходы пальмовых зверьков.

– Тебе никто и не предлагает. В Европе один килограмм этого кофе стоит четыреста–пятьсот долларов. Кофе с нежным ароматом ванили и шоколада. А самый лучший и вкусный «Лувак» производят дикие циветты, которые по ночам пробираются на кофейные плантации, где лакомятся отборными сочными кофейными ягодами.

– Всё равно не буду пить.

– Я уже понял. Тебе чай в пакетиках сойдёт, – рассмеялся Руслан. – Есть ещё более дорогой сорт кофе – «Айвори», но про него я тебе даже рассказывать не буду…

– Почему?

– Потому что кофейные ягоды едят слоны…

– Да, лучше не надо.

– А знаешь, сколько стоит? Тысяча долларов за килограмм.

Неудивительно: отходы жизнедеятельности слонов дороже помёта пальмовых грызунов. Очень логично.

Мы вспоминали детство, школу, девочек, учителей – наслаждались приятным общением. Атмосфера беззаботности, забытого счастья витала вокруг нас. Но всё это продолжалось недолго, до момента, пока Руслан не поинтересовался моей жизнью. И стоило портить мне и себе настроение в такой замечательный день?

– Как же это случилось у тебя с визой? – удивился Руслан.

– Сказку про Колобка слышал? Я от бабушки ушёл, я от дедушки ушёл.

– Рассказывай свою сказку.

– Три года я работал с финнами, потом меня пригласили голландцы – они больше платили. Но общего языка я не нашёл, в коллектив не влился, не сработался. Молодая голландская корреспондентка оказалась ярой феминисткой. В свои двадцать пять лет мужиков люто ненавидит.

– Потому и ненавидит, что мужского внимания нет. Вся злость таких женщин – из-за недостатка мужского

внимания. У них в Голландии это трагедия государственного масштаба. Для этого феминизм и придумали – чтобы мужиков унижать и контролировать. Голландцы к нам в Россию приезжают, на русских девушках женятся, – высказал своё мнение Руслан.

Согласен, могу это засвидетельствовать. Скажем, шеф-корреспондент корпункта голландского телеканала NOS Питер Домкур, с которым я имел честь работать, женился на русской и живёт в Москве. И он не один в своём счастье. Знаю немало других примеров.

– Из России я вовремя не выехал. Виза истекла. Сейчас меня не выпускают. Дорога закрыта.

– Добро пожаловать в Россию! – саркастично пошутил Руслан. – Что думаешь делать?

– Мне предложили границу переходить... Нелегально, – шёпотом добавил я, оглядываясь на дверь.

Руслан сморщился и криво усмехнулся:

– Ты шутишь?

– Нет. Мне теперь не до шуток.

– Ты помнишь Сергея Тропину? – отвлёкся от темы Руслан. – Он в соседнем дворе жил. С твоим братом Рафиком в одном классе учился.

– Ну да, помню... Кучерявый парень...

– В девяностом году Тропина в Израиль эмигрировал...

– Как все умные люди.

– Не спеши. Тропинка слишком кучерявым и умным оказался: он взял в Израиле крупный кредит в банке и в Москву рванул. Кинул, что называется, историческую родину на бабки. А Москва – не Израиль. Здесь деньги быстро заканчиваются: рестораны, бары с бабами, гостиницы, лей-пей, сабантуй...

Руслан вдруг замолчал. Сделал большой глоток горячего чая.

– И что дальше? – Я был заинтригован.

– А ничего! Его израильский паспорт недействителен уже восемь лет. Российская виза давно истекла.

Из России его не выпускают. В Израиль, сам понимаешь, дорога ему закрыта. Даже если ему новый израильский паспорт дадут... в чём я сомневаюсь...

– Как же он живет? – посочувствовал я.

Мне было жаль Сергея. Он дружил с моим старшим братом и нередко приходил в наш двор, заходил к нам домой. Прозвище Тропина Рафик ему дал потому, что Сергей любил ходить тропинками.

– Как при коммунизме! В синагоге в Спасоглинищевском переулке. Его там бесплатно кормят.

– Неплохо устроился.

– У тебя тоже всё впереди, – съязвил Руслан. – На днях Тропина мне звонил. Хочешь, поговорю с ним?

– О чём?

– Присоединяйся. Тебя тоже примут. Они своих не бросают.

Я хотел кое-что сказать по поводу свой – чужой, но передумал. Начнётся долгая дискуссия.

– У меня время пока есть. А чего Тропина хотел?

– Денег просил.

– Зачем ему деньги в синагоге? Его же бесплатно кормят.

– Пожертвования для синагоги собирает, – объяснил Руслан.

– Может, снова хочет кинуть? – предположил я.

– Вряд ли, иначе евреи окончательно потеряют веру в Бога.

Я снова хотел было высказаться насчёт религии и веры, но вовремя одумался: тема уж очень деликатная и серьёзная. И личная. Лучше её не касаться. Не сейчас.

– Жалко Тропину. Хороший парень...

– Жалко у пчёлки в попке, – улыбнулся Руслан. – Ты сейчас о себе думай. Кстати, тебе деньги нужны?

– Нет, – не задумываясь ответил я, хотя деньги очень были нужны – мне предстоял нелегальный переход границы. Сказалась моя гипертрофированная скромность,

вечно она впереди паровоза бежит. – Может, потом, – добавил я.

– Если понадобятся – звони, – поднял мне настроение Руслан.

Не прошло и недели, как я к нему обратился. Я вдруг решился на этот безумный шаг – нелегально пересечь границу. Другого выхода не видел. Однако возвращать долг было нечем. С просроченной визой меня на работу принимать отказывались. Я потерял три выгодных предложения. Канадское гражданство только усугубляло ситуацию.

– Отдашь, когда сможешь, – великодушно сказал Руслан.

Руслан – настоящий друг и филантроп; предложить деньги человеку без российского гражданства, находящемуся в сложном положении, – рыцарский поступок. Именно благодаря Руслану история получила дальнейшее развитие. Но помогут ли мне на границе одна тысяча пятьсот долларов? Я намеренно не хотел брать больше – долг платежом красен! Хватит ли этих денег для нелегального перехода? Сколько возьмут на границе, сколько надо дать? Ефимцев говорил, долларов пятьсот – семьсот, но точную сумму предстоит выяснить на месте самому. Переплачивать я не желал!

ГРАНИЦА. ШПИОНСКИЙ РОМАН

До Санкт-Петербурга я решил ехать на машине. Добрался за десять часов. В дороге моим глазам предстала картина, наводящая на тоскливые мысли. Я часто ездил в командировки по России и многое повидал. И всё равно увиденное потрясло. Ночью я переехал покорёженный, будто после бомбёжки, мост через речку. Фары автомобиля едва освещали опасный участок. Сквозная дыра зияла прямо посередине моста. Рытвины и ухабы на трассе, ветхие дома и покосившиеся заборы вдоль

дороги наводили уныние. Россия – вечное состояние депрессии; стоит только отъехать от города, и депрессия не заставит себя долго ждать. Ехать по этой трассе было небезопасно для жизни, в прямом смысле. Что происходило? Война закончилась более полувека назад. А что я видел? Перевёрнутый грузовой трейлер в кювете, труп мужчины на проезжей части, километровая пробка у железнодорожного переезда, бескрайние заброшенные поля, серые покосившиеся домики… Удручающее зрелище. Я помню парады Победы которые видел по телевизору. (Ничего другого кроме парада не смотрю.) Разве так живут победители?

В двенадцать ночи миновал Выборг, через полчаса – пограничный пункт Торфяновку. Наконец въехал на КПП «Брусничное», нарушая ночную тишину и спокойствие. К машине не спеша приблизился дежурный, попросил предъявить документы. Я волнительно протянул ему паспорт с визой. Он осветил документы тусклым лучом фонарика, просмотрел, спокойно произнес:

– Виза ваша недействительна…

Была во мне слабая надежда, что не заметит.

– Начальника смены пригласите, пожалуйста, – попросил я. Так научил меня Ефимцев.

– Здесь гражданин Канады… у него недействительная виза… – сказал дежурный в рацию.

Через минуту появился прапорщик.

– Поставьте машину на парковку и следуйте за мной, – распорядился он.

Мы вошли в двухэтажное служебное здание. Прапорщик провёл меня в просторный освещённый кабинет.

– Присаживайтесь, сейчас начальник подойдёт, – сказал он и вышел.

Сижу жду. Оглядываю большую комнату. Ефимцев оказался прав: кроме дежурных, начальства здесь не видно. В руках у меня небольшая чёрная кожаная сумка. Там деньги и документы.

Спустя минут пять в кабинет входит майор. Он оживлён, по-видимому, ему вкратце доложили ситуацию. Садится за стол и снимает фуражку. Аккуратно кладёт перед собой. Я протягиваю ему документы. Он внимательно их изучает.

– Я не имею права пропустить вас. Виза недействительна, – произносит майор ожидаемую фразу.

– Понятно. Но я хочу, то есть готов… как бы это сказать… отблагодарить вас… – Я начинаю нервничать.

Майор осторожно бросает взгляд на чёрную сумку в моих руках. Я не решаюсь, медлю. Майор снова принимается просматривать документы.

– Номер визы не совпадает с номером паспорта, – указывает он на визу.

– Я его недавно поменял. Канадский паспорт на пять лет выдаётся.

– А может, документы фальшивые?

Майор проверяет визу под ультрафиолетовой лампой. Наконец убеждается, что документы не поддельные.

– В долгу не останусь… сколько нужно… скажите… – бубню я себе под нос.

– Предлагаете вступить в сделку с совестью? – произносит майор не ясную для моего понимания фразу. Со мной проще надо, без загадок и мистики.

– Нет. Благодарность не заставит себя долго ждать…

– Скажите ваше веское слово, – деликатно намекает майор.

Но мне в его мысли снова недостает ясности: конкретнее надо выражаться. Назови конкретную сумму.

– Новую визу как получу, сразу обратно, – продолжаю я бормотать.

– Я не имею права, – отрицательно качает головой пограничник.

– Но я… сколько надо… вы скажите…

– Вы подставляете нас… Понимаете? А может, проверка? – майор смотрит на дверь.

– Я отблагодарю…

В кабинет вошёл тот самый прапорщик, который проводил меня сюда. Он с любопытством взглянул на меня и молча присел за соседний стол.

– Вы знали, что будут сложности на границе? – снова обратился ко мне майор.

– Знал, – подтвердил я.

– Ну, вот, – с облегчением вздохнул он, – действуйте согласно дальнейшему плану.

«Какому ещё плану? У меня нет никакого плана», – подумал я и сказал вслух:

– Я в долгу не останусь… если вы назовёте…

– Вы же взрослый человек.

– Конечно, – согласился я.

– Значит, всё понимаете.

– Более-менее… – сказал я, хотя ничего не понимал.

Наш разговор двигался по кругу и никак не развивался; пограничники это быстро уяснили, а до меня не доходило.

Повисла тягостная пауза. Наконец майор сказал:

– Не думаю я, что вы проехали семьсот километров только для того, чтобы ночью со мной пообщаться.

Он загадочно взглянул на мою сумку. Он вообще казался немного загадочным.

– Нет. Не для этого, – нервно усмехнулся я.

– А для чего?

– Чтобы новую визу получить.

– Ну, и вот. Что у вас в чёрной сумке?

– Деньги.

– Правильно. Вы собирались платить за визу…

– Да. Собирался. Вы скажите… всё будет…

– Меня за это по голове не погладят. Я обязан доложить о вас начальству… – Майор выжидающе посмотрел на меня.

– Ну, раз надо… звоните, – сказал я.

В глазах майора отразилось недоверие, он помедлил и нехотя поднял трубку. Стал кому-то докладывать обстановку на КПП:

– Происшествий и серьёзных нарушений нет. Спокойно. Здесь гражданин Канады… Без визы. Хочет выехать. С истекшей визой… Что с ним делать? – Майор послушал, глядя на меня. – Ясно! Так точно! – Положил трубку. – Возвращайтесь в Питер. Идите в канадское консульство. Они должны дать вам письмо.

– Какое ещё канадское консульство? – удивился я.

– В Питере есть канадское консульство. Вы не знали? – как бы даже обрадовался офицер-пограничник.

– Впервые слышу. Вряд ли они станут что-то писать… – усомнился я.

– Чего вам терять? Пусть подтвердят, что вы болели, и засвидетельствуют вашу личность. Может, вас выпустят… Гарантий дать не могу, но попытаться стоит. Письмо должно быть на бланке консульства с гербовой печатью и подписью консула, – предупредил майор.

Всё вдруг потеряло смысл. Время на границе остановилось, оно утратило таинственную власть надо мной. Усилием воли я подавил в себе зарождающуюся апатию и тоску и заставил себя собраться. Придётся всё-таки ехать в Питер за призрачным письмом. Движение – в неустойчивости, – говорил композитор и педагог Карл Черни. Только у меня движения мало. Зато неустойчивости хоть отбавляй.

Понимаешь, это странно, очень странно,
Но такой уж я законченный чудак:
Я гоняюсь за туманом, за туманом,
И с собою мне не справиться никак[12].

[12] Начало популярной в советские годы бардовской песни «За туманом», написанной Юрием Кукиным

В Санкт-Петербург я приехал глубокой ночью, точнее ранним утром. Консульство открывалось в восемь тридцать. До открытия оставалось более пяти часов. Припарковав машину напротив консульства, я решил вздремнуть на переднем сиденье. Не очень удобно, зато у дверей консульства буду первым. Меня предупреждали о возможной очереди.

В полдевятого утра я ополоснул лицо водой из пластиковой бутылки и вошёл в приемную консульства. Ко мне вышла стройная девушка в чёрном брючном костюме, доброжелательная и уверенная. Я поделился с ней своими проблемами и попросил выдать письмо на бланке консульства, с подписью и печатью.

– Вряд ли вас пропустят через границу с этим письмом, – усомнилась она.

– Мне на границе сказали, что пропустят.

– Письма недостаточно. Вас в принципе с истёкшей визой не выпустят. В России действует закон, по которому иностранный гражданин с недействительной визой депортируется, и ему запрещается въезд на пять лет.

– Я рискну. Мне сказали, что выпустят…

Девушка с сожалением посмотрела мне в глаза:

– Хорошо, посидите. Я поговорю с консулом.

Через десять минут она вернулась и сообщила:

– Мы напечатаем для вас письмо на бланке. Дайте ваш паспорт. Подождите.

Через час моя спасительница появилась с письмом.

– Это всё, что мы можем для вас сделать. Остальное будет зависеть исключительно от решения пограничников. Мы повлиять на них никак не можем. Удачи.

Я горячо поблагодарил за помощь работницу консульства. Даже хотел было её обнять в радостном порыве.

Ну вот, драгоценное письмо с печатью консула имелось, и я поехал на КПП «Брусничное». Майора,

дежурившего ночью, сменили, он отдыхал. Меня проводили на второй этаж, в кабинет полковника. Здесь, похоже, меня ожидали, что совсем не обрадовало. Приятно, конечно, когда вас ждут, готовятся к встрече дорогого гостя, приглашают за стол с аппетитными закусками, как это часто бывало в командировках по бескрайней России с иностранными корреспондентами. Но неприветливый, среднего роста полковник не собирался угощать меня красной икрой и строганиной. На его небольшом рабочем столе лежали папки, письма, документы. Он скупо предложил стакан воды и стул. От воды я отказался и, как оказалось, зря.

Разговор выдался серьёзным. Я кратко обрисовал полковнику ситуацию. Рассказал о поездке в консульство и письме. Полковник не торопясь прочитал письмо, внимательно изучил печать, просмотрел паспорт и визу, сделал ксерокопии, заполнил какую-то анкету и протянул мне для подписи. В правом верхнем углу анкеты было место для фотографии. Но, к моему удивлению, фотографировать меня не стали. Покончив со всеми необходимыми формальностями, полковник поднял телефонную трубку:

– Позвоню в Выборг, в центральное управление.

Разговор с управлением оказался отрывистым и неожиданным. Короткие фразы отзывались во мне острой, как от уколов иголкой, болью: «Да. Нет. Так. Гражданин Канады. Сверил. Вас понял. Доложу. Есть!» Очевидно, в Выборге уже были обо всём насчёт меня осведомлены. Полковник с хмурым видом опустил трубку на аппарат. Что-то записал в своих бумагах, потом налил в стакан воды из графина. Он медлил.

– Вам придётся вернуться в Москву, – наконец сказал полковник.

– То есть как? А письмо? – опешил я.

– Без визы не разрешают. – Он указал пальцем в потолок.

Меня мгновенно охватил жар. Я схватил стакан и залпом осушил его.

– Мне же обещали… – пробормотал я.

– Выборг отказал.

– Можно ещё?

Я поставил перед ним пустой стакан. Полковник молча налил из графина воды.

Выходит, всё было зря? Зря ездил в Питер? Зря ночевал в машине под дверью консульства? Зря просил сотрудницу консульства выдать мне письмо? Зря терпел лишения и унижения? Мои годы проходят в бесполезных заботах, и, похоже, я тут на границе и состарюсь, ничего не доказав дотошному полковнику. Я не представляю для него интереса.

Меня игнорируют официальные государственные лица, которые обязаны заниматься мной по долгу службы. Они обязаны составить заявление в суд о нарушении мной визового режима с требованием выдворить меня за пределы страны. Если им сейчас нет до меня дела, то как мне жить потом? Я вижу своё неприглядное будущее: одинокая старость – вот моё будущее. Причём очень скорое. Ладно. Теперь по-другому будет: я с этого места не сдвинусь. Пусть разбираются, поступают как угодно! Даже арестовывают. Прямо здесь и сейчас. На КПП! Может, хоть тогда дело сдвинется с мёртвой точки. Я обиваю пороги кабинетов чиновников, бегаю по учреждениям, требую собственной депортации – а что в результате? Совет о нелегальном переходе границы. Результата нет. Класть они на меня хотели. Необходим какой-то основательный, более смелый, даже вызывающий поступок, тогда они зашевелятся, забегают как тараканы. Может, самосожжение здесь устроить? Бензин в баке есть, как раз недавно заправился. Прямо в машине и поджечь себя. Это машина моей жены, но если надо для дела – она поймёт и даже одобрит мой поступок! А если даже не одобрит, мне уже будет всё

равно. Или пока только машину поджечь, а себя потом? Вдруг сработает?

Колючая проволока аккуратно тянется в два ряда по верху высокого металлического забора, который проходил рядом с окном. Там моя цель – за окном, за колючим забором. Двести метров – и я на свободе.

– Как же вы можете удерживать нарушителя, если он преступил закон?! – воззвал я к логике. – В Европе за нарушение визового режима депортируют в сорок восемь часов. Без разговоров! А я живу здесь два с половиной года, и никому до меня дела нет.

– Мы с вами в Азии, – лаконично парировал полковник. – Школьную программу помните? Географическую карту мира?

– Помню. – География и русский были моими любимыми предметами в школе. До Уральских гор – это Европа. Россия – трансконтинентальное государство.

Может, ему о татаро-монгольском иге напомнить? Хотя некоторые историки сегодня утверждают, что никакого татаро-монгольского ига на Руси не было. Спорят. Раскопки ведут. А я прямо здесь, не выходя из кабинета, могу доказать: татаро-монгольское иго было! И было долго – лет триста или больше! И оно дошло сюда! До КПП «Брусничное». Я вижу большое иго в глазах сурового полковника. Оно глубоко засело у него в мозгах. А за географическую карту ему отдельное спасибо! Надо было карту российско-финской границы как следует изучить, прежде чем сюда соваться. Выяснить все тайные тропы. Будет мне в следующий раз урок.

Я молчал, полковник – тоже. Давил на меня своим татаро-монгольским игом. Сверлил угнетающим взглядом. Не знаю, сколько так продолжалось. Думаю, недолго. Но мне это тягостное молчание показалось бесконечным. Наконец полковник нарушил его, и, может быть, зря:

– Если вы патриот и любите Россию – получайте российское гражданство.

В этом добром совете проскользнула нотка иронии. Но, возможно, так только показалось – я неадекватно отношусь к подобным предложениям. Во-первых, российское гражданство нелегко получить. Я интересовался. Во-вторых, на слово «патриот» у меня возникает неоднозначная реакция.

– Я просто хочу жить в России со своей семьёй! Для этого надо быть патриотом?

О патриотизме немало сказано известными людьми. Например: «Патриотизм – последнее прибежище негодяя»[13]; или: «Патриотизм – разрушительная, психопатическая форма идиотизма»[14]. Есть ещё много известных высказываний на эту тему. Но я не буду их здесь приводить. Достаточно тех, что есть. За этим словом можно скрыть любое преступление, любой теракт. Потом по телевидению будут рассказывать, как поступают настоящие патриоты. Тактика хорошо известна. Её часто используют в достижении грязных целей.

– Есть очень хорошее стихотворение об этом, – прибавил я.

– Интересно будет послушать, – сказал полковник.

Я чувствовал отчаяние, так что мог и «Горе от ума» процитировать: «А судьи кто?..». Но решил: лучше предоставить это судьбе. И с выражением произнес:

Что такое Россия? Это зимняя сказка,
Когда снег серебристый лежит на земле,
Когда мчатся мальчишки с горы на салазках,
Когда виден узор на оконном стекле.

---

[13] Афоризм, приписываемый английскому критику, лексикографу и поэту Сэмюэлу Джонсону.

[14] Высказывание выдающегося ирландского драматурга и романиста Джорджа Бернарда Шоу.

Когда ветер траву молодую волнует,
Когда птицы поют снова в нашем краю,
Я Россию свою, мою землю родную,
Словно мать дорогую, очень нежно люблю![15]

Я пытался спровоцировать конфликт. Если меня задержат – это будет именно то, чего я и добиваюсь. Вряд ли, конечно, меня осудят за эти стихи, но, может быть, хоть нарушу душевный покой равнодушного пограничного начальства.

Полковник подозрительно взглянул мне в глаза и повторил:

– Получайте гражданство. Какие проблемы? Только сначала вам придётся отказаться от канадского.

Совет он мне дал действительно полезный. Я и сам об этом раньше думал, но пока никак не могу решиться. Есть одно обстоятельство: вам не всё известно из моей биографии. Там, в Канаде, у меня двое детей от первого брака. Кто же меня без паспорта в Канаду пустит? Вот был один отчаянный американец (дело это было давно) пришёл в американское посольство в Москве и бросил свой паспорт на стол консулу. В смысле – отказываюсь от американского гражданства. Его потом застрелили в Америке. Так-то. А не надо паспортами разбрасываться где попало. Я не хочу, чтобы и меня застрелили. Арестовали – да. Этого я очень хочу! Но не застрелили! Пару раз это уже пытались сделать.

Первый раз – в армии: Смоловик Олег, сослуживец из Полтавы, снял автомат с предохранителя и ткнул дуло мне в живот. Перед глазами вся моя короткая жизнь пролетела. Это не плод моего воображения. Честное слово. Некоторые не верят в это, а я увидел свой двор, школу, маму, себя, братьев и сестёр. И мне так не хотелось расстраивать их своей ранней смертью от рук психически

[15] Строфы из стихотворения Виктора Духанина «Россия».

неуравновешенного прапорщика, что я отступил. (Олег решил посвятить себя военной службе: остался в армии сверхсрочником и щеголял в новой форме прапорщика.) Зато я теперь знаю, как буду себя вести в минуты смертельной опасности. Согласитесь, не каждому выпадет такая удача. (Потом я узнал, что Олега отправили служить в Афганистан, и в феврале 1989 года он вернулся домой живым.)

Второй раз дело было в Грозном. Работал с голландскими корреспондентами над сюжетом, как российские солдаты проводят в городе зачистку[16]. Вдруг засвистели пули, смотрю – все вокруг залегли, один я с камерой стою. Тогда тоже обошлось: снайпер промахнулся. Здесь, на границе, они не промахнутся!

– У меня в Канаде дети, – объяснил я.

– Ваше лично дело, – равнодушно заметил полковник.

Меня взбесило его холодное равнодушие, и я выпалил:

– Я отказываюсь возвращаться! Делайте что хотите!

Я был не в силах контролировать свои эмоции, они достигли предельного накала. В то время моя неуравновешенная психика давала сбои. У полковника ни один мускул на лице не дрогнул. Стойкий оловянный солдатик. Точнее, оловянный полковник. Таких, похоже, из олова отливают. Потом в холодной воде закаляют. Я сам в детстве этим занимался: мы с пацанами отливали из олова и свинца кастеты. Я дрался неохотно, но, если требовалось, долго не думал.

– Вы не спешите, хорошо подумайте, – резонно порекомендовал полковник.

[16] Зачистка – оперативно-силовые мероприятия в населённых пунктах по проверке удостоверяющих личность граждан документов, досмотру помещений с целью выявления лиц, имеющих отношение к бандформированиям или принимавших участие в противоправной деятельности.

– Я уже подумал. Остаюсь здесь! Никуда не поеду, – упрямо заявил я, глядя ему в глаза.

– Вы верите в трудное счастье? – ухмыльнулся оловянный полковник. – На вашем месте я бы вернулся.

– Может, мне на Смоленской площади с плакатом встать? – съязвил я.

– Не советую, – серьёзно ответил полковник. – Тогда вами займутся другие органы.

– Я не поеду! – вскричал я. – Выпускайте или арестовывайте!

Полковник невозмутимо воспринял мой истеричный выпад.

– Первое требование невыполнимо, – заметил он, – а над вторым я подумаю.

– Мне обещали: если будет письмо – выпустят.

– К восьмидесятому году коммунизм обещали... Ко мне у вас есть вопросы?

– Арестовывайте!

Полковник вгляделся в мои горящие глаза, сообразил:

– На международный скандал рассчитываете?

– Именно.

– Зря. Перед Новым годом у людей есть более важные дела...

– Я сейчас в посольство позвоню! – пригрозил я.

В канадское посольство я действительно позвонил, но международного скандала добиться мне так и не удалось. Сотрудник посольства в Москве Наталья Булгакова разъяснила, что посольство не в ответе за чудиков, просрочивших свою визу на два года. Мне теперь самому придётся разбираться с ФМС.

– Идите на Радищевскую, – посоветовала в итоге Наталья.

Вечно меня все куда-то посылают. Сами вы все идите... на Радищевскую! Как говорили хулиганы в нашем дворе в посёлке Восьмой километр, до-ре-ми, до-ре-до. (Позже объясню магию этих нот.)

Был канун Нового года. У людей имелись более важные дела, поэтому я, не дослушав сотрудницу посольства, пожелал ей напоследок сквозь зубы:

– С наступающим вас, Наталья!

– И вас также! – рявкнула консульская сотрудница и повесила трубку.

Моё настойчивое требование о собственном аресте осталось без внимания: у людей действительно имелись более важные дела. Пограничники не желали напрягать международную обстановку, и мне без скандала и попытки самосожжения пришлось возвращаться в Москву.

– Зря только съездил, – критикует меня Руслан.

Мы снова пьём чай с высокогорьев Шри-Ланки в его офисе.

– Ничего не зря! – возражаю я. – Я получил бесценный опыт.

– Какой? – критично интересуется Руслан.

– Опыт общения с пограничной службой.

– Тебе совсем другой опыт нужен, – нравоучительно говорит Руслан.

– Какой? – в свою очередь интересуюсь я.

– Взятки давать учись! Пограничникам общение с тобой не нужно. Правильно майор сказал: ты семьсот километров проехал не для того, чтобы разговоры ночью вести, – укоряет меня Руслан.

– Не берут, – оправдываюсь я. – Майор ещё сказал, что не может вступить в сделку с совестью.

– Все берут, и совесть здесь ни при чём. Давать не умеешь, – отчитывает меня Руслан.

– Ты прав. Я не могу давать полковнику на границе доллары! Это, согласись, очень странно. Меня бы сразу арестовали.

– А разве ты не этого хотел?

– Этого, но не за дачу взятки.

– Всё проще, чем ты думаешь. Чем выше чин, тем больше надо давать. Положил бы майору пятьсот долларов в карман – он бы пропустил. У них зарплата маленькая. Полковнику – тому, конечно, больше. Деньги надо совать в карман без лишних разговоров, при этом мило улыбаться. Ты должен показать им свою зависимость. Дай им насладиться твоим унижением. Тогда они возьмут. Думаешь, мне легко в центре Москвы магазин держать? Без взятки здесь не выживешь. Сертификаты, лицензии, акцизы. Одна проверка за другой. Как раз недавно зашёл ко мне один из Роспотребнадзора. Запарковал свой новый перламутровый «Кайен» напротив входа и ткнул мне под нос свою корочку. Говорит: «У тебя в магазине левый товар». Пятьдесят тысяч хотел. Я что, мальчишка? Я же не первый день в бизнесе! Какой ещё левый товар? Откуда? У меня на каждую бутылку сертификат. Эта шестёрка на испуг берет, ищет, с кого можно денег по-лёгкому срубить. Я же ему не лох! Десять лет ишачу и на старой «Тойоте» езжу. А этот со своей государственной зарплатой в тридцать тысяч рублей на новом «Порше» разъезжает…

Руслан прерывается.

– Знаешь, о чём я мечтал в восемьдесят восьмом году, когда приняли закон о кооперации? – продолжает он после недолгой паузы, меняя тему.

– О чём?

– Я мечтал о белом лимузине, шофёре-негре в белых перчатках и доме с фруктовым садом. Мне уже сорок семь, а у меня ни лимузина, ни фруктового сада!

– А негр у тебя есть? – спрашиваю.

– Я сам как негр! Пашу как папа Карло, без выходных.

И опять жёлтое здание на Покровке, 42. Тёмные кабинеты, безучастные взгляды, пустые разговоры

и советы о визе – всё то же самое. Неужели со мной больше не о чем поговорить? Я многогранная, разносторонне развитая личность, а у них все разговоры только об одном – как озабоченные. Я хорошо разбираюсь в «венской классике», могу поговорить о современной русской литературе. Даже поспорить, если придётся. Но спорить с офицерами Федеральной миграционной службы нежелательно и даже чревато.

В этот раз меня принимает Михаил Алексеевич Антошин, начальник Отдела учёта, регистрации и оформления виз Управления Федеральной миграционной службы. Хотя он возникает в моей жизни на короткое время, – Шпаковский по какой-то важной причине отсутствует, – наше непродолжительное знакомство тоже оставит в ней яркий, неизгладимый след.

Михаил Алексеевич мне сразу понравился. Честное слово. Если к подполковнику Шпаковскому любовь созревала постепенно, то майора Антошина я полюбил сразу. Любезный, элегантный, с тонким чувством юмора. В этом жёлтом здании, догадываюсь, работают только милые люди. Возможно, проходят спецотбор. ФМС ведь серьёзная государственная организация, а не Дорогомиловский рынок, где кавказцы торгуют фальшивой чёрной икрой.

Михаил Алексеевич говорит со мной учтиво, едва улыбаясь:

– Господин Семёнов. Специально для вас информация к размышлению: неделю назад наши пограничники сняли с ночного поезда двух иностранцев…

– За что? – глупо улыбаюсь я. На Покровке, 42 я простодушно удивлялся всему.

– Догадайтесь сами. – Антошин делает короткую паузу. – Я вам подскажу. Виза была просрочена… На четыре часа, – прибавляет он.

– Боже… Бред какой-то, – непроизвольно вырывается у меня.

– Это не бред, господин Семёнов! Это пункт восемь статьи восемнадцать Кодекса об административных правонарушениях. Подобное нарушение иностранным гражданином режима пребывания влечёт за собой наложение административного штрафа в размере от двух тысяч до пяти тысяч рублей с административным выдворением за пределы Российской Федерации или без такового, – чётко цитирует Антошин. – А у вас на два с половиной года виза просрочена. Чувствуете разницу? Такой ответственности мы на себя не возьмем.

– А вы попробуйте. Никто ничего не хочет брать! – начинаю горячиться я. – Вы – центральное управление. Разве не вы должны решать эти вопросы?

– Если бы ваша виза была просрочена на день-два – мы бы, возможно, и решили. А сейчас вам поможет только министр иностранных дел, – Антошин указывает пальцем вверх, – или начальник Федеральной миграционной службы генерал-полковник Ромодановский Константин Олегович. Он на Радищевской работает. Если оттуда нам сюда позвонят и дадут соответствующее распоряжение, то мы вас выпустим, – с милой улыбкой заканчивает Антошин.

Да он просто издевается! Мне нестерпимо хочется нагрубить. Я проглатываю обиду и грубо спрашиваю:

– Может, хотите, чтоб сам президент сюда позвонил?

– Это будет просто замечательно, – живо реагирует Михаил Алексеевич. – Тогда мы выпустим вас куда хотите.

Господин Антошин. Я понимаю ваш изощрённый армейский юмор. Вы, слава богу, не прапорщик. Вы – майор, и потому ваше чувство юмора острее и тоньше. На мою долю выпало достаточно препятствий, и я по необходимости готов преодолевать новые. Это как компьютерная игра – с каждым новым уровнем становится сложнее. Но если вы желаете, давайте посмеёмся вместе: вам позвонит президент – и мы с вами посмеёмся

от души. Ваше желание для меня закон, и я пройду все уровни этой сложной игры. Другого выбора не остаётся. Президент так президент. Главное – не премьер-министр. Хотя разницы для меня нет никакой. Я только опасаюсь, чтобы из этого не приключилась какая-нибудь дикая история, как в случае со Шпаковским и Ефимцевым, когда я пытался добровольно предать себя в руки закона.

Итак, мне придётся обратиться к президенту России! Ну, а чего здесь страшного? Если я каждый день обращаюсь к Всевышнему, неужели раз в жизни не имею права обратиться к президенту? Даже если это президент России – юридически чужой мне страны. Кроме просроченной визы терять мне нечего. Кто доведён до отчаяния, готов на поступок. Но как? Как беспрепятственно войти в Кремль и попасть в кабинет президента? Мне дважды уже приходилось бывать в Кремле, в Георгиевском зале, и теперь я хорошо знаю, где он находится. В середине 90-х годов 20 века там проводилась реставрация, о которой писали все российские и западные СМИ, в связи с коррупционным скандалом вокруг главы управделами президента Павла Бородина и швейцарской фирмы «Mabetex». Реставрация напоминала дешёвый евроремонт гастарбайтеров, скорее всего с просроченной визой, но это к делу не относится. Хотя как на это посмотреть. Судя по всему, Путин Георгиевским залом был доволен. Я это видел по довольному выражению лица президента. Он принимал там у послов африканских государств верительные грамоты. Послы подходили к Путину, вручали грамоты, чокались с ним шампанским в хрустальных бокалах и фотографировались. Послов было много, но Путина я заметил сразу – он был единственным белым человеком в дешёвых позолоченных интерьерах Георгиевского зала. Тогда меня без проблем пропустили в Кремль – у меня была виза. А сейчас моя виза просрочена, и дорога туда закрыта.

С майором Антошином мы расстались на дружелюбной ноте: Михаил Алексеевич пообещал ждать звонка, а я пожелал начальнику Отдела учёта, регистрации и оформления виз УФМС продвижения по службе.

После встречи с ним прошла неделя. Я колебался, взвешивал, медлил, раздумывал, но в какой-то момент поймал себя на мысли: человек ждёт звонка от президента страны. Непорядочно с моей стороны заставлять майора столько ждать. И тогда я позвонил в общественную приемную президента Путина. Номер нашёл в телефонной книге. Это был день «икс», говоря условно. У каждого в жизни наступает такой момент или день, когда приходит прозрение, когда становится ясно, что реальность абсурдна и вокруг хаос. Я хорошо помню, как это случилось. Я проснулся утром, сел на краю кровати, посмотрел на телефонный аппарат и сказал себе: если минувший год моей жизни, поступки, встречи, разговоры – всё хаос и абсурд, то пусть это быстро закончится, а если нет, – я на верном пути.

ПИСЬМО ПРЕЗИДЕНТУ

– Напишите письмо на имя президента и приходите завтра, – ответил приятный женский голос из Администрации президента.

Бешено заколотилось сердце, мне захотелось вскочить, но я не чувствовал своих ног. Неужели всё это происходит со мной? Неужели я всё это слышу? Неужели так всё просто? Я уже год бьюсь над решением загадки этой китайской игры, правила которой глубоко от меня сокрыты. Год мучаюсь над разгадкой, а выход здесь простой.

– Я запишу вас на девять. Народу с утра меньше, – прибавила девушка.

Чем дольше она со мной говорила, тем ярче разгоралась надежда в моей потухшей душе. Я почувствовал, как потеплело в сердце. Что-то внутри меня зарождалось, какое-то новое чувство. Я влюбился в эту девушку из Администрации президента. Любовь с первого телефонного разговора. Она дала мне надежду: президент Российской Федерации решит мой вопрос и мои проблемы закончатся. Только главе великой державы такое под силу.

Однако, если сам президент решает визовые вопросы, некстати рассуждал я, чем же тогда занимается премьер-министр? Выдаёт разрешения на перепланировку санузлов? Или составляет график отключения горячей воды? А что, ничего тут удивительного нет! Это дела государственной важности. Путин, конечно, не государь Николай I. К президенту попасть намного сложнее. Мы живём не в крепостное время, мы в свободной демократической стране. Безотлагательного президентского решения ждут вопросы государственной важности: американцы разместили в Чехии новую систему противоракетной обороны. Саакашвили снес в Грузии памятник советскому воину-освободителю, развязал войну в Южной Осетии. Сомалийские пираты захватывают российские корабли с грузами, берут моряков в заложники. А я тут со своей визой оператора иностранных корпунктов таскаюсь. Выходит, действительно больше некому разобраться и решить мою проблему, кроме президента России.

К приему в Администрации президента надо было подготовиться основательно. В семь утра я встал, принял душ, надел свой единственный летний костюм, хотя была середина января, и отправился на прием к Путину. Что же он подумает, увидев меня в светлом летнем костюме?

На входе в серое пятиэтажное здание на Старой площади охранник в звании сержанта, в зелёной военной форме, просканировав меня профессиональным взглядом, спросил:

– Куда?

– На приём к Президенту, – с гордостью ответил я.

Я был готов к любым неожиданностям, даже к тому, что меня не впустят. Но дверь отворилась, и я оказался внутри здания. Значит, это не сон. Я действительно иду к Путину. Надо было фотоаппарат с собой захватить. Сфоткаться с президентом, чтоб Шпаковского с Антошиным на Покровке удивить. Хотя вряд ли их удивишь фотографией.

Взглянув на каменное выражение лица второго охранника, я решил, что этот меня точно развернёт назад. Сержант стоял у рамки металлодетектора, сурово меня разглядывая. Он ничего не сказал, только кивнул. Волнуясь, я на непослушных ногах второй раз прошёл через рамку и наконец оказался у окошка, за которым сидела важного вида женщина лет пятидесяти. Она напомнила мне служащую советского государственного учреждения. Её прическа, одежда, осанка и манера держаться были результатом долгой работы в этом ведомственном здании, бывшей собственности центрального партийного комитета. Здесь царила ушедшая атмосфера полузабытого жителями столицы советского строя. Похоже, интеллигентная женщина когда-то была личным секретарём самого Леонида Ильича Брежнева.

– По какому вопросу? – степенно поинтересовалась она, продолжая что-то писать.

– Меня из России не выпускают…

– Ваш паспорт, – сказала она, продемонстрировав равнодушный взгляд.

Я наклонился и протянул через окошко паспорт.

– Вы что, гражданин Канады? – пролистав паспорт, удивилась работница Администрации.

– Да, – подтвердил я очевидный факт.

– Как вы сюда вошли? Мы иностранцами не занимаемся!

– Я… я же вам звонил… – разволновался я.

– И что вам сказали?

– Мне сказали записаться и прийти на прием.

– Мы занимаемся только российскими гражданами.

– Да, но мне сказали написать заявление...

Женщина помолчала, потом сказала:

– Дайте ваше заявление.

Я протянул ей лист бумаги с заявлением.

Пробежав глазами текст, она сказала:

– Я не уверена, что вас примут... Ну, хорошо, – прибавила служащая Администрации, чуть подумав, – я выпишу вам пропуск.

Распечатав на принтере пропуск и вложив его в мой паспорт, она вернула мне документ. Я получил регистрационный талон № 179, на котором было напечатано:

> 16 января 2007 года
> Семёнов Анатолий (гр. Канады)
> приглашается в кабинет № 103.
> Приём ведёт Аслаханов А. А.

– Посидите, – кивнула она на мягкие красные стулья. – Вас пригласят.

Уже через пять минут в сопровождении этой приятной советской женщины я робко ступал по алой ковровой дорожке, которая стелилась по длинному, с высоким потолком, мягко освещённому коридору.

– Вас примет советник президента по национальным вопросам Асламбек Ахмедович Аслаханов, – сообщила служащая Администрации.

– А президент? – спросил я.

– Президент занят. У него встреча с губернаторами, – невозмутимо ответила она.

Я понимающе кивнул.

Женщина в свою очередь поинтересовалась:

– Вы читали его книгу «Я всегда защищаю народ»?

– Чью, Аслаханова или Путина?

– Сейчас все пишут... у Аслаханова несколько книг.

– Нет, но обязательно прочитаю, – горячо заверил я работницу Администрации.

У дверей кабинета стоял двухметрового роста и атлетического сложения мужчина в идеально отглаженном чёрном костюме. Вид громилы был безучастным и решительным одновременно, как у личных телохранителей государственных персон. Я часто видел таких на саммитах и международных встречах политиков.

Особо хочу отметить личного телохранителя покойного президента Чеченской Республики Ахмата Кадырова. Мне его даже описывать страшно. (Говорили, что Кадырова охраняют бывшие боевики, из тех, кто перерезал горло русским солдатам. Об этом я слышал от одного чеченца, перешедшего на сторону федералов.) Это был хищник двухметрового роста с красными звериными глазами. Такие не разговаривают. Они убивают одним ударом. Эти парни на особом положении, с правом на убийство.

На высокой дубовой лакированной двери красовалась медная, отполированная до блеска табличка:

Помощник Президента Российской Федерации
по национальным вопросам Аслаханов А. А.

– К Аслаханову, – сказала служащая Администрации охраннику, у которого, слава богу, глаза были человеческими.

Тот пронзил меня острым взглядом, заставив сконфузиться, и одобрительно кивнул. А я уж подумал, обыскивать будет.

Мы с женщиной вошли в кабинет.

– Ждите, – указала она на стул и вышла.

Я присел к большому и массивному лакированному столу и с интересом осмотрел помещение. Меня потрясла обстановка – сохранённый в первозданном виде островок советской системы. Двадцать лет назад

в стране произошли колоссальные перемены: ушли в прошлое секретари райкомов и обкомов, председатели агропромышленного и гидрометеорологического комитетов, министры пищевой промышленности и внешних сношений, упразднены колхозы и совхозы, изменилась Конституция. Отмечается День независимости России. Уже экзамены в вузах сдаются по американскому образцу. Но в этом кабинете... Скорее не мебель меня впечатлила, не обстановка, хотя и это тоже. Я был поражён царившей здесь особой атмосферой советской эпохи, духом лучших времён развитого социализма. Длинный прямоугольный стол из орехового дерева, покрытый толстым слоем лака, графин с водой на серебряном подносе, гранёные стаканы. Вишнёвые массивные стулья с высокими прямыми спинками, аккуратно расставленные вдоль стола с обеих сторон. Вызывающий ностальгию кабинетный диван, обтянутый кожей, с изящной резной отделкой спинки, массивное министерское кресло, лакированные кабинетные шкафы, высотой до потолка, железный сейф на колёсиках. Две большие картины на стене, с изображением классических пасторальных пейзажей. Роторный телефонный аппарат с золотым гербом СССР. Здесь даже пахло как-то особенно, по-советски. Я на секунду представил, что нахожусь в кабинете советского министра сельского хозяйства или первого секретаря обкома. В этом изолированном от окружающего мира пространстве сохранялась часть той страны, о которой я часто вспоминал, в которую изредка мне хотелось вернуться. Сюда, похоже, не ступала нога демократа. Я вообразил, что в кабинет сейчас войдёт генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев и откроет торжественное заседание президиума.

Между тем в кабинет вошёл депутат Государственной Думы Асламбек Ахмедович Аслаханов в дорогом

чёрном костюме. Он присел в кожаное министерское кресло и доброжелательно улыбнулся:

– Ну что, обижают канадцев?

«Раз он шутит, значит, есть надежда», – пронеслась в голове шальная мысль.

– Меня из России не выпускают, – пожаловался я.

«Не суетись. Говори спокойно, – внушал я себе. – Человек, написавший книгу "Я всегда защищаю народ", обязательно поможет».

– Почему?

– У меня виза просрочена. – Я протянул ему документы и справку из института Бурденко.

Асламбек Ахмедович изучил визу, пробежал глазами справку и проговорил:

– Большой срок…

Я промолчал. Помощник Путина по национальным вопросам, генерал-майор МВД и автор книги «Я всегда защищаю народ» ненадолго задумался. Потом снова раскрыл мой канадский паспорт, взглянул на просроченную визу.

– И как это получилось? – В вопросе отразился профессиональный интерес бывшего сотрудника внутренних дел.

– Я болел… – Лучшей причины для оправдания у меня не имелось.

– Два года? – иронично улыбнувшись, усомнился генерал-майор.

– Два с половиной, – уточнил я. И прибавил виновато: – Так вышло… случайно.

– Случайностей не бывает! Всё в нашем мире или испытание, или наказание, или награда, – философски произнёс Аслаханов.

Значит, мои неудачи – это награда. Не хотел бы я думать, что это испытания. Слишком их у меня много.

– Расскажите, – предложил Асламбек Ахмедович.

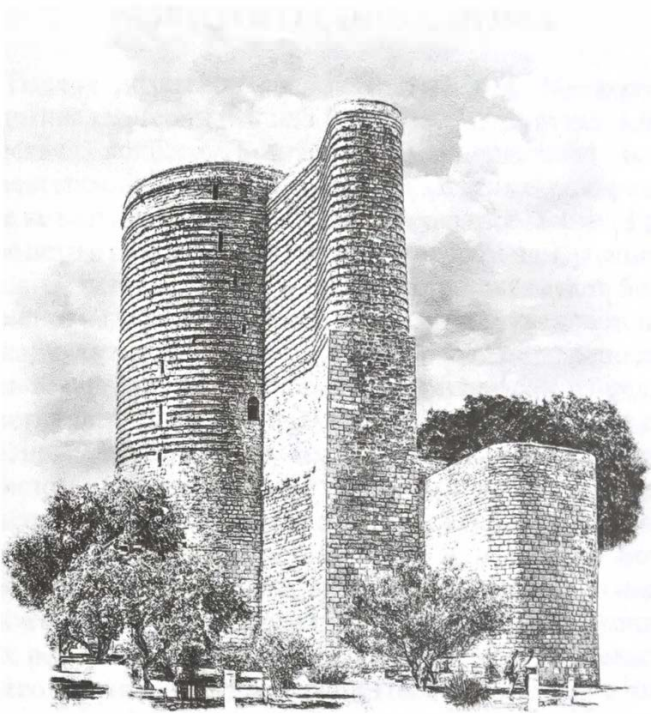
– Очень долго рассказывать придётся, – предупредил я.

– Вам теперь спешить некуда... Рассказывайте всё по порядку.

Мой добрый читатель, если тебе покажется, что всё интересное я уже рассказал, – ты сильно заблуждаешься! Уверяю тебя. Это только прелюдия. Увертюра. Экспозиция. Даже точнее можно сказать: вступительная часть водевиля. Дальнейшее повествование насыщенно и развивается не менее увлекательно. Но сейчас мне придётся отмотать потрескавшуюся киноплёнку воспоминаний назад и совершить экскурс в прошлое. Прости, что отвлекаюсь на лишние, как может показаться, подробности. Мне и самому не хочется обнажать перед тобой свои слабости и многообразные комплексы. Я не горю желанием рассказывать о своей семье и непростом детстве, превращая перипетии семейной жизни и страдания моих родителей в предмет насмешки. В конце концов, я не мазохист. Но если не рассказать, конструкция произведения нарушится, и дальнейшее повествование потеряет смысл. Обещаю, по возможности, быть кратким. И ещё. Я иду на это потому, что, вспоминая прошлое, надеюсь найти там причину своих нынешних бед и несчастий.

Итак, я готов к интересному путешествию в прошлое. С чего же именно стоит начать? Попробую с момента рождения мечты.

БАКУ

Будь весел – короток наш век – он горя твоего не стоит.

Низами Гянджеви

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА

Тысяча девятьсот восьмидесятый год. Московская Олимпиада. Леонид Ильич Брежнев. Афганистан. «Докторская» колбаса. Болгарский маринованный перец и венгерский зелёный горошек. Развесные панировочные котлеты и талоны на мясо и сливочное масло. В разгаре лето и развитой социализм, о котором нам, ученикам средней школы, много и подробно рассказывает Борис Семёнович Назаров – лысоватый, в сером твидовом пиджаке, чуть выше среднего роста, сорока лет преподаватель географии и обществоведения. Он один из редких счастливых учителей школы № 32, обладающий собственным автомобилем, который он ставит под окнами кабинета. Его новенький ЗАЗ-966В, «Запорожец» ярко-красного цвета с «итальянским» сигналом, вызывает у многих школьников живой интерес, и поэтому Борис Семёныч частенько выглядывает из окна, любуясь машиной и одновременно отгоняя любопытных и потенциальных недоброжелателей, пресекая всякие посягательства на его частную собственность. Должен объяснить читателю, что такое *«итальянский» сигнал*, так как это словосочетание сегодня мало что может сказать. На Кавказе многим счастливым автовладельцам вместо стандартного заводского устанавливали на заказ сигнал, который воспроизводил фрагмент мелодии какой-нибудь популярной итальянской песни. В старой советской комедии «Будьте моим мужем» с Андреем Мироновым в главной роли как раз показан автомобиль с «итальянским»

сигналом. В том эпизоде, где кавказский водитель приезжает на красном «Запорожце» за Ниной Руслановой. Разъезжать с «итальянским» сигналом в 70–80-е годы было престижно – кому не хотелось выделиться. Пешеходы оглядывались, жители ближних к проезжей части домов высовывались из окон. Только одно дело, когда «итальянский» сигнал издавала элегантная «пятёрка», и совсем другое – когда «Запорожец» с мотором сзади и багажником спереди. Этот двухдверный автомобиль с двигателем воздушного охлаждения производился для широкого народного пользования запорожским автозаводом «Коммунар» и стоил три с половиной тысячи рублей. Для преподавателя советской общеобразовательной школы совсем немалая сумма. Но Борис Семёныч жил согласно советским законам и популярному в СССР лозунгу «Накопил – машину купил».

Для нас, школьников-подростков, «Запорожец» его служил объектом насмешек. Старшеклассники насчёт «ушастого» нередко отпускали злые шуточки. Кто-то из девочек даже хотел сфотографироваться на капоте красного «Запорожца», подражая фотомоделям из журнала «За рулём», но эта идея успеха не имела, так как Борис Семёныч чутко оберегал свою собственность от наших посягательств. Но однажды ребята всё-таки незаметно подобрались к машине и бросили в бензобак несколько кусков сахара. Просто забавы ради или отомстили за двойку. Борису Семёнычу пришлось заменить карбюратор. В общем, Борис Семёныч пользовался в школе повышенным вниманием. Иметь в собственности автомобиль в СССР было весьма престижно, а в бывшем посёлке Восьмой километр – большой удачей и счастьем.

Борис Семёныч – деловой и умный педагог: он любит нашу Отчизну, социалистический строй, предметы, которые преподаёт, и, конечно, свой красный «Запорожец». Он подробно рассказывает о географическом

положении родной страны, её природных богатствах, социалистической морали и дружбе народов. Наша общая Великая страна имеет звучное всеобъемлющее название: Союз Советских Социалистических Республик. «Развитой социализм – это власть трудящихся при руководящей роли рабочего класса, во главе с марксистско-ленинской партией», – неоднократно говорил на уроках Борис Семёныч. И ещё что-то рассказывал о коллективном разуме коммунистической партии. Эти и некоторые другие тезисы я усвоил на всю жизнь.

Время от времени мне на глаза попадаются книги известных советских работников культуры, полные негативных воспоминаний об СССР. Возможно, у этих деятелей имеются серьёзные причины осуждать, критиковать, очернять – угрызения совести испытывает не каждый. Добившись при советской власти признания и успеха, эти господа-товарищи после развала Советского Союза принялись живописать изъяны социалистического строя. Ну, хорошо. Допустим, кого-то в Америку или даже Болгарию не пускали, кому-то когда-то продуктов из спецраспределителя не доложили, кому-то диссертацию не зачли, Ленинскую премию не присудили, звание заслуженного не дали. Понимаю, сочувствую, сожалею. Всякое было. А я всё равно отрицательно отношусь к этим негативным воспоминаниям хулителей. Ведь было время, когда они с удовольствием пользовались социалистическими благами и привилегиями. Обласканным всенародным вниманием, бедным служителям культуры жилось нелегко. Зато мне, сыну повара и многодетного отца, жилось весело и хорошо. «Нельзя безнаказанно бранить своё время», – предостерегал австрийский писатель Роберт Музиль. Вот поэтому я приложу все усилия для достоверного описания и сохранения в памяти людей периода развитого социализма, чтобы никому не вздумалось удалить

эти воспоминания из реестра мировой истории. В этом состоит моя задача, моя историческая миссия.

В период моих хождений по кабинетам ФМС обнаружилось, что срок действия моего паспорта истекал, и я отправился в канадское посольство подавать анкету для получения нового паспорта. Процедура получения нового документа через каждые пять лет – отдельная тема, но я не буду отвлекаться. Рассказ уведёт нас в сторону. Думаю, это один из способов сбора и отъёма денег. В общем, я заполнил анкету и протянул её сотруднице посольства в окошко.

Референт посольства Наталья Булгакова посмотрела в бумагу и раздражённо сказала:

– Что это вы тут написали?

– Родился в АзССР, – уверенно произнёс я.

– Нет такой страны!

– Нет, но была. Азербайджан был частью СССР – и я там родился.

– Вычеркните и забудьте! – требовательно заявила она.

Я, конечно, подчинился и вычеркнул АзССР из анкеты, иначе остался бы без паспорта. (Жить в России без паспорта никому не рекомендую, хотя такие люди есть.) Но я, извините, не собираюсь вычёркивать из памяти своё прошлое, какое бы оно ни было; хотя и не скажу, что оно было мрачным и безрадостным. Моя память хранит немало светлых воспоминаний о большой и великой стране. Ирина Роднина и Александр Зайцев, Анатолий Карпов и Гарри Каспаров, Муслим Магомаев и Людмила Зыкина, Валерий Харламов и Владислав Третьяк – эти имена звучали как торжественная музыка: зрители на стадионах, спортивных аренах и в концертных залах утирали слёзы гордости за СССР. Но история покрывается толстым слоем архивной пыли, сегодня всё это забывается. Но я напомню. Я напомню неблагодарным

кляузникам о героях-комсомольцах, героических строителях БАМа. Они у меня всех героев «Молодой гвардии» поимённо вспомнят. Никто не забыт, ничто не забыто! Бесплатное высшее образование получали? В закрытых поликлиниках бесплатно лечились? Продукты на служебных машинах к вашим подъездам доставлялись? Перед партийными чиновниками заискивали? За рубеж за государственный счёт ездили? Квартиры от государства бесплатно получали? А дачные участки? Не отрицайте! Всё это было. Так что же с вами случилось? Самолюбие проснулось и тревожит душу? Сострадаю. И вот вам мой решительный ответ: вы – предатели советских идеалов и героев, нет вам прощения и народного доверия! Я не позволю вам искажать историю СССР и втаптывать её в грязь! СССР – это музей народной памяти, и распоряжаться этим достоянием нужно бережно и с трепетом. Всеобщее счастье и благополучие граждан многонациональной страны в эпоху экономической стабильности должно быть и будет предано широкой огласке.

Внешний враг и гонка вооружений, диссиденты и психбольницы, Лубянская площадь и карательная цензура, товарный дефицит и война в Афганистане – это нас почти не затрагивало. Мы, энергичные безмятежные советские пионеры-комсомольцы 70–80-х годов, полные светлых надежд, в политике не копались, членов партии не критиковали (анекдоты про Брежнева и Андропова не считаются). Заботы и проблемы взрослых или политика страны нам были неинтересны. Нашим увлечением была рок-музыка: громкая, бунтарская, энергичная. Даже больше чем увлечением, – она была смыслом нашей беспечной молодости. Мы доставали и слушали импортные пластинки, переписывали их на кассеты и бобины, переводили с английского языка тексты песен. Понимали, что параллельно существуют другой мир и другая жизнь, о которой слышали от взрослых – жизнь грубая, иногда жестокая. Но эта реальность была далека от нас

так же, как и война в Афганистане. Юношеское увлечение западной музыкой превосходило по важности всё остальное, в том числе и то, что из Афганистана возвращались покалеченные солдаты. Слухи о них доходили до нас от их родственников и знакомых, об этом не писали в газетах, не говорили по телевизору, не рассказывали в школе. На наши молодые годы пришлась «эпоха гуманизма». Взрослели же мы в смутные годы «перестройки» и в тоскливое время распада СССР. А зрелые годы совпали с ельцинской «демократией» и путинской «стабильностью». Сколько всего за одну жизнь! Это разве не удача? «Пусть песни расскажут, какими мы были». Хороших песен о нашем поколении достаточно, но потоком времени они оказались выброшенными на помойку истории. Но некоторые я здесь напомню.

Дышите глубже и сохраняйте спокойствие! Я не фанатик марксизма-ленинизма, не живу прошлым и не мечтаю вернуться назад, в СССР, но у каждого своё прошлое. Это надо понимать. С этим придётся мириться. Не стоит забывать своё прошлое. Я помню немало хорошего и достойного, великие стройки и завоевания социализма и никому не позволю принижать руководящую роль ЦК КПСС, тем самым перечёркивать уроки Бориса Семёныча.

Мой отец – не коммунист, не партийный работник, не служащий государственного аппарата. Он работник сферы обслуживания – шеф-повар. Искусный мастер с разнообразным опытом, включая опыт 2-го Украинского фронта, рядовой Юхай Семёнов служил поваром при полевой кухне. Именно на войне он навсегда усвоил искусство приготовления пищи на целый полк из продуктов, рассчитанных на батальон. Эти ценные навыки неоднократно выручали его в тяжёлые трудовые будни мирного времени при проверке ОБХСС (Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности).

В мирные семидесятые, когда даже на коробке с цветными карандашами красовалось «Миру – мир!», отец работал в ресторане аэропорта. Днём ресторан был как столовая, а вечером там обсуживали по высшему разряду. В тот день я приехал к отцу по наказу матери, чтобы отвезти домой продукты: мясо, сливочное масло и другие блага развитого социализма. Отец регулярно, раз в месяц, отправлял домой продукты, чтобы прокормить большую семью.

Было обеденное время. Папа усадил меня за стол:

– Кушать хочешь?

Кто же откажется от бесплатного обеда в ресторане! Посидеть здесь – для меня удовольствие: можно любоваться самолётами, огнями взлётной полосы, которые были включены днём, наблюдать за пассажирами.

Папа подозвал официантку, попросил:

– Люба, накорми моего сына и принеси бутылку лимонада.

Люба, в белом переднике и красивом узорчатом кокошнике, принесла макароны с котлетой, лимонад «Буратино» и поставила всё на стол. Окинув меня любопытным взглядом, она удалилась.

– Покушаешь, зайдёшь за сумками, – сказал папа и тоже скрылся за дверью с надписью «Служебное помещение».

Я сижу за столиком в просторном светлом зале на втором этаже у большого высокого окна, с завистью рассматриваю пассажиров, деловито всходящих по трапу. ТУ-134 выруливает на взлетную полосу, двигатель набирает обороты, самолёт разгоняется и взлетает с раскатистым гулом. Я провожаю его долгим взглядом, с аппетитом уплетаю желтоватые от масла макароны и котлету из нежной говядины. С наслаждением запиваю еду золотистым лимонадом «Буратино» – волшебный вкус этого душистого газированного напитка помню до сих пор! Золотой вкус моего детства. И этот вкус, и другие

мелочи хорошо запечатлелись в моей памяти. Тогда мне, беззаботному тринадцатилетнему мальчишке, казалось, что моя жизнь будет такой всегда: родительская забота, вкусное бесплатное питание, обещающий вид из окна аэропорта и мечта... Мечта о путешествиях. Я мечтаю улететь, воспарить, оказаться между небом и землёй и унестись с облаками. Моя мечта – вырваться из этого душного и чуждого мне города. С самого детства во мне зрело непреодолимое желание побывать в больших далёких городах и увидеть интересных людей. Я был уверен: интереснее люди – там. Далеко. У нас такая огромная страна, а я кроме нефтяных вышек и газовой трубы нефтеперерабатывающего завода ничего не видел! Сбыточная ли моя мечта? Не могу знать. Но свою мечту я не предам и обсуждать её ни с кем не собираюсь. Мечты не обсуждаются!

Обнимая небо крепкими руками,
Лётчик набирает высоту,
Тот, кто прямо с детства дружит с небесами,
Не предаст вовек свою первую мечту[17].

Я родился в южном темпераментном городе, на берегу Каспийского моря. На гербе нашего города изображены щит и три языка пламени над голубыми морскими волнами. Мне всегда хотелось узнать, что означают три факела, разгадать тайну происхождения трёх загадочных огней. Но если взглянуть на герб республики – тайна приоткроется: буровая вышка на фоне восходящего солнца и белый хлопок в обрамлении красной ленты. Нефть, газ, море и хлопок – известные символы Азербайджана.

[17] Куплет из популярной советской песни «Обнимая небо». Авторы музыки и слов – А. Пахмутова и Н. Добронравов.

Я жил в посёлке с не совсем приличным, как мне казалось, названием Восьмой километр, на окраине города Баку, на третьем этаже четырёхэтажной хрущёвки, на улице с грубым названием – Нефтепереработчиков, где летом от жары плавится асфальт, удушливый плотный воздух раскалён, а палящие лучи солнца пропекают мозги. Когда меня в школе спрашивали, где я живу, я отвечал: «Рядом с кинотеатром "Севиндж"». Кинотеатр знали все, а произносить пошлое, лишённое красоты длинное словосочетание «улица Нефтепереработчиков» мне было стыдно. Создавалось впечатление, что в нашем дворе проживают нефтепереработчики. Но это было не так. В нашем и соседних домах жили азербайджанцы, русские, армяне, лезгины, талыши и евреи – многонациональный двор, – и, насколько я знал, никто из них не работал на нефтеперерабатывающем заводе. Зато в нашем дворе проживали криминальные авторитеты, отсидевшие на зоне, бандиты и хулиганы, молодые, ещё чистые ребята, подражавшие бандитам и, по видимости, собирающиеся в места не столь отдаленные в ближайшем будущем. Сегодня улица Нефтепереработчиков – это современный широкий проспект с высотками, который носит имя известного азербайджанского композитора Кара Караева. Если бы нашу улицу переименовали раньше, я не оказался бы на другом полушарии Земли, в Канаде, и моя жизнь сложилась иначе. Ко всему прочему, в нашем районе находился Бакинский нефтеперерабатывающий завод (БНЗ). Тоскливая серая труба, извергающая в небо голубовато-красный факел, гордо возносилась над заводом. Этот огонь пылал не угасая и был виден из любой точки города. Ночью факел между делом освещал нашу улицу, которая давно не освещалась городскими фонарями.

С детства мне был знаком неповторимый лирический баритон Муслима Магомаева, звучавший по телевизору, по радио, в парках культуры и отдыха, в метро. Особенно

запомнились слова популярной песни: «И я вхожу, как в детство, в город мой, Баку!» А ещё – незабываемый вкус чёрной икры и копчёной осетрины, нередко приносившихся папой с работы. После этого уже не напишешь: наша семья жила в нужде. Никто, конечно, в это не поверит, но, к сожалению, именно так и было. Вместе с родителями наша семья состояла из двенадцати человек. У меня пять сестёр и четыре брата: Рива, Данил, Хая, Ольга, Мира, Тамара, Борис, Рафик, Эдик. Я – предпоследний, девятый по счёту. Мой отец работал много, его трудовая биография началась в тринадцать лет, когда его с улицы взял к себе учеником повара один добрый человек – об этом отец всю жизнь вспоминал с благодарностью, – тем самым избавив от бандитского влияния и возможной тюрьмы. У отца было два брата: старшего звали Танхун, Анатолий, младшего – Синька, Сёма. В те незапамятные довоенные времена многие советские евреи называли своих детей русскими и еврейскими именами. Моего родного дядю Синьку судьба не уберегла от тюрьмы, и он неоднократно сидел за воровство. Я видел его один раз: хмурый и немногословный, чуть сгорбленный, с нарочитой походкой жулика. Даже мне, тогда ещё несмышлёному подростку было ясно: человек из преступного мира. В нашем дворе своих таких было немало.

Отец содержал и кормил большую семью как мог, но одной его зарплаты всё равно не хватало. Раз в месяц, как правило, в выходной день, отец брал с собой на работу меня или кого-то из братьев, отрезал большой кусок мяса от государственной говядины или баранины, кусок сливочного масла, ещё чего-то заворачивал в бумагу и отправлял всё с одним из сыновей домой. Вкус бесплатных благ социализма – государственного мяса и сливочного масла – до сих пор мной не забыт. Моя память надёжно его хранит. Вкус этот особенный. Я тоже из тех, кто вкусил «блага» социализма, но своему

социалистическому прошлому я благодарен. Могу с уверенностью и гордостью признаться: я выкормыш СССР. В прямом смысле слова. Спасибо той стране, что заботилась и кормила меня, что предоставила возможность бесплатно учиться в двух учебных заведениях. Что бесплатно лечила, что предоставила моим родителям бесплатную квартиру. Спасибо за возможность служить в Советской армии, которая воспитала меня, закалила характер и сделала мужчиной.

Несмотря на то, что Баку расположился на берегу тёплого и богатого осетриной и нефтью Каспийского моря, на пляже мне довелось загорать не часто. В популярной советской кинокомедии есть хорошая фраза: «Кавказ – это и кузница, и житница, и здравница». Действительно так, но мне почему-то хотелось поскорее выписаться из этого бесплатного санатория. Пятна мазута даже при слабом ветре упорно липли к отдыхающим, и воздух на пляже полнился тяжёлым, удручающим запахом. Мой брат Рафик – он старше на два года – однажды потащил меня с собой на ближайший от нашего дома карьер. Я безрассудно бросился в фиолетовую, как марганцовка, воду и пошёл ко дну. Солнце стало покрываться надо мной фиолетовой толщей воды. Рафик вытянул меня и вытолкнул к берегу. Я выполз из воды и, жадно глотая горячий воздух, снова радовался жизни. Почему вода в карьере фиолетовая, и не опасно ли в ней было купаться, я так и не выяснил.

Детские годы я развлекался ловлей мальков и скользких лягушек в пожарном водоёме. Юношеские годы провёл в расположенном вблизи нашего дома кинотеатре «Севиндж», что в переводе с азербайджанского означает «Радость». (Очень удачное название для кинотеатра, походы в кино дарили мне именно это чувство. Я хорошо помню также первомайские демонстрации, куда меня брала с собой старшая сестра Рива, и об этом с удовольствием расскажу чуть ниже, поскольку это тоже

доставляло мне большую радость.) Кинотеатр находился в трёх минутах ходьбы от нашего дома, и если мне удавалось выпросить у мамы копеек пятьдесят–семьдесят, я спешил купить билет на какой-нибудь новый фильм. В фойе «Радости» царила особенная обстановка, там всегда ощущался характерный запах. Вдоль больших зашторенных окон стояли игральные автоматы. Мне нравилось играть в «Морской бой». Выпускал красненькие торпеды и топил корабли в тёмных водах игрального аппарата. Если в кармане оказывалась лишняя мелочь, я покупал в буфете фруктовое мороженое, и это было настоящее фруктовое мороженое, такого теперь не найти.

Перед кинотеатром нередко образовывались толпы народа, жаждавшего приобщиться к киноискусству. Популярное изречение В. И. Ленина «Из всех искусств для нас важнейшим является кино» наглядно подтверждалось каждый раз, когда показывали индийские фильмы. В Баку, да и повсюду в республике, индийское кино было наиважнейшим из искусств. В дни демонстрации индийских фильмов толпа у кинотеатра стремительно возрастала и перед сеансами становилась неуправляемой. Зато зрители в Баку были самыми благодарными. Они настолько любили индийские фильмы и проникались, что многие парни после вечернего сеанса отправлялись вершить справедливость на улицах родного города. Моральные ценности киногероев оказались очень близки и понятны азербайджанским молодым ребятам.

На чёрно-белый индийский фильм «Бродяга», с ошеломительно популярным и любимым повсеместно в СССР актёром Раджем Капуром, билетов было не купить. Каким образом мне удалось попасть на сеанс, уже не помню. Кто-то из старших братьев взял меня с собой. Зал был забит до отказа. Воздух казался тяжёлым от духоты и влажности. Широкие ступеньки по обе стороны от деревянных откидных кресел были оккупированы счастливчиками, переплатившими при входе

контролёрам. Чтобы пробраться к своим местам, нам с братом пришлось через кого-то переступать. Места оказались заняты, и только после препирательств их освободили. Ещё до начала фильма в зале воцарилась наэлектризованная атмосфера. Зрители в возбуждении ожидали начала. Когда погас свет и запустили фильм, началось что-то невообразимое. Песня главного героя «Awaara hoon»[18] всколыхнула весь зал: зрители пели, плакали и радовались вместе с индийским бродягой. Этот фильм очень нравился маме. Она с обожанием рассказывала о Радже Капуре, делилась с нами впечатлениями о фильме и мечтала посмотреть его ещё раз. Но в семидесятых годах видеомагнитофонов не было. Оставалось только ждать, что «Бродягу» когда-нибудь снова покажут на большом экране. Спустя тридцать семь лет, в Канаде, румынский эмигрант порекомендовал мне диск с этим фильмом. Такова сила важнейшего из искусств, тем более если актёр пользуется огромной зрительской любовью.

Детство моей мамы прошло в детдоме города Евпатории, где она оказалась с двумя сёстрами и братом после скоропостижной смерти мамы (моей бабушки), Адасó или Хадэсо. Ася по-русски. С какой-то согревающей теплотой мама вспоминала о нежном возрасте, Чёрном море, родном дворике, который примыкал к православной церкви. Колокольный звон раздавался трижды в день, извещая прихожан о начале службы. Мама рассказывала о своём отце Натане, потерявшем в молодом возрасте обе ноги и лишившемся возможности заработка. Так дети оказались в детском доме. Осенью 1941 года немцы заняли Крым. Детдом был эвакуирован. Натан забрал дочек Маню, Тури, Нину и сына Сёму и перевёз детей подальше от войны, в Баку. Дедушку при его жизни

[18] «Бродяга я». – *Хинди.*

мне никогда видеть не приходилось. Когда он умер, мне тоже неизвестно, я только знаю, что прожил Натан недолгую жизнь, и похоронен во Львове. Зато мамину мачеху Ханум, сухую, энергичную старушку, я хорошо помню. Жила долго, почти до ста лет. Мы с мамой ездили к ней в старый район Баку. Во внутреннем дворике у Ханум стояла небольшая беседка, поросшая виноградом. В центре дворика журчал фонтанчик, струйки воды при ветре каплями разлетались в стороны, освежая мне лицо. Ханум и познакомила маму с моим отцом Юхаем, с соблюдением традиций горской общины.

Родители поженились 4 апреля 1942 года. Выдавая свою дочку замуж в шестнадцатилетнем возрасте, Натан дал ей ценное жизненное напутствие: «Выходи за него, дочка. С Юхаем ты голодная не будешь». Девятнадцатилетний отец к тому времени уже работал поваром в столовой. Шёл 1942 год. Мирный Баку, конечно, не голодал, как блокадный Ленинград, но лозунг сурового военного времени «Всё для фронта! Всё для победы!» всех вынуждал затянуть потуже пояс. Через пару месяцев отца отправили на фронт.

Маму звали Тури, но соседи по двору почему-то называли её Нюра. «Нюра, – кричали они с нижнего этажа, – закрой воду, нас заливает!» Я видел редкие мамины фотографии в старом потрепанном альбоме. Даже на чёрно-белой потрескавшейся фотографии мама без косметики выглядела красивой. Только на одной фотографии была с накрашенными губами. Отец, воспитанный в строгих горских традициях, не позволял маме пользоваться косметикой. Накрашенная женщина воспринималась на Кавказе неадекватно. Я помню, сестра Мира однажды явилась домой с помадой на губах и накрашенными ногтями. Отец схватил её за руку и потащил на кухню, где под крики и слёзные клятвы сестры, что она больше никогда не посмеет краситься, кухонным ножом соскабливал

Слева направо: дядя Сёма, тётя Маня,
дедушка Натан, мама (Тури), в центре – тётя Нина.
Обратите внимание: дети без обуви.
Около 1932 года.

с ногтей кроваво-красный лак. А ведь Мира уже была совершеннолетняя. Рассказываю об этом для того, чтобы показать отношение отца к этому делу; косметикой пользуются только проститутки – вот как на это смотрел. Никаких компромиссов.

Сегодня к городской женщине без косметики мои знакомые относятся с подозрением: урбанизация повлекла за собой искажение жизненных ценностей. Но это их личное дело.

Мама не любила носить кошельки, предпочитала пользоваться носовым платком: завязывала деньги в узелок – так надёжнее. Расплачиваясь в гастрономе, она долго развязывала тугой узелок и, наконец вытащив оттуда сложенную в маленький квадратик бумажку, протягивала деньги кассирше. Любопытно, что кассиры и продавцы терпеливо ждали и не торопили. Одевалась мама скромно и однообразно, избегая ярких цветов: тёмная косынка на голове (показывать свои волосы считала неприличным даже дома), неприметное однотонное платье, поверх него серый или коричневый шерстяной жакет, на ногах неизменные чувяки. Моя жена в Канаде купила себе такие же тапочки за сто долларов, итальянские. Утверждает, что модно. Мама за модой не гонялась и покупала чувяки за два рубля. И ещё мама время от времени прикалывала на грудь орден «Мать-героиня», которым её наградили указом Президиума Верховного Совета СССР. Большая золотая звезда этого ордена на фоне расходящихся в стороны серебряных лучей производила впечатление и походила на «Золотую Звезду» Героя Советского Союза.

В квартире во всех углах были припрятаны соль, сахар, мука, рис, гречка, спички, свечи – неприкосновенный запас для поддержания жизни на осадном положении. НЗ время от времени обновлялся. На самом верху старого буфета, как два сторожа, стояли две ветхозаветные керосиновые лампы, на случай отключения

МАТЕРИ-ГЕРОИНЕ

Тов. Семеновой
Туре Натаниловне

УКАЗОМ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР от 29 сентября 1969 г. ВАМ—МАТЕРИ, РОДИВШЕЙ И ВОСПИТАВШЕЙ ДЕСЯТЬ ДЕТЕЙ, ПРИСВОЕНО ПОЧЕТНОЕ ЗВАНИЕ

„МАТЬ-ГЕРОИНЯ"

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

Москва, Кремль. 30 сентября 1969 г.

Мамина орденская книжка

электричества. (В нашем районе это время от времени происходило.)

Натыкаясь периодически на её тайники, мой брат Борис спрашивал:

– Ты хорошо подготовилась? Сообщи, когда война начнётся!

На это мама, сделав страдальческое лицо, как на христианских иконах, отвечала:

– Чтоб наши враги сгорели! Ай Худó! Ай Худó![19] Воду из крана не пейте, враги чем-то отравили…

На этот счёт мама была недалека от истины: никто, конечно, не добавлял отраву в воду, но из-за осадка пить её из крана было небезопасно. В общем, скучать с мамой нам не приходилось.

Некоторые слова мама стыдилась произносить вслух. Однако это не мешало ей скандалить и ругаться с соседями. Доставалось даже жильцам из других подъездов и домов, в конце концов соседи стали обходить маму стороной. О наших многочисленных родственниках в доме чаще упоминалось негативно. Помню, мама неоднократно с осуждением говорила:

– Эта Маня, чтоб она сгорела, на базаре пирожки кушала!

Звучало это так, словно она сообщала нам страшную тайну. От смеха мы сползали с дивана на пол, хохотали до спазмов в животе. Объясняю современным языком: Маня – проститутка. Мужчины на базаре её угощали, и потом она с ними спала. (Следует заметить, что дело происходило в тяжёлое послевоенное время.)

Мама не произносила вслух слова «шлюха» или «проститутка». Это было для неё неприемлемо. Она вела себя так, будто получила воспитание в пансионе благородных девиц и соблюдала внутренний этикет великосветской дамы. Зато проклятия днём и ночью так и слетали

[19] Дай Бог! – *Татский язык.*

с её уст. «Чтоб наши враги сгорели», – без устали повторяла мама своё таинственное заклинание. Каких именно врагов она подразумевала, мама никогда не уточняла. Держала в секрете.

Я как-то решился выяснить и поинтересовался:

– Ты имеешь в виду наших внешних врагов, американских милитаристов?

– Да-а-э-э, – неохотно согласилась мама и снова воззвала к огню.

Словно сибирский шаман, мама часто обращалась к стихии огня. «Огненное» проклятие было наиболее употребляемым. Почему из четырёх природных стихий мама взывала к одной, для меня до сих пор остается загадкой. Например, даже тогда, когда мы заливали водой соседей снизу, мама взывала к огню на непонятном мне горском языке. Обладая исключительным чувством юмора, своими порой злыми шутками мама доводила нас до слёз, сама при этом не улыбаясь. В этом она походила на грустного комика великого немого кино Бастера Китона.

Мама имела четыре класса образования. Окончить школу помешала война. Её любимую книгу, роман Виктора Гюго «Отверженные», в течение долгих лет я находил у неё под подушкой. Похоже, мама перечитывала её на протяжении всей жизни, ассоциируя себя с беспризорной Козеттой, которую приютил главный герой, беглый каторжник Жан Вальжан. История завершается счастливо: Козетта вырастает и, превратившись в красивую девушку, удачно выходит замуж. Наверное, в глубине души мама мечтала о такой же судьбе. Но жизнь – не роман со счастливым финалом. К тому же Козетте было легче, она не была матерью десятерых детей. А Жан Вальжан не работал шеф-поваром в бакинском аэропорту. Тем не менее, мама твердила нам о каком-то недосягаемом счастье, веря, что в один прекрасный день оно нагрянет, и в нашей семье воцарятся благополучие и идиллия.

Нередко мама с благодарностью вспоминала Сталина.

– Сталин был строгим, но очень скромным и справедливым! – говорила она и как бы в подтверждение с выражением читала стихотворение, которое выучила до войны в школе:

На дубу зелёном,
Да над тем простором
Два сокола ясных
Вели разговоры.

А соколов этих
Люди все узнали:
Первый сокол – Ленин.
Второй сокол – Сталин.

А кругом летали
Соколята стаей...

Ой, как первый сокол
Со вторым прощался,
Он с предсмертным словом
К другу обращался[20].

Отец морщился, негодовал и сердито выговаривал:

– Хватит! Чему ты детей учишь?!

– Детям уже стихи нельзя почитать? – недоумевала мама.

– О Сталине забудь! – строго внушал ей папа. Не то чтобы он был против Сталина, – Сталин войну выиграл! – просто время с тех пор изменилось, и в школах учили другие стихи.

– Видите, дети, с кем я живу? – сокрушалась мама. – С Гитлером живу! У них даже день рождения в один день.

И мы от смеха сползали со стульев. Нас веселило это сопоставление. Папа действительно родился в один день

[20] Слова песни «Два сокола». Автор текста Михаил Исаковский.

с Гитлером – 20 апреля, только 1920 года. Он не виноват. Такое случается. Гитлер в то время ещё только выступал в пивной и не был популярен.

Мама не собиралась забывать Сталина, ведь она считала, что Вождь народов заботился о детских домах и беспризорниках, о целых народах и большой стране, которую боялись и уважали буржуи-капиталисты. Что в восстановлении страны после разрухи и полёте Гагарина в космос была исключительная заслуга великого и справедливого Сталина и советского народа. Не зря же в нашей квартире висел известный портрет вождя, закуривающего трубку.

– «Благодарственная товарищу Сталину!» – торжественно объявляла мама, игнорируя папины замечания, и декламировала:

От героев плодородных пашен
И от всех крестьян страны родной
Ты прими, отец, спасибо наше,
Ты прими, отец, поклон земной.

Ты согрел нас лаской своею,
Ты сплотил нас в дружную семью,
Научил нас всех любить сердечно
Дорогую Родину свою.

Ты ведёшь нас к подвигам великим,
Ты нас учишь побеждать в борьбе,
Трудовой и ратной нашей славой
Мы, наш Вождь, обязаны тебе!

От героев плодородных пашен
И от всех крестьян страны родной
Ты прими, отец, спасибо наше,
Ты прими, отец, поклон земной[21].

[21] Эта песня была написана в 1949 году, к 70-летию Сталина. Авторы слов и музыки – А. Сальников и К. Массалитинов.

– Сталин после войны талоны отменил, – приводила мама конкретные примеры. – Каждый год цены на хлеб и другие продукты понижал. При нём была строгая дисциплина. А когда пришёл Хрущёв...

– ...Мы получили трёхкомнатную квартиру, – замечал папа.

Мама сердилась и снова говорила:

– Видите, дети, с кем я живу? Слова мне не даёт сказать! Геббельс! Настоящий фашист. Враг народа. Всю мою жизнь испортил... Квартиру нам дал не Хрущёв, а советское правительство, – заключала она.

До этого родители с пятью детьми ютились в маленьком полуподвальном помещении с общим туалетом во дворе в старой части Баку, и только после рождения шестого ребёнка и письма в горисполком они переехали в новую трёхкомнатную квартиру на улице Нефтепереработчиков.

Однажды после очередной маминой речи в защиту светлого имени Великого Сталина Рафик мне сказал:

– Хватит дома сидеть! Пошли другую песню послушаем. – И потащил меня на улицу.

– Куда ты его берёшь? – забеспокоилась мама. – На плохую дорогу?

– На хорошую, – успокоил её Рафик.

– Смотри, чтоб он по плохой дороге не пошёл...

– Не пойдёт, – пообещал брат.

Мне не очень хотелось выходить на улицу: через наш двор часто проходила Больная Света со своими грязными оборванными детьми – мальчиком и девочкой. Видеть её мне было неприятно, а самому попадаться ей на глаза – даже небезопасно. Горловой хриплый голос Больной Светы слышался издалека, но разобрать её речь было невозможно. Её остерегались и боялись дети и подростки не только нашего двора, но и соседних дворов. Больная Света походила на Бабу-Ягу. Для полного

сходства ей только метлы не хватало. Зато в своих руках она держала толстую палку или металлический стержень. Её грязные и нечёсаные волосы торчали в разные стороны, как пакля. Такой же грязной была её рваная одежда. Даже Баба-яга в сказочном фильме казалась симпатичнее Больной Светы. Находиться на её пути никто не рисковал: она могла сделать всё, что вздумается. Взрослые рассказывали пугающие истории. Например, что она запросто может избить малолетку-подростка, внезапно накинуться на прохожего. Говорили, как-то пыталась похитить ребёнка из коляски у аптеки. С ней не связывались. Как только юродивая появлялась вблизи нашего двора, раздавалось предупреждение: «Больная Света идёт!» Дети бросали свои игры и разбегались. Двор моментально пустел. В беседке между гаражами сидел Олег в окружении дворовых пацанов с очевидными хулиганскими манерами, курящих папиросы «Казбек» и, по-видимому, находящихся в начале плохого пути, и исполнял под гитару совсем другую песню о Сталине:

Товарищ Сталин! Вы большой учёный,
В языкознаньи знаете вы толк,
А я простой советский заключённый,
И мне товарищ – серый брянский волк.

За что сижу, воистину не знаю,
Но прокуроры, видимо, правы.
Сижу я нынче в Туруханском крае,
Где при царе сидели в ссылке вы.

В чужих грехах мы сходу сознавались,
Этапом шли навстречу злой судьбе.
Мы верили вам так, товарищ Сталин,
Как, может быть, не верили себе[22].

[22] Первые строфы «Песни о Сталине» Юза Алешковского.

Я испытал шок, услышав слова этой песни, ведь о Сталине я знал совсем другое. Особо поразило, что песня о Вожде народов исполняется на блатной манер. До меня начало доходить, что я стою у обочины широкой плохой дороги, от которой меня и моих братьев постоянно предостерегала мама, и, дослушав песню, я вернулся домой, чтобы маму не огорчать.

Мы жили в эпоху ударных пятилеток, великих завоеваний партии и растущего благосостояния трудящихся. Мама верила в справедливость и светлое будущее, о котором каждый день рассказывали в программе «Время», и я не собирался разрушать её веру. В нашем бандитском дворе стать хулиганом, наркоманом, вором или преступником было несложно – как два пальца обоссать. Так изумительно образно высказался в интервью финскому телеканалу симпатичный оленевод в тундре под Салехардом, где я работал над сюжетом о нелёгком труде доброго кочевого народа: «Оленеводу жениться – как два пальца обоссать». Такой же высокий шанс стать бандитом, как оленеводу – жениться, имел каждый подросток нашего двора «Спутник» – только выбирай преступное поприще. Под таким названием наш двор был известен в округе оттого, что в центре размещалась заасфальтированная спортивная площадка, над входом которой дугообразно крепились железные буквы, образующие наименование «Спутник». Недавно освободившиеся из зоны или тюрем мужики и приблатнённые, засиживаясь между гаражей летними вечерами, заправляя «план» в папиросы «Казбек», курили и рассказывали зелёным юнцам о своих геройствах, лютых следователях, позорных надзирателях, о шестёрках, козлах и опущенных, о порядках на зоне и воровских законах. Демонстрировали татуировки на худых бицепсах и чахоточной груди, объясняли значение. Наколки на пальцах в виде перстней, точек, крестов скрывали в себе какой-то тайный смысл. Посёлок Восьмой километр по праву считался

криминальным районом, так же, как, например, улицы Завокзальная или Советская в центре города. Да что говорить, в Баку тогда было немало криминальных районов, некоторые этим даже гордились.

Как ни странно, у хулиганов во дворе я обучился азам нотной грамоты. И хотя знания ограничивались всего тремя нотами – до, ре, ми, – они мне очень пригодились в жизни. Тремя нотами пользовались, когда требовалось кого-то послать. Например, вместо пошёл ты на... достаточно было просто спеть: *до-ре-ми, до-ре-до* – и всё было понятно. Иногда в ответ слышалось: *ми-ре-до! ми-ре-до!* Это означало «сам пошёл! сам пошёл!». Так совпало, что в это время моя сестра Хая купила в кредит пианино «Украина» тёмно-вишневого цвета, и я упражнялся в игре каждый день. Тогда у меня проснулся интерес к музыке и нотой грамоте. Вскоре, в отличие от дворовых пацанов, я знал целых семь нот – сестра научила.

Сейчас уже не вспомню, кто первый ввёл во дворе моду на музыкальное пожелание, но это было необычно и все пацаны этим нередко пользовались. Музыку в нашем дворе вообще очень любили. Постоянно с уважением говорили о каком-то Боке[23] и пели под гитару его песни. У Боки была ошеломительная популярность. Никто никогда его не видел, но весь город знал его песни наизусть: «Гоп-стоп магазин, номер семьдесят один» или «Ночью я родился под забором. Воры окрестили меня вором». Однажды кто-то где-то раздобыл чёрно-белую нечёткую фотографию. Уверил всех, что на ней Бока поёт на свадьбе. Фотография долго ходила по рукам. О самом Боке ходили легенды. Будто бы он после свадьбы уносит чемодан денег. Как выяснилось позже,

[23] Борис Давидян – необычайно популярный бакинский певец, известный далеко за пределами Азербайджанской республики. Никто не знал его настоящего имени. Он был популярен под псевдонимом Бока. Сегодня Борис Давидян живёт в США. В 1998 году мне посчастливилось встретить его на свадьбе в Торонто.

слухи соответствовали действительности. Надо знать традиции кавказских свадеб и как на них любят разбрасываться деньгами, производя впечатление на присутствующих. Но не только деньги были причиной. Боку любили, его голосу подражали, его песни моментально расходились на кассетах и становились суперпопулярными. Как бы сейчас сказали, хитами. Кроме песен Боки, мой брат Рафик ещё очень любил маштагинское[24] мейхана[25].

На простой безобидный вопрос «Как дела?» хмурые воры отвечали: «Дела у пракрора на верхней полке. А у нас делишки». Говорили так всерьёз. Не шутили. Дворовая шпана, конечно, копировала их, подражала ворам и бандитам. Вспоминаю некоторых «героев» Спутника: безбашенный здоровяк Фаик, которого опасался весь наш двор; худощавый Керим, избивший у кинотеатра милиционера и бегавший с топором за соседом; глухонемой Буль-Буль, приподнимавший одной рукой человека, что однажды я сам наблюдал. Сосед Славик что-то ему сказал, видно, пошутить вздумал. Буль-Буль схватил его за горло, приподнял одной рукой, прижал к стене и что-то ему попытался горячо втолковать. У него выходило: «Буль-буль-буль...» Ещё рассказывали про какого-то полумифического Саньку Зверя (как позже выяснилось, он был вором в законе, которого убил близкий друг). Прозвище Зверь этот Санька получил после убийства милиционера в тюрьме.

Тюремная романтика с воодушевлением воспринималась как местной шпаной, так и подростками, приходившими в наш печально известный Спутник из соседних дворов ради постижения тюремного опыта. Шпана

[24] От Маштага – название посёлка городского типа недалеко от Баку, пользовавшегося криминальной славой.

[25] Мейхана – азербайджанское народное музыкально-поэтическое творчество, речитативные импровизации. Пример – широко известная в России мейхана «Ты кто такой? Давай, до свидания!».

и увлеченные подростки слушала рассказы воров и блатных с неподдельным интересом. Украсть, ограбить ларёк или магазин, избить мента считалось геройством, не говоря уже о том, чтобы отсидеть срок на зоне. В нашем дворе среди подростков культивировался романтический образ вора и хулигана. Неоднократно мне предлагали покурить анашу или выпить водки. Я отказывался и тогда обязательно слышал в свой адрес критичную реплику: «Ада! Киши сянь ор ёх?»[26]. «Я мужчина, но курить меня не заставите, – думал я. – Мне всё равно, что вы там себе думаете, и ваши примитивные дворовые правила меня не касаются. Я иду по хорошей дороге».

Мне и другим мальчишкам нашего двора было лет десять–одиннадцать, когда в соседний дом вселилась новая семья: майор милиции с женой и два их сына – Ибрагим и Рагим. У майора под окнами стояла служебная милицейская машина, что вызывало недовольство и презрение пацанвы. Ибрагим был одного с нами возраста, и, конечно, как всякий мальчик, он пытался найти себе друзей. Ему это долго не удавалось. Сын мента не может быть другом пацанам Спутника. Во дворе его брезгливо прозвали Ибрашка после того, как его мама через окно однажды выкрикнула: «Ибрашка, иди домой виноград кушать!» Ибрашку били, точнее, пытались бить. Он тут же звал на помощь отца, и через минуту во двор выбегал разъярённый майор милиции и, мешая русские и азербайджанские слова, грозился нас поймать и наказать.

Ибрашка, когда вырос, стал хорошим человеком. Жаль только, что он погиб в автомобильной катастрофе.

Моим старшим братом Данилом уже заинтересовался участковый, который заходил к нам домой и наводил о нём справки. Так что у мамы были все основания для беспокойства. Но меня тюремная романтика

[26] Ты мужчина или нет? – *Азерб.*

и плохая дорога не прельщали. Моим интересом была рок-музыка. Она захватила меня с головой.

В восьмидесятые годы по бакинскому телевидению каждую субботу транслировалась развлекательная получасовая программа на азербайджанском языке. Показывали азербайджанских и российских певцов и музыкантов, артистов из других союзных республик. А в конце программы зрителей могли порадовать зарубежными исполнителями, такими, как «ABBA», «Boney M», «Smokie», Аманда Лир, Демис Руссос, Карел Готт. Однажды я вскочил со стула как ошпаренный – настолько меня потрясло выступление группы «Supermax» из Западной Германии. Высокого роста, длинноволосый солист в сценическом костюме, напоминающем рыцарские доспехи, с бас-гитарой исполнял под сверкающими прожекторами песню «It Ain't Easy». На тот момент я уже играл в самодеятельной группе на таком же инструменте. Необычным для меня были не только ритмика и стиль песни, но и манера солиста держаться на сцене. Я вглядывался в экран телевизора, стараясь запомнить каждое движение. Когда песня закончилась, и телеведущий снова заговорил на азербайджанском, заговорил Рафик, слава богу, на русском, иначе мне пришлось бы испытать очередной шок, так как брат общался на азербайджанском только со своими дружками-хулиганами.

– Такую музыку может написать только обкуренный! – уверенно произнёс он, как будто сам только и делал, что обкуривался.

– Неужели они анашу курят? – удивился я.

– Оставь! Они героин курят! Попробуйте, вас тоже по телевизору покажут, – дал мне такой дельный совет брат.

О курении не могло быть и речи. Да и где я героин достану? Анашу в любой момент можно было у дворовых пацанов взять. Они мне несколько раз бесплатно предлагали, но я упорно отказывался идти по плохой

дороге. Моим надёжным регулировщиком была мама, и я, не в пример старшему брату Данилу, по плохой дороге не ходил, пиво не пил, сигарет не курил и дрался без особого удовольствия, в отличие уже от моего младшего брата, который устраивал масштабные сходки со всем необходимым набором принадлежностей. Я в этих разборках не участвовал, чем, несомненно, обязан маме.

Кроткая и смиренная с виду, мама обладала сильным и властным характером. Думаю, оттого я и вырос закомплексованным. Мама навязывала своё мнение, подавляла самостоятельность, инициативу. Её внимание и любовь в меньшей степени доставались моим старшим братьям. Я же получил всё сполна. Мама желала видеть во мне послушного сынка, старший брат Данил – мужчину. Между ними на короткое время даже возникло противостояние. Но победила мама, и ей удалось превратить меня в нерешительного, мнительного, ранимого, не приспособленного к жизни подростка. Таковы последствия большой любви родителей к своим детям. Плоды этого воспитания я до сих пор пожинаю. Подобная любовь – скорее, проявление собственного эгоизма. Я никого не осуждаю! И уж тем более собственную мать. И в мыслях такого не было! Меня самого ждут суд и депортация. О родителях я всегда вспоминаю с благодарностью, а копаюсь в прошлом для того, чтобы разобраться в себе. Я произвожу внутренний анализ путем вскрытия собственных комплексов, но рассказываю здесь обо всём с добрыми намерениями и любовью.

КОРОЛЬ ФУТБОЛА

Несомненно, Рафик благоприятно повлиял на развитие моей личности, за что я ему чрезвычайно благодарен. Пацаны нашего двора прозвали его Король футбола. В футбол Рафик любил играть и делал это часто. Его

бесприцельные удары были мощными, но безрезультатными: мяч упорно не попадал в ворота. Тем более меня удивляло, что ни одна игра не проходила без участия Короля футбола. Постепенно он стал появляться во дворе всё реже. Интерес Рафика к футболу медленно угасал, и статус брата трансформировался. Его стали называть проще: Король.

– Король дома? – спрашивали дружки Рафика, играя в нарды в беседке.

– Дома, – отвечал я с балкона.

– Позови!

– Он не выйдет.

– Дело есть.

– Дела у пракрора на верхней полке. А у вас делишки, – говорил я, передразнивая дружков брата.

– Не баклань! Короля позови, – требовали они.

– Он книгу читает.

– Э-э. Башин хяраб олдын[27].

– Это у вас с головой не в порядке.

– За слова отвечаешь? Киши сянь?[28] Выходи на улицу.

– Уже бегу.

– Король профессором стал? – обижались дружки Рафика. – Книги стал читать...

Увлечение брата книгами его уличных дружков обижало и даже оскорбляло. Король вёл себя не по понятиям: читать книги считалось западло. Но он не всегда следовал внутренним правилам двора и постепенно становился «профессором».

Интерес к чтению книг у Рафика пробудился неожиданно. Должен уточнить: не к книгам как к таковым, а к чтению. Он читал всё подряд, везде и всегда. Лёжа, сидя и даже (я не шучу) стоя, что для меня было неприемлемо. Зачитываясь, пропадал надолго с книгой

[27] С головой непорядок. – *Азерб.*

[28] Ты мужчина? – *Азерб.*

Король футбола, Король библиотек, просто Король,
фотограф и мой старший брат Рафик
с одноклассницами около бакинской школы № 32.
Слева – Расмия, имя второй девочки не помню.
Баку, 1977 или 1978 год.

в туалете, порой забывая, где находится. Хватал всё, что попадалось на глаза, начинал с любой страницы – увлекался с первых строк. Отбирал книги у сестёр. Иногда делал это нагло. Толстые книги Король прочитывал за день-два. «Граф Монте-Кристо» я, например, читал целый месяц. Король – всего один день. «А что тут читать», – говорил он. Читая, Рафик с головой погружался в мир, описываемый автором. Можно было включить музыку на полную громкость, кричать, танцевать, петь – Король ничего не слышал, никого не видел. Для него вокруг всё меркло и исчезало, создавалось особое непроницаемое поле. Он читал за завтраком, обедом и ужином, зачитывался до глубокой ночи. Хватался за книгу с утра. Поглощал плотскую пищу, а взгляд был непременно устремлён в книгу. Он кушал читая и читая кушал. Я однажды попробовал, и, должен сказать, у меня не получилось ни поесть, ни почитать. Поговорить с ним или хотя бы привлечь его внимание было непросто. Король не реагировал. Приходилось отодвигать его тарелку с едой, и только тогда через некоторое время недоуменный взгляд брата обращался к нам. «А? Что?..» – непонимающе произносил он, растерянно оглядываясь.

Рафика знали и уважали библиотекарши трёх районных библиотек, они сообщали ему о новых поступлениях, придерживали для него книги, пользующиеся спросом. Поглотив книги ближайших библиотек, Король записался в центральную городскую библиотеку, что сделать было непросто, так как записывали по месту проживания. (Уж не знаю, чего он там сказал.) В центральной библиотеке Рафик открыл для себя научную фантастику и стал Королём библиотек. Названия книг для него были лишними, он их не запоминал, считая это ненужным. Не трудился запоминать и авторов. Первичным для него было слово, текст, содержание. Слову придавалось Королём главное значение. Слово – основа

жизни и мироздания, основа Вселенной. Точно как в Святом Писании: «В начале было Слово».

Спорить с Королём о чём-либо было совершенно бесполезно. Только безумец мог на это пойти. Да с ним никто и не спорил. Король обладал энциклопедическими знаниями.

– Племя Баджо в Индонезии живёт без паспортов – это морские цыгане. Их дети рождаются прямо в лодках. Гепард разгоняется до ста километров в час быстрее спортивной машины. В ранний христианский период ангелов изображали двуполыми. Алфавит племени Ротокас в Новой Гвинее состоит из двенадцати букв. Морская звезда может вывернуть желудок наизнанку. Киты общаются между собой на частоте от десяти до двадцати пяти герц. В Древнем Риме мужчины, давая клятву, клали руку на мошонку. Первый автомобиль с электродвигателем был выпущен в Америке в тысяча девятьсот двадцать девятом году. Египетские пирамиды строили не люди. Мы на этой планете пришельцы. В скором будущем человек откажется от традиционной пищи и будет питаться так же, как растения – с помощью фотосинтеза. Солнце, воздух и вода обеспечат людям существование.

– Скорее бы… – мечтательно говорила мама. – А то денег на-хлеб-на-сахар нет. (Мама произносила «на-хлеб-на-сахар» как одно слово.)

– Американцы в сорок седьмом году захватили НЛО с живым гуманоидом, но от нас всё скрывается, – сообщал Король любопытные сведения.

Сегодня достаточно нажать клавишу клавиатуры, и любая «закрытая» информация вам доступна – век Интернета! А в семидесятых годах моим «интернетом» был брат, прочитавший тысячи книг и журналов. Я с жадным любопытством слушал всё, о чем рассказывал Король.

– Толстоклювая кайра, – вещал он, – гнездится на скалах острова Принца Леопольда в Антарктиде. Родители

подталкивают своих птенцов с обрыва, чтобы быстрее научить их летать и добывать себе пропитание.

Вот какое блестящее воспитание! Надо будет обязательно маме рассказать, подумал я. Может, она тоже выгонит меня из дома, чтобы я стал самостоятельным. Но об этом можно было только мечтать.

– Откуда ты всё это знаешь? – поражался я знаниям брата.

– Книги читай, – многозначительно советовал Король, но не уточнял какие. – Во Вселенной существует информационная матрица, и, если к ней подключиться, в школу можно не ходить.

– Эдик уже подключился. Он в школу давно не ходит, – заметил я.

Король рассказывал о тонких плазменных телевизорах, которые будут управляться голосом. И это тогда, когда у нас дома стоял чёрно-белый «Рекорд» с выпуклым экраном и нагревался так, что зимой отапливал всю комнату, а каналы мы переключали плоскогубцами.

– В кинотеатрах скоро будут выдавать специальные очки, фильмы будут в трёхмерном изображении.

– А что такое трёхмерное изображение? – недоумевал я.

– Например, ты сможешь обойти стегозавра. Если, конечно, в штаны не наложишь, – объяснил брат.

А однажды Рафик сообщил мне страшную тайну. Оказывается, Сталин знал о готовящемся нападении Германии на Советский Союз. Его об этом предупреждал Рихард Зорге.

– Кто такой Рихард Зорге? – поражённый, спросил я.

– Разведчик. В Баку родился! – назидательно сказал Король.

И действительно, есть в центре города улица Рихарда Зорге. И даже парк назван в его честь.

Его информация нередко поражала меня. Он говорил, что Шолохов «Тихий Дон» не писал. Что автомат

Калашникова – на самом деле разработка немецкого конструктора Хуго Шмайссера. Брат выдавал информацию дозированно, справедливо полагая, что мой мозг не справится с большим объемом. Помню, насколько меня потрясла новость о том, что двадцать шесть бакинских комиссаров были преданы одним из своих.

– Кто их предал? – изумившись, спросил я брата.

– Вырастешь – узнаешь.

Я вырос и узнал: оказывается был ещё двадцать седьмой комиссар, который позже работал со Сталиным в Кремле, – Микоян.

Как-то брат показал мне журнал «Техника – молодежи», где были рисунки и схемы советских баз на Луне, находящиеся под грунтом, но из-за американцев этим планам уже не сбыться.

– Причём тут американцы?

– Притом, – не ввязываясь в объяснения, ответил Король. – Они всё испортили.

Дальше эту тему обсуждать с ним было бесполезно.

Король утверждал, что в скором времени автовладельцам станет невыгодно содержать личный автомобиль, все машины будут общественными: сел в любую, поехал по своим делам и оставил, где тебе удобно. То есть красный «запорожец» Бориса Семёныча с «итальянским» сигналом перейдёт в общественное пользование? Я Рафику не поверил – Борис Семёныч никому не отдаст свой запорожец! А вы бы поверили, услышав такое в середине семидесятых, когда даже покупка велосипеда была для нашей семьи большим событием. Спустя сорок лет я узнал, что американская компания «Zipcar» уже несколько лет работает по этой схеме в Канаде. Регистрируешься у них на сайте, платишь семь долларов в месяц или семьдесят в год и пользуешься любой машиной компании. Все машины новые и чистые. Не платишь ни за страховку, ни за бензин. Семьдесят долларов в год! А я только за страховку

своей развалюхи двести долларов в месяц выбрасываю, которая больше стоит, чем ездит.

Рассказывал брат и про голографическое изображение, о чём я и малейшего понятия тогда не имел. Король говорил, что скоро люди не смогут отличать реальность от иллюзии. Эта было настолько фантастически далеко от моего воображения, что я только глупо улыбался. В 2013 году я посетил Королевский музей Онтарио в Торонто, где увидел голограмму своими глазами. Передо мной в тёмном углу вдруг возник человек, что-то рассказывающий. А чуть позже, перед входом в офис строительной компании, меня приветствовала женщина в белой блузке и чёрной юбке. Я поздоровался с ней и уже почти прошёл мимо, когда заметил позади неё портативный мультимедийный проектор. Изображение казалось настолько реалистичным, что я даже заглянул женщине под юбку. Хотелось убедиться, что она не настоящая, виртуальная. Интересно, что нас ожидает в будущем? Куда приведут современные технологии? Брат сказал, что наша цивилизация выбрала технократический путь развития вместо духовного, каким шли индейцы Северной Америки. Путь технократии ведёт человечество в тупик. И ещё очень много интересного и фантастического рассказывал Рафик, но будем двигаться дальше.

Проглотив очередную книгу (иначе про его страсть и не сказать), Король делал короткий перерыв. Он выходил на балкон и задавал своим уличным дружкам, которые сидели в беседке и курили анашу, один и тот же вопрос на азербайджанском языке:

– Иванов гяльмишти?[29]

– Гяльмямишти[30], – отвечали они.

– Язых Иванов[31].

---

[29] Иванов приходил?

[30] Не приходил.

[31] Бедный Иванов.

Это напоминало ритуальный обряд тайного общества. Почему «бедного» Иванова с нетерпением все так ждут, я узнал от младшего брата Эдика. Король с дружками обложил Иванова оброком, они взимали с него «долю». Соблюдение криминальных правил двора уживалось в Рафике с любознательностью и чтением русских и зарубежных классиков, проповедовавших высокие моральные ценности. Король «казнил» нептёвых (именно так произносилось слово «непутёвый» подростками нашего двора) и рассуждал о морали и сострадании в русской литературе. Самое удивительное, что ему удавалось совмещать одно с другим. Кто и почему решил, что Иванов был непутёвым – ещё одна непостижимая загадка. Рафик тоже, как и большинство в нашем дворе, был готов пойти по плохой дороге, но что-то его удерживало. Какие-то сомнения теребили его душу. Может, дело в романе Достоевского «Преступление и наказание», после прочтения которого брат пренебрежительно высказался: «Этот Раскольников – нептёвый лох! Казнил старуху и глубоко мучился совестью. Не можешь срать – не мучай жопу-да». Такой мудрый кавказский вывод он сделал. Уж Короля-то наверняка не мучила бы совесть. В общем, точно неизвестно, что удерживало Рафика от плохой дороги. Он часто повторял в компании своих дружков на азербайджанском: «Беля ишляр олсэ». («Вот такие дела будут».) Братья-близнецы, азербайджанцы Зербаллы и Ферзаллы отвечали на русском: «Дела у пракрора на верхней полке».

Первомайские демонстрации – незабываемая страница моего советского счастливого детства. Рано утром старшая сестра Рива поднимала меня с постели и отправляла умываться. Я причёсывался, надевал белую школьную рубашку, получал красный флажок с надписью «Мир! Труд! Май!», воздушные шарики, и мы отправлялись на демонстрацию. На улицах города

Рива на Красной площади.
Фото около 1973 года.

царила атмосфера всеобщей радости и торжественности. Особое чувство восторга наполняло меня на подходе к главной площади. Люди стройной колонной шествовали перед Домом правительства, неся транспаранты, размахивая флагами, воздушными шарами, цветами. «Да здравствует великое и нерушимое единение партии и народа!» – слышался голос диктора из громкоговорителей. «Ура!» – приветствовали демонстранты членов коммунистической партии Азербайджана. «Да здравствует Первое мая – День международной солидарности трудящихся!» – разносился уверенный голос диктора над площадью. «Ура!» – дружно отзывалась колонна шествующих. «Советский народ, верный своим интернациональным традициям, встречает сегодня День международной солидарности трудящихся!». «Ура!» – надрывался я в крике. «Женщины Страны Советов! Активно участвуйте в производственной и общественной жизни». «Ура!» – кричали мужчины. «Вечное счастье Азербайджана связано с Россией», – вдохновенно провозглашал диктор. «Ура!» – радовался я, размахивая красным флажком.

– Вон там Гейдар Алиев, – показывала мне Рива на трибуну.

Я вглядывался в одинаково одетых мужчин, пытаясь различить лица, но так и не разобрал, кто из них первый секретарь ЦК КП Азербайджана.

«Вечное счастье Азербайджана связано с Россией» – плакат с такой надписью помещался на щите на пересечении двух главных улиц в нашем посёлке. Каждый раз, проезжая на автобусе мимо этого щита, я прочитывал эти слова. Они принадлежали азербайджанскому революционеру и политическому деятелю Нариману Нариманову. Мне очень нравилась эта надпись – в ней моя тайная надежда, дорога к мечте. Я знал, что с Россией были связаны многие перемены в Азербайджане. Именно Россия приобщила после революции бедный

неграмотный рабочий народ к русскому языку и, через него – к богатой русской культуре. Чтобы рассеять ваши сомнения, приведу слова президента уже независимого Азербайджана Гейдара Алиева: «Азербайджан два столетия связан с Россией. Мы, конечно, гордимся своим древним прошлым, мы гордимся своей древней культурой, мы гордимся своими национальными традициями, но вместе с тем мы не должны никогда забывать, что в девятнадцатом – двадцатом веках азербайджанский народ приобщился к общечеловеческим ценностям именно через Россию, через русскую культуру, через русское образование». Ну кто ещё так честно скажет о влиянии русской культуры на свой народ?..

После демонстрации мы с Ривой отправлялись в открытое летнее кафе «Жемчужина», построенное в виде раскрытых морских раковин. Кафе располагалось на бульваре, совсем рядом с морем. Когда-то здесь работал папа, поэтому, несмотря на многолюдность, столик для нас всегда находился. Папу здесь помнили и уважали.

От Ривы я впервые услышал о Москве, Кремле, Красной площади. В 1973 году старшая сестра провела в столице СССР свой зимний отпуск и, вернувшись, вечером рассказывала: дети в каждом дворе играют в хоккей, Ленин лежит в мавзолее, как живой, на ВДНХ есть фонтан «Дружба народов» со скульптурами, покрытыми золотом... Мне было восемь лет. Я лежал в постели, укрывшись одеялом с головой. «Маленьким деткам спать наступила пора». Но я не спал. Какой может быть сон, когда сестра рассказывает о Москве. Я завистливо слушал и неслышно плакал. «Москва... как много в этом звуке...» Там белый снег, хоккей, счастливые мальчишки на Красной площади, Кремль, Ленин, Останкинская телебашня, фонтан «Дружба народов», сверкающий золотом. А у нас одни нефтяные фонтаны, газовые трубы, площадь Азнефть, Чёрный город, футбольная команда «Нефтчи», газета с устрашающим названием «Вышка»,

Зейнаб Ханларова и Муслим Магомаев, который уехал в Москву. Я тоже хочу в Москву! Да, да! Я обязательно буду жить в Москве, как Магомаев. Навещу Ленина в мавзолее, посижу возле фонтана «Дружба народов». Никто не помешает мне осуществить своё заветное желание. Поскорее бы окончить школу и повзрослеть!

«О тебе, Москва, все мои слова. О тебе сновидения мои. Всё тебе отдаю, Москва, любя. Это я, Москва, бакинец, твой сын»[32].

В школе я не отличался особыми успехами. Я вообще ничем не отличался. Был тише воды и ниже травы. Наша учительница начальных классов Нина Михайловна прозвала меня тихим троечником, и этот статус я подтверждал до самого окончания школы. Нина Михайловна любила весь наш многонациональный класс. Рассказывала нам о своей семье и детях. А это признак доверия и любви к ученикам. После окончания школы мы навещали Нину Михайловну у неё дома. Собирал нас Вова Погосян, главный баламут класса. Вовка увлекался музыкой и играл на ударной установке. Он брал у своего соседа, худого длинноволосого парня, импортные пластинки «Led Zeppelin», «The Doors», «Uriah Heep», «Deep Purple», «Styx» и других групп, включал музыку на полную громкость и отрабатывал ритмы на ударной установке. Всё бы ничего, но дело было в том, что Володя жил напротив школы, через улицу. Когда он пропускал уроки, а происходило это регулярно, Вова раскрывал в своей квартире окна, и мы в классе слышали, как он отрабатывает дуоли, потом триоли, квартоли, квинтоли и так далее по возрастающей. Отец достал ему комплект настоящих барабанов перламутрового цвета, и Вовка стучал на них целыми днями, не жалея ни себя,

[32] Цитируется «Азербайджанская песня о Москве», которую написали поэт М. Светлов и композитор М. Табачников.

ни соседей, ни школу. Прямо под Вовкиной квартирой, в полуподвальном помещении, находилась школа ДОСААФ, где обучали автовождению. Оттуда к нему домой поднимались взрослые дядьки и просили делать перерывы.

Я, в отличие от Погосяна, посещал школу каждый день, но это не могло изменить моего статуса тихого троечника.

Первую в своей жизни пятёрку – всего их было три – я получил в первом классе от Нины Михайловны. Я стоял у доски и декламировал:

Если скажут слово «Родина»,
Сразу в памяти встает
Старый дом, в саду смородина,
Толстый тополь у ворот.

У реки берёзка-скромница
И ромашковый бугор...
А другим, наверно, вспомнится
Свой родной московский двор...

В лужах первые кораблики,
Над скакалкой топот ног
И большой соседней фабрики
Громкий радостный гудок.

Или степь, от маков красная,
Золотая целина...
Родина бывает разная,
Но у всех она одна![33]

Второй пятёрки я удостоился в пятом классе от учителя английского языка, симпатичного и солидного джентльмена, носившего элегантные очки в изящной «английской» оправе. Из стремления познать новый

[33] Стихотворение «Родина» Зинаиды Александровой.

язык я выучил наизусть стихотворение из учебника и тем самым удостоился особого внимания Владимира Фёдоровича. Но тот быстро разобрался, что моё увлечение предметом кратковременно. Рива неоднократно убеждала меня: «Учи английский, пригодится». Я же никак не мог понять, зачем мне в Баку английский. Я не собирался работать в посольстве. Мама убеждала меня выучить горский язык. Преподаватель азербайджанского доказывал, что без азербайджанского языка нам не прожить. А я считал, что мне только русский нужен. На нём Ленин говорил – и я скоро буду жить в Москве!

Мой интерес к английскому действительно быстро иссяк после одного нелепого инцидента. Как-то на урок опоздала Ира Калашникова, стройная, красивая девочка с собранными в хвостик русыми волосами, в которую тайно были влюблены многие мальчики нашего класса. Ира была хорошисткой и везде успевала. После школы она ходила в музыкальную школу, училась играть на фортепиано. Я однажды слышал, как Ира в окружении девчонок играла на пианино в актовом зале мелодию песни «Танцующая Королева» группы «АВВА». «Ты – Танцующая Королева. Молодая и нежная…» Это было в седьмом классе, нам по тринадцать лет – расцвет полового созревания.

Извинившись, как обычно, когда она опаздывала, Ира попыталась проскользнуть в класс, но Владимир Фёдорович неожиданно остановил её у доски.

– Долго это будет продолжаться? – ровным голосом осведомился учитель английского.

– Я больше не буду, – простодушно пообещала Ира.

– Я о твоём платье! – повысил голос Владимир Фёдорович.

– А что с платьем? – невинно спросила Ира.

– Ты ещё короче не могла надеть? – возмутился учитель.

Ира подумала, но промолчала. Наверное, могла бы, но зачем? Многие бы это только приветствовали, кроме

директора школы, Гусейна Алекперовича, седого азербайджанца. Вот кто был суровых взглядов, о чём знала вся школа. Я не раз видел, как директор безжалостно расправлялся в туалете с курильщиками – неожиданно туда врывался, хватал их, загонял в угол и бил. Строгий был человек. Сознаюсь, в глубине души я приветствовал его радикальные методы перевоспитания. Раз нельзя – значит, нельзя! Чего не понятно-то? Все пионеры и комсомольцы должны идти только по хорошей дороге.

Калашникова стояла у доски, опустив голову. Её красные щёки резко контрастировали с белым кружевным фартуком.

– Вместо того чтобы носить короткое платье и смущать мальчиков, лучше подтяни английский! – укорил её Владимир Фёдорович.

Ирочка, как и другие девочки, носила коричневое форменное платье с белым кружевным фартучком, но оно было короче платьев остальных школьниц, позволяя восхищаться её стройными, длинными, перламутровыми ножками. И я бы не сказал, что Ира, неотразимая и красивая, смущала нас длиной своего платья. Скорее, даже наоборот. Её ногами тайно любовались мальчики. (Неудивительно, что Руслан, разыскав меня в Москве, спросил о Калашниковой первой.) Зачем Владимиру Фёдоровичу понадобилось отчитывать её перед всем классом? Чтоб другим пример не подавала? Но вряд ли кроме Иры Калашниковой и Саши Ушаковой кто-нибудь из девочек мог решиться на такое. Выше колен платья носили только они.

Уроки английского проводились в кабинете истории. На стенах кабинета висели агитационные плакаты, красовались портреты Маркса, Энгельса и Ленина, строго взирающих на учеников сверху.

Владимир Фёдорович указал Ире на один из плакатов:

– Видишь, что там написано? *Пионер! Ты в ответе за всё!* Этот плакат для тебя здесь повесили!

И за то спасибо, что не на Ленина показал. Таким образом, доведя Калашникову до слёз, Владимир Фёдорович возложил на неё всю ответственность за моральный облик советского школьника и только после этого разрешил ей сесть за парту.

Небольшое отступление. В 2003 году в одной из московских школ я снимал сюжет о российском образовании для финского телеканала YLE. Вот когда я вспомнил о Калашниковой Ире. Директор школы представила мне двух старшеклассниц, у которых я должен был взять интервью для нашего сюжета. На девочках были настолько короткие платья, что Ира по сравнению с ними казалась Матерью Терезой в традиционном индийском сари. В таких коротких юбках, как на московских школьницах, можно только стоять! И не думаю, что девочки учились стоя. Интересно, есть ли сегодня такие преподаватели, как Владимир Фёдорович, и такие скромные ученицы, как Ира Калашникова?..

К общей мальчишеской радости, Ира проигнорировала замечание Владимира Фёдоровича и продолжала носить короткое платье. Её смелость была одобрена всеми мальчиками. Но теперь Ира приходила на урок без опозданий и ещё выше подняла свой уровень английского, как и рекомендовал Владимир Фёдорович.

Даже в самом многонациональном городе СССР, каким в те годы был Баку, её короткое школьное платье приковывало общее внимание и служило лишним поводом для осуждения мусульманами. Я рассказываю об этом так подробно для того, чтобы читатели имели представление о городской атмосфере того времени. Сегодня я могу смело назвать Баку светским, европейским городом. В Баку «Евровидение» провели! Англичане, как и до революции, снова вошли в тесные отношения с бакинской нефтью. Центр города по ночам сверкает огнями. Есть небоскребы, не уступающие в архитектурной оригинальности башне Мэри-Экс, известному

лондонскому строению, выполненному в форме огурца. Восточные красавицы свободно разгуливают в коротких открытых платьях и, уже не смущаясь косых взглядов, открыто курят. В советское же время о курении девушек в общественных местах и речи не было. Такую девушку могли назвать шлюхой. А что касается коротких платьев, то, повторюсь, в 1978 году в нашем классе такие носили только две девочки: Калашникова Ира и Ушакова Саша. Но Саша избежала замечания Владимира Фёдоровича. Так что Калашникову я с полным основанием могу назвать пионеркой во внедрении и развитии моды на короткие платья в школе № 32 и посёлке Восьмой километр.

Несколько слов о пионерах. Мы были пионерами, и этот факт отрицать невозможно. Не зря же Владимир Фёдорович указал Ире на плакат с лозунгом «Пионер! Ты в ответе за всё!». Раз носишь красный галстук – значит, пионер. «Гордись, советский пионер! Твоя страна – СССР». Мы гордились. Девочки гордились больше мальчиков. Но красные галстуки все повязывали. Иначе Гусейн Алекперович мог отправить за галстуком домой. Галстук не только украшал школьную форму, но и служил предметом гордости.

В пионеры нас принимали на торжественной линейке во внутреннем дворе школы тёплым осенним днём. С воодушевлением и восторгом мы произносили: «Я (фамилия, имя), вступая в ряды Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю: горячо любить свою Родину, жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия, всегда выполнять Законы пионеров Советского Союза».

Мы собирали макулатуру и металлолом – дружно помогали стране быть в авангарде технического прогресса. «Пионер держит равнение на героев борьбы и труда». Родители через профкомы оформляли путёвки и отправляли

детей на отдых в летние пионерские лагеря, где вечерами у костра мы пели такие песни:

Эх, хорошо в Стране Советской жить!
Эх, хорошо Страной любимым быть!
Эх, хорошо Стране полезным быть,
Красный галстук с гордостью носить!
Меряя землю решительным шагом,
Помня твердо заветы отцов,
Знай один лишь ответ – боевой наш привет:
Будь готов! Будь готов! Будь готов![34]

После того, как Владимир Фёдорович бесцеремонно отчитал Иру у доски перед всем классом, мой интерес к английскому начал постепенно угасать. Но стало пробуждаться внимание к русскому языку и литературе, которые преподавала Нина Макаровна Адамова, мудрая и тактичная женщина. Нину Макаровну я любил и восхищался ею. Её уроки всегда были содержательными и интересными. Я до сих пор хорошо помню «Горе от ума»:

А судьи кто? – За древностию лет
К свободной жизни их вражда непримирима,
Сужденья черпают из забытых газет
Времён Очаковских и покоренья Крыма...

Нина Макаровна убедительно говорила о втором томе «Мёртвых душ», который Гоголь сжёг незадолго до смерти. Пояснила, насколько гениально автору удалось передать атмосферу бюрократии и крепостничества, убогость помещичьих душ, пороки чиновников, ведущих паразитический образ жизни. Нина Макаровна

[34] Популярная песня «Эх, хорошо в стране советской жить!» Слова В. Шмидтгофа, музыка И. Дунаевского.

высказала предположение, что Гоголь, мечтая об изменениях в сознании людей и в обществе, бросил рукопись в камин, возможно, опасаясь, что второй том навсегда укоренит за Россией образ духовно отсталой страны, который он создал несмотря на то, что нарисовал образы положительных героев.

В декабре 1975 года Нина Макаровна вручала лучшим ученикам пригласительные билеты на новогодний вечер. Когда в руках у неё остался последний, седьмой билет, Нина Макаровна взглянула на меня:

– А этот билет давайте отдадим Семёнову.

Никто в классе не возразил. Я же задохнулся от обрушившегося на меня счастья. За какие заслуги перед русской литературой? Чего такого я сделал? Сочинение писал на тройки. Русский язык знал не лучше. Может, билет мне дали в воспитательных целях? Не знаю, но с того момента мой интерес к литературе сильно возрос и укрепился.

Посещениями культурных мероприятий я избалован не был. Помню, как моя сестра Хая, которая работала в Азербайджанском драматическом театре оперы и балета актрисой второго плана и эпизодических ролей, однажды взяла меня с собой на балет Кара Караева «Семь красавиц». В другой раз уже Рива повела меня в цирк – всё это запомнилось мне на всю жизнь! Оля училась в художественном училище, но на выставки меня с собой не брала. Зато она приносила домой портреты и рисунки обнажённых натурщиц, которые я долго рассматривал и при этом изучал технику работы с красками. Тамара сочиняла стихи и любила природу. Чем занималась Мира, для меня до сих пор большая загадка. Снялась в эпизодической роли секретарши в фильме «Его бедовая любовь» азербайджанского кинорежиссёра. На этом её карьера актрисы закончилась…

Историю преподавала Нина Михеевна, энергичная фронтовичка невысокого роста, прошедшая войну

санинструктором. На фронте она получила ранение и при ходьбе хромала. На одном из уроков Нина Михеевна задала классу домашнее задание: в связи с приближающейся годовщиной Победы подготовить рассказ о войне.

– Семёнов, – нацелила на меня всеобщее внимание Нина Михеевна, – твой отец воевал. Он тебе много интересного расскажет.

Ну, конечно, он воевал, но отец не любил говорить на эту тему. Зачем? И так всё ясно: Сталинградская битва завершилась в начале февраля 1943 года полным крахом немецкого наступления на Восточном фронте и ликвидацией 6-й армии Вермахта под командованием генерала-фельдмаршала Фридриха Паулюса. Второй фронт был открыт союзниками 6 июня 1944 года. Акт о безоговорочной капитуляции Германских вооружённых сил был подписан 8 мая 1945 года. Что ещё нужно знать о войне? «Чтобы этот кошмар больше никогда не повторился!» – только и повторял отец. «Ай худо!» – добавляла мама.

Чтобы разговорить отца, пришлось объяснить: школьное задание, будет слушать весь класс. Папа неохотно задумался.

Зато мама заговорила не задумываясь:

– Ему однажды в полевую кухню снаряд попал. Весь в гречневой каше был. С ног до головы.

– Как это? – удивился я.

– Варил солдатам гречку, – продолжала мама, – снаряд залетел прямо в котёл. Очнулся на земле в каше. Его так и сфотографировали, дурака. Не знаю, куда эта фотография подевалась.

Я не поверил: мама часто выдумывала небылицы. Папа продолжал молчать. Мама не останавливалась:

– Вечно ему в обед что-то залетает. То муха, то снаряд... Всех голодными оставил! – злорадствовала она. – А-Юха-ай? Тебя за это медалью наградили? Ты что, не мог крышкой накрыть?

Рива с группой альпинистов.
Приэльбрусье, 1973 или 1974 год.

Папа сердито взглянул на маму и ушёл в другую комнату слушать «Голос Америки». Историю про гречневую кашу я не рискнул рассказать в классе. Теперь думаю, зря.

Мама не упускала случая покритиковать папу, делала она это с удовольствием и по любому поводу, при этом на свой счёт критики не допускала – такими виделись ей идеальные семейные отношения. Обвинение в адрес отца, которое я слышал чаще других, звучало так: «Всю мою жизнь испортил. Настоящий враг народа». (Мама твердила «настоящий», из чего я сделал вывод, что были и ненастоящие враги.) То, что папа всю жизнь работал, обеспечивал и кормил всю семью, в заслугу ему почему-то мамой не ставилось. Наша реакция на критику была соответствующей: мы хохотали, разряжая обстановку, не давая разрастись ссоре. Папа, по обыкновению, молча уходил в другую комнату.

И всё-таки папа однажды выдал мне скупые сведения: «Наши солдаты часто голодали, недоедали, а всё равно в бой шли, когда прикажут. Немцы пока не покушают – не воевали. Кричали: "Рус, кончай война! Mittag essen"»[35]. Где бы ещё я о таком узнал? В каких книгах про это напишут?..

Папе нравился фильм «Освобождение», а любимой книгой его была «Воспоминания и размышления» Георгия Жукова, которую ему подарили коллеги на День Победы. Эту книгу он бережно хранил и часто перечитывал.

Старшая сестра Рива окончила педучилище, занималась альпинизмом и туризмом. Какое-то время работала инструктором на туристических базах Центрального Кавказа. Однажды даже её фотография появилась на обложке журнала «Турист». В её фотоальбоме, который я рассматривал втайне от сестры, было много

[35] Кушать обед. – *Нем.*

интересных фотографий. Иногда я их подолгу разглядывал. В верхнем левом углу первой страницы жирными буквами наискосок Рива аккуратно вывела: «Бороться и искать, найти и не сдаваться». Эта надпись, как в камне, отпечаталась в моей памяти. В альбоме хранились фотографии туристических баз, горных рек и ущелий, ледников, водопадов, перевалов, заснеженных вершин, «Приюта одиннадцати» на Эльбрусе – и везде Рива бодрая и весёлая. Среди множества этих чёрно-белых снимков на последних страницах альбома выделялось небольшое цветное полароидное фото сестры, танцующей с улыбающимся японцем. Я никогда не спрашивал об этой фотографии, так как Рива не разрешала трогать альбом. Тайна полароидного цветного снимка случайно открылась мне сорок лет спустя, когда я приезжал в Израиль к ней в гости. Рива вынесла из дома альбом и нашла эту фотографию. Мы с ней сидели на веранде. Вот что сестра мне рассказала: в 1975 году совместно с японцами в Баку был построен завод бытовых кондицеонеров – БЗБК. Рива познакомилась с одним из инженеров фирмы «Toshiba», тот сделал ей предложение и пригласил в Японию. Но Рива ответила отказом, объяснив, что у неё на шее несовершеннолетние братья, и она не может оставить их голодными. Она помогала отцу кормить большую семью.

Пользуясь сверхъестественными связями, Риве удалось устроиться на работу в буфет горкома партии. Горком партии располагался в красивом особняке в лучшей части города. Недалеко от филармонии. Говорили, до революции там находилась женская гимназия. Хотя я могу и ошибаться. Горком партии – закрытое место, сравнимое со Звёздным городком. Мне неоднократно приходилось бывать как в Звёздном городке, так и в горкоме партии, потому я знаю, о чем говорю. Как Риве удалось получить работу в буфете – сердце горкома, что она сказала на собеседовании, для меня до сих

пор загадка. Легче, наверное, было устроиться в Звёздном городке. Может, взятка помогла? Я тогда не интересовался, а сейчас нет смысла прошлое ворошить – сестра давно в Израиле живет, хотя и мечтает вернуться обратно, в прошлую жизнь. Так и сказала по телефону: «Если бы СССР восстановили, я бы вернулась». Да я бы и сам вернулся из Канады. Но обратной дороги в СССР нет. Эра развитого социализма кончилась, и бесплатно уже никого не кормят. Первый секретарь Бакинского горкома компартии, генерал-майор Вагиф Алиовсатович Гусейнов, как выяснилось, стал крупным российским бизнесменом. Он входил в совет директоров АФК «Система» и был председателем совета директоров информационного агентства «Росбалт». Но сестре, чтобы не расстраивать её, я об этом не рассказал. Тем более что в горкоме устроили музей изобразительных искусств. Памятник Карлу Марксу перенесли во внутренний дворик, а в экспозицию музея включили пользующуюся повышенным вниманием бронзовую фигуру сидящего на траве барашка, которую прозвали «шашлык».

Работники центрального аппарата компартии города Баку так же, как и космонавты, жили в другом мире и питались отменно, а может, даже лучше, потому что космонавты были ограничены в выборе: на орбитальной станции финским сервелатом не позавтракаешь, а членов партии освобождало от всяких ограничений служебное положение. В горкоме, в этом элитном закрытом клубе, распределялись социальные блага только среди своих. И чем выше стоял член на иерархической лестнице, тем больше импортных продуктов он уносил. Выбор и разнообразие продуктов в горкоме, естественно, были побогаче, чем у папы в столовой аэропорта. Пассажиры проглотят, улетят и не заметят, и никто их никогда не увидит. А к членам партии другой подход, особое отношение требуется: их нежные желудки очень подвержены пищевым расстройствам. А если загнётся

какой-нибудь член, тогда не до финского сервелата всем будет! Чистка, изоляция, карантин и диспансеризация.

Несмотря на то, что Рива, так же как и папа, не состояла в партии и не вносила членских взносов в партийную кассу, это не мешало ей пользоваться своим положением и носить домой еду в красивых упаковках. (Разумеется, сестра всё покупала за деньги.) Многое мне посчастливилось тогда увидеть впервые в жизни. Например, набор финского сервелата в позолоченной коробке произвёл ошеломляющее впечатление. Импортные мясные консервы, болгарский фаршированный перец, венгерский зелёный горошек, бельгийский шоколад, большой круглый торт «Апшерон», усыпанный орехами – ничего этого не было выставлено за стеклами витрин магазинов. Импортная гастрономия ввозилась в обмен на экспорт энергоресурсов. Остальную роскошь и красоту гастрономии во всём её великолепии я описывать не буду, но снова и снова буду благодарным Риве и Советскому Союзу за заботу и сытый желудок. Как же было по-другому прокормить, одеть и обуть нашу большую семью, как не за счёт государства? Кстати, государство оказывало нашей семье финансовую поддержку. Я помню двух женщин из социальной помощи, они приносили маме деньги, а также новые вещи. Пальто и костюм я носил в школу. Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза – партия Ленина! Да здравствует Советский народ – строитель коммунизма! Спасибо партии родной за наше счастливое детство! Вы, конечно, думаете, что я прикалываюсь, издеваюсь или ёрничаю? Высмеиваю советскую власть? Совершенно напрасно. Я её прославляю. Я считаю себя обязанным Советскому государству. Оно меня кормило, поило, одевало, дало возможность получить два бесплатных образования. И если бы не мой внезапный отъезд в Канаду, а точнее побег в январе 1991 года, я бы и третье бесплатно получил. Я в неоплатном долгу перед Советским

государством, а долги, как известно, надо возвращать. Не забывайте об этом. Да здравствует великий и могучий Союз Советских Социалистических Республик! Да здравствует Генеральный секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза, председатель Президиума Верховного Совета СССР, дорогой товарищ Леонид Ильич Брежнев! Вперед, к победе коммунизма! Ура, товарищи!

Но продолжу рассказывать о сестре. Рива приносила домой не только плотскую пищу, но и духовную: запрещённые к продаже импортные пластинки и книги, предназначавшиеся для распространения по закрытой подписке. Некоторые книги рекомендовала мне к прочтению. Я запомнил роман «Следопыт, или На берегах Онтарио» Джеймса Фенимора Купера. Благодаря сестре я услышал «Eagles», «Livin' Blues», Карлоса Сантану, «Bee Gees», Пола Маккартни с группой «Wings» (альбом «Band on the Run»), Нила Седаку, «ABBA», «Boney M», Донну Саммер, Джорджа Бенсона и других исполнителей. Познакомился с рок-музыкой социалистических стран, которая оказалась на профессиональном уровне западных групп. Пластинки зарубежных звёзд в СССР не выпускались, а если что-то и выпускали, то в ограниченном количестве, и найти эти пластинки, купить их было практически невозможно. Западное влияние на советскую молодежь основательно сдерживалось отечественными вокально-инструментальными ансамблями: «Лейся, песня», «Синяя птица», «Песняры», «Цветы», «Сябры», «Весёлые ребята», «Поющие сердца», «Здравствуй, песня» и другими. Даже некоторые отечественные виниловые диски удавалось найти не сразу. Помню, как мне пришлось потерять день и изрядно побегать по магазинам прежде, чем посчастливилось приобрести пластинку латвийской группы «Зодиак»: молодая продавщица, сжалившись надо мной, извлекла её из-под прилавка. Я даже помню, где случилось заветное

приобретение. Магазин грампластинок находился рядом с Девичьей башней, с вершины которой, согласно древней легенде, бросилась в море юная красавица, не желавшая выходить замуж за нелюбимого ею человека.

Однажды Рива принесла домой новый глянцевый журнал «Англия» на русском языке. В журнале было опубликовано большое интервью с легендарным битлом Полом Маккартни и его группой «Wings». В моём юношеском сознании произошёл переворот. Я испытал потрясение. Журнал «Англия» заставил меня задуматься о полиграфии советских журналов. Страницы его отличались гладкостью и белизной. Никогда прежде мне не доводилось держать в руках глянцевых зарубежных журналов, а здесь сразу целая «Англия». «Вот, оказывается, какие журналы читают в горкоме члены партии», – догадался я. А нам, значит, в киосках «Союзпечати» предлагают «Знамя», «Работница», «Крестьянка», «Кругозор», если повезёт – достанутся «Огонёк» и «Смена», а если очень повезёт – «Ровесник». Но теперь я знаю, на что подписаны члены коммунистической партии, какую музыку слушают, какие книги получают и какую еду употребляют… Яркие цветные фотографии на глянцевой мелованной бумаге отпечатались в моей мозговой матрице. Я зачитал интервью наизусть, любовался фотографиями и предавался грёзам. Я не расставался с этим журналом, бережно хранил его. «В Москву! В Москву! Там твоё будущее», – твердил я себе. Но однажды «Англия» исчезла – так же неожиданно, как и возникла в моей жизни. Думаю, журнал дали кому-то почитать, и его уже не вернули. Так был потерян пропуск в мою мечту. А где было найти новый?..

Жарким летним днём мы с сестрой оказались в центре города и остановились у кинотеатра «Азербайджан». Сестра задержалась у небольшой невзрачной афишки, которая чем-то привлекала её внимание.

– Ты этот фильм смотрел? – спросила Рива.

На небольшой афише было написано: «В джазе только девушки».

– Нет. А что? Хороший фильм? – скептически поинтересовался я.

– Как?! – поразилась сестра. – Ты обязан его посмотреть! – заключила она и купила в кассе билеты.

В нашей «Радости» такие фильмы не шли. Там показывали «Они сражались за Родину», «Чингачгчук – Большой Змей» с Гойко Митичем, «Служебный роман», «Москва слезам не верит», «Бобби», «Зита и Гита», «Танцор диско» – и все эти фильмы повторяли время от времени. А про фильм «В джазе только девушки» я слышал впервые. Вкусу сестры я доверял, и через пять минут мы вошли в набитый зрителями зал, где вначале меня ждало разочарование: чёрно-белый фильм, частые обрывы киноплёнки, свист и крики «Сапожник!», адресованные киномеханику, невыносимая духота. Что за удовольствие? Не так я себе это представлял. Поход в кино был для меня праздником. Но уже через пять минут я обо всём забыл. Я понял, что присутствую на особенном сеансе, что этот день запомнится на всю жизнь: как сижу с сестрой в душном зале, восторги зрителей, поезд с переодетыми беглецами, зажигательная музыка, роскошная Мэрилин Монро, возбуждающе действующая на горячих зрителей… Из-за несмолкающего хохота в зале я едва мог слышать, что говорят герои фильма. Иногда Рива дублировала их реплики мне прямо в ухо: «Эти гангстеры нас застрелят, полиция обнаружит двух мёртвых дамочек, нас отвезут в женский морг, и, когда нас там разденут, я умру со стыда!» Или вот это: «Если мамочка узнает, она будет за меня счастлива! – Надеюсь, что моя мамочка ни о чём не узнает…» Я ещё запомнил: «На них юбка действует как красная тряпка на быка. – Тогда я снова хочу стать быком». В тот день

в моём юношеском сознании произошла переоценка социалистических ценностей. Социалистический реализм отошёл на задний план, мозг заполнялся буржуазной культурой. Просмотр американского фильма о временах сухого закона и чикагских гангстерах основательно пошатнул мои социалистические идеалы и мировоззрение. Я стал проявлять активный интерес к буржуазной культуре, к Мэрилин Монро и американскому кинематографу. «В джазе только девушки» я и сейчас пересматриваю с удовольствием. В 2001 году по результатам опроса Американского института кинематографии этот фильм был объявлен лучшей комедий за всю историю кино.

Однажды моя юношеская беззаботная жизнь была омрачена внезапным исчезновением отца. Всю семью взволновала его неожиданная пропажа. Мама сокрушалась и причитала: «Кто же вас теперь будет кормить?..» Никто не предполагал, где он мог находиться, где его искать, кому звонить и куда идти. Даже его товарищи по работе были в полном неведении и недоумении. Бедная Рива объездила все больницы и морги, насмотрелась на неидентифицированные трупы. Найти отца не представлялось возможным. Справедливости ради надо сказать, что искали его не только мы, но и работники государственных служб. За что им отдельная благодарность. В частности сотрудники ОБХСС и милиции. Какие-то ещё загадочные люди в одинаковых серых плащах заходили к нам и задавали один и тот же вопрос: «Папа не появлялся?» Нет, не появлялся. Бесследно исчез. Как в воду канул. Совсем недавно я просматривал старые семейные фотографии и на обороте одной случайно обнаружил такую надпись: *25 марта 1980 года, вторник. Юра ушёл на работу и домой больше не вернулся*. Мамин детский почерк был хорошо

Отец на фронте.
1943 год.

узнаваем. Она стремилась зафиксировать каждое значимое событие в семье. Итак, это произошло 25 марта 1980 года.

Спустя неделю после исчезновения отца к нам в квартиру вошли двое в серых плащах и серых костюмах. Они в очередной раз спросили, не появлялся ли папа. Потом один из них произнёс фразу, содержащую загадочное слово, смысл которого я не ясно понимал, но вскоре чётко уяснил.

– Мы конфискуем ваше имущество, – заявил один из серых.

– Конфискуйте на здоровье, – с подозрительной беспечностью ответила мама и почему-то сразу ушла в кухню.

Даже когда увидел маму с топором в руке, я ещё не догадывался, какое отношение может иметь топор к конфискации имущества. Оказалось, самое прямое. До этого я думал, что топором рубят только дрова и мясо. Но очень скоро убедился, что заблуждался. Серые походили по комнатам, тоскливо осмотрели нашу скромно обставленную квартиру и сделались темнее грозовой тучи. Очевидно, разочаровались, что подходящего для конфискации имущества у нас не нашлось. Неожиданно их шарящие взгляды остановились на небольшом узорчатом шерстяном ковре, покоящемся в центре комнаты.

– Мы забираем этот ковер, – угрюмо произнёс один серый.

Я решил, что эта вещь была единственной семейной ценностью, так как мама устремилась в комнату и решительно вонзила топор в центр ковра, на котором прошло всё моё детство.

– Забирайте всё! Конфискуйте на здоровье! – с торжествующим злорадством приговаривала мама, продолжая рубить ковер, точно папино государственное мясо. – Не стойте! Берите всё, что хотите!

Порубив ковёр, мама подошла к расстроенному пианино, занеся над головой топор.

– Это тоже конфискуете?

Судьба музыкального инструмента на мгновение повисла в воздухе.

– Нет-нет! – испуганно ответили серые и осторожно приблизились к маме.

С некоторой опаской они отобрали у неё холодное оружие.

– Ай арват! Саакин олун![36] Мы уходим, – заверили серые.

И вскоре они действительно исчезли, прихватив с собой старый топор, за что мама долго поминала их нехорошими словами: мясо рубить стало нечем.

Удивительно, но топор в руках моей мамы убедительно подействовал на серых, и с тех пор с намерением конфисковать имущество к нам больше никто не заявлялся. Именно тогда я и понял, какой волшебной и магической силой обладал наш старый топор с потрескавшейся эбонитовой рукоятью, и долго сожалел о его невосполнимой утрате.

В это время по телевизору транслировали выступление Леонида Ильича Брежнева. Он говорил долго и много, но мне запомнилось это: «У советского человека должно постоянно присутствовать чувство высокой ответственности за то, чтобы огромный потенциал, созданный советским народом, использовался по-хозяйски, с полной отдачей... Умение полностью целесообразно использовать всё, что у нас есть...»

Через месяц, когда Леонид Ильич Брежнев ненадолго исчез с экрана телевизора, на пороге неожиданно появился отец в изрядном алкогольном опьянении. Даже разговаривать он был не в состоянии. Какой-то незнакомый мужчина помог папе добраться до дома и позвонил в дверь.

---

[36] Женщина! Успокойтесь! – *Азерб.*

Отца уложили спать. Появлению его особенно радовалась мама. Она приговаривала: «Слава Богу! Голод отступил! Снова будем мясо кушать...»

Утром я пошёл в школу, а когда вернулся, понял, что пропустил самое интересное. Папа рассказывал историю исчезновения в моё отсутствие, и я очень расстроился. Меня не посвящали в семейные тайны. Я был ещё «маленьким». Так что пересказываю историю со слов старшей сестры Ривы.

К папе на работу неожиданно нагрянули сотрудники ОБХСС. Замечу, их никогда не звали, они приходили всегда сами и неожиданно. И вот обнаружил ОБХСС у отца на работе крупную недостачу мяса, масла и других благ социализма, о которых Леонид Ильич Брежнев говорил на съезде. Они спросили папу: «Где?» Что мог ответить бедный папа грозным сотрудникам ОБХСС? Голодные дети съели? Для ОБХСС это был не убедительный аргумент. Аргументы в данном случае и не требовались. Сотрудники ОБХСС были наделены государством властью и могли строго покарать, но они поступили гуманно, по-кавказски – предоставили отцу выбор: или ты нам деньги, или мы тебе срок. Хищение социалистической собственности считалось серьёзным преступлением и сурово каралось советским правосудием. За такое преступление полагались тюремный срок и конфискация имущества, а хищение социалистической собственности в особо крупных размерах было чревато высшей мерой. Вспомните трагическую историю директора московского гастронома № 1 «Елисеевский», которого расстреляли. Я не сравниваю масштабы, напоминаю об этом для полноты картины.

Денег для ОБХСС у папы не было. А садиться в Баиловскую тюрьму – даже несмотря на то, что там когда-то сидели Сталин с Вышинским – ветеран войны, муж матери-героини и отец десятерых детей посчитал недостойным себя. Об этом могли напечатать в вечерней

газете «Вышка». А читать о своих «геройствах» в газете с устрашающим названием папа счёл унизительным. Он нашёл другой выход. Папа купил билет на поезд и отправился на Дальний Восток, помогать моему старшему брату Данилу осваивать необъятные просторы родной страны на Великой стройке социализма.

Солнце в небе светит мудро,
Молодеет древний край.
От Байкала до Амура,
Мы проложим магистраль.

Встретим зябкие рассветы,
Встретим долгую пургу.
В биографию планеты
Впишем мы свою строку.

Слышишь – время гудит: БАМ!
На просторах крутых: БАМ!
И большая тайга покоряется нам.
Слышишь – время гудит: БАМ!
На просторах крутых: БАМ!
Этот колокол наших сердец молодых[37].

Данил слышал этот гул, тогда вся страна его слышала. Это был призыв Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи – ВЛКСМ. Я хорошо помню, как, вернувшись из армии, возмужавший Данил схватил меня сильными руками, подбросил… и уехал на БАМ. После службы в армии Данил пошёл по плохой дороге, и у него стали возникать серьёзные проблемы с законом. Родители, пытаясь вернуть сына на хорошую дорогу, купили ему билет в Сибирь в один конец. Так что Данил, можно сказать, отправился строить БАМ

[37] Цитируется «Песня о БАМе». Эту популярную советскую песню написали в 1975 г. поэт Р. Рождественский и композитор О. Фельцман.

по призыву ВЛКСМ. Пусть лучше встречает «зябкие рассветы» в Сибири, чем дома – милиционера Пингвина, как окрестили нашего толстого участкового дворовые пацаны. Обладатель большого круглого живота, Пингвин переваливался с боку на бок при ходьбе, но бегал он, как настоящий горный козёл. И я говорю это без шуток. От него мало кому удавалось убежать. Его цепкие руки настигали многих молодых беглецов. Преследуя хулиганов, Пингвин становился ловким и маневренным, как его собратья под водой.

На БАМе были или плохие дороги, или их совсем не было, но Данил всё-таки нашёл хорошую и двинулся по славному трудовому пути – стал участником ударной комсомольской стройки.

Я снова увидел брата через пятнадцать лет, когда он приезжал в отпуск.

Я спросил:

– Как строили БАМ?

Данил рассказал:

– Каждый участок был закреплён за определённой республикой или городом. Например, рабочие из Азербайджана строили станции Ангоя и Улькан. Москвичи строили Тынду. Ленинградцы – Северобайкальск. Я потом там квартиру получил. За время строительства БАМа построили восемь тоннелей, сто сорок два моста, двести железнодорожных станций, около восьмидесяти новых городов и посёлков.

– А свободное время как проводили?

– В тайгу на медведя ходили, глушили рыбу, водку пили, а вся слава досталась комсомольскому вожаку Александру Бондарю. Только про него в «Комсомолке» писали и по телевизору показывали.

Александр Васильевич Бондарь – ветеран транспортного строительства, Герой Социалистического Труда, кавалер ордена Ленина, прославленный бригадир монтёров пути, которые вели укладку БАМа западного

направления. Его бригада поставила мировой рекорд скорости укладки полотна железной дороги: пять тысяч четыреста метров в сутки на подходе к Витиму в июле 1984 года.

– А как насчёт трудовых подвигов? Ты тоже рекорды ставил? – с нескрываемым любопытством спросил я.

– А как же! Если бы ты только знал о моих подвигах… – Данил прервался и через несколько секунд продолжил: – Я тебе как-нибудь потом об этом расскажу. Книгу напишешь. А то вся слава Бондарю досталась. Получается, он один строил БАМ.

– А пять тысяч четыреста метров в сутки?

– Легко. Ты, наверное, знаешь про рекорды Стаханова? На него бригада работала, так же, как и на Бондаря…

О рекордах Стаханова говорил начальник донецкой шахты имени А. Ф. Засядько. Я в Донецке с голландцами снимал документальный фильм. Сначала начальник показал нам скромный обелиск, под которым на глубине от взрыва газа погибли под завалами шахтёры. Потом он предложил мне спуститься в шахту, заметив вскользь, что снимать там небезопасно для жизни, так как видеокамера, точнее батарейка камеры, может спровоцировать искру. В общем, интересный, загадочный человек.

Оказывается, прославленный ветеран строительства БАМа Бондарь жил в одном городе с моим братом – в Северобайкальске. К счастью для Бондаря, Данил об этом не знал, иначе рассказал бы ему обо всех своих рекордах. Хотя мой брат и не ставил таких рекордов, какие ставил Бондарь, государство и его не оставило без внимания: указом Президиума Верховного Совета в 1979 году Данила наградили медалью «За строительство Байкало-Амурской магистрали». Я видел эту медаль и даже держал её в руках. Так что можно с уверенностью сказать, что и Данил «вписал в биографию планеты свою строку».

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Семенов Данил Юсаевич

от имени Президиума Верховного Совета СССР Указом Президиума Верховного Совета РСФСР

от „.....“ 19 г.

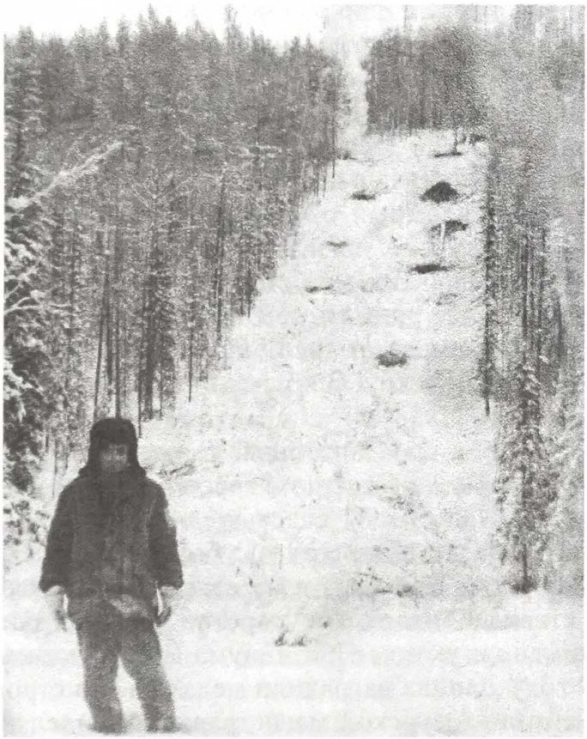
награжден медалью

„ЗА СТРОИТЕЛЬСТВО БАЙКАЛО-АМУРСКОЙ МАГИСТРАЛИ“

Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР

М. П.

„.....“ 19 г.

Данил – строитель БАМа.
1977 год.

Вот и всё. Замкнулось полотно,
И последний выложен портал.
«Золотое» светится звено
Ты об этом десять лет мечтал.

И когда оркестры громом брызнут,
Ты поймешь, что в ливнях и в пыли
Лучшую дорогу нашей жизни
Мы с тобою вовремя нашли[38].

Итак, через месяц после исчезновения, помятый и хромой, отец вернулся домой. Подозреваю, этому способствовал Данил. Видимо, он напомнил папе, что пора возвращаться и кормить детей государственным мясом, и отец вернулся. Месяц он отсиживался дома, не пил, каждый вечер смотрел программу «Время», читал местную газету «Вышка». Как я говорил, подробности дела мне неизвестны, но насколько я знаю, ОБХСС и другие государственные службы оставили отца в покое и больше не беспокоили: денег не требовали, уголовного дела не возбуждали. Вот вам и «социалистический реализм», и «основы советского гуманизма», и «коллективный разум партии» вместе с «итогами соцсоревнования». А вы говорите – застой! Дорогие бывшие деятели культуры, нельзя безнаказанно бранить своё время! Отвечать вам придётся, и не только в день Страшного суда.

Спустя месяц папа по блату устроился поваром на Нефтяные Камни – нефтяников тоже надо государственным мясом кормить. Причём желательно свежим. Здоровье нефтяников влияет на добычу чёрного золота и экономику страны, и нефтедобытчиков требуется кормить свежим мясом.

---

[38] Начальные строфы стихотворения «Последнее звено», написанного строителем и поэтом БАМа Владимиром Гузия 29 сентября 1984 года – в день стыковки Байкало-Амурской магистрали.

Нефтяные Камни – посёлок в открытом море на металлической эстакаде с пятиэтажными домами и четырёхтысячным населением, в сорока километрах от Апшеронского полуострова. Практически это настоящий город на сваях.

Бьётся яростно волна!
Путь до нефти труден!
Мы её с морского дна,
Мы её с морского дна,
Всё равно добудем![39]

Через два месяца всё пошло по накатанному пути, и мы снова питались свежим мясом и другими государственными продуктами.

Когда-то отец предлагал мне продолжить его славную традицию и выбрать профессию повара. Даже с трудоустройством обещал помочь. Это было так давно, что вспоминать об этом сейчас грустно и больно: профессию менять слишком поздно, да и возраст не тот – седые волосы слишком быстро растут на моей бестолковой голове. Чего я хотел, о чём мечтал? Я мечтал стать капитаном дальнего плавания, музыкантом и даже композитором. А кем стал? Телеоператором новостей. Какой нелепый выбор, полёт приземлённой фантазии… Что же меня тогда оттолкнуло от отцовского предложения и напугало? Готовить вкусную еду намного приятнее и полезнее, чем выслушивать лживые интервью коррумпированных самодовольных политиков.

---

[39] Куплет из «Марша нефтяников Каспия», популярной советской песни, написанной азербайджанским композитором Кара Караевым на стихи русского поэта Михаила Светлова. Впервые «Марш» исполнил Муслим Магомаев.

Почему я выбрал профессию телеоператора? Хотелось повидать мир, знаменитых людей. Что ж, радуйся! Твоя мечта осуществилась. Я объездил пол-Европы. Побывал во многих странах, на других континентах, посетил разные острова, в частности Гренландию и экзотические Фареры. Снимал с военного вертолёта, с палубы корабля, в шахте горняков. Брал интервью у известных политиков и олигархов. Снимал президентов. Общался с известными актерами и режиссерами. Видел живого Роберта де Ниро и Никиту Михалкова, причём вместе. Написал личное письмо Президенту Российской Федерации. Не употребляю мясного и молочного, не пью и не курю. За всё расплачиваюсь сам, и родители обо мне уже не позаботятся. Счастлив ли я? Нет. Я глубоко несчастен. Я между небом и землёй, и мечта у меня до неприличия банальная: я мечтаю, чтобы меня не депортировали. Я мечтаю вернуться к папе в столовую в аэропорту, к котлетам и макаронам, к золотому лимонаду «Буратино». Я мечтаю вернуться в СССР, чтобы заново начать свою жизнь. Я бы обязательно стал поваром и счастливым человеком! Я заметил: все повара счастливые люди. Мой папа – исключение.

ДЯДЮШКИН СОН
(ПЕРВЫЙ)

Это произошло, когда я учился в восьмом классе. Возвратившись однажды из школы, я увидел в нашей квартире незнакомого седоватого мужчину, в красивой тёмно-синей форме с золотыми погонами и нашивками на рукавах. Яркий солнечный свет отражался от его золотых погон, слепя мне глаза. Таинственный незнакомец держался свободно и самоуверенно, он походил на богатого иностранца из кино: загорелый и расслабленный.

Он сидел за круглым обеденным столом на венском стуле с выгнутой спинкой, жадно отпивал из маминой чашки большими глотками горячий чай и громко разговаривал, изредка переходя на крик. Мама пыталась ему возражать. Незнакомец подавлял напором своего голоса. Моё присутствие им, похоже, не мешало, на меня не обращали внимания. Спор шёл горячий. Я не рисковал вмешиваться.

Через несколько минут мама отвлекалась и сказала:

– Познакомься, это Сёма. Твой дядя. Капитан дальнего плавания.

– Ну, здоро́во! – протянул мне сильную в наколках руку дядя.

Я не очень удивился. Мама часто рассказывала о наших родственниках в своей оригинальной манере, а именно ругала и критиковала всех подряд. А так как родственников у нас было много, то слышал я о них практически каждый день. Добравшись до последнего человека из своего условного списка, мама начинала по новой. Очерёдность была примерно следующей: Маня, Нина, Люба, дядь-Боря, Ефим, сумгаитские Сергей и Нина, хачмаские родственники, папин брат Синька, кубинские родственники, родственники жены папиного брата, родственники мужа старшей сестры, муж младшей сестры. Находила мама родственников и среди соседей (Яфа, Белла, Роза), потом переходила на самих соседей (Мазанту, Алмаз, тётя Истирь, Додик, Манаш, Ихиль, Лёва) – и все у неё были плохими и предавались «огненному» проклятию.

Завершала свой рассказ мама так: «Ханум очень хорошая женщина». И вот здесь я ей верил. Многих наших родственников я не знал. После того, как мама давала каждому подробную характеристику, я тем более не горел желанием с ними познакомиться. Достаточно вспомнить Маню, которая «на базаре пирожки кушала». Всё равно скоро уеду в Москву, в мавзолей к Ленину. Там

в каждом дворе есть хоккейные площадки, там Большой театр, фонтан «Дружба народов». В Москве я буду жить и стану человеком! Однако дядя привлёк меня красивой тёмно-синей морской формой и золотыми погонами. Он продолжал громко и увлеченно спорить с мамой, пить чай и иногда кричать. Видимо, других аргументов не оставалось. Я молча сидел на диване в углу комнаты, завороженно смотрел на блистающие золотом капитанские погоны и завидовал: мой дядя капитан! Почему я раньше о нём ничего не слышал? Почему мама рассказывала мне обо всех наших родственниках, кроме него? Почему скрывала? Я бы с гордостью рассказал о дяде Сёме в школе, заслужил бы внимание одноклассников. Может, дяде удалось обнаружить затонувшие сокровища испанской Непобедимой армады или клады знаменитых пиратов Генри Моргана и Чёрной Бороды? Романтические мысли переполняли мою голову, будоражили юную неокрепшую душу.

Я прислушался к разговору. Нет. Ничего о море и пиратах. Разговор был о другом. Дядя произносил не совсем понятные слова, наводящие на меня тоску: «эмиграция», «историческая родина», «валюта», «гостевое приглашение», «виза», «ХИАС». Я задумался: «Откуда это взялось в нашем доме? Почему я слышу такие слова? Что за *историческая родина* загадочная?» В школе нам ничего о ней не рассказывали и таким словам не учили. Некоторые я, конечно, слышал раньше, по радио. Года за три до описываемого эпизода папа выиграл в лотерею радиоприёмник «Океан-209» со знаком качества и почти каждый вечер после работы под гул радиопомех слушал радиостанции «Голос Америки», «Радио “Свобода”», «Голос Израиля», «Немецкая волна», «Би-би-си». Сквозь резкие шумы из динамика доносились чуждые советскому обществу, вызывающие неприязнь слова: «академик Сахаров», «ссылка», «борец за права человека», «Натан Щаранский», «сионист», «диссидент», «Израиль»,

«репатриация», «Андрей Синявский», «Збигнев Бжезинский» и какие-то часы «Сейко».

Мама очень была недовольна папиным вечерним времяпрепровождением. В один из таких вечеров она вошла в комнату и выразила недовольство.

– А-Юха-ай, – по обыкновению нараспев обратилась она к папе, – чю хари ту[40]. Опять вражеские голоса слушаешь! Хочешь, чтобы дети, не дай Бог, врагами народа стали?

Словосочетание «враг народа» представлялось маме страшным, пугающим. Видно, врезались ей в память судебные процессы тридцатых – сороковых годов, которые освещались в газетах и по радио. К этому страшному клейму – враг народа – мама время от времени прибегала в ссорах с соседями.

– Не станут, – недовольно пробормотал папа, выключил радиоприемник и ушёл в другую комнату смотреть программу «Время».

Мама, как всегда, преувеличивала, врагами народа никто в нашей семье не стал, если не считать меня: видеооператор иностранных корпунктов по определению вредит имиджу Российского государства. Я тогда не особо прислушивался к диверсионным радиопередачам, которые упорно глушились, мне было не до политики, не до какого-то загадочного Анатолия Щаранского или неведомого мне академика Сахарова. Меня интересовала рок-музыка. Да и кто этот академик Сахаров, о котором каждый день упоминают «Би-би-си» и «Голос Америки»? В конце концов меня одолело любопытство, и я обратился за разъяснениями к Рафику, он много книг прочитал, ему было всё известно.

– Сахаров создал водородную бомбу, а потом начал бороться за мир во всём мире, – кратко и доходчиво объяснил брат.

---

[40] Какой ты дурак. – *Татский язык.*

Мама косо посмотрела на него.

Рафик увёл меня в детскую комнату и там добавил:

– Когда его хотели исключить из Академии наук, один кагэбэшник сказал: «Какой Сахаров член Академии? Он уже давно не работает». Учёный ответил: «У меня тоже есть член, который давно не работает, но я держу его за былые заслуги».

От отца я никогда не слышал критики. И анекдотов папа не рассказывал. Он вообще говорил очень мало. (Кстати, хорошее качество для мужчины.) Как-то в программе «Время» рассказывали о встрече Л. И. Брежнева с главами капиталистических и развивающихся стран. Диктор сказала: «Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза Леонид Ильич Брежнев встретился с президентом Французской республики Валери Жискар д'Эстеном», – и папа только критически сморщился. Диктор невозмутимо продолжила: «Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев принял Председателя Совета министров социалистической Эфиопии, подполковника Менгисту Хайле Мариама, прибывшего в Советский Союз с официальным и дружественным визитом». Брежнев стал целоваться с Менгисту Хайле Мариамом.

Тут папа не выдержал и загадочно высказался:

– Делают что хотят! Сволочи!

– Чтоб наши враги сгорели! Ай худо! – тут же подхватила мама родную ей тему. – А-Юха-ай! Куда делась рыба? Почему «Океан» пустой? Где хек, треска, сазан, лосось, горбуша? Почему в Баку нет рыбы? Что творится с рыбной промышленностью?

– Спроси у него, – кивнул папа на экран, где Брежнев продолжал целоваться с Председателем Совета министров социалистической Эфиопии.

– Аля, – критично сощурилась мама, – откуда этот негр знает? Чю хари ту…

Диктор с гордостью вещала про успехи: «Наша Родина сделала ещё один шаг на пути к коммунизму...»

И вот тут, когда мой дядя произнес слово «Израйль», я вздрогнул и забеспокоился. О чем они с мамой говорят? Почему в нашем доме произносится это плохое, ругательное слово? Нет, конечно, я знал о существовании такой страны, но там живут нехорошие люди, потому что наш учитель географии и обществоведения Борис Семёныч говорил: «Израильская оккупационная армия незаконно захватила арабские территории и уничтожает бедный народ дружественной нам Палестины»[41]. Может, дядя обсуждает с мамой программу «Время»? Не очень на это похоже.

Само слово «Израйль» и всё, что было с ним связано, звучало как оскорбление. Например, среди обычной ругани наших соседей можно было нередко услышать: «Чтоб ты сдох, израйльский сионист!» Или такое: «Чтоб ты сгорел, агент Тель-Авива!» Проклятия эти были однообразными, но, без преувеличения, очень оскорбительными и обидными. Лично я опасался быть обвинённым в пособничестве еврейскому государству.

И вот дядя, капитан дальнего плавания, сидел в нашей квартире и своим оглушительным голосом убеждал маму:

– Нюра! Нам нужно всем вместе ехать в Израйль!

Представьте, что я испытал, услышав такое в нашем доме! После уроков Бориса Семёныча это звучало пугающе.

– Нам Израйль не нужен! – возражала мама. – Здесь социализм! – аргументировала она своё мнение.

– Мы его в Израйле построим! Будет там хорошо!

Мама твердила:

– Сёма, у меня дети. Я никуда не поеду!

[41] В девяностых годах Борис Семёнович Назаров с семьёй благополучно переселился в Израиль.

– О семье забудьте! Забудьте о семье! – сердился дядя. – У меня тоже дети, – бушевал капитан, – и я еду ради семьи!

Логики в его мысли я не уловил, но размышлять не было времени. Я слушал.

– Ты езжай, а нам здесь хорошо! – уверяла мама.

Дядя утверждал и доказывал, что в СССР нет свободы, нет будущего, людям не дают свободно зарабатывать. (Моя юношеская психика подверглась тогда серьёзному испытанию.) Мама убеждала своего брата в обратном: государство предоставило ей трёхкомнатную квартиру, наградило орденом «Мать-героиня», выплачивает детское пособие. Мы хорошо живём и всем довольны. Дядя говорил, что советское государство посадило его в тюрьму. Мама сказала: «Просто так у нас никого не сажают». Но дядя не отступал, он напомнил маме про семью наших соседей, эмигрировавших в Израиль в 1972 году.

Я учился в первом классе, но очень хорошо запомнил это страшное и дикое событие. На нашей улице собралась огромная толпа. Мы с мальчишками забрались на крышу гаража и наблюдали сверху. Толпа плотной колонной двигались вдоль домов. Так обычно у нас провожали в последний путь. Не хватало только венков и траурной музыки. Но и без музыки эта людская масса – и провожающие, и отъезжающие – выла навзрыд. Я не понимал, что происходит, откуда в нашем дворе взялось столько народу, и почему все плачут. Казалось, что началась война – такое я в кино видел, когда женщины провожали на фронт своих мужей и сыновей. Или что кого-то хоронят.

Незадолго до этого события в нашем дворе провожали в последний путь отца моей одноклассницы Иветты Филатовой. Он был лётчиком-испытателем и погиб при исполнении задания. Иветта говорила, что во время

испытательного полёта у самолёта её отца отвалилось крыло. Даже на похороны военного лётчика-испытателя собралось меньше народа, чем в описываемый день. Соседский мальчик, азербайджанец Намик, сказал, что семья из второго подъезда уезжает в Израйль, а двоих их сыновей убьют на войне. Меня охватил испуг, и я заплакал. Для семилетнего мальчика услышать такое – страшно. Я помнил первомайские демонстрации с красными флажками «Миру – мир!». А тут Израйль, война, смерть. Зачем туда ехать нашим соседям?..

Когда дядя Сёма выпил весь чай, съел всю халву и, наконец, ушёл, я спросил маму:

– А почему дядя раньше никогда к нам не приходил?

– Недавно освободился, – неохотно ответила мама.

– Из рейса, что ли вернулся? – предположил я.

– Из тюрьмы, – недовольно махнула рукой мама.

– Как так? Он же весь такой… красивый и загорелый.

– Долго загорал…

– Сколько?

– Не задавай лишних вопросов! – отрезала мама.

Я не хотел раздражать маму лишними вопросами, но любопытство – вещь нехорошая.

– А за что он сидел? – продолжил допытываться я.

– Дураком был! – Мама снова махнула рукой. – Неважно.

Мама старалась оберегать меня от всякой негативной информации, но мне очень хотелось всё узнать. Очевидно, дяде удалось найти сокровища знаменитого Генри Моргана или испанской Армады, и государство, чтобы с ним не делиться, упрятало его в тюрьму.

– А что он там про Израиль тебе говорил? – не унимался я.

– Хочет туда уехать… Дурак! – презрительно отозвалась мама о своём брате.

– Навсегда? – Я поразился.

– Навсегда, конечно. Оттуда не возвращаются[42].

– Там же война… и евреи. – Уроки Бориса Семёновича основательно засели у меня в голове. Также слова Намика запомнились.

– Нам-то что? Пусть себе едет! Нечего ему делать! – решительно осудила желание брата мама.

– А мы? – после некоторого молчания спросил я. – Мы поедем?

Возможные перемены взбудоражили моё воображение. Моя мечта частично могла бы осуществиться, но не к евреям в Израиль, конечно, хотелось, а в Москву, к Ленину в мавзолее.

Мама подняла глаза к потолку и громко произнесла:

– Мы советские люди! Нам Израиль не нужен! – Она пальцем указала на потолок и стены, давая мне понять, что у стен есть уши. Потом приложила ладони рупором к губам и отрапортовала: – Мы всем довольны! У нас всё хорошо! – И уже шёпотом добавила: – Смотри в школе зря не болтай.

В голову полезли удручающие мысли. Мне открывалась страшная тайна. Невольные рассуждения заставляли меня содрогаться: если мой дядя, капитан дальнего плавания, собирается эмигрировать в Израиль – значит, он еврей. И если моя мама – его родная сестра – значит, и она, по всей видимости, еврейка. А если я – её сын?.. Нет, нет! Не может быть! Я же советский человек! Неужели я тоже еврей? Испугавшись неожиданного открытия, я погрузился в долгое молчание.

– А мы что, евреи? – спустя время спросил я потухшим голосом.

Мама приложила палец к губам и шёпотом произнесла:

– Ш-ш-ш… Не болтай языком зря. Молчание – золото.

[42] В те годы таких людей клеймили изменниками Родины, а государство лишало их советского гражданства.

Я вспомнил плакат «Болтун – находка для шпиона», висевший в нашей школе, и почувствовал, как рушится весь мой мир. Мне очень нравилась одна девочка в классе, азербайджанка и отличница Фахрия Абилова, которая после уроков два раза в неделю по своей личной инициативе занималась со мной дополнительно. К ней домой я ходил как на праздник. «Если моя тайна раскроется, то занятия прекратятся, и шанса на дружбу не будет», – промелькнуло в голове. Мало того, что я тихий троечник, я ещё и еврей, вдобавок ко всему. Катастрофа! Ведь евреи плохие, потому что в программе «Время» показывают, как они воюют с палестинцами, отбирают их земли. Я против всякого насилия и войны! Я, как весь Советский Союз, за мир!

Вечером я спросил у Рафика, правда ли всё это? Рафик сказал, что мы не евреи, а таты, и я успокоился, так как не имел абсолютно никакого понятия о татах. Главное – не еврей. Та ночь была последней ночью моей безмятежной юности. Наступали горькие переломные дни моего взросления.

На следующий день, с нетерпением дождавшись окончания урока географии, я достал из шкафа том Большой советской энциклопедии и окончательно для себя выяснил: *Таты, или горские евреи, народность, населяющая прикаспийские районы в Азербайджанской ССР и южной части Дагестанской АССР. Живут также в Иране. Численность в СССР – 14,2 тыс. чел. (1970, перепись). Говорят на татском языке. В Азербайджанской ССР – двуязычны (второй язык – азербайджанский); по культуре и быту почти не отличаются от азербайджанцев. Верующие таты – иудаисты. Традиционные занятия татов – земледелие и садоводство. Развиты художественные ремёсла (ковроткачество, изготовление медной посуды и др.). Значительное число татов работает в промышленности.*

Несмотря на то, что в энциклопедии информация была несколько завуалирована, мне удалось выяснить, кто такие иудаисты, – ещё одно пугающее слово! Вот так в четырнадцать лет рухнул мой ещё не окрепший юношеский мир. Значит, я не еврей, я – тат. Что в моем случае тоже безрадостно. До этого меня не интересовал национальный вопрос. В школе это тоже никому не было интересно, кроме Бориса Семёныча, который нередко произносил странную фразу: «Семёнов, не позорь нацию». Я не придавал его словам никакого значения, потому что даже не догадывался, о чем он говорит. Мы же советские люди, все одной национальности, а СССР – наша одна, общая страна. Дома меня в семейные тайны не посвящали. Я беззаботно жил и был всем доволен. А сейчас? Это катастрофа! Зачем нужно было столько лет держать это от меня в тайне? И почему сообщили только сейчас, после моих расспросов? Но об этом я никого не спрашивал, чтоб не болтать языком зря.

Тем не менее неожиданное появление дяди Сёмы в нашем доме определило выбор моей будущей профессии. Я решил, как дядя, быть капитаном дальнего плавания, но без последствий – без тюрьмы и валюты. (Мне всё-таки удалось от Рафика узнать, что дядя сидел в тюрьме за хранение и сбыт валюты.)

После окончания восьмого класса я решил подавать документы в высшее военно-морское училище. Условия приёма давали возможность поступать со средним образованием. Для этого требовалось получить справку из военкомата. Я знал, что справками в Баку не разбрасываются. Практиковалась нелегальная процедура: даёшь взятку – получаешь справку. Я решил, что в военкомат лучше пойти с отцом. Мой отец – ветеран Великой Отечественной войны, заслуживающий почёта и уважения, дошёл до Варшавы, награждён медалью. Справку выдадут без взяток и всяких проволочек.

В разных странах побывал он
Вместе с кухней полковой,
За отвагу орден Славы
Получил он у Варшавы.
Путь прошёл он боевой...[43]

Папа прикрепил к лацкану пиджака свою награду – медаль «За освобождение Варшавы», и мы отправились в военкомат.

– Моему сыну нужна справка, – сказал папа.

– Какой справка? – с акцентом спросил военком.

– Для поступления в высшее военное мореходное училище, – объяснил папа военкому по-азербайджански.

Военком, тучный азербайджанец невысокого роста, посмотрел на папину медаль, оглядел меня – я уловил грусть в его ускользающем взгляде – и произнес на русском языке загадочную фразу:

– Этом году поступать только коренной житель.

– А мы коренные жители. Мы здесь родились, – не понял его папа.

– Коренной житель – это азербайджанцы, – неохотно уточнил военком.

– Неужели одни азербайджанцы поступают в военное училище? – оскорбился папа-фронтовик и хлопнул дверью.

Так с мечтой о карьере капитана дальнего плавания и офицера военно-морского флота пришлось расстаться. Отец понимал: деньги решают всё. Просто у него в голове не укладывалось, что придётся давать взятку за то, чтобы отправить сына на военную службу. Обычно детей откупают. А здесь всё наоборот. Итак, о военной мореходке пришлось забыть. Но я безмерно

[43] Начало послевоенной песни «Про солдатского повара», автор музыки – З. Компанеец, текст написали В. Малков и И. Лашков.

благодарен судьбе. Я даже безмерно благодарен военкому. Сам того не сознавая, он сделал для меня доброе дело – остановил в шаге от опрометчивого поступка. Суровая жизнь военно-морского офицера была не для изнеженного мальчика, выращенного в парниковых условиях.

Дома мама встретила нас в привычном стиле. Её эмоциональная тирада с порога обрушилась на папу:

– А-Юха-ай! Чю бисто? Чю военком гуфти́? Справка нисти? Ар чю ахуна ряфтя? Айлё тярсиряни...[44]

Мама сочувствовала мне и пыталась успокаивать, но этого даже и не требовалось: в Баку хватало других мореходных училищ. Золотые капитанские погоны дяди продолжали тревожить мою душу, и от своей мечты я отступаться не собирался. Папа порекомендовал мне поступать в Государственное профессионально-техническое училище гражданского флота – ГПТУ №11. (Сегодня это Государственная Морская академия.) Туда не требовалась справка из военкомата. Я подал документы, и меня быстро зачислили в группу мотористов-электриков. В сентябре нам выдали морскую форму: бескозырка, тельняшка, чёрные фланелевые брюки, ботинки, ремень со сверкающей латунной пряжкой с якорем. Золотые погоны предстояло заслужить в тяжёлых морских походах. Мы практически не учились. Нас привлекали на маршировки во время праздничных демонстраций и парадов, на различные хозяйственные работы. Помню, однажды мы убирали опавшие листья на склоне у дороги с оживлённым движением.

Вечером Рива сказала:

– Я тебя из автобуса видела. На тебе форма лучше всех смотрится.

---

[44] Что случилось? Что сказал военком? Справку дал? Почему без справки пришёл? Ребёнок переживает... – *Татский язык*.

Мне, конечно, было приятно это слышать, но разве должен моряк убирать на суше сухие листья? Пора выходить в море, искать сокровища Чёрной Бороды или легендарного Генри Моргана, спрятавшего не один клад на экзотических островах. Наконец подошло время защиты дипломов. Все ребята этого очень ждали. Им не терпелось отправиться в море, вдохнуть солёного морского воздуха. Направляя нас на практику на морские суда, Министерство каспийского морского пароходства надеялось, что мы обзаведемся опытом и практическими знаниями. Сделаться за три месяца морскими волками нам бы, конечно, не удалось. Меня с тремя другими выпускниками распределили на «Нурек» – лучший танкер Каспийского морского пароходства, как уверили нас в министерстве. В коридоре министерства я вспомнил, что совершенно забыл разницу между танкером и сухогрузом.

– Чем отличается танкер от сухогруза? – спросил я мастера нашей группы.

Ариф Панахов лаконично и вразумительно объяснил:

– Танкер перевозит нефть и мазут. Сухогруз – древесину и песок.

– А что такое ватерлиния? – поинтересовался мой однокурсник.

– Ватерлиния определяет предельную осадку с полной загрузкой судна... Ну, ладно, буревестники моря, как говорится, семь футов под килем! – пожал нам руки мастер.

Я хотел спросить, что такое киль, но Панахова вызвали в приёмную министра.

С таким багажом знаний я ступил на ржавую палубу «лучшего танкера Каспийского морского пароходства». Танкер «Нурек» действительно когда-то слыл гордостью пароходства. Но это было за двадцать лет до моего рождения. «Нурек» давно исчерпал свой ресурс и теперь ожидал списания и разрезания на металлолом. Но пока

он ходил в море, мы на его борту каждый день набирались опыта и практических знаний. Я наконец вышел в море и был от этого нескончаемо счастлив. Хватит собирать сухие листья и маршировать на праздничных демонстрациях! Скоро осуществится моя долгожданная мечта о Москве, недолго уже осталось. Как получу диплом – сразу в Москву! Там Москва-река есть. Пойду юнгой на катер.

Меня четвёртые сутки не брала морская болезнь, и я этим гордился, так как трое моих сокурсников в первый же день от неё слегли. На пятые сутки я как обычно вошёл в кают-компанию. Бывалый матрос, взглянув на меня, сказал:

– Тебе уже пора.

– Куда? – не понял я.

– Чаек кормить! Беги. Сейчас начнется.

Тут же я почувствовал тошноту и головокружение. Я едва успел выскочить из кают-компании и перегнуться через борт. Небольшая стая серых чаек кружила над головой и хватала остатки непереваренной пищи на лету. Умные чайки уже все знали и ождали. Три дня я не мог есть. Морской волк порекомендовал сухари и чай. Так я и выжил.

Моим рабочим местом было машинное отделение со старыми, выработавшими свой ресурс двигателями. В недрах грохочущих потрёпанных машин бурлило горячее масло. Под решётчатым металлическим настилом собирались лужицы отработанной густой чёрной жидкости. Главный двигатель был высотой с двухэтажный дом. Я взбирался вверх по узкому наклонному трапу и восемь часов курсировал над двигателями по металлическим надстройкам с леерным ограждением. В машинном отделении стоял сотрясающий грохот, все команды отдавались в ухо. Старший вахтенный матрос кричал: «Третий дизель подготовить для перехода в аварийно-дежурный режим!» Всё это не вызвало во мне симпатии

к морскому делу, машинное отделение я не полюбил. После непродолжительной практики можно было навсегда потерять слух. Во время вахт я с грустью вспоминал о своём безобидном увлечении музыкой, о выступлении нашей группы на новогоднем школьном вечере. Через пару недель я пришёл к выводу, что с морской романтикой придётся завязывать, и как можно скорее. Желательно раньше, чем оглохну. Из полагающихся трёх месяцев практики я пробыл на «Нуреке» только один. В порту я сошёл на берег, пожелал танкеру долгой жизни, сел в автобус и поехал домой. Море – не моя стихия. Это стало ясно после короткой практики.

«РИТМЫ КАСПИЯ»

Как я сказал, увлечение, начавшееся с прослушивания импортных пластинок, вскоре переросло в любовь и желание создать собственную музыкальную группу. Как и многие подростки, я мечтал играть рок. Но чтобы создать рок-группу, требовалось обзавестись единомышленниками. Где их найти в бандитском посёлке Восьмой километр? Погосян однозначно мог считаться единомышленником. Он целыми днями барабанил на ударной установке, отрабатывал сложные пассажи. Я отправился к нему за поддержкой.

– Отлично. Теперь я им всем покажу… – угрожающе произнёс Погосян, вспомнив что-то личное.

Я сказал, что буду играть на бас-гитаре. Погосян возражений не имел. Тот день можно считать датой создания нашей рок-группы. Новоиспечённому ансамблю недоставало соло-гитариста и клавишника.

Я поделился с Рафиком, и он сходу посоветовал:

– Возьмите Олега. Не пожалеете. Он хорошо играет.

– «Долю воровскую»?

– Олег сыграет тебе всё что хочешь. Лучше никого не найдешь! – убеждённо сказал брат, и я решил познакомиться с Олегом поближе. Выбора всё равно не было: Восьмой километр – тут не разгуляешься…

Стройный, высокий, русый парень, Олег часто засиживался с гитарой поздними вечерами в беседке между гаражами, развлекал пацанов с бандитскими замашками блатными песнями, которых он знал немало. Я видел: он был не их круга, но почти каждый вечер проводил в этой компании. Олег согласился без долгих уговоров.

Хорошего клавишника тоже нашёл Рафик. Сестра Ильгара училась с ним в одном классе. Она сказала, что её брат окончил музыкальную школу по классу фортепиано и с удовольствием присоединится. Сестра Ильгара, кстати, была необыкновенной красавицей: большие глаза, пронзительный взгляд, длинные чёрные волосы, белая кожа, стройная фигура, тонкая, как у балерины, шея. На неё западали многие парни в школе. Звали её Рена. Она дружила с моим братом. С Рафиком дружило немало красивых девочек в школе. Нам же ничего не оставалось, как подшучивать друг над другом: «Ну что, страдаешь? Хватит страдать!» Помню, Погосян неосмотрительно задал Ильгару не очень тактичный вопрос: «А у твоей сестры есть короткие платья?» Ильгар ответил: «Есть, она в них только дома ходит. Я не разрешаю ей одевать выше колен. Папа ей все зубы пересчитает!» Больше вопросов у Погосяна не возникало, у остальных – тоже.

У Ильгара была машина ВАЗ-2103. Вернее, «тройка» принадлежала его папе, зубному врачу, но Ильгар часто брал её без разрешения и катал нас по городу. Конечно, дорогая частная собственность придавала ему значительности. Ильгар даже за руль меня посадил,

учил вождению. Транспортом по делу мы пользовались нечасто. Помню, раз поехали в ДК договариваться насчёт репетиции. Зато когда Ильгар приезжал к нам домой, мама не упускала возможности попользоваться машиной – ну, чтоб зря во дворе не стояла. Уважая старших, безотказный Ильгар возил мою маму, куда ей было надо.

Репетировала и играла наша группа где придётся: в клубе имени Фиолетова[45], в Клубе судостроителей, на фабриках и заводах, где имелись музыкальные инструменты для художественной самодеятельности. Музыкальная аппаратура – усилители, колонки, микрофоны – и инструменты были отечественного производства и нередко выходили из строя, но это нас не особо огорчало. Олег увлекался радиоэлектроникой и мог устранить любую неполадку. Запросто перепаивал сгоревшие от напряжения транзисторы, собрал из собственных деталей усилитель, цветомузыку. Починил старый заводской плёночный ревербератор, который мы использовали в песне «Солнечный остров»[46]. Ревербератор был там незаменим: «Всё очень просто… просто… просто… Сказки – обман… обман… обман… Солнечный остров… остров… остров… Скрылся в туман… туман… туман…» И так далее. Олег объяснял нам про сопротивление электрических катушек и конденсаторов. Впервые о светодиодах я узнал от него.

Наша группа часто меняла своё название, но «Ритмы Каспия» всем надолго запомнилось. Это название предложил наш художественный руководитель, которого прислали на судостроительный завод направлять самодеятельный коллектив в нужное русло и разучивать

[45] Иван Тимофеевич Фиолетов, революционер, один из 26 бакинских комиссаров.

[46] Неофициальное название (наряду с «Всё очень просто») песни «Ты или я» группы «Машина времени».

с ним идеологически правильные песни. Руководителя, так же как и моего брата, звали Рафик. Главное отличие состояло в том, что моего брата знал весь двор, и все звали его Король, а нашего художественного руководителя знали только мы и звали его просто Рафик. Он имел небольшой дефект речи: Рафик не выговаривал букву «р», и я долго терялся в догадках, как всё-таки называется наша группа – «Ритмы Каспия» или «В ритмах Каспия». У него получалось «Уитмых Каспия». Специфическое произношение нашего музыкального наставника не позволяло мне это выяснить. Но мы быстро подружились. Рафик был доброжелательным и улыбчивым руководителем.

Деталей знакомства с Антоном, нашим певцом, я не помню. Я случайно познакомился с ним около консерватории и привёл его в группу, заверив остальных, что перед ними будущий Ян Гиллан. Кандидатура была единодушно одобрена, и Антон был принят в группу. Весёлый, компанейский, энергичный парень, Антон обладал сильным голосом. Его пением наслаждались не только мы, но и соседи по дому, не разделявшие наших музыкальных вкусов. Мы собирались и репетировали в нашей квартире, благо у нас имелись пианино и гитара. Антон был азербайджанцем, и звали его Адиль. Но мы называли Адиля по-русски: Антон. Он любил Робертино Лоретти и «Deep Purple». Подражая Яну Гиллану, мог легко исполнить известную песню этой группы «Child in Time», беря высокие ноты звонким голосом.

Но однажды он нас поразил: в разгар душного летнего дня Антон явился на репетицию в прикрывающем его рот и шею цветастом шёлковом шарфе. Мы забеспокоились: что случилось? Простудился? Голос потерял? Ангиной заболел? Но Антон молчал как партизан. Мы готовились к посвящённому Октябрьской революции официальному выступлению в клубе, а теперь ему

угрожал срыв. Антон безмолвствовал всю репетицию. Зачем пришёл – непонятно. Под конец он вдруг заговорил едва слышным шёпотом:

– Мне нельзя… говорить.

– Почему?

– Голос берегу.

– От кого? – иронично спросил Погосян.

– Горячий воздух… в рот попадает… Очень вредно.

Антон произносил два слова, делал паузу и произносил следующие два слова. Я не понимал, что происходит.

– Не глупи. Сними! – весело сказал Володя и потянулся к шёлковому шарфу.

Но Антон был настроен решительно.

– Я в консерваторию… буду поступать, – прошептал он. – Надо кастрацию… делать.

– А без кастрации в консерваторию не берут? – издевательски переспросил Погосян.

– Это полезно… для голоса, – объяснил Антон. – Я буду… как Робертино… Лоретти петь.

– Робертино Лоретти не кастрат, чтоб ты знал, – назидательно сказал Погосян, и это было правдой.

– Фаринелли был… он спасал… испанского короля… от депрессии… своим пением. – Антон был в теме, подготовился основательно.

– Зато Ян Гиллан и Иосиф Кобзон – не кастраты! – Погосян был убедителен и настойчив.

– А жаль, – шёпотом заметил Антон.

– Подумай о детях… – продолжал убеждать Володя.

– О чьих… детях?

– О своих… детях! – Погосян непроизвольно тоже начал делать паузы, но Антон оставался непреклонен. Музыка была смыслом всей его жизни, и свои дети ему только могли помешать. И всё-таки Погосян убедил Антона отказаться от кастрации. Сегодня Антон счастливый многодетный отец. И в этом большая заслуга

Володи Погосяна. Надеюсь, Антон в глубине души ему за это благодарен.

В один прекрасный день наш руководитель Рафик явился на репетицию в возбуждённом состоянии.

– Лебята! – воскликнул он. – Я сочинил слова на вашу композицию.

– Какую?

– «Вход челез выход».

Это название мы по глупости позаимствовали у английской рок-группы «Led Zeppelin», которая в 1979 году выпустила альбом «In Through The Out Door».

– Рафик, – сказал интеллигентный Ильгар, которой её написал, – композиция инструментальная, слова там будут лишними.

– Сделаем из неё песню. – Рафик добродушно улыбался.

– Слова хорошие? – поинтересовался соло-гитарист и вокалист Олег.

– Настоящий шлягер! – радостно ответил Рафик.

– Можно попробовать, – поддержал руководителя Олег.

– Вот послушайте!

Рафик достал из кармана сложенный вчетверо мятый исписанный лист бумаги, развернул его и начал читать:

– *Стой, человек, постой! Навек тебе земля твоя дана одна*... Тли куплета, два плипева, плоиглыш. Стандалт, – резюмировал художественный руководитель. – Хит сезона!

Мы проиграли эту песню несколько раз. Ильгар и Володя скептически усмехались и подмигивали друг другу. Оно и понятно: Погосян тяготел к джаз-року: Збигнев Намысловский, Билли Кобэм. Ильгару нравились «Space» и «Зодиак». А тут из нашей единственной инструментальной композиции предлагалось сделать агитационно-патриотическую песню. Олег работал добросовестно,

удачно подхватил припев, заглядывая в лист со словами, исполнил техничное соло в стиле Ричи Блэкмора, своего кумира. Мне понравилась песня, я запомнил первые строки, и оказалось, не зря.

В декабре от Короля я случайно узнал, что их класс собирается проводить в школе новогодний вечер. Ищут музыкальную группу и собирают на выступление деньги.

– Оплатите инструменты и перевозку, и мы бесплатно сыграем, – сморозил я глупость.

Брат пообещал поговорить об этом с одноклассниками и классным руководителем. На положительный результат я не рассчитывал, был уверен, что Король, как всегда, обо всём забудет: полноценной группой мы не были, и брат об этом прекрасно знал. Моё хвастливое заявление даже не следовало воспринимать всерьёз. Мы ещё сырые, организовались недавно, готового репертуара нет, претендовать на новогоднее выступление было с моей стороны необдуманно и опрометчиво. Прошла неделя, Рафик молчал, и я успокоился. «Кажется, пронесло», – подумал я. Но ошибся.

Через две недели Король напомнил мне о моём предложении выступить на вечере – обещанный разговор у брата с классом всё-таки состоялся.

– Все согласны. Играйте! Только меня не опозорь! – напутствовал меня Рафик, вручая восемьдесят рублей – собранные их классом деньги.

Невероятно! Наше первое публичное выступление состоится в родной школе. Неужели сбудется моя мечта, и я стану известным рок-музыкантом? Но что же мог особенного сказать брат о нас классному руководителю и одноклассникам? Рафик пользовался авторитетом в классе, его слушали, ему доверяли. Опасаясь за репутацию брата, я пытался намекнуть ему, что группа не готова к выступлению. У нас недостаточно песен даже для двухчасового выступления, не говоря уже о новогоднем вечере, на котором нужно играть дольше.

На это брат мне ответил:

– Знаешь, как говорил Наполеон? Главное ввязаться в бой, а там посмотрим… Не ссы, – успокоил он меня. – После этого вы станете знаменитыми, – обнадёжил меня Король напоследок.

Мне пришлось ему поверить. Другого выхода не было. Его класс дал согласие. Деньги были у меня в руках. Обратной дороги нет. Как говорили во дворе хулиганы, за свой базар надо отвечать. И тогда я незамедлительно поделился приятным известием с остальными:

– Мы станем звёздами! Выступаем в школе на новогоднем вечере…

– Когда? – нетерпеливо перебил меня Ильгар.

– В пятницу.

– Так это же через неделю, – изумился он.

– Ну да. Поэтому надо хорошо подготовиться, – сказал я.

– Теперь все девочки наши!.. – размечтался Погосян.

Знающий толк в музыкальных выступлениях соло-гитарист Олег – его сосед был профессиональным музыкантом, играл на гитаре в филармонии – сказал:

– Отлично! Только сначала зайди в школу и узнай, где расположены розетки в актовом зале и есть ли там вообще электричество. А то будешь бегать по сцене, искать, куда вставить…

– А почему я?

– Ты же всё затеял… Теперь разгребай, – объяснил Олег.

Что тут возразишь. Олег был прав. Я заварил эту кашу, значит, идти мне. Главное – не ударить лицом в грязь, от подготовки зависит будущее нашей группы – взлёт или провал.

Я шёл в школу в предвкушении будущей славы, мечтал: «Мы станем звёздами Восьмого километра». У входа в школу меня встретила Кобра, худая злая женщина, работавшая здесь уборщицей много лет. Я помнил её с первого

класса, но так и не знал имени. Все называли её просто Кобра. Так окрестил её мой младший брат Эдик, неоднократно сбегавший с уроков и вступавший с ней в конфликт. В отличие от меня, тихого троечника, Эдик был активным двоечником, и тихим его никак было нельзя назвать. Он увлекался рептилиями и насекомыми: брат ловил их на ближайших полях и в карьерах неподалёку, и дома, прикалывая жуков и скорпионов иглами к деревянным дощечкам, спиртовал их водкой, которую мама берегла для лечебных целей. Сёстры панически визжали при виде живых ужей, скорпионов и пауков, которых брат приносил в дом, ругались и жаловались маме. «Моего ребёнка не обижайте!» – вступалась она за Эдика. Мама не противилась его увлечению – лишь бы по плохой дороге не ходил, а ботаника и зоология – предметы, которые изучают в школе. Так что пускай занимается, однако водку от Эдика прятала. Но это было бесполезно, он всегда находил бутылку. Эдика неоднократно кусали змеи, скорпионы, тарантулы. Брат реагировал спокойно. Говорил: «Главное – вовремя высосать кровь из раны» – и наглядно демонстрировал, как это делается.

Но вернёмся к другой змее – Кобре. Прозвище настолько соответствовало характеру уборщицы, что закрепилось за ней до конца работы в школе. И даже после её ухода на пенсию, Кобру долго вспоминали. Она фанатично следила за чистотой и порядком: опоздавших учеников Кобра нещадно ругала, проклинала, иногда кое-кому даже отвешивала подзатыльник. Держала входную дверь запертой и до окончания уроков никого, кроме учителей, не выпускала. Если кому-то требовалось выйти, Кобра устраивала допрос, который выдерживали не все, попадаясь на обмане. Но Эдик не был бы моим братом, если бы не обнаружил альтернативный выход, а именно окно второго этажа. Такая высота не была для него преградой. Следуя его примеру, этим выходом

стали пользоваться и другие ребята, тем самым срывая уроки. За Эдиком закрепилась в школе вполне определённая репутация – возмутителя спокойствия и заводилы. Я же продолжал оставаться тихим и неприметным.

Из всей нашей большой дружной семьи в этой школе учились Мира, Тамара, Борис, Рафик, я и наш младший брат Эдик. Старший брат Данил и сестры Рива, Хая и Ольга учились в городской центральной школе. Учителя хорошо знали моих старших братьев и, к сожалению, не как самых успевающих. Выразительную картину систематической неуспеваемости и лени дополнял возмутитель спокойствия Эдик. Учительница русского языка и литературы Нина Макаровна, к которой я относился с уважением, на одном из уроков как-то поинтересовалась: «Семёнов, много вас там ещё братьев Карамазовых?» Я сказал: только я и младший брат – и Нина Макаровна успокоилась.

– Кстати, почему его сегодня не было на уроке? – вспомнила Нина Макаровна. – Скорпионов ловит?

В тот день Эдик как раз занимался другим делом, но я смолчал: не буду же я выдавать брата…

– Семёнов? – не удивилась Кобра. – Чего явился? – Её знакомый голос прозвучал как последний звонок.

– Откройте, пожалуйста, актовый зал, – попросил я. – Посмотреть надо.

– Не насмотрелся за восемь лет? – съязвила Кобра.

Я улыбнулся, промолчал. Не ругаться же, с ней только свяжись – ужалит.

– Выступать будете? – прибавила уборщица.

Я не удивился её осведомлённости. Кобра всегда была в курсе всех событий.

– В новогодний вечер будем играть…

– Зайди к Насирову! – распорядилась она.

– Зачем?

– Надо, раз сказала! – отрезала Кобра.

Мне не хотелось с ней спорить, иначе звезда нашей группы никогда не загорится на музыкальном небосклоне Восьмого километра. Но зачем я понадобился директору школы? Однозначно инициатива Кобры. Во всё суёт нос.

Я поднялся на сцену, долго искал розетку. Обнаружив её в углу за пианино, спросил:

– А электричество здесь есть?

– Пальцы засунь – узнаешь, – порекомендовала Кобра.

Но я предпочёл традиционный способ, использовав настольную лампу, стоявшую на полу за пианино. Убедившись, что розетка рабочая, я пошёл к директору.

Несмотря на то, что Гусейн Алекперович Насиров, седой строгий азербайджанец, много лет работал директором русской школы, говорил он по-русски с явным акцентом, иногда неверно используя падежи.

– Антисоветский песня играть не будешь? – с хитрым прищуром спросил Гусейн Алекперович.

Это был ожидаемый вопрос от строгого и нетерпимого к хулиганству директора. Олег говорил, что в горкоме комсомола вроде бы имелась бумага с характеристикой западных рок-групп, которые считались идейно вредными и разлагали советскую молодежь. Ему об этом сосед сказал, гитарист из филармонии. Так, например, «Black Sabbath» будто бы пропагандировали сатанизм, «Dschinghis Khan» – антикоммунизм, «AC/DC» – фашизм. «Pink Floyd» якобы извращали внешнюю политику СССР. Я не очень этому верил, но рассуждал так: если их пластинки у нас запрещены – значит, какой-то смысл в запрете всё-таки есть. Нет дыма без огня. Конечно, играть песни из репертуара этих групп в школе мы не будем при всём нашем желании, но одними советскими шлягерами не обойтись: нудный однообразный новогодний вечер не сделает нас популярными.

– Не будем! – пообещал я. И соврал: – Все песни советские. Несколько песен группы «Смоки» и «Машины времени».

На самом деле песни «Машины времени» преобладали в нашем репертуаре. О песне «Child in Time» группы «Deep Purple» я решил умолчать. После концерта будет поздно кулаками махать. Школу я уже окончил, так что устрашающих и карательных мер не боялся. Пусть с братом разбираются. В конце концов, Рафик рекомендовал ввязаться в бой, а там посмотрим.

Гусейн Алекперович напрягся:

– Какой такой «Машин времени»?

– Это хороший ансамбль. Советский. ВИА[47], – заверил я директора. – Его все любят.

Насиров озадачился и задумался. Странно. Почему-то английская «Smokie» его не напугала, а советская «Машина времени» насторожила. Может, он слышал их песню «Битва с дураками»?

– А про что он поёт? – продолжил допытываться Насиров.

Значит, ещё не слышал, подумал я. Ничего. Скоро услышит: «Сегодня самый лучший день – сегодня битва с дураками…»

– Про море поют… Про тех, кто в море…

– Про нефтяник? – встрепенулся директор.

Я снова не удивился такому вопросу. Нефть добывалась в Каспии с начала XX века, и любое упоминание о море в нашем городе вызывало в первую очередь ассоциации с нефтяниками. Вот для примера строки из одной популярной советской азербайджанской песни: «Я тебя найду повсюду: в тёмной глубине. Под землёю, под водою на каспийском дне». Речь, как вы догадались, о каспийской нефти.

---

[47] «Машина времени», конечно, рок-группа. Я сказал ВИА, чтобы не пугать директора.

– Нет. Это песня про надежду...

– Крупскую?

Я растерялся, необходимо было найти выход из двусмысленного положения. Причём так, чтобы не ущемлять самолюбие директора школы.

– Нет, про крепкую мужскую дружбу и надежду. – Надеясь, что упоминание о публикации в главной молодёжной газете страны избавит директора от всех его сомнений, я неосторожно ляпнул: – Про них в «Комсомольской правде» писали...

– Ай маладец! – оживился Гусейн Алекперович. – Какой число?

– Число не помню. Статья называется «Рагу из синей птицы», – ответил я и тут же пожалел об этом.

Эту публикацию я хорошо помню до сих пор. В ней критиковали наших кумиров, высмеивающих лицемерие, человеческую глупость, запреты системы. В статье какой-то жалкий неудачник поливал грязью нашу любимую рок-группу. Рекомендовать директору школы эту статью для прочтения было, мягко говоря, неосмотрительно и глупо. Но я вряд ли уже мог что-то исправить. Слово, как известно, не воробей. Ладно. Пусть читает, подумал я, ничего страшного, надеюсь, с ним не случится. Может, не найдёт директор этот номер? Я не сказал, за какое число газета, после её выхода прошло достаточно времени. Но я сохранил вырезку для себя. Вот короткая выдержка из статьи «Рагу из синей птицы»:

Мы говорим об ансамбле, в котором вполне обеспеченные артисты скидывают с себя перед концертом дубленки и фирменные джинсы, натягивают затрапезные обноски (кеды, трико, пляжные кепочки, веревочки вместо галстуков) и начинают брюзжать и ныть по поводу ими же придуманной жизни:

Обещаньям я не верил и не буду верить впредь,

Обещаньям верить смысла больше нет...

Не факт, конечно, но, может, Гусейн Алекперович после этой статьи проникнется симпатией к музыкантам? Всякое ведь случается на свете. Говорят, Савл из Тарса, яростный преследователь первых христиан, после того, как ему было явлено чудо, уверовал в Иисуса Христа, перестал преследовать христиан, крестился и стал апостолом Павлом. Мне тоже остаётся надеяться на чудо. Но даже если чуда не произойдёт, и у Гусейна Алекперовича не появится симпатии к музыкантам, – тоже не беда. Концерт к тому времени в школе состоится, и слава о нас распространится по всему Восьмому километру.

С творчеством «Машины времени» я познакомился благодаря Олегу за пару лет до нашего выступления. Он принёс старый бобинный магнитофон и включил любительскую концертную запись. Сквозь шум толпы и звуковые помехи я услышал песни «Битва с дураками», «Костёр», «Марионетки», «Солнечный остров» и поразился. Я прилип к динамику и обратился в слух. И такое возможно в нашей стране? Смелые, откровенные, местами даже революционные тексты – да ещё на русском! Казалось, они были способны изменить нас, устранить негативные моменты нашей жизни. Я долго находился под впечатлением от услышанного и после начал проявлять интерес к подпольной рок-группе «Машина времени» и её творчеству[48].

Для успешного выступления на школьном вечере требовались качественные инструменты, колонки, усилители, микрофоны. «Аппаратура должна быть импортная, – заявил Олег. – Ты же не хочешь, чтобы усилитель сгорел прямо на сцене?» Я этого не хотел и решил

[48] Концерты «Машины времени» проходили нелегально, подпольно. Группа не имела официального статуса, как многие ВИА страны, гастролировавшие с концертами. Ситуация изменилась в конце 1979 года, когда «Машине времени» предложили официально работать от Росконцерта.

приложить все усилия, чтобы найти то, что требовалось. Но где найти импортную аппаратуру? Где-то она есть, но где искать? «Буду обходить все клубы в городе», – решил я. Мне очень не хотелось облажаться в наше первое публичное выступление, тем более в родной школе, где меня всё ещё помнят. Мне не терпелось доказать, что я уже не тихий троечник, а подающий надежды талантливый рок-музыкант.

Импортную аппаратуру, к своему удивлению, я обнаружил быстро. В Доме офицеров часто проводились официальные мероприятия, поэтому инструменты там имелись качественные, чешского производства. Я написал директору клуба расписку, оставил паспорт в залог, дал шестьдесят рублей за аренду. Директор удовлетворённо положил деньги в карман: шестьдесят рублей, половину средней месячной зарплаты того времени, он заработал за один день. Оставшиеся двадцать рублей предназначались для перевозки аппаратуры.

В день выступления мы погрузили аппаратуру в автобус и привезли в школу. Под руководством компетентного и авторитетного Олега расставили на сцене колонки, усилители, подключили микрофоны, инструменты. Ударную установку расположили в центре. Времени для репетиции оставалось достаточно. Вечер начинался в шесть, а мы в двенадцать уже подключились и были готовы к прогонке песен. Но ожидаемого мной не случилось ни через полчаса, ни через час. Ребята неожиданно впали в детство. Начался настоящий бедлам. Володя доказывал Олегу, что умеет играть быстрее Яна Пейса, барабанщика «Deep Purple». У Олега вдруг проснулось желание сесть за барабаны. Ильгар взял в руки гитару. Погосян сел за синтезатор. Я наблюдал за происходящим с мыслями о надвигающейся катастрофе. Неоднократно я пытался призвать разошедшихся товарищей к дисциплине и воззвать к их сознательности, но мой

голос заглушили виртуозные гитарные риффы, соло на ударных, сложный фортепианный пассаж.

Когда до начала новогоднего вечера оставалось часа четыре, и уставшие от шума ребята постепенно угомонились, Олег наконец спросил:

– А что мы будем играть?

– Я не знаю что мы будем играть, но играть мы будем! – твёрдо заявил я. – У нас есть ещё куча времени.

Я был настроен очень решительно и отступать не собирался. Тогда Олег начал вспоминать песни, которые знал, и загибать пальцы: «Летний вечер» ВИА «Цветы» – раз, «Детства последний звонок» ВИА «Пламя» – два, «Костёр» и «Поворот» «Машины времени» – три и четыре, «Needles and Pins» «Smokie» – пять, «If You Can't Give Me Love» Сьюзи Кватро – шесть. Когда выяснилось, что второй руки для счёта не понадобилось – шесть песен и без пальцев можно сосчитать, – Погосян мудро предложил вернуть аппаратуру в Дом офицеров и тихо разойтись. Пока народ не собрался. Может, в нашем положении это был самый разумный выход, но я немедленно пресек зарождающиеся пораженческие настроения и категорически сказал:

– Никто никуда не уходит!.. Вова, ты же грозился что-то там показать. Все девочки наши! Забыл? – обратился я к Погосяну.

Инструменты были привезены, расставлены, подключены, деньги потрачены. Обратной дороги не было. Требовалось отработать! Ответственность за всё лежала на мне. Что я сказал бы директору? А главное, как отреагировал бы брат? Я мог только догадываться.

От несмываемого позора нас спас Олег, знавший достаточное количество песен, и мы успели их отрепетировать. Клавишник Ильгар обладал хорошим слухом и всё хватал на лету. Я же следил за левой рукой Олега и так определял тональность и аккорды песен. Погосян

чётко держал ритм, вставляя техничные сбивки, брейки, энергичные переходы, украшая своим фанковым стилем любую песню. Рафик оказался прав: Олег оказался не просто лучшим гитаристом, он был незаменим в группе.

Наконец наступило долгожданное, мучительное восхождение на музыкальный олимп. Наша рок-группа была представлена на сцене в пестром национальном многообразии: Олег, соло-гитара и вокал – русский. Володя, ударные инструменты – армянин. Ильгар, клавиши, синтезатор – азербайджанец. И я, бас-гитара – тат, или горский еврей.

Несмотря на незначительные заминки – забытые слова песни и упавший на большой барабан микрофон, – новогодним вечером остались довольны все. Одну песню даже мне довелось исполнить. Правда, на английском. Это была «Alice» группы «Smokie». В перерыве ко мне подошёл Михаил Палыч, мой бывший учитель пения, и крепко пожал мне руку:

– Молодец, Семёнов, не ожидал от тебя!

Я и сам от себя не ожидал. Жаль, что Владимир Фёдорович меня не слышал, он бы порадовался за мой английский. Но как я мог так безрассудно решиться на эту авантюру? «Больше никаких авантюр! – решил я для себя. – Никогда и никаких авантюр!»

В конце вечера Володя сообщил мне, что у выхода будут ждать две симпатичные девочки, которые хотят с нами познакомиться и которых мы можем проводить до дома. Значит, Погосян не обманул, показал всё-таки девочкам. Это были плоды первого успеха.

Наша популярность в посёлке Восьмой километр росла и давала о себе знать. Восхождение на музыкальный олимп началось.

ДВОРЕЦ ИМЕНИ ЛЕНИНА

В 1981 году в Баку с гастролями приехал неизвестный музыкальный коллектив из Грузии. Но название «Блик-Битлз» и афиша со знаменитой фотографией битлов, переходящих улицу, были лучшей рекламой: народ повалил на концерт. Я узнал об этом от Фуада, школьного товарища. После успешного новогоднего выступления о нас в школе говорили, и Фуад подружился со мной. Он был на год младше меня. Я не возражал: возраст общению не помеха.

Мечта тысяч фанатов сбылась: услышать любимые песни со сцены в «живом», концертном исполнении и полюбоваться двойниками «Битлз» горели желанием многие, как оказалось, не только поклонники ливерпульской четвёрки. Мы жили в условиях дефицита и информационной блокады. «Фирменные» пластинки «Битлз» можно было достать только на чёрном рынке, приобрести, что называется, с рук по фантастическим ценам – за сорок–пятьдесят рублей и дороже. В зависимости от альбома и от страны-производителя. По радио звучали песни местных и российских исполнителей, артистов других советских республик и братских социалистических стран. В прессе информацию о зарубежных группах не публиковали. Изредка в популярных журналах – в молодёжном «Ровеснике» и «Смене» – можно было найти что-то интересное, но сначала надо было найти эти журналы в киосках «Союзпечати». Их разбирали очень быстро. Следовало водить знакомство с киоскёром, переплачивать за пользующиеся спросом издания. Вот на этом фоне группа «Блик-Битлз» оказалась с гастролями в Баку! И предстояло ей выступить не в каком-то захудалом ДК, а во Дворце имени Ленина – главном концертном зале республики. Яркое

событие! Лучик света и надежды на положительные изменения в музыке блеснул на горизонте.

Несмотря на то, что песни английских музыкантов будут исполняться горячими парнями с грузинским акцентом, мы с Фуадом хотели попасть на этот концерт во что бы то ни стало. Билеты – это было нам ясно – достать будет непросто, но, как говорится, под лежачий камень вода не течёт. В таких случаях надо действовать решительно! Если человек сильно хочет, он добьётся. Мы поехали попытать счастья. Окна касс Дворца были закрыты. Как и ожидалось, над ними висели таблички с надписью «Все билеты проданы». Уходить с пустыми руками мы не собирались. Всегда найдутся спекулянты или «лишний билетик» у кого-то.

Неподалёку от касс, подозрительно озираясь по сторонам, околачивался высокий худой мужчина лет тридцати. Длинный тонкий нос и грустные глаза придавали ему вид побитого интеллигента. Он выжидательно поглядывал в нашу сторону, медлил, но наконец приблизился.

– Ребята, билеты нужны? – осторожно поинтересовался он.

– Сколько? – спросил деловитый Фуад.

Брови Фуада выгнулись дугой над чёрными глазами, придавая ему в этот момент сходство с Полом Маккартни, когда битый интеллигент назвал нам цену. Но поскольку мы решили непременно попасть на этот концерт, вопрос цены оказался второстепенным. Поторговавшись, мы купили два билета у немного уступившего в цене грустного добродетеля и познакомились с ним поближе.

Загадочного серого кардинала Дворца имени Ленина звали Аркадий, работал он здесь то ли администратором, то ли осветителем, мы с Фуадом так и не поняли. Чей-то знакомый или родственник – выяснить точно тоже не удалось. Устроился по блату. На подобные места попадали только таким образом. Аркадий обещал придерживать для нас билеты на интересные концерты. Дружба

с организатором незаконного оборота билетами сулила много приятных сюрпризов – были бы деньги.

Каждый раз, встречаясь с ним перед каким-нибудь концертом у Дворца, мы дружески подшучивали:

– Аркаша, когда «Лед Зеппелин» приедет? Два билета для нас…

Он озирался по сторонам, отводил нас за угол здания и доставал из-под полы своего серого пиджачка билеты.

– На «Гая»[49] первый ряд… – сообщал тихим голосом Аркаша.

– Может, на «Блэк Саббат» есть? – дурачились мы.

Аркаша невозмутимо продолжал:

– Скоро Ротару приедет. Хорошие места сделаю… в центре…

– А на «Орэра»[50] есть? – продолжали мы издеваться.

– «Магнетик бэнд» скоро приедет… – не обижаясь, прибавлял Аркаша.

Молодец, Аркаша! То, что надо! В цель попал! Рок-группа из Эстонии. Про Гуннара Грапса, основателя и руководителя, мы уже слышали. «Магнетик бэнд» стали известны после первого официального всесоюзного рок-фестиваля «Весенние ритмы. Тбилиси-80», где, кроме них, выступили также «Машина времени», «Аквариум», «Диалог», «Карнавал», «Автограф» и другие группы. Спасибо, Аркаша, за твою отзывчивость, заблаговременную информацию и умеренную надбавку на цену билетов! Ты всегда шёл нам навстречу. Благодаря тебе мы видели немало интересных выступлений. И пусть это происходило нечасто, главное – это было. А «Гая», Полад Бюльбюль-оглы, София Ротару, Алла Пугачева, Иосиф Кобзон, символы советской эстрады,

---

[49] «Гая» – популярный государственный азербайджанский вокальный квартет.

[50] ВИА «Орэра» – популярный государственный грузинский вокально-инструментальный ансамбль.

были интересны нашим родителям. Нас же интересовали Джимми Хендрикс, Эрик Клэптон, «Yes», «Pink Floyd», «Блик-Битлз», «Магнетик бэнд».

Итак, мы с Фуадом были готовы к «волшебному магическому путешествию»[51]. Концерт доставил невообразимое удовольствие, другого мы и не ожидали. Впервые песни легендарной английской группы мы слышали в «живом» исполнении со сцены. Под битловские хиты в течение всего концерта на экран проецировались слайды. Солист «Блик-Битлз» Валерий Качаров в паузах между песнями рассказывал о ливерпульской четвёрке любопытные факты. В зале царила сдержанная обстановка. Грузинские музыканты пытались войти в контакт с залом и расшевелить зажатых бакинских зрителей. Это им не удавалось. Зрители не спешили проявлять эмоции, сидели тихо, как на партийном собрании. Ничего удивительного – концерт проходил в государственном республиканском Дворце, где проводились все партийные собрания, съезды и другие государственные мероприятия, и эмоции здесь проявлялись только после окончании доклада или речи какого-нибудь секретаря. Не зря же Дворец носил имя Ленина[52]. Совсем недавно я здесь принимал участие в праздничном мероприятии, посвящённом какому-то государственному празднику, и стоял в этом зале в морской форме по стойке смирно. Нас, учащихся мореходного училища, использовали в качестве атрибута праздника. Мне хорошо запомнилась репетиция. В каждом проходе между рядами построили колоннами будущих матросов. Наша колонна дружно декламировала:

---

[51] Так – «Волшебное магическое путешествие» (англ. *Magical Mystery Tour*) – называется музыкальный кинофильм группы «The Beatles», впервые показанный в 1967 году.

[52] В 2004 году бакинский Дворец им. Ленина был переименован во Дворец им. Гейдара Алиева.

На нашем стяге – ленинское имя,
Нас к коммунизму партия ведёт.
Какое счастье быть детьми твоими,
Советская страна – великий наш народ!

В 1982 году здесь читал доклад Леонид Ильич Брежнев. Это выступление я смотрел по телевизору – не часто Леонид Ильич приезжал в Баку! Даже дороги, по которым должен был проехать кортеж, раскрасили бело-голубыми ромашками. Трансляция велась в прямом эфире. Мы с отцом сидели у телевизора. Брежнев должен был произнести: «Широко шагает Советский Азербайджан», но вместо этого сказал своё знаменитое впоследствии: «Широко шагает Советский Афганистан». Генсек машинально произнёс ещё несколько фраз, опомнился, помолчал и сказал, что ему подсунули не тот доклад. Но вернёмся к концерту во Дворце имени Ленина.

Наша молодая, горячая, бунтарская энергия рвалась на свободу. Выбрав удобный момент, – когда музыканты закончили очередную песню, – мы с Фуадом начали им помогать в установлении контакта с залом. Когда в очередной раз зрители сдержанно захлопали, я выкрикнул: «Thank you very much!»[53] Фуад ограничился криком «Браво!» и протяжным «У-у-у». Этот выпад строго осудили серьёзные зрители, привыкшие к консерваторской атмосфере. Зато сверху, из последних рядов, нам была оказана поддержка. Двое ребят, вскочив со своих мест, улыбались и размахивали руками. Фуад предложил мне переместиться на галёрку. Там мы с ребятами познакомились. Высокого и белокурого парня звали Сергей, кучерявого и тёмноволосого – Эрик. Вчетвером мы почувствовали себя смелее, однако наше сплочение вызвало недовольство у сердитых зрителей. И тогда к нам наверх поднялся интеллигент с грустным взглядом.

[53] Я часто слышал эту фразу на записях концертов «Led Zeppelin», «Uriah Heep» и других западных рок-групп.

– Ребята, что тут за цирк? Ведите себя культурно! Выгоню из зала! – неубедительно пригрозил нам Аркаша.

Мы пообещали вести себя культурно, но сдержать это обещание уже было не под силу: музыканты как раз начали исполнять «A Hard Day's Night». И понеслось... К окончанию песни нам удалось поднять на ноги четверть зрительного зала. Аркаша со стороны недобро поглядывал на нас, но уже не подходил. То тут, то там зрители вскакивали со своих мест, поддерживая музыкантов криками и приветственным свистом. Постепенно в зале образовалась непринуждённая атмосфера, и музыкантам это пришлось по душе. Мы смелее проявляли восторг, чувствуя их одобрение. Обманчивое ощущение свободы запоминается на всю жизнь.

Когда концерт закончился и музыканты, попрощавшись, скрылись за кулисами, Эрик предложил:

– Пойдем к служебному выходу, подождем грузинских битлов.

Мне сразу понравилось предложение нового знакомого – это был неожиданный подход. Самому даже в голову не приходило, что можно «подловить» артистов у служебного выхода и неформально с ними пообщаться. Спускаясь по ступенькам с верхнего ряда к выходу, я заметил парня с портативным кассетным магнитофоном «Весна-305» и микрофоном. Видно, парень записывал концерт. Меня вдруг осенило: можно записать интервью с «Блик-Битлз» – и я предложил обладателю магнитофона присоединиться к нам.

Тот с готовностью поддержал мою идею:

– Ещё одна чистая кассета есть!

Оказывается, не мы одни были такие умные. У служебного выхода собралась толпа молодых поклонников. С кассетником и микрофоном в руке, приняв серьёзный многозначительный вид, я встал у выхода. Через двадцать минут показались счастливые и усталые

музыканты. Толпа моментально обступила нас плотным кольцом. Я начал интервью, и никто не стал мне мешать, очевидно, приняв меня за корреспондента какой-нибудь студенческой газеты. Первый вопрос я задал руководителю группы «Блик-Битлз»:

– Как вас встретил Баку?

Валерий Качаров, исполнявший роль Джона Леннона, ответил:

– Спасибо, ребята! Баку очень гостеприимный город. Нам очень приятно ваше внимание.

Качаров также сказал, что публика в Баку очень тёплая и благодарная, что он со сцены обратил на меня внимание и поблагодарил за горячую поддержку. Было радостно узнать, что меня заметили. Кто-то из толпы спросил, планируются ли гастроли в следующем году в Баку, и Качаров ответил, что группа с радостью приедет к нам снова.

Вот так на ступеньках служебного выхода Дворца имени Ленина я получил первый опыт журналиста, так сказать, состоялось мое боевое крещение в журналистике. К сожалению, моё первое в жизни интервью не сохранилось. Интернета тогда не было, иначе я выложил бы запись на широкие просторы Сети. Сегодня доступны любые фотографии и видеоклипы в Интернете, интервью – в многочисленных журналах. Хотите побывать на концерте «The Rolling Stones»? Не проблема. Заказываете билет и летите в Англию. Никто вас не удержит. Можете вообще никуда не летать, Пол Маккартни или Мик Джаггер сами прилетят в Москву и выступят для вас на Красной площади. Даже можете получить автограф. В нашу пионерско-комсомольскую юность железный занавес надёжно защищал социалистические завоевания. Мы использовали любую возможность, чтобы разыскать информацию о полюбившейся группе, и делились интересными сведениями друг с другом, переписывали магнитофонные кассеты,

покупали и коллекционировали чёрно-белые фотографии и плакаты любимых групп. Тонкую книжку «Музыка бунта» Олега Феофанова, в которой содержалось несколько фотографий «The Beatles» и «The Rolling Stones» и недоставало некоторых страниц, мне удалось раздобыть спустя долгое время после её выхода в свет...

Эрик, Сергей, Фуад и я обсуждали подробности концерта и личной беседы с музыкантами и не торопились возвращаться домой. Был поздний тёплый вечер. Взволнованные и счастливые, мы увлечённо делились впечатлениями.

Потом Эрик меня спросил:

– Ты на журналиста учишься?

– Я музыкант. У меня своя рок-группа, – похвастался я.

– Я мечтаю стать музыкантом, – с завистью признался Эрик. – Барабанщиком, как Джон Бонэм.

– Станешь, – пообещал я ему. – Я тебя с Погосяном познакомлю.

– А кто это? – заинтересовался Эрик.

– Талантливый барабанщик! – авторитетно объявил я. – Играет не хуже Джона Бонэма.

– Тогда я научу тебя, как по-английски послать подальше, – в знак благодарности сказал Эрик.

– Как? – тут же оживился я. Было интересно, я не знал по-английски ни одного ругательства.

– Надо сказать *fuck off*.

– Лучше уж до-ре-ми, до-ре-до, – заметил Фуад, регулярно посещавший наш двор Спутник.

– А меня поймут? – усомнился я.

– В Америке и на Монтина[54] все понимают! – заверил Эрик.

---

[54] Посёлок в районе Баку, названный в честь революционера Петра Монтина, убитого в 1905 году.

Спустя короткое время я в этом лично убедился. Я както поехал на Монтина к Эрику и, разыскивая его дом, заблудился. Пришлось обратиться к местным ребятам. Fuck off, – указали они мне направление. Всё-таки приятно, когда с тобой на английском разговаривают, и звучит намного убедительнее, чем «до-ре-ми, до-ре-до».

– А знаете, от чего умер Джон Бонэм? – спросил Сергей нас. – Он пил и курил. Тебе, Эрик, придётся много пить, чтоб стать известным.

– Меня отец из дома выгонит, – отозвался тот.

– Придётся выбирать, – констатировал Сергей.

После смерти Джона Бонэма распалась одна из лучших рок-групп – «Led Zeppelin». Преждевременно ушли из жизни другие не менее талантливые музыканты: Джимми Хендрикс, Бон Скотт, Джим Моррисон, Кит Мун, Дженис Джоплин, Джон Леннон… Пуля, алкоголь и наркотики способны уничтожить самого талантливого человека, даже гения.

Знакомство Эрика Алтуняна и Володи Погосяна я организовал вскоре после концерта «Блик-Битлз». Ударной установки у Эрика не было, он ходил к Погосяну и упражнялся на его барабанах. Володя же умудрялся везде успевать: давал уроки, репетировал, с девочками встречался. Популярность его стремительно росла, но Рафик был очень недоволен: наша группа «Ритмы Каспия» утрачивала прежнее звучание, добиться которого ему стоило большого труда. Однако за недолгие годы существования группы мы звёздами не стали и вклад в мировую рок-культуру не внесли. Вины Рафика в этом, конечно, нет. Спасибо ему за всё, что он делал. За выступления в клубах, участие в концертах и конкурсах.

Тем временем мы достигли призывного возраста, как писали в газете «Красная звезда». Служба в рядах Вооружённых сил СССР была почётным долгом и священной обязанностью. Первым забрали Олега – он был

старше на полгода, – потом взяли меня и Погосяна. Отец Ильгара пытался откупить сына, но ему это не удалось. Ильгара всё равно призвали в армию, но служил он рядом с домом и на полгода меньше, так как имел высшее образование.

СВЯТОЙ ДОЛГ РОДИНЕ

Стоим мы на посту, повзводно и поротно.
Бессмертны, как огонь. Спокойны, как гранит.
Мы – армия страны. Мы – армия народа.
Великий подвиг наш история хранит[55].

В армию меня провожали мама и старший брат Борис, отслуживший два года на Семипалатинском полигоне. На призывном участке к нашей группе подошёл капитан с голубыми погонами и позолоченными парашютами на петлицах. В руках он держал военные билеты.

– Будешь служить в ВДВ. Всё. Вас «купил» десантник, – сообщил Боря.

Мои немногие знания о службе были почерпнуты в программе «Служу Советскому Союзу», где говорилось, что служба в Вооружённых силах Советского Союза – конституционный долг и почётная обязанность. На уроках по НВП нас учили на время разбирать и собирать автомат, обращаться с ручной гранатой. Выращенный в домашних условиях, о военной службе я не имел ни малейшего представления. Что могло ожидать такого юнца в армии?..

– Два года пролетят быстро, – заверил меня брат.

– А где лучше служить, в ВДВ или в стройбате? – наивно поинтересовался я.

– В десанте тяжелее, – загадочно ответил Боря.

[55] Первый куплет популярной советской песни «Мы – армия народа», написанной композитором Г. Мовсесяном на слова Р. Рождественского.

– Кушай хорошо! Голодным не оставайся! – напутствовала меня мама. Для неё, голодавшей в детдоме, недоедавшей в тяжёлое военное и послевоенное время, это имело важное значение.

– Не волнуйся, в армии хорошо кормят, – успокоил маму Боря.

Одним ценным советом Боря всё-таки поделился со мной перед отправкой. Рассказал, как их, новобранцев, построили старослужащие и спросили: «Евреи в строю есть?» Брат сделал шаг вперед, и вся служба у него прошла «как на курорте».

– Если будут спрашивать, делай шаг вперед, – порекомендовал мне Боря на призывном участке.

Я запомнил этот совет.

Двое суток мы тряслись в пыльном грязном вагоне с разбитыми окнами. Но так как стояла тёплая майская погода, от этого мы все только выигрывали: душный вагон хорошо проветривался. Нам выдали лишь матрасы, ни о каком постельном белье речи не было. Призывники обойдутся тем, что есть, нечего их баловать чистым вагоном и простынями. В дороге капитан рассказал, что служить нам предстоит в городе Черняховске Калининградской области, самой западной точке страны. Черняховск до войны назывался Инстенбургом, а Калининград – Кёнигсбергом. В городе и области сохранилось немало немецких жилых домов, административных зданий, кирхи. В Калининграде уцелело здание бывшего гестапо и дача Геринга, которая находится на Кутузовском проспекте. Через пять лет я буду жить напротив дачи Геринга.

На станцию поезд прибыл вечером. Мы выгрузились на перрон. Провинциальный тихий немецкий вокзал, вокруг безлюдно и даже уныло. До части добирались пешком. «Шире шаг! – подгонял офицер. – Равнение в строю!» Путь оказался неблизкий. Шли около часа. Даже ноги устали. Могли бы и машину за нами прислать. Очевидно, таким образом нас уже подготавливали

к нелёгкой службе. Наконец остановились перед серыми железными воротами с красной звездой в центре. Ворота раскрылись, и мы ступили на территорию десантной части. Капитан сопроводил нас в казарму и сдал в карантин. Через пять минут двадцать южных загорелых парней по команде двоих белокожих десантников выстроились в коридоре казармы в одну шеренгу. Тусклый свет лампы едва освещал длинный унылый коридор. Широкоплечие десантники в белых майках важно расхаживали вдоль строя, поигрывая тугими рельефными бицепсами. Их спортивный торс производил на хилых черномазых новобранцев убедительное впечатление: ребята здесь не груши околачивали. Среди двадцати призывников с неразвитой мускулатурой был, на мой взгляд, только один потенциальный десантник – Азиз. Росту в нём было примерно сто восемьдесят сантиметров, но лишний вес препятствовал бы достижению успехов в воздушно-десантных войсках. Гнетущая тоска нагоняла тягостные беспросветные мысли. Мне захотелось домой.

Тот из двух десантников, который был выше ростом, критично оглядев шеренгу, приказал:

– Кто понимает по-русски – шаг вперед!

Наверное, пошутил, потому что по-русски понимали все, кроме одного парня из высокогорного села. Но строй не шелохнулся.

– Никто не понимает? – огорчился он.

– Все понимают, – неуверенно подал голос Азиз, стоявший в голове шеренги.

– Это радует. – Десантник подошёл к Азизу, недружелюбно спросил: – Ты у них самый умный?

– Нет. Я просто…

– Отставить разговоры в строю! Через месяц ты сам себя не узнаешь, – недобро пообещал он. (И не обманул. Азиз вскоре скинул килограммов двадцать.) – Запомните: я – сержант Вайчюнас, – прибавил

десантник. – Это – старший сержант Казлаускас, – кивнул он на стоящего рядом земляка. – Гинтас Казлаускас.

Невысокого роста и спортивного телосложения, Гинтас неприветливо оглядел строй.

– Служба в воздушно-десантных войсках, – мрачно начал он, – высокая честь! Такой чести удостаивается не каждый. Вам повезло. Попал в ВДВ – гордись! Не попал – радуйся! Чурбаны!

Сержант Вайчюнас добавил:

– Тяжело будет первые сто лет, зато потом служба как по маслу пойдет.

– Вы не у бабушки на блинах, – продолжил старший сержант Гинтас Казлаускас. – Ваши мама-папа здесь – мы и прапорщик Щетько. Наша задача – сделать из вас десантников. И не сомневайтесь, мы вас сделаем. Кто сомневается – шаг вперёд!

Строй не пошевельнулся.

Гинтас подытожил чуть более дружелюбно:

– Кто не сможет – научим. Кто не хочет – заставим. Вопросы есть?

Мы промолчали.

– Значит, я убедительно объясняю. Вольно! – скомандовал он и неожиданно спросил: – Литовцы в строю есть?

Для двадцати кавказских парней это был очень странный вопрос, но он прозвучал, и Гинтас ждал ответа. Вероятно, это было таким ритуалом. Всех новобранцев об этом спрашивали. Тишина загудела у нас над головами, как высоковольтные провода.

– Эстонцы?.. – Гинтас оглядел строй.

Напряжение возрастало.

– Латыши?..

В эту минуту мне очень захотелось стать латышом. «Ну вот, – подумал я, – кажется, настал момент, о котором меня предупреждал брат». Самое время было воспользоваться его советом.

– Евреи есть! – выкрикнул я, нарушив гулкую тишину.

Земляки удивленно покосились на меня.

– Кто? – опешили десантники.

Вайчюнас вплотную приблизился ко мне. Я стоял в хвосте шеренги. Отрекаться от своих слов было слишком поздно.

– Фамилия? – потребовал ответа сержант.

– Семёнов, – сказал я, начиная осознавать безысходность предстоящей службы.

Вайчюнас пристально посмотрел мне в глаза и угрожающе проговорил:

– Ничего-ничего, еврей, всё будет нормально... Строй, разойтись! – скомандовал он. – Две минуты на отбой. Время пошло-о-о!

Строй мгновенно ожил и рассыпался.

Ранним утром сквозь сон донеслось: «Подъём!», потом – беспорядочная возня. Мысленно побудил себя встать и с удивлением осознал, что тело отказывается подчиниться.

– Разбудите еврея! – услышал я голос сержанта и ощутил лёгкий удар в бок.

Вскочил. Побежал умываться.

Вслед понеслось:

– Команда «Подъём!» была! На зарядку выходи строиться!

Обязательный утренний армейский ритуал – умывание холодной водой и шестикилометровый кросс вдоль леса. Наши ребята, включая меня, с физкультурой не дружили, но моей персоне сержанты-прибалтийцы уделяли особое внимание.

– Ничего-ничего, еврей, – угрожающе обещал Гинтас, – ты у меня в казарме летать будешь. Ясным соколом.

Довольно быстро я осознал смысл этого обещания. Выяснилось, что мои литовские наставники относятся к евреям так же, как немецкие нацисты в военные годы.

Именно от них я узнал, что Литва насильственно была присоединена к СССР в 1940 году, и ответственность за эту историческую несправедливость была возложена на меня. И хотя я клялся моим литовским командирам, что не имею к этому никакого отношения, они только твердили: «В этом евреи виноваты: Сталин, Молотов, Риббентроп». Возможно, только почему я должен отвечать за их исторические ошибки?..

Стремясь сделать из двадцати кавказских призывников, не друживших со спортом, отличников боевой и политической подготовки, наши литовские наставники пришли к выводу, что осуществлению данной цели препятствовало моё еврейское происхождение. Сержанты пообещали мне окончательно решить еврейский вопрос в роте в кратчайший срок. До сих пор недоумеваю, почему они этого не сделали. Эти отличники боевой и политической подготовки владели приемами рукопашного боя на достойном уровне. Голубоглазые блондины с голубыми погонами на отглаженных гимнастерках, со значками-парашютами на груди, указывающими количество прыжков, они способны были выключить одним касанием указательного пальца. (В этом я однажды лично убедился.)

Мучениям на плацу мы предпочитали теоретические занятия в ленинской комнате. Лучше сидеть в тёплом помещении и слушать политинформацию или инструкцию по укладке парашюта, чем таскать тяжёлые рюкзаки, бесконечно собирать и разбирать их. Наверное, поэтому мне лучше запомнилась теоретическая часть занятий.

Старший сержант Гинтас Казлаускас вёл занятия чётким командирским голосом:

– Первый в мире ранцевый парашют РК-1 запатентовал Глеб Котельников в 1912 году. Парашют Д-5, с которым вы ближе ознакомитесь на плацу, появился в воздушно-десантных войсках в начале семидесятых годов. Сегодня в десантных войсках наряду с базовой моделью

парашюта Д-5 используются его различные модификации: Д-5 серии 2, Д-5 серии 2М и Д-5 серии 4. Наиболее используемая модель – Д-5 серии 2. Этот парашют предназначен для учебно-тренировочных и боевых прыжков из военно-транспортных самолётов Ан-2, Ан-12, Ан-22, Ан-26, Ил-76, выполняемых отдельными парашютистами или группами парашютистов с полным десантным вооружением и снаряжением. Десантная парашютная система Д-5 серии 2 предназначена для десантирования личного состава в тыл противника. Купол парашюта изготовлен из перкаля – прочной, лёгкой ткани, обладающей высокой водонепроницаемостью. Ранец парашюта изготовлен из авизента – плотной ткани специфического плетения. Обратите внимание! – показывал Гинтас. – Этот небольшой кармашек – камера стабилизирующего парашюта. Предназначен для укладки стабилизирующего купола.

После теоретических занятий мы строем и с песней маршировали на плац.

– Провести тщательный осмотр парашютов на линиях стартового осмотра! – раздавалась команда.

На плацу мы усваивали практические навыки: нас разбивали на пары и каждой двойке выдавали парашют. Грозные голоса сержантов раздавались над нашими головами будто пикирующие самолёты:

– Десантник всегда сам собирает свой парашют. Иначе потом собирать будут вас по кусочкам, – выдавал Вайчюнас жизненно важную информацию. – За кольцо дёргать через три секунды после прыжка! – продолжал он наставлять. – Не раньше! Ты понял, Мамедов?

– Так точный! – выкрикивал в ответ едва владевший русским рядовой Мамедов. Он жил в горном селе и русский язык впервые услышал на призывном участке.

– Не уверен, – говорил Вайчюнас. – Покажи на пальцах.

Мамедов невозмутимо показывал ему раскрытую ладонь.

Сержант улыбался:

– Дёргать надо через три секунды: двадцать один, двадцать два, двадцать три – кольцо!

– Так точный! – повторял Мамедов.

– Жить будешь! – заключал Вайчюнас.

Находясь под пристальным наблюдением наших сержантов-отличников, мы усердно, до боли в ногах, прыгали с тренажёрной вышки. Все жалобы и просьбы игнорировались. Небо ошибок не прощает! Мы до изнеможения тренировались укладывать купол и собирать парашют в ранец, дергать за вытяжное кольцо. Нам демонстрировали правильный захват и управление стропами купола, показывали, как гасить скорость, менять направление движения и держать ноги при приземлении. «Десантник! Умей быстро и правильно погасить купол», – гласила надпись на одном из щитов на краю плаца. На другом щите было написано: «Десантник! Не надейся на прибор – выдерни кольцо».

– Если не овладеете всей этой наукой на земле, в небе на чудо не надейтесь, – внушали нам сержанты.

Итак, мы учились преодолевать тяготы и лишения воинской службы. Однако справлялись неважно. Усвоение армейских премудростей давалось тяжело. А что будет после карантина, когда начнётся настоящая служба? Признаться, я оказался не лучшим кандидатом в ВДВ. В мой адрес поступали следующие замечания: «На турнике плохо. Отжиманий мало. Плохо побрит. Ремень не затянут. Сапоги не чищены». Тем не менее я находил редкую минуту радости в каждом прожитом дне, по моим ощущениям, тянувшемся, как целая неделя. Иногда эту минуту омрачал прапорщик Щетько, круглолицый тридцатилетний властолюбец. Однажды

он после отбоя вызвал меня в каптёрку. Я встал перед Щетько по стойке смирно.

Прапорщик критично оглядел меня.

– Нюх потеряли, товарищ боец?

– Никак нет, – выдохнул я.

– Поступают жалобы... Вы отказываетесь служить Родине?

– Старший сержант Гинтас заставляет чистить сапоги... – пожаловался я.

– Сапоги нужно чистить с вечера, чтобы утром надевать на свежую голову, – объяснил Щетько.

– Не мои – его сапоги. Неуставные взаимоотношения...

– Вы, товарищ солдат, борец за правду? – оскорбился прапорщик. – Здесь вам не детский сад! Здесь Советская армия! Советской армии нужна преданная служба Родине! Вам ясно, боец? Вы ослабляете боеспособность страны. Вопросы отставить!

– Так точно!

– Кру-гом! Шаго-ом марш!

После месяца ежедневных истязаний на тренажёре был определён день прыжка – день нашей смерти. В этот день каждому из нас предстояло шагнуть в пустоту, лечь на облака, преодолеть порог страха. А смогу ли я? Куда же я денусь. Я в армии, а не у бабушки на блинах. Пинком под зад помогут. Страх парализует разум. Три секунды свободного падения... Главное – не забыть дернуть за кольцо. Двадцать один, двадцать два, двадцать три – кольцо! Чтобы мой «Д-5 серия 2» раскрылся. «Двадцать один, двадцать два, двадцать три – кольцо!» – повторял я как заклинание.

Рано утром к нашей казарме подъехал автобус, мы загрузились и расселись по местам, и нас повезли в сторону аэродрома. Наверное, думал я, так же страшно тем, кого ведут на казнь. Раскроется мой парашют или

нет? Кто-то обратил внимание, что в автобусе нет парашютов.

– Вас будут выбрасывать без парашютов, – усмехнулся Гинтас Казлаускас.

Литовцам присущи хорошее чувство юмора, выдержка и хладнокровие. Вот чему у них следовало бы поучиться.

Выяснилось, что командир части решил от нас избавиться. В десантной бригаде мы оказались по ошибке. Нас отправляли в соседнюю ракетную бригаду в посёлке Долгоруково – в/ч 33812.

Если на Отчизну нагрянет беда,
Позовёт солдата труба.
Армия моя, ты на страже всегда!
Ты – моя любовь и судьба![56]

Мы, двадцать несостоявшихся десантников, прибыли в Ракетные войска стратегического назначения. Чётким строевым шагом вошли на территорию части. Голубые погоны на наших гимнастерках в ракетной части, где у всех были чёрные погоны, смотрелись несуразно. Сопровождавший нас капитан, завидев впереди генерала, не на шутку забеспокоился.

– Проверяющий из Москвы. Дружно приветствовать генерала по уставу! – приказал капитан.

Дистанция между нами и генералом неумолимо сокращалась. Мы быстро оправили гимнастёрки, поправили пилотки и ремни. По уставу воинское приветствие отдаётся за пять–шесть метров. Наш капитан перестарался, отдав приказ метров за десять до генерала:

– Взво-о-од, смирно! – И через две секунды: – Равнение налево!

[56] Первый куплет советской песни «Армия моя». Авторы музыки и слов – А. Абрамов и Р. Плаксин.

Как того требует устав, мы, безупречно печатая шаг, приветствовали генерала чётким поворотом головы – в ВДВ намуштровали, не шутка! Придраться было не к чему. Но голубые погоны не остались незамеченными.

Генерал приказал капитану остановить взвод и недовольно нахмурился:

– Капитан! Что это за мудилы?

– Призывники, товарищ генерал-лейтенант!

– Вижу, что не петухи. Куда?

– В нашу часть для дальнейшего прохождения службы.

– Почему голубые?

– Перевод из Черняховской десантной бригады.

– Вот те… – оживился генерал. – Давай их сюда, капитан.

– Взвод, в одну шеренгу становись! – приказал нам капитан, и перед генералом выстроилась шеренга мудил.

Я был последним мудилой в шеренге, а если точнее, последним в строю мудил. Привыкший к безукоризненному порядку, проверяющий генерал-лейтенант из Москвы неодобрительно окинул нас взглядом и решительно подошёл к первому бойцу.

– Фамилия?

– Бабаев, – волнуясь, выговорил тот.

– Что заканчивал?

– Техникум.

– Какой?

– Я на повара учился, – сказал Бабаев.

– Овсяную кашу приготовить сможешь?

– Смогу.

– Отвечать «так точно»!

– Так точно, генерал… товарищ! – сбился от растерянности Бабаев. – Есть!

– Молодец! Этого в столовую к поварам! – приказал генерал капитану.

– Слушаюсь, – ответил тот и сделал пометку карандашом в военном билете Бабаева.

– Фамилия? – обратился генерал к следующему «десантнику».

– Ибрагимов.

– Что заканчивал?

– Училище.

– Какое?

– Одиннадцатое…

– Вот гондон, – заключил генерал, взглянув на капитана с ухмылкой. – По профессии, спрашиваю, кто?

– Автомеханик.

– Машину водить умеешь?

– Да. У меня эта нэт… права нэт, – с трудом выдавил из себя плохо говоривший по-русски Ибрагимов.

– Будут! Здесь получишь! Этого в автовзвод, капитан! Водителей не хватает!

– Есть! – немедленно откликнулся капитан и сделал соответствующую пометку.

– Фамилия? – продолжил опрос генерал.

– Рашидов, – ответил третий боец в шеренге.

– Что заканчивал?

– Инженер.

– Молодец! Этого в связисты.

– Так точно! – отозвался капитан.

Действия московского генерала напоминали блестящее выполнение штрафных ударов в футболе: подход к мячу, взгляд на вратаря, прицел, удар – гол. Генерал демонстрировал виртуозную технику игры. Последний удар определит мою участь, я – замыкающий в строю. Генерал приближался, дистанция сокращалась. Я судорожно подыскивал нужные слова. От моего ответа зависела вся дальнейшая служба и, возможно, даже моя жизнь. Ни в коем случае нельзя было признаваться, что я моторист-электрик и еврей. Конец света. Судьба предоставляла мне шанс, необходимо было грамотно использовать

счастливый случай. Я уже знал, что в бригаде есть оркестр. Об этом с гордостью сказал сопровождавший нас капитан. Не во всех частях имелись военные оркестры, так что причина для гордости у капитана была.

Наконец очередь дошла до меня. Генерал встал напротив, недобро посмотрел мне в глаза. Его пристальный недружелюбный взгляд парализовал. Меня переполняли эмоции. Ещё никогда в жизни не доводилось лгать генералу, да ещё с такого близкого расстояния – лицом к лицу. Я вижу генерала впервые в жизни! И сразу наглая бесстыдная ложь горского еврея. С первого дня службы в ракетной бригаде?! А если узнают?

Меня обдало перегаром, и я вернулся в реальность. Что будет? Что будет – то и будет! Решайся! Единственный шанс! Другого не выпадет!

– Фамилия?

Красные глаза генерала окончательно рассеяли мои сомнения. Я напрягся до центрального мозгового нейрона: пройдёт – не пройдёт? Времени на раздумья не осталось!

– Фамилия? – повторил генерал.

– Семёнов.

– Что заканчивал?

– Мм-м… музыкальное училище, – выдавил я.

Генерал в удивлении поднял свои строгие чёрные брови и на секунду задумался. Потом неожиданно развеселился:

– А этого мудозвона в оркестр! Пусть в трубу дудит!

– Есть! – отчеканил офицер, сделав пометку в моем военном билете.

Рядом стоящий земляк завистливо покосился на меня. Моя душа вознеслась к небесам и возликовала. Оркестр – элита вооружённых сил. Для многих воинских частей оркестр – большая роскошь. Я на два года обеспечил себе особое положение, теперь служба будет, как у брата в Семипалатинске в стройбате – малина.

Известно, что приказы не обсуждаются, а исполняются. После окончания двухнедельного карантина за мной пришёл музыкант из оркестра, с золотыми лирами на чёрных петлицах. Золотые лиры на чёрных петлицах обособляли музыкантов от остальной сержантско-солдатской массы ракетной бригады.

– Сержант Глигашвили, – назвался он.

Я мыл туалет и как раз спустил воду. Получилось неплохое звуковое сопровождение.

– На чём играешь? – спросил сержант.

– На бас-гитаре, – ответил я с готовностью.

Теперь можно было говорить правду, в оркестр меня зачислили. Сам видел, как капитан сделал пометку карандашом в моем военном билете.

– Домывай туалет и за мной! – скомандовал музыкант.

– Есть!

Чудес, как утверждают, не бывает, но как объяснить появление московского генерала на пути нашего взвода? Проверяющий генерал в воинской части, конечно, не чудо. Генералы часто наезжают в части с проверками, как я позже убедился. Чудо состояло в том, что меня зачислили в оркестр.

Военную присягу мы принимали в торжественной обстановке у каменного постамента, на котором стояла 76-миллиметровая дивизионная противотанковая пушка ЗИС-3 образца 1942 года. (Позже я узнал, что на этом месте помещался памятник немецким солдатам Первой мировой войны: воин в каске, бросающий гранату.) Текст присяги каждого бойца обязали знать наизусть. Был среди нас Мамедов – я о нём уже говорил, – добрый азербайджанец из маленького высокогорного села, практически не говоривший по-русски. Мамедов заучил присягу на слух со слов земляков, как китайскую песню, и в праздничной атмосфере произнес текст чётко и без единой запинки:

Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооружённых Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников.

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Советскому Правительству.

Я всегда готов по приказу Советского Правительства выступить на защиту моей Родины – Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Вооружённых Сил, я клянусь защищать её мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

Если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение советского народа.

Оркестр части на тот момент состоял из девяти музыкантов. (Состав увеличился позже благодаря прибывшему молодому дирижёру.) В репертуаре оркестра числилось три военных марша, и музыканты исполняли их без должного воинского старания. Другими словами, оркестр страшно фальшивил. К счастью для музыкантов, командир бригады полковник Благовещенский и офицеры штаба насчёт музыки были не привередливы, в военных маршах особо не разбирались, считая главным само наличие оркестра. Иначе его немедленно расформировали бы как профнепригодный. Музыкантов спасало одно важное правило: играть нужно громко. Громко – значит, хорошо. Офицеры удовлетворённо говорили: «Молодцы! Хорошо играете. Громко». Объяснять им, что громкость – не показатель качества, было незачем.

Профессионального военного дирижёра в бригаде никогда не было. Кому бы захотелось служить в таком захолустье? Кто бы поехал в посёлок Долгорукове? Но такой энтузиаст нашёлся. Им оказался молодой энергичный лейтенант из Белоруссии, только что с отличием окончивший военно-дирижёрский факультет при Московской государственной консерватории, Владимир Иванович Ивашковец. Но сначала я должен сказать несколько слов о прапорщике Федорченко, руководившем оркестром до появления в части лейтенанта Ивашковца. Иначе по отношению к нему будет несправедливо.

Прапорщик Федорченко нёс службу достойно. За глаза мы называли его Федóра, о чем, думаю, ему было известно. Оркестр в подчинении Федоры находился не чаще, чем в распоряжении начальника штаба по тылу полковника Калины, долговязого бесхитростного служаки, который использовал нас при любой хозяйственной надобности. Нас посылали на разгрузку овощей, угля, кирпичей, колку дров, покос травы, уборку территории, разгрузку контейнера семьи офицера, расчистку подвала и другие различные хозяйственные работы. Мне легче вспомнить, куда полковник Калина нас не посылал. Таким было отношение к оркестру начштаба по тылу. Федора только успевал воплощать в жизнь его приказы и докладывать об исполнении. Обязанности военного дирижёра ему приходилось исполнять нечасто. Так что оркестр редко использовался по назначению. На плацу при вечерних разводах обходились без наших военных маршей. Причиной этому был нетвёрдый характер прапорщика Федорченко, знатока и ценителя горячительных домашних напитков. Он обладал обширными знаниями в этой области. Федора отличал на вкус сивуху от чачи, бормотуху от наливки, уважал самогон, почтительно отзывался о вишнёвой настойке, с закрытыми от удовольствия глазами пил брагу. Пока оркестр с доблестью нес службу на каком-нибудь хозяйственном

складе или занимался облагораживанием территории перед штабом, Федорченко уединялся в комнате дирижёра или в студии (так мы называли нашу просторную комнату с инструментами и дирижёрским пультом в центре), а иногда в своём домике в посёлке Долгоруково, от начальства подальше, и, предаваясь несбыточным надеждам, уносился мыслями далеко от служебных будней.

Но это продолжалось до тех пор, пока к нам в часть, как я уже сказал, не направили молодого руководителя оркестра. Владимир Иванович Ивашковец был стройным, симпатичным, культурным, образованным офицером, и главное – он был профессиональным военным дирижёром. Ему нравились струнные квартеты Баха, фортепианные этюды Шопена и симфоническая музыка Чайковского. Среди нас, музыкантов оркестра, не было ни одного, кто бы относился к нему неуважительно. Именно с прибытием в часть лейтенанта Ивашковца оркестр перестали отправлять на хозяйственные работы. Именно он сделал из группы солдат, гордо называвших себя музыкантами, настоящий оркестр. Теперь уже мы сидели в тёплой студии и разучивали новые военные марши.

Мне повезло, что генерал приказал зачислить меня в оркестр ракетной бригады до прибытия туда Владимира Ивановича. Если бы лейтенант Ивашковец прибыл раньше – не видать мне золотых лир на чёрных петлицах как своих ушей. Нотной грамотой я не владел, на духовых инструментах не играл. Шансов попасть в оркестр при таком раскладе – ноль. До него я играл на большом барабане, но Ивашковец приказал мне осваивать альт – вспомогательный духовой инструмент, служащий для аккомпанемента, поддержания основной мелодии.

Наша студия располагалась в задней части здания клуба – на втором этаже, за сценой. Раз осенним утром Ивашковец вошёл в студию расстроенный

и озабоченный. Я бы даже сказал, что он был зол. Лейтенант, как обычно, встал за чёрный дирижёрский пульт и оглядел нас пристальным взглядом.

– Ну что, трубадуры свободы! Доигрались? – угрожающе произнес он, поднимая дирижёрскую палочку.

– Что случилось, товарищ лейтенант? – робко спросил трубач, сержант Пирожак.

– Ваша песенка спета, блядь. – Лейтенант в сердцах отшвырнул дирижёрскую палочку в угол комнаты.

– *Що сталося?*[57] – в свою очередь спросил украинец Вася Яровенко, который играл на теноре, медном духовом инструменте.

– Що сталося? – сердито передразнил его Ивашковец. – Какого моржового хрена вы перед штабом без дела шатаетесь? Сколько раз вас можно предупреждать! Знаете, что сейчас мне сказал начальник штаба?

– Что? – осторожно подал голос валторнист Чабан из Ивано-Франковска.

– Твоих мудозвонов тоже к службе нужно привлекать. А то они целый день хернёй страдают.

Мы поникли: опять нами станут затыкать все дыры, и ладно, если в дежурство по столовой отправят. Будет хуже, если в караул – вот где надо тяжёлую службу нести. Уж там на нас отыграются, покажут привилегированность оркестра. Для караула всегда бойцы найдутся. Ходили слухи, что в нескольких километрах от нашей части, в подземных складах среди глухого леса, неподалёку от посёлка Лесная Дача, хранились оружие и обмундирование – немецкое (трофейное) и американское (доставленное по ленд-лизу). Позже слухи подтвердились: кому-то удалось вынести со складов два ремня американской армии со штампом 1942 года, из прочного хлопка с металлическими заклёпками, и один немецкий

[57] Что случилось? – *Укр.*

ремень с орлом и свастикой на пряжке. Склады эти построили до войны. Всё, что нас окружало, было сооружено немцами: казармы, столовая, протяжённая брусчатка, ведущая от нашей части до самой деревни Долгоруково, все постройки в деревне. Мы боялись, что нас могут отправить в лес, подземное хранилище караулить. Солдаты нашей бригады рассказывали пугающие истории про этот пост. Говорили, особенно страшно в карауле по ночам зимой. Любой скрип, шум, треск веток пугает и настораживает, заставляет караульного сдергивать с плеча автомат. Случалось даже, что караульный стрелял без предупреждения. Рассказывали жуткие истории и про соседний пост – водокачку. Якобы кто-то ушёл в караул туда и не вернулся. Исчез. Сгинул в ночи с оружием.

Наши опасения подтвердились, и после разговора начальника штаба с лейтенантом мы снова занимались делом, далёким от музыки: рубили дрова в деревне, косили траву, копали ямы, разгребали строительный мусор, заступали в дежурства по столовой, ходили в караул. (Нам повезло, в Лесную Дачу не отправили.) Даже баню топили в доме командира бригады подполковника Сергея Васильевича Благовещенского. О нас могли не вспоминать неделю-другую. Проверка из округа резко меняла наше положение. Тогда оркестр немедленно собирали в студии, и мы, уставшие и грязные, репетировали военный марш, а потом Ивашковец энергично взмахивал на плацу своим блестящим тамбурмажором с пушистой шёлковой кисточкой. Слава богу, так продолжалось недолго. В какой-то момент Ивашковцу удалось внушить начальнику штаба бригады, что оркестр – лицо и гордость воинской части. Начальник штаба подумал и согласился. Он сказал лейтенанту: «Ладно. Но пусть твои мудозвоны играют лучше. Толку от них – всё равно, как от козла молока. Увижу кого-нибудь с опущенным ремнём, в карауле будет у меня солировать!» И нас перестали дёргать.

Появилось больше времени для репетиций и разучивания новых маршей.

Краткое отступление. Ивашковец уже лет двадцать живет в Германии, руководит Берлинским военным оркестром. Вот каким он был целеустремлённым и честолюбивым, отличался желанием ежедневно совершенствоваться и стремлением к достижению высот в профессии.

Помню, раз отвлекли нас от репетиции и в полном составе доставили на пограничную полосу. Каждому выдали по косе и распределили всех по квадратам.

– Косить траву по всей приграничной полосе, – поставил задачу командир погранзаставы. – Никого же не видно... За зону не заходить! – предупредил капитан. – Стреляют без предупреждения.

– А обед во сколько? – спросил ефрейтор Яровенко.

– Обед доставят по расписанию, – заверил офицер и исчез в лесу.

До этого мне только однажды приходилось косить. Здесь, на приграничной полосе, трава доходила до пояса. Я взялся за черенок, как научил меня Вася Яровенко, наточил лезвие ножа и приступил к работе. Косил и любовался ровно вспаханной полосой земли. Нейтральная полоса порождала крамольные мысли: «За этой полосой Польша. Заграница. Совсем другая жизнь. Если перебегать, то сейчас, пока не видят». Я огляделся по сторонам. На соседнем участке лихо справлялся с работой Василий Яровенко, застенчивый парень из глухого украинского хутора. Будучи косарем от бога, он работал быстро, уверенно управляясь с орудием труда. Выкос у него получался ровным, будто косилкой прошлись. Я с завистью поглядывал на Василия и старался подражать ему. Я косил и вспоминал лейтенанта Ивашковца. Точнее политзанятия, которые он проводил в студии каждый четверг. Лейтенант Ивашковец уделял им серьёзное внимание, требуя от нас предельной собранности. Каждый из нас

получил общую тетрадь, куда аккуратно записывались конспекты всех лекций. На лестничной площадке перед входом в студию была вывешена большая разлинованная доска «Социалистические обязательства» с оценками напротив каждой фамилии. Мои политические знания оценивались на четвёрку. Не знаю, не завысил ли дирижёр мои знания. Любимчики у него были, но я точно не входил в их число.

– Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи был заключен странами соцлагеря в тысяча девятьсот пятьдесят пятом году, – диктовал Ивашковец. – Яровенко!

– Я, – вскакивал с места тенорист Яровенко.

– Где был подписан Варшавский договор? – спрашивал лейтенант.

– В Варшаве, – с умным видом отвечал Василий, – поэтому и называется Варшавский.

– Цель Варшавского договора, – продолжал наш командир, – обеспечение безопасности социалистических стран и поддержание мира в Европе… Борисенко! – обращался Ивашковец к своему земляку.

– Я, – вставал трубач, белорус Андрей Борисенко.

– Какая цель Варшавского договора?

– Обеспечение безопасности социалистических стран и поддержание мира в Европе.

– В Организацию Варшавского договора, – продолжал диктовать Ивашковец, – входят Албания, Болгария, Венгрия, Чехословакия, ГДР, Польша, Румыния и СССР… Рузибаев!

– Я! – не вставая с места отзывался трубач, узбек Фарид Рузибаев.

– Какие страны входят в Организацию Варшавского договора?

– СССР, Румыния, Польша, ГДР, Чехословакия, Венгрия, Болгария, Албания… – в обратном порядке неторопливо перечислял Рузибаев.

– Так точно. Существуют две формации. Варшавский договор закрепил биполярность мира, его двухполюсность, сложившуюся после окончания Второй мировой войны… Нигматулин!

– Я, – мгновенно реагировал выпускник Петрозаводской консерватории, рослый татарин, дирижёр по образованию, Рашид Нигматулин. В нашем оркестре он играл на блокфлейте. Изредка лейтенант поручал ему разучивать с нами новые марши, когда самого Ивашковца куда-нибудь вызывали.

– Какие две основные страны представляют двухполюсный мир?

– СССР – это центр лагеря социализма, США – логово капитализма! – чётко отвечал Рашид.

– Всем всё ясно? – оглядывал нас Ивашковец.

– Так точно, – подавал голос альтист Игорь Шамаль.

– Семёнов!

Я поднимался с места.

– Основная цель лагеря соцстран? – спрашивал Ивашковец.

Мне всегда доставались самые сложные вопросы. Почему было не спросить и меня о цели Варшавского договора? Где справедливость? Я молчал.

– Ожидается проверка из округа, тоже будешь как умная собака? Всё понимаю, но сказать не могу?.. Запоминай! Основная цель лагеря соцстран – установление социализма, а затем и коммунизма во всём мире!

Я впервые об этом слышал. Говорю же, оценка моя на доске соцобязательств была явно завышена.

– Шамаль! – продолжал дирижёр оркестра ракетной бригады.

Альтист Шамаль, парень из белорусской деревни, с готовностью вставал.

– Американские агрессоры вмешиваются во внутренние дела Советского Союза во всём мире, – выпаливал он.

Тетради по политзанятиям Ивашковец проверял регулярно, так что мы конспектировали, стараясь ничего не упустить. На следующем занятии он раскрывал тему международной империалистической угрозы: «Империализм – это стадия капитализма, одним из признаков которой является господство монополий во всех сферах общественного бытия. Идёт борьба между империалистическими державами за источники сырья и рынки сбыта». Тогда, в 1985 году, я не придавал значения этим словам. А сегодня, в сложившейся в мире политической ситуации, это звучит очень актуально и даже устрашающе.

Именно во время политзанятия неожиданно раскрылись истинные политические взгляды наших литовских музыкантов.

– Новый мировой порядок, естественно, подразумевает капиталистическую формацию, – читал лекцию Ивашковец. – Произойдёт реализация империалистической схемы во всём мире. То есть основные противоречия, характерные для империалистических государств, воплотятся в масштабах всей планеты. Речь идёт о формировании системы мирового фашизма как наиболее реакционной и бесчеловечной стадии капитализма. Империалисты США в настоящее время, одержимые жаждой денег и власти, руководствуясь великодержавными имперскими амбициями, активно пытаются встать во главе этой складывающейся системы.

Подводя итог политзанятию, Ивашковец сказал:

– Для того чтобы социалистический строй победил во всём мире, высказываются идеи о Третьей мировой войне... Это неофициальное положение, – прибавил лейтенант.

Тромбонист Раманаускас усмехнулся и приподнял голову.

– И это тоже конспектировать? – не скрывая иронии, спросил он.

Раманаускас окончил Вильнюсскую консерваторию, наверное, поэтому разбирался в вопросах мировой политики лучше других музыкантов оркестра, даже лучше, чем владел тромбоном. Оценки по политзанятиям он получал самые высокие. Более того, он был фотографом и заместителем главного редактора стенгазеты воинской части. Работал, можно сказать, на идеологическом фронте. Ему доверяли фотографировать самые ответственные мероприятия – прибытие и встречу высоких генералов, проверяющих офицеров из штаба округа, даже отправляли в командировки на несколько дней, что могло свидетельствовать о доверии. Василий Яровенко сильно ему завидовал.

– Обязательно, – ответил Ивашковец.

– Но это же бред, – простодушно сказал Раманаускас.

– Как это? – опешил лейтенант.

– Не нужно никаких войн! Достаточно! Сорок миллионов жертв… Не навоевались?

– Какие сорок миллионов? Ты о чём? – искренне удивился Ивашковец. – Во Второй мировой погибло двадцать миллионов советских людей.

Ещё можно было исправить положение, командир был готов прийти на помощь заместителю главного редактора стенгазеты, подсказывая ему ответы. Но Раманаускас сам загонял себя в тупик.

– Это официальная цифра Политбюро. Реальных жертв намного больше, – не унимался Раманаускас. – Ленинско-сталинские репрессии…

Интуиция мне подсказывала: антисоветчиной повеяло. Не так давно Горбачёв возглавил страну, объявил об окончании эпохи застоя, наметил курс на ускорение и экономического развития. Только началась антиалкогольная кампания. Пока ещё не происходило никаких масштабных перемен ни в стране, ни в идеологии. А что говорит редактор стенгазеты, официальный фотограф

всех общественных и военных мероприятий Краснознамённой, орденов Суворова, Кутузова и Александра Невского 149-й гвардейской ракетной бригады? Я почувствовал озноб, в студии повеяло неприятным холодком. Ивашковец обратил внимание, что ефрейтор Яровенко загадочно ухмылялся и внимательно слушал.

– Откуда у тебя такие сведения? – поинтересовался лейтенант.

– Это исследования независимых историков, – заявил Раманаускас.

– Интересно, где сидят эти независимые историки? – с сарказмом произнес Ивашковец.

– Неважно, – уклонился от ответа Раманаускас.

– Главное, что сидят, – усмехнулся трубач Саша Пирожак.

Все засмеялись. Раманаускас промолчал, однако это уже не могло ему помочь. Ящик Пандоры был открыт. Горбачёв, можно сказать, только вчера встал у руля страны, а Раманаускас уже со своими цифрами лез. Не поспевала за такими стремительными переменами Советская армия под руководством министра обороны маршала С. Л. Соколова, надёжно охраняющая бескрайние рубежи Родины, – враг не пройдёт!

Ивашковец прищурился, что он делал нередко и отчего взгляд его становился злым и пронзительным.

– Ты где учился? – спросил он.

– Я кончил в Вильнюсской консерватории.

Студия грохнула со смеху.

Ивашковец рассердился:

– Чего ржёте? Недоумки! Так говорили в девятнадцатом веке. Почитайте Чехова...[58]

[58] В завершающем чеховскую «Маленькую трилогию» рассказе «О любви» главный герой, Алёхин, подразумевая, что он прошёл университетский курс наук, завершил обучение в университете, говорит: «Я живу в Софьине и занимаюсь хозяйством уже давно, <...> с тех пор, как *кончил в университете*».

Оркестр Краснознамённой, орденов Суворова, Кутузова и Александра Невского
149-й гвардейской ракетной бригады.
Стоят (слева направо): Василий Яровенко, Владимир Иванович Ивашковец
(дирижёр и командир), Олег Смоловик, Фарид Рузибаев, я,
Саша Говоровский, Баркус, Игорь Чабан.
Сидят: в центре – Игорь Шамаль, крайний справа – Андрей Борисенко.
Посёлок Долгоруково, 1985 год.

Не думаю, что Раманаускас так выразился потому, что хорошо знал русскую литературу, скорее по другой причине.

– Яцкявичюс, что ты думаешь о победе мирового социализма? – обратился лейтенант к земляку Раманаускаса.

Яцкявичюс тоже кончил в Вильнюсской консерватории, потому в вопросах мировой политики разбирался не хуже Раманаускаса.

– Да бред всё, конечно. Мир нужен! Не нужно войны!

Напоминаю читателю, что штат нашего оркестра насчитывал тринадцать человек. Трое литовцев, трое белорусов, четверо украинцев, один узбек, один татарин, и я, согласно БСЭ – тат. Литовцы отличались независимостью в суждениях. Они свободно рассуждали и вступали в спор, рассказывали политические анекдоты. Мне нравилось то, что в них не было раболепства перед командирами, желания услужить.

– Баркус! Прятаться за спинами товарищей не по-комсомольски, – язвительно заметил Иващковец. – А ты что нам расскажешь?

Сидевший позади всех барабанщик Баркус в консерватории не кончал, он кончил всего лишь в музыкальном училище и тоже не догадывался, что до добра этот разговор не доведёт.

– В Третьей мировой войне никто не выживет, – осторожно предположил Баркус.

– Выживет, – возразил лейтенант. – Кому надо... Но это записывать не следует, – добавил он.

На этом для литовцев политзанятия закончились и начались ежедневные рутинные экзамены в особом отделе.

Особый отдел размещался в сером двухэтажном домике прямо напротив штаба бригады, их разделял только пруд. (Говорили, при немцах на месте пруда был бассейн.) Это неприметное строение наводило трепет на военнослужащих. Кабинет особиста, майора Акулова, находился

на втором этаже. Во всех остальных помещениях размещался узел связи «Ёлочка». Повсюду вокруг здания и на его крыше торчали выкрашенные в зелёный цвет сложной конструкции высокие антенны. Майора Акулова старались обходить стороной. Его одного было достаточно на ракетную бригаду и танковый полк вместе взятые, и это никакая не военная тайна. Об этом знали даже пьяные мужики посёлка Долгоруково. Я, как и другие солдаты, старался не попадаться особисту на глаза. Когда он шёл навстречу, я незаметно переходил на противоположную сторону тротуара. Если некуда было деваться – отдавал честь и проходил мимо майора строевым шагом. Так делали почти все солдаты и сержанты на протяжении всего срока службы. Что это за *особый* отдел и чем там занимаются, я узнал только к концу своей службы, да и то лишь благодаря литовским коллегам-музыкантам.

Следующим утром после незабываемого политзанятия к нам на репетицию заглянул майор Акулов. Мы разучивали новый марш «Мы – армия народа» из репертуара ансамбля имени Александрова. Я вместо фа-бемоль брал фа. Наш дирижёр, не терпевший фальши, в гневе тут же останавливал оркестр:

– Семёнов, по тебе стройбат плачет. В ноты смотри!.. Ещё раз ошибёшься – резонаторные отверстия прочищу! – угрожал Ивашковец.

Я старался изо всех сил, но мне едва удавалось не ошибиться: моё близкое знакомство с нотной грамотой состоялось уже в оркестре, причём не так давно – при дирижёре Ивашковце. Три ноты, выученные во дворе до армии, были не в счёт. Здесь требовалось играть с листа, разбираться в тональностях, держать темп, следить за действиями дирижёра. Конечно, не я один лажал в оркестре, но и остальные. Тогда Ивашковец, теряя терпение, останавливал оркестр и зло выговаривал нам:

– Смазывайте клапана, *золотые петушки*![59] После репетиции по одному ко мне! Петухами у меня будете!

Или так говорил:

– Кому глиссандо сделать? Поднимите руки.

Когда очередное новое произведение наконец-то бывало нами с мучениями освоено, Ивашковец победоносно оглядывал оркестр и угрожающе произносил:

– Я, блядь, сделаю из вас музыкантов! Собралась толпа неудачников...

Ивашковец выполнил своё обещание. Он, несомненно, был прав: с оркестром, каким он его принял у прапорщика Федоры, только и оставалось, что в караул ходить. Мы на лейтенанта не обижались. Только бы не выгнал, всё остальное было несущественно. Людей в оркестре не хватало, но командир части отказывался увеличивать состав даже на единицу; амбиции же у нашего дирижёра были высокими. Ивашковец мечтал успешно выступить на конкурсе-параде военных оркестров Прибалтийского военного округа в Риге, проходившем раз в два года. Забегая вперед, сообщаю: в конкурсе военных оркестров приняло участие пятнадцать коллективов, а мы заняли четвёртое место. Это был достойный результат. Это была наша победа!

Так что Ивашковец предъявлял к нам строгие требования:

– Я спрашиваю: хотите снова в караул ходить? Это я вам быстро устрою! Не сомневайтесь. Остался месяц до вашего позора, а вы трёх нот сыграть не можете.

Итак, мы разучивали новый марш «Мы – армия народа». В этот момент в дверь постучали. В студию вошёл начальник особого отдела майор Акулов – учтивый и вежливый офицер.

Мы продолжали играть, но Ивашковец сделал движение рукой и остановил нас.

---

[59] Аллюзия на оперу Римского-Корсакова «Золотой петушок».

– Играйте, играйте, – снисходительно позволил Акулов. – Я послушаю. С детства люблю музыку.

Дирижёр взмахнул палочкой. Студия снова заполнилась звуками торжественного марша. Мы старательно доиграли его до конца. Последний звук затих с протяжным вздохом особиста. В студии наступила мёртвая, гнетущая тишина. О хитрых уловках Акулова мы были наслышаны. Кирилл, сослуживец нашего призыва, был писарем при штабе и общался со всеми офицерами, включая Акулова. Так что мы от него кое-какую информацию получали.

– Хорошо играете. – Похвалил нас любитель музыки. – Вот так бы и службу нести. Разрешите побеседовать с Гедеминасом? – любезно обратился Акулов к Ивашковцу.

Майор постоял ещё несколько секунд, окинул нас взглядом, как бы запоминая кто где сидит, и вышел.

Я подумал: «Кто такой Гедеминас?» И сразу же вспомнил: «Раманаускас!» Что касается подобной церемонности особиста, то она была излишней. Акулову достаточно было поднять трубку, и Гедеминас пулей прилетел бы в особый отдел. Может, Акулов желал лично удостовериться, что мы разучиваем идеологически правильные марши, проникнутые духом завоеваний социализма? Причина для сомнения у него имелась. В оркестре ходили слухи, что «Егерский марш», который мы регулярно исполняли на поверках и разводах, на самом деле – «Alter Jägermarsch», немецкий марш, под который маршировали солдаты Вермахта, и наш дирижёр об этом не знать, конечно, не мог. Тем не менее этот марш мы с успехом исполняли на всех официальных советских парадах и поверках. Офицерам штаба он нравился больше других маршей. И я их понимаю: бравурная музыка, под которую так и хочется маршировать на плацу, печатая шаг.

«Sveikas atvykęs»[60], – в сердцах произнёс взволнованный Раманаускас и вышел вслед за Акуловым. Несмотря на это, наши репетиции не прекратились, но оркестр постепенно сокращался в составе. Вслед за Раманаускасом особый отдел стали регулярно посещать Яцкявичюс и Баркус. Но Раманаускас оказался главным фигурантом в деле о «литовской группе» и постоянным клиентом особого отдела, он проводил в кабинете у Акулова большую часть дня, а в последнее время оставался там до самого вечера. Несмотря на отсутствие трёх товарищей-оркестрантов, мы продолжали репетировать как ни в чём не бывало: конкурс в Риге никого ждать не будет, а до позора оставалось всё меньше и меньше времени.

Литовцы пропадали у особиста каждый день. Возвращались они к самому отбою, бледные, с испугом в глазах. Особенно сник Гедиминас Раманаускас. Он перестал ходить в столовую, похудел, мало спал. От исполнения обязанностей фотографа бригады его временно отстранили. Особист не зря ел свой хлеб. Раманаускас тоже хотел кушать, и как-то он подошёл ко мне и тихо попросил:

– Возьми, пожалуйста, в столовой хлеба. Второй день голодный хожу.

«Что же Акулов с ними там делает?» – подумал я.

И сказал:

– Возьму. Чем вы занимаетесь? Хоть раз сходить, что ли, посмотреть.

– Не дай бог тебе туда попасть, – остудил Раманаускас мое любопытство. – Ни в коем случае!

И только тогда до меня дошло: дело плохо.

Раманаускас помолчал и тихо добавил:

– Держись подальше от Яровенко, ничего при нём не говори. Он стучит особисту.

---

[60] Добро пожаловать. – *Лит.*

Я не оканчивал Вильнюсскую консерваторию, поэтому бояться особо мне было нечего. Если бы даже и захотел отличиться, мне бы это вряд ли удалось. Я даже музыкальную школу не окончил, не то что консерваторию.

– Laba diena! [61] – приветствовали друг друга литовцы.

Трубач Саша Пирожак беззлобно называл их немцами. Говорил, что похожими их делают внешность и язык. Как будто он где-то мог встречать немцев живьём. А может, и встречал.

– При немцах, чтоб ты знал, в Литве был порядок, – убеждал его Раманаускас.

– И детей шоколадом кормили? – ехидничал Пирожак.

– Угощали и не трогали.

– А чего они своих будут трогать, – продолжал язвить Пирожак. – Лесные братья…

– Лесные братья – это была Армия Свободы Литвы, – горячился Раманаускас. – Они боролись за независимость…

– Независимость от кого?

Вопрос повисал в воздухе. Известно от кого и за какую независимость.

Яровенко слушал с интересом, но сам в подобных спорах не участвовал. В его обязанности входило слушать и запоминать. Кстати, память у Василия была ясной и светлой. Уроженец глухого западноукраинского хутора, он своё скромное место в жизни определил быстро, потому рта без надобности не открывал. Я не осуждаю людей за маленькие слабости и не разделяю их по национальным признакам. Не этот фактор главенствует в моей горской морали. Мне важен духовный рост личности, чтобы человек не курил, не издевался над животными, не отравлял окружающим жизнь. Яровенко Вася

[61] Добрый день! – *Лит.*

не курил, и животных он очень любил, особенно домашнюю птицу и скот: гусей и кур, свиней, коров – но только этих факторов было недостаточно для его духовного роста. Яровенко не был плохим парнем: зачатки благородства, сердечная отзывчивость таились в его чистой, смущенной деревенской душе. Его широкое открытое лицо и белозубая улыбка, большие голубые глаза обезоруживали и располагали многих офицеров к неформальному общению. Плюс к этому, как сказано в повести великого поэта, «стыдливость была в нём истинно девическая». Яровенко подкупал своей непосредственностью и детской наивностью.

Майор Акулов не случайно оказался в особом отделе. Он был тонким психологом, и не случайно выбор его пал на Василия. Тёплые дружеские отношения между ними установились быстро и длились до самого дембеля Яровенко. Служебный рост Василия за два года в армии оказался впечатляющим, ему за два года удалось то, чего не получилось у ефрейтора Адольфа Гитлера за четыре: рядовой, ефрейтор, сержант, старший сержант. Аналогия, может, и не совсем удачная, но увольнялся Василий из Советской армии старшиной. Мне неизвестно, чем и кому именно он был обязан за такой рост в званиях, особисту или дирижёру, скорее всего, обоим. Кроме прочего, Вася заведовал каптёркой, решал, кому и когда выдавать новые сапоги, гимнастерку, нижнее бельё, погоны или портянки. Имелись у Василия и другие привилегии, однако здесь будет лишним о них упоминать.

Даже Саша Пирожак, тоже украинец, из Умани, не мог не позавидовать крепкой мужской дружбе Василия с майором Акуловым, он неоднократно дружелюбно предостерегал своего земляка:

– Смотри, Василий, жопу не порви!.. Правду говорят: хохол без лычки, что манда без затычки, – смеялся Саша.

Василий не обижался и не оправдывался, он снисходительно улыбался и повторял:

– Щоб рибку з'їсти, треба в воду лізти[62].

И в этом он был прав, но только каждый сам выбирает путь к своему счастью.

Антон Павлович Чехов в XIX веке писал: «В человеке должно быть всё прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Василий, несомненно, соответствовал данным критериям. С небольшой натяжкой, но соответствовал. Например, мысли у Яровенко были красивыми: Вася мечтал жениться на скромной деревенской украинской девушке и работать бригадиром в колхозе. И выглядел он опрятно: тщательно выглаженная гимнастёрка, чистый, аккуратно подшитый воротничок, новые погоны (Вася погоны менял с завидной периодичностью) – на него всегда приятно было посмотреть. Но, глядя на Василия, я не понимал, что его так влекло в двухэтажное серое здание. Для меня это осталось загадкой.

Беседы с литовцами особист вёл до самого их увольнения. А уволились они, как можно догадаться, позже всех. До своего близкого знакомства с майором Акуловым Раманаускас был весёлым и общительным парнем. Увлекся в армии фотографией и, как я уже выше говорил, даже преуспел в этом деле: его сделали фотографом ракетной бригады. Раманаускас любил музыку Чюрлёниса[63]. Отождествлял его произведения с полотнами живописцев и природой. Рассказывал забавные невинные анекдоты. Вот один для примера: «А сейчас студентка второго курса консерватории Маша Иванова исполнит для вас "Желание" Шопена. Музыка тоже Шопена».

[62] Чтоб рыбку съесть, надо в воду лезть. – *Укр.*

[63] Родоначальник литовской профессиональной музыки, композитор, художник, философ, Микалоюс Константинас Чюрлёнис в своём творчестве воплотил идею синтеза искусств: музыки, живописи и поэзии.

После бесед с особистом Раманаускас преобразился: он был угрюм, похудел, осунулся и стал рассказывать совсем другие анекдоты, да и то с оглядкой, и не всем. Незадолго до моего увольнения в запас (об этом расскажу ниже и с некоторыми подробностями) Раманаускас отвёл меня в дальний угол студии и тихим голосом рассказал такой анекдот: «На политзанятиях Рабинович задаёт инструктору вопрос: "Вот вы говорите, что всё так хорошо, а куда девалось масло?" – "Я подумаю и отвечу на следующем занятии", – говорит инструктор. На следующем занятии поднимает руку Иванов. "Вы, Иванов, вероятно, хотите спросить, куда девалось масло?" – "Нет, я хочу спросить, куда девался Рабинович?"»

Я ему сочувствовал, мне было жаль Раманаускаса.

– Тебя когда домой отпустят? – поинтересовался я как-то раз.

Он спокойно ответил:

– Меня будут держать до конца. Спасибо что вообще отпустят. Могли бы и в дисбат отправить... Ну, слушай другой анекдот, – невозмутимо продолжил Раманаускас. – Особист на плацу наблюдает, как играет оркестр, и спрашивает у барабанщика, почему тот редко стучит. Барабанщик объясняет: «У меня партия такая». Особист ему на это говорит: «Партия у нас одна – а стучать надо чаще!»

Мы расхохотались. Чувство юмора у Гедеминаса определённо обострилось. Но кто ему рассказывал такие анекдоты? Неужели особист Акулов? Вот так обостряется чувство юмора после посещения особого отдела. Только мне не хотелось бы оказаться постоянным гостем майора Акулова и возглавить «литовскую группу».

Раманаускас сообщил, что майор Акулов во время «бесед» не раз ему повторял: «Хороший литовец – это литовец, ненавидящий Россию и русских».

Я спросил:

– Это правда?

Раманаускас помолчал, посмотрел на меня своими грустными глазами.

– Так... Но ты хороший человек, хоть и еврей, – заключил он убеждённо.

Я поверил, потому что Гедиминас всегда говорил правду, за что и страдал. Благодарю за честность.

Я долго смотрел на нейтральную приграничную полосу, рассматривал проволочные заграждения, всматривался в кусты и, наконец, решил: переход на ту сторону не состоится. Не сегодня! Неподалёку мирно отдыхал простой деревенский парень Вася Яровенко. Труд действительно облагораживает человека, и вид Василия это подтверждал со всей очевидностью. Вася раньше всех выкосил свой участок и теперь, лёжа под берёзой с травинкой во рту, дожидался горячего обеда.

– Вася, подъём! Патруль с собакой идёт, – глупо пошутил я.

– Злякав їжака голим задом[64], – отозвался Вася. – Не той молодець, що починає, а той, що кінчає[65].

Я вошёл в близлежащий лес по малой нужде и обомлел: прямо передо мной находилась одноступенчатая баллистическая ракета Р-17, которую солдаты между собой называли «керосинка». Я больше года отслужил в ракетной бригаде, но впервые видел так близко тяжёлый грузовой восьмиколёсный МАЗ-543, на котором стояла ракета. Подошёл ещё ближе: потасканный, видавший виды агрегат. Отовсюду из стыков грузового шасси сочилось масло. Если они запустят эту «керосинку», – она упадет, едва перелетев приграничную полосу. А ведь Польша наш союзник по Варшавскому договору. Так во всяком случае утверждал лейтенант Ивашковец.

Медведев, в бытность свою президентом, напугал мировую общественность, заявив: Россия собирается

---

[64] Испугал ежа голым задом. – *Укр.*

[65] Не тот молодец, что начинает, а тот, что заканчивает. – *Укр.*

размещать в Калининградской области оперативно-тактические ракетные комплексы «Искандер» для нейтрализации системы противоракетной обороны (ПРО) Америки. Вся Европа вздрогнула, принялись гадать европейцы с американцами, где именно эти комплексы будут размещены. Никто не знал. Военная тайна! Дальше обещания тогда дело не пошло, но миновало совсем немного времени, и с лёгкой руки президента Путина «Искандеры» развернули-таки в Калининградской области. Уж не там ли их разместили, где мы с Яровенко косили траву, недалеко от нашей ракетной бригады? Надеюсь, за мой рассказ об этой секретной воинской части №33812 меня не посадят. Прошло много времени, подписка о неразглашении истекла, бригада расформирована. Казармы, клуб, столовая и другие помещения находятся в заброшенном состоянии. Я видел фотографии в Интернете. Так что вряд ли «Искандеры» туда определили.

Незадолго до увольнения меня посадили на гауптвахту за поддельную увольнительную и самовольную отлучку из части. Дежурный, проверив увольнительную записку, из части меня выпустил. Подделка была обнаружена по возвращении. Я получил десять суток ареста, потом Ивашковец добавил ещё два раза по десять. Когда я вышел, произошёл конфликт с прапорщиком Смоловиком. Тот меня снова посадил на гауптвахту. Это была настоящая тюрьма, с мрачным коридором и десятком камер. Стены каждой камеры были покрыты цементом таким образом, что к ним невозможно было прислониться: острые наросты впивались в тело как иголки. Маленькое окно находилось под самым потолком. Обитые толстой жестью, массивные деревянные двери отпирались и запирались с громким лязгом. Внутренний прогулочный дворик, огороженный высоким каменным забором с колючей проволокой по верху, наводил на тяжёлые мысли. Я даже стал представлять себя декабристом. Мне довелось увидеть, насколько быстро может

опуститься человек, потерять достоинство, насколько он может быть жестоким.

На «губе» у меня проявились художественные способности. Один из моих сокамерников, наголо обритый украинец из соседнего танкового полка (своей гауптвахты у танкистов не было) уговорил меня выколоть ему на груди символ свободы – так называемую «Викторию»: два растопыренных пальца в форме латинской буквы «V». Я честно его предупредил, что делаю это впервые, но моё признание его не смутило. Судя по всему, я достойно справился с задачей, так как танкист с гордостью демонстрировал татуировку другим арестантам. В итоге я сделал ещё пару наколок остальным сокамерникам. Если бы Ивашковцу стало известно о моих художествах в неволе, он, несомненно, продлил бы срок моего заключения. И всё-таки этот непродолжительный тюремный опыт был мне необходим. Он пошёл мне на пользу. В жизни может оказаться полезным всякий негативный опыт, главное – извлечь правильные уроки.

Развод караулов традиционно завершался торжественным маршем оркестра. Караульные отправлялись на пост под бравурный марш с поднятым боевым духом. Иногда, до прихода разводящего офицера, бойцы переговаривались с музыкантами, просили: «"Прощание славянки" сыграйте». Яровенко весело предлагал сыграть «Траурный марш» Шопена. Вася очень любил играть с оркестром в деревне на похоронах: и покушать вкусно можно, и выпить на шару. Бывало, что и целую бутылку водки тайно в часть приносил – думал об остальных. Отзывчивым был музыкантом.

Однажды в конце лета после развода к нам подошёл начштаба по тылу полковник Калина. Я уже немного обрисовал этого интересного кадра, но хочу дополнить его портрет: сухощавый дрыщ, без должной воинской выправки, в мятом кителе и весь какой-то нескладный. Его ищущий взгляд, манера разговора вызывали у нас

Я (крайний слева) и «литовская группа» (слева направо):
Баркус, Яцкявичюс, Раманаускас

скрытую улыбку. За глаза мы над ним подшучивали, и вообще не воспринимали его всерьёз.

– Смирно! – нехотя скомандовал дирижёр.

Лейтенант Ивашковец нас отвоевал, можно сказать, вырвал из рук этого рьяного хозяйственника, и что ему опять от нас потребовалось?

– Вольно! – скомандовал Калина и сказал: – Оркестр отправляется в дружественную Литву на заготовку картофеля.

– Оркестр освобождён от хозяйственных работ. Приказ начальника штаба, – парировал лейтенант.

– Отставить! Людей не хватает. Бригада отправляется на учения. Голодный солдат в поле не воин. Вы поступаете в мое распоряжение.

В начале сентября нас привезли в Литву и выгрузили на колхозном поле, где мы разбили лагерь: были развёрнуты четыре полевые палатки, сооружён умывальник, сколочены два дощатых обеденных стола. Будку для туалета сделал мастер на все руки Василий, он поставил её в кустарнике неподалёку. Со всеми приготовлениями управились за один день. В полевых условиях не требовалось соблюдать всю уставную рутину. Можно было поспать на час больше, не печатать шаг, отдавая честь, не играть на разводах. Новый распорядок нам нравился. Здесь нам предстояло провести две недели и заготовить для нашей бригады картофель.

В семь утра оркестр выстроился в две шеренги. Полковник Калина с серьёзным видом прохаживался вдоль строя. На фоне палаток, тракторов на колхозном поле, бортовой грузовой машины ЗИЛ высокий, худощавый и нескладный начштаба по тылу в своей мятой полковничьей форме, с офицерской фуражкой с высокой тульей на голове, выглядел нелепо; как говорится, вносил дисгармонию в композицию сельской местности.

– Наши литовские друзья протянули руку помощи, – с излишним пафосом начал полковник Калина. – Ставлю

перед оркестром тактическую задачу: оперативно собрать урожай. Работать тихо, без происшествий, не привлекая к себе внимания. Алкогольные напитки отставить. Курить только в отведённом для этого месте. Соблюдать порядок и технику безопасности. Расположение лагеря не покидать! С местным населением в оральный контакт не вступать!

– Значит, в половой можно, – тихо сказал Саша Пирожак соседу.

В строю раздался смех.

Работали мы так, как приказал начштаба по тылу: аккуратно и слаженно, с соблюдением техники безопасности; машины выгружали картошку на складе и, опорожнённые, возвращались в поле без задержек. С местным населением старались в «оральный» контакт не вступать. Но это не всегда удавалось. Водители грузовиков сами вступали с нами в контакт, по делу и без. Узнав, что у них на поле работают музыканты, попросили лейтенанта устроить танцы в сельском клубе. Сказали, что в клубе музыкальные инструменты имеются.

В субботнее утро, сразу после завтрака, Ивашковец отправил в сельский клуб четверых музыкантов, составлявших поп-группу ракетной части, игравшую на всех праздниках, концертах, на новогоднем вечере, в клубе посёлка Долгоруково. Я был в этой группе бас-гитаристом. Весь день мы репетировали. Вечером в клубе собралась толпа молодежи. Местные деревенские парни танцевали сдержанно, девчонки держались скромно. Пьяных в зале не наблюдалось. Это была не бесшабашная поселковая молодёжь Долгоруково, где мы пару раз играли на танцах. В перерыве Андрей Борисенко, нарушив приказ полковника Калины, вошёл в «оральный» контакт с двумя блондинками. Точнее, пытался войти, так как сёстры Раса и Рута совершенно не говорили по-русски. Нас это не смущало: когда молодость зовёт на подвиги и требует любви – язык не нужен. Точнее, нужен не язык, а совсем

другой орган. Так что всё было естественно: девчонки не говорили по-русски, мы с Андреем – по-литовски. Провожали их домой молча. Просто смотрели на девочек и улыбались. Ведь и природа молчит, не разговаривает, когда любуются её красотой. Так же и с литовками: Раса и Рута позволяли любоваться своей цветущей легкомысленной молодостью и чарующей красотой.

Провожая сестёр, мы преисполнялись чувством гордости, были счастливы, что девчонки выбрали нас. На обратном пути Борисенко сказал:

– После отбоя пойдём к ним. Я дорогу запомнил. Ляжем спать, через час пойдём. Смотри не усни!

В палатке Раманаускас поинтересовался, как прошли танцы в клубе, пока они картошку собирали. Я сообщил, что познакомился с литовкой по имени Раса.

– Знаешь, что означает Раса? – сказал Раманаускас. – Богиня утренней росы.

– Ничего себе! – обрадовался я.

– А Рута? – не выдержал Андрей Борисенко. Он опасался завистников и стукачей, потому старался не распространяться о знакомстве с девушкой в клубе. Доложат полковнику Калине, жди тогда неприятностей. Но его распирало любопытство: если моя Раса – богиня утренней росы, то кто его Рута?

– Рута – это трава, – перевёл Раманаускас.

– И всё? – огорчился Андрей. – Может, богиня травы? – спросил он с надеждой.

– Нет. Простая трава.

Сёстры были красивыми, как хрустальные капли утренней росы на шёлковой зелёной траве. Андрей с томительным предвкушением ожидал отбоя, чтобы прильнуть к этой траве и на время забыться.

Было около двенадцати часов ночи, когда мы двинулись в деревню. Луна скрылась за облаками, поэтому шли в полной темноте. Фонарика не имелось, но Андрей запомнил дорогу и хорошо ориентировался. Как ему это

удавалось в полной темноте, не знаю. До дома сестёр на окраине деревни было, наверное, километров пять или шесть. Шесть километров в полной темноте вдоль леса. Страшновато, конечно, но молодость и любовь не знают страха. Добрались без приключений, не считая того, что, переходя реку по широкому деревянному мосту, я чуть было не рухнул вниз через пролом. Спасибо Андрею, вовремя предупредил меня о дыре.

И вот... Несмолкаемый стрекот сверчков в тихой безлунной ночи. В небольшом сенно́м сарае справа́ от дома, мы с Расой лежим на душистом сене. В другом сарае неподалёку то и дело беспокойно копошится корова. Слышится, как она опрокинула цинковое ведро. Запах свежего сена опьяняет меня. Невинная девушка, скрывающаяся от мамы в сарае, – в моих объятиях, доступна. Словно и не было строгого воспитания и запретов. Я нежно целую её в губы. Раса гладит меня по лицу.

– Tu man pa-tin-ki, – тихо, по слогам произносит она. – Tu man pa-tin-ki[66].

Девушка касается ладонью своей груди, потом прикасается ко мне. Я хочу понять богиню утренней росы, отчаянно силюсь вникнуть в смысл произнесенных слов, напрягаю свое сознание. Я почти вижу в темноте блеск озорных влюблённых глаз Расы. Я чувствую её чистое, словно утренняя роса, желание.

– Tu man patinki, – повторяет богиня.

Страстно прижимаю её к себе. Я теряю над собой контроль.

– Tu man patinki, – завороженно твержу я. – Tu man patinki.

– Viskas. Viskas[67], – тихо просит Раса.

Я вдруг осознал, что понял это её «вискас», и разомкнул свои крепкие объятия.

---

[66] Ты мне нравишься. – *Лит.*

[67] Всё. Всё. – *Лит.*

Послышался шум. Скрипнула дверь. Уныло промычала корова.

– Tyliai[68]. – Раса приложила палец к моим губам.

Кто-то вышел из дома, взял ведро, открыл сарай. Мы лежали не шелохнувшись и едва дыша.

– Motina, – чуть слышно произнесла Раса.

Я догадался: это её мама вышла из дома и зашла в хлев напоить корову. Мы боялись, что она войдет к нам в сенной сарай: Расе пришлось бы плохо, а мне ещё хуже – полковнику Калине только повод нужен.

Мать Расы напоила и подоила корову и потом всё затихло – ушла. «В колхозе дояркой работает», – догадался я. Василий говорил, что у коров с утра молоко вкуснее, поэтому их доят с раннего утра.

– As tave myliu[69], – прошептала Раса.

Рассвет наступил быстро и незаметно, как он наступает для всех влюблённых. Окрылённые, мы с Андреем вернулись в лагерь без происшествий. Начинающийся день полнился теплом и счастьем. Музыканты ещё крепко спали.

Через две недели после возвращения оркестра в расположение части на имя Андрея пришло письмо. Обратный адрес был на литовском языке. В конверте оказались две портретные фотографии – Расы и Руты, и письмо, тоже на литовском языке. Между аккуратных строчек я нашёл уже знакомую мне фразу: «As tave myliu». Попросить Раманаускаса перевести письмо мы не решились – а вдруг девчонки замуж просились?

Наконец «Красная звезда» опубликовала долгожданный приказ об увольнении в запас срочников моего призыва. Первым в звании старшины покинул оркестр Вася Яровенко, за ним отправился домой Саша Пирожак

[68] Тихо. – *Лит.*

[69] Я тебя люблю. – *Лит.*

в звании старшего сержанта, следом – сержант Фарид Рузибаев, затем младший сержант Рашид Нигматулин. Оставались политически грамотные литовцы и я. Ивашковец почему-то не отпускал меня, хотя клиентом особого отдела я не был и никакой пользы не приносил. Я уже даже в оркестре не играл: прибыло молодое пополнение. Вполне возможно, лейтенант не мог мне простить поддельную увольнительную. Уже шёл июнь, когда офицер штаба обратил внимание на бесцельно шатающегося по части дембеля. На следующий день был подписан приказ, и мне выдали военный билет. Я зашёл в студию попрощаться с литовцами.

Раманаускас пожал мне руку и печально произнес:

– Вся наша жизнь состоит из плохих любительских фотографий.

Я вспомнил первые мутные снимки моего брата и кивнул. Папа подарил Рафику на день рождения фотоаппарат «Смена-8М», и брат настолько увлекся, что стал профессиональным фотографом. Он надолго запирался в ванной, разводил в пластмассовых ванночках проявитель и закрепитель и при свете красной лампы печатал чёрно-белые фотографии.

– Но если захочешь, – продолжил Раманаускас, – ни одну не выбросишь!

– Почему? – удивился я. Мой брат выбрасывал кучу мутных фотографий с негативами.

– Потому что эти моменты не повторяются. По фотографиям будут изучать двадцатый век: культуру, прически, еду, стили одежды, что мы видели, куда ходили, даже будут знать о наших желаниях.

Я удивился, но только молча кивнул. Раманаускас подумал и добавил:

– Прошлое вернуть невозможно. Наша память стареет, как женщина. Цени каждый день!

– Ты после особого отдела стал таким мудрым? – спросил я.

– Особый отдел – это только увертюра, – грустно улыбнулся Раманаускас.

– Твоя, кажется, затянулась.

– Один умный человек сказал: «Мы рождаемся с криком, умираем со стоном. А прожить надо со смехом».

– Чюрлёнис?

– Виктор Гюго... Пространство с годами сжимается вокруг нас, – изрёк ещё одну философскую мысль Раманаускас. Потом добавил: – К сожалению, мы больше не увидимся. Так что удачи тебе.

Похоже, серьёзно особист прижал его, если Раманаускас заговорил о пространстве и времени.

– Если пространство сжимается, значит, мы когда-нибудь встретимся, – предположил я.

– Может быть, когда на пенсии будем, – грустно улыбнулся Раманаускас.

Чего это он вдруг со мной разговорился? Мы вроде не дружили. Еврей литовцу не друг, они враги по умолчанию. Рассказывали, будто какой-то литовский лесник во время войны прятал евреев. Но его потом убили. Так что еврейско-литовская дружба чревата трагическими последствиями. А этого мне не хотелось. После особого отдела Раманаускас казался странным – много раз со мной заговаривал, чего до особого отдела не бывало.

– Зачем ты мне это говоришь? – спросил я.

– Потому что ты никого не заложил.

И на том спасибо, – подумал я, а вслух сказал:

– Вот поэтому я рядовой и увольняюсь в июне. А Васю в апреле старшиной уволили, и он ещё в отпуск ездил.

– Вася – стукач. А ты – человек! – прояснил суть дела Раманаускас. – Чем заниматься собираешься?

– В Калининград поеду, в музыкальное училище поступать буду, – поделился я своими планами.

– Займись фотографией, хорошая профессия. Фотография ценнее тысячи слов.

– У меня брат фотограф. А я музыку люблю.

– Музыка – универсальный язык человечества, – загадочно произнёс Раманаускас.

– Чюрлёнис? – второй раз попытался угадать я автора высказывания.

– Чюрлёнис не очень хороший композитор, – неожиданно высказался Раманаускас.

Вот такого заявления я от него совершенно не ожидал. Я же говорю, после особого отдела он стал неадекватным. Невиданное дело, чтобы нормальный литовец так отзывался о том, кем гордится его народ.

Решение поступать в музыкальное училище я принял ещё в армии. Съезжу в Баку только повидаться с родителями, думал я, и сразу в Калининград. В школьные годы мне не давали покоя золотые капитанские погоны дяди Сёмы. Однако быстро стало ясно, что капитана дальнего плавания из меня не выйдет. Посвящу свою жизнь служению искусству, решил я. Оправдаю наконец доверие генерала. После армии передо мной все двери открыты.

Так случилось, что домой я приехал не один. На железнодорожном вокзале меня схватил за руку темпераментный таксист азербайджанец, жаждущий получить от счастливой матери магарыч[70]. Отвязаться от него оказалось невозможно. Хотя я его сразу честно предупредил, что он зря надеется, и посоветовал, пока не поздно, найти кого-то другого. Я не единственный дембель на вокзале. Но пока таксист меня убеждал поехать с ним, других уже расхватали. Азербайджанец оказался упрямым, как баран, отказывался мне верить. Усадил меня в машину и повёз домой, на Восьмой километр.

[70] В середине двадцатого века на Кавказе слово «магарыч» стало означать не только «угощение, устраиваемое в качестве вознаграждения за что-либо», но и подарок или вознаграждение иного вида, в том числе денежную благодарность.

Счастливая мама протянула таксисту рубль и обняла меня. Как и ожидалось, азербайджанец сильно расстроился и стал просить больше. Ведь он ожидал получить рублей двадцать пять или хотя бы десять. Но я объяснил ему: надо уезжать, пока мама не передумала, иначе она заберёт свой рубль. Недовольный водитель уехал обиженным, спрятав рубль в карман.

Погосян вернулся из армии неделей позже. Зашёл ко мне. Вспомнили наше новогоднее выступление в школе, поговорили о Нине Михайловне и Михаиле Палыче, обсудили бывшего художественного руководителя группы «Ритмы Каспия».

– Я слышал, Рафик в Доме офицеров работает, – сказал Погосян.

Интересно. Когда он успел об этом узнать?

– Давай зайдём, обрадуем его, – предложил он.

– Думаешь, он обрадуется? – сказал я с некоторым сомнением.

Навестить бывшего руководителя, конечно, очень хотелось. С Рафиком было связано немало тёплых воспоминаний: участие в конкурсе, выступления на заводских вечерах. Погосян не ошибся, Рафик действительно работал в Доме офицеров. Он сидел в репетиционной комнате и, увидев нас, искренне обрадовался.

– Я луководитель глуппы, – похвастался он. – Все очень талантливые лебята. Сейчас готовимся к леспубликанскому конкулсу.

– Талантливее нас? – ревниво спросил Погосян.

– Талантливее вас не бывает… А вы помните нашу песню «Стой, человек! Постой!»? – вдруг спросил Рафик. – Мы иглали её в клубе судостлоителей.

– Ну, конечно, помним. А что?

– Я плодал её Кобзону, – гордо объявил он.

Мы с Погосяном переглянулись и дружно расхохотались – настолько фантастичным было услышанное. Кто

в такой бред поверит? Зачем Кобзону понадобилась наша непритязательная дискотечная песня? Кобзон патриотические исполняет. И как Рафику вообще мог прийти в голову этот абсурд? Мы, конечно, наивные, но не до такой же степени.

– Рафик, кончай гнать, – скептически покачал головой Погосян.

– Да нет. Плавда, лебята, – уверил нас Рафик. – Год назад Кобзон выступал во дволце Ленина. Я к нему в глимёлку зашёл и на пианино сыглал.

– От какого места? – насмешливо сказал Погосян.

– Не велите? Он мне пятьдесят лублей дал! – гордо заявил Рафик.

– Да ладно, Рафик, хватит заливать. Ты и так гений, – прикалывались мы.

Рафик доброжелательно улыбался.

Но жизнь сама вершит справедливость, и очень скоро нам было суждено убедиться в честности Рафика. Этот момент не заставил себя долго ждать. Я был дома, от скуки включил телевизор. Шёл концерт, посвящённый какому-то празднику. София Ротару исполняла новую патриотическую песню: «Стой, человек! Постой! Это твоя земля! Она одна дана тебе навек». Вдруг пробежал холодок по коже, в ушах отдалась пульсация собственного сердца. Слова были подозрительно знакомы, очень походили на нашу песню, но я отказывался верить. После второго куплета сомнений не осталось. Лишь незначительно изменили текст, в целом – всё то же самое. Резко подскочило давление, а с давлением и я сам подскочил с дивана.

– Там София Ротару!.. – возбуждённо кричал я в трубку Погосяну.

– Остынь. Ты чё орёшь? – недоумевал Володя.

– Она нашу песню поёт!

– Иди в задницу! – добродушно рекомендовал Погосян. – У меня ученик.

– Включи телевизор! – настаивал я. – *Стой, человек! Постой!* Помнишь?

Погосян включил телевизор, послушал, помолчал и наконец вымолвил:

– Вот козёл. Даже с нами не поделился.

Рафик не обязан был с нами делиться. Текст сочинил он, а музыка была совершенно другой. Так что он честно заработал свои пятьдесят рублей за текст, хотя, считаю, Кобзон мог бы и больше ему дать.

Перед моим отъездом Володя Погосян настоятельно рекомендовал мне навестить нашего одноклассника Руслана, работающего теперь в Москве, в Большом театре.

СНАБЖЕНЕЦ БОЛЬШОГО ТЕАТРА

Кто едет впервые в родную столицу,
Тот счастлив бывает до слёз...

Москва, Москва, столица надежды и счастья!
Москва, Москва, ты каждому сердцу мила!
Здравствуй же, милая, здравствуй любимая,
Здравствуй, моя Москва![71]

Дорога в Калининград проходила через Москву. Я направлялся в самую западную точку страны. Мой конечный пункт – город Калининград. Улица Фрунзе, дом № 4.

В Москве я планировал задержаться на три дня. Давно хотелось осуществить свою мечту – побывать

[71] Слова из популярной советской песни, написанной в 1954 году композитором И. Дунаевским на стихи поэта В. Лебедева-Кумача.

в мавзолее Ленина, полюбоваться фонтаном «Дружба народов» на ВДНХ. Очень хотелось увидеться с Русланом, посмотреть Большой театр изнутри: Пётр Ильич Чайковский, «Лебединое озеро», Майя Плисецкая... Мне бы хоть колонны Большого театра руками потрогать.

Руслан встретил меня у служебного театрального подъезда №15, мы обнялись и вошли внутрь. Дежурный, сухощавый взрослый мужчина, уважительно поприветствовал Руслана по имени отчеству.

Я спросил:

– А Плисецкая здесь?

– Майя Михайловна? – Руслан не удивился. – Давно ждёт. Пойдём познакомлю.

У меня дрогнуло сердце: неужели я увижу великую Майю Плисецкую! Здесь, в Большом! В знаменитом на весь мир театре, самую известную балерину.

К Руслану подошли две женщины в белых халатах, какие носят в сфере торговли, и что-то стали оживлённо ему говорить.

– Подожди две минуты, – сказал Руслан мне и куда-то исчез.

Я остался ждать в узком служебном коридоре. Со стороны сцены (мне была видна её задняя часть) донеслись последние такты финальной темы «Лебединого озера». Эту музыку я хорошо знал. Послышались продолжительные аплодисменты, крики «Браво!». Я продолжал стоять и ждать Руслана. И тут произошло чудо. Она возникла передо мной словно из-под земли. Конечно, можно было ожидать чего угодно, но только не этого: рядом со мной оказалась балерина в белой пачке, с очень знакомым лицом. Я растерялся. Только стоял у неё на пути и хлопал глазами. Где-то я её уже видел. Балерина тем временем упорхнула в гримёрку.

Зато тут же появился возбуждённый Руслан.

– Плисецкую видел?

– Что? Это была она? – Я беспомощно завертел головой.

– Конечно! Кто же ещё!

Так благодаря Руслану состоялась моя историческая встреча со звездой мирового балета. Мне посчастливилось увидеть великую Майю Михайловну Плисецкую за сценой. После этого я всем буду с гордостью рассказывать, что видел Плисецкую в «Лебедином озере». Спасибо, Руслан! Никогда этого не забуду.

Вечером в Большом театре Зураб Соткилава исполнял сольные арии из лучших оперных произведений. Я сидел в ложе, и мне хорошо была видна вся сцена. Руслан снова куда-то исчез и появился перед антрактом.

– Пошли в буфет, – предложил он.

Денег лишних не было, но я пошёл. К кассе буфета стояла длинная очередь. Обогнув её, мы подошли к прилавку. Буфетчица подала нам два бутерброда с красной икрой, чай, пирожное. Я заметил, что Руслан не расплатился.

– Почему ты не заплатил? – спросил я.

– Потому что я всех артистов Большого театра кормлю, – объяснил Руслан.

– И Плисецкую? – восхитился я.

– Всё «Лебединое озеро», весь симфонический оркестр, всех дирижёров и даже некоторых композиторов! – спокойно перечислил Руслан.

– А ты кем работаешь? – поинтересовался я.

– Снабженцем.

– Хорошая работа?

– Каждый день чёрную икру кушаю, – обыденно произнес Руслан.

Это был убедительный аргумент. Значит, не зря меня тянуло к Храму искусств, и не случайно это влечение вызывало душевное волнение.

Руслан полюбопытствовал, чем я собираюсь заниматься.

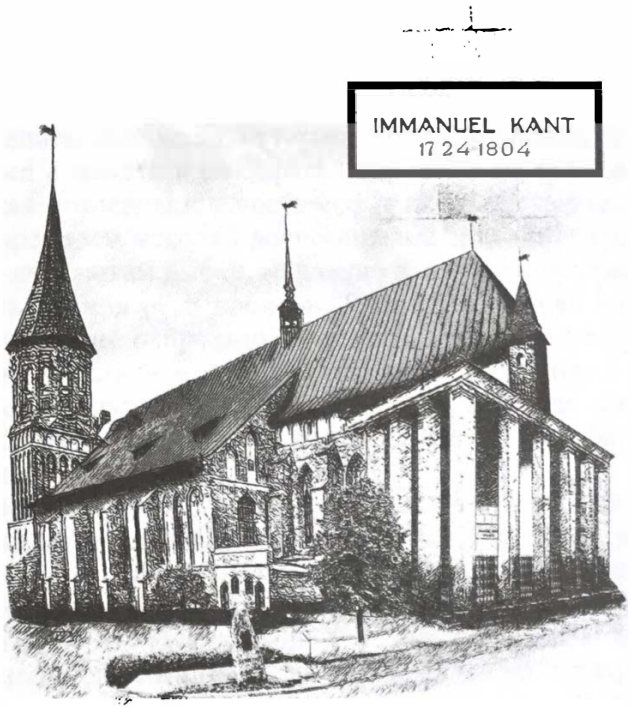
– В Калининград еду, в Храм искусств поступать, – ответил я. – Хочу каждый день чёрную икру кушать.

– Хороший выбор, – одобрительно сказал Руслан. – *Машалла!*[72] В добрый час!

[72] «На всё воля Аллаха!» Арабское ритуальное молитвенное восклицание, которое используется и как фраза-оберег.

КАЛИНИНГРАД

Изменяется не само время, а нечто находящееся во времени.

Иммануил Кант

ДОРОГА К ХРАМУ

Приступить к написанию третьей части книги мне долго не удавалось. Не мог настроиться на творческую волну. Вернее, я настраивался и садился за стол, но что-то отвлекало, рассеивало мысли. Мой мистический помощник в этом процессе вдруг умолк и не проявлял себя. То ли воспоминания беспечной бурной молодости оказались настолько запутанными, что пришлось копаться в памяти и разбирать завалы. То ли хронологическая последовательность событий не выстраивалась. Со временем осколки воспоминаний, словно оглушенные динамитом рыбки, медленно всплывали на поверхность мутной реки времени. Я как будто стоял по колено в воде, окружённый реминисценциями. Говорят: «Воспоминания – единственный рай, из которого невозможно изгнать». Мне нравится эта красивая мысль. Я попробую войти в рай моей счастливой беззаботной студенческой жизни.

Всемирно известный философ, основоположник немецкой классической философии Иммануил Кант захоронен на острове Кнайпхоф, у северо-восточной стены Кафедрального собора – и это место я собирался посетить перед экзаменами. Хотелось попросить автора монументального труда «Критика чистого разума» о содействии в поступлении в музыкальное училище. Не обращаться же за этим к Михаилу Ивановичу Калинину, чей мраморный памятник встречает каждого приезжего на площади перед Южным вокзалом. Я дал себе обещание в случае поступления регулярно бывать на острове, приходить к могиле Иммануила Канта и делиться с ним своими успехами и неудачами. Думаю, за столько лет покоя он привык слушать.

Кёнигсберг переименовали в Калининград в 1946 году в честь «всесоюзного старосты» – товарища Калинина.

В славном сорок пятом
Ты пришёл солдатом
К берегам Прибалтики –
Русский человек.

И сказал: «Довольно!
Чтобы не быть войнам,
Пусть земля советская
Будет здесь навек!»

Эту популярную советскую песню о Калининграде, сочиненную в 1954 году[73], наш военный оркестр играл в переложении для духовых инструментов. Ракетная бригада, включая командира, печатала шаг под наше бодрое исполнение. Звуки этого марша отдавались в голове с каждым шагом по калининградской мостовой.

Я приехал покорять Калининград в июне 1986 года. Беспокойные мысли суматошно вертелись в голове: поступлю или нет? Где буду жить? Предоставят общагу на время вступительных экзаменов, или на вокзале ночевать? Примут документы у человека без музыкальной подготовки, или назад придётся возвращаться? Ответов у меня не было, но я был подготовлен к неожиданностям. Обратной дороги нет! Несколько ночей на вокзале ничто по сравнению с месяцем гауптвахты без одеяла, подушки и матраса. Дежурный офицер отобрал у меня шинель и оставил в холодной камере с разбитым окном. Бетонный пол камеры был залит водой, вытекавшей

[73] Автор слов – сельский учитель Л. Н. Колбасенко, автор музыки – заслуженный работник культуры СССР, баянист П. С. Турчанинов. Фронтовики, ветераны Великой Отечественной войны, они оба уже ушли из жизни.

из отопительной батареи. Я всю ночь простоял стоймя. Да я на вокзале готов был жить, только бы на Восьмой километр не возвращаться.

Музыкальное училище[74] располагалось в красном кирпичном здании на улице Фрунзе, дом № 4. До войны эта улица называлась Кёнигштрассе, а перед самой войной её переименовали в Strasse der SA – в честь нацистских штурмовых отрядов. Стоя на противоположной главному входу в Храм искусств стороне мощеной дороги, я представлял, как мимо стройной колонной маршируют немецкие штурмовики под «Alter Jägermarsch» – «Егерский марш», который мы часто исполняли при разводах и на военных праздниках. Трёхэтажное здание в стиле неоклассицизма выглядело ухоженным и производило хорошее впечатление. До войны в этом здании находилась мужская гимназия, носившая имя немецкого астронома и математика Фридриха Бесселя. Однако все эти сведения не могли помочь в поступлении в музыкальное училище.

Постояв в нерешительности перед входом, я потянул на себя тяжёлую резную дверь и вошёл в Храм, не представляя, насколько извилистым и тернистым окажется путь в искусство. Уже в вестибюле, у подножия парадной лестницы, меня окутали приглушённые пассажи скрипки, фортепиано, тромбона и других инструментов, радуя истосковавшийся по классической музыке слух. Я поднялся по широким ступенькам парадной лестницы и оказался у проходной. Приветливая вахтёрша объяснила, как найти приёмную комиссию, и там у меня без лишних церемоний приняли документы и оформили направление в общежитие, поставив в бумаге круглую жирную печать.

[74] В 1996 году музыкальное училище переименовали в Калининградский областной музыкальный колледж им. С. В. Рахманинова.

– Из Баку? – доброжелательно произнесла председатель приёмной комиссии Лиля Ивановна Бирюкова, женщина средних лет, в строгом чёрном костюме.

С виноватым видом я кивнул, подумав: «В Баку тоже любят искусство».

– Вы рано приехали, – прибавила Лиля Ивановна.

Лучше рано, чем никогда. Не признаваться же, что мне надоело слушать, как мама заводит свою старую пластинку, заезженная «Мамина пластинка»[75] мне уже порядком надоела. Конечно, большое спасибо маме за предостережение о плохой дороге, но пора идти собственной дорогой. Жизнь прекрасна и полна приключений.

– К нам из Минска, Киева, Риги... из Вильнюса приезжают поступать... Конкурс! – многозначительно закончила Бирюкова, разом прояснив ситуацию.

Ну вот, «бакинский рабочий»[76]. Приехали! Рига и Вильнюс – это тебе не Восьмой километр, – подумал я. Сюда из Белоруссии и Прибалтики приезжают, а ты с кавказских гор спустился. Даже не надейся. Назад! Мама очень обрадуется. Будет снова рассказывать о тёте Мане и других родственниках, о плохой дороге и как Ленин указывать единственно верный путь. Есть хороший фильм с подходящим ситуации названием: «Обратной дороги нет». Я не отступлюсь, покорю этот город-крепость, основанный рыцарями Тевтонского ордена в XIII веке. Для этого сюда и приехал.

– Передадите это коменданту, – прервала мои тревожные размышления Лиля Ивановна, вручая конверт. – Знаете, как добраться?

– Не знаю.

---

[75] «Мамина пластинка» – песня ВИА «Синяя птица».

[76] Так – «Бакинский рабочий» – называется основанная в 1906 году газета на русском языке, в создании которой принимал участие И. В. Сталин.

– Трамвай номер восемь. До остановки «Улица Александра Невского, дом пятьдесят один».

Я верю в тайную магию чисел. Восьмой трамвай и Восьмой километр – не случайное совпадение, явно сулящее мне удачу.

– Передам, – улыбнулся я и, полный зыбких, но светлых надежд отправился на трамвае заселяться в общежитие на Александра Невского, 51. В дальнем конце трамвая, держась за поручень, стояла молодая девушка в белой юбке из лёгкой, чуть просвечивающей ткани. Она взглянула в мою сторону и улыбнулась. Сомнений больше не осталось: выбор сделан верный, дальнейшая моя жизнь будет проходить в этом городе.

Современное пятиэтажное бетонно-блочное здание соседствовало с гостиницей «Турист», где в скором времени неожиданно проявятся мои предпринимательские способности.

Четыре этажа в общежитии занимали студенты и студентки медицинского училища. Музыкантам отвели последний, пятый этаж. Общежитие можно было назвать женским: мужской пол здесь находился в явном меньшинстве. Восемь-десять мужчин-интернов и парочка семейных пар обитали на втором этаже, ещё несколько студентов-медиков на третьем и около пятнадцати ребят музыкантов на пятом этаже – и этого было явно не достаточно для удовлетворения пробуждающегося девичьего внимания к противоположному полу.

Железная лестница с площадки пятого этажа вела на плоскую крышу общежития, где студентки загорали в открытых купальниках, а симпатичные двойняшки Даша и Маша разучивали концерт Вивальди для двух скрипок. Здесь назначались первые любовные свидания и целовались под луной. Даже несмотря на то, что слесари-сантехники регулярно запирали металлическую дверцу чердака на большой замок, обматывая петли цепью, молодость и безудержная энергия помогали студентам

проникать на крышу, где происходили романтические, переходящие в долгие или короткие отношения знакомства. Здесь узнавали друг друга ближе. Здесь, в коридоре и на общей кухне общаги, я познакомился с девчонками и ребятами, от которых услышал много ценных советов и рекомендаций.

– Будь собой – поступишь! – обнадёжила второкурсница струнного отделения Люба Алексеева, симпатичная девушка с густыми чёрными волосами, небрежно раскинутыми на плечах и спине.

В летнем халатике, она сидела в кухне на подоконнике в проёме раскрытого окна и непринуждённо курила. Её стройные гладкие ноги были высоко оголены. Люба смотрела вниз на прохожих, на сигарету, на меня. Выпуская изо рта дым, задумчиво гладила свои ноги, снова смотрела вниз. Меня поразило всё: настежь распахнутое окно и узкий подоконник, на котором она балансировала, её спокойствие, скорее, даже безразличие, обнажённые стройные ноги и сигарета в Любиных красивых музыкальных пальцах. Запад раскрывался мне во всей красе! Ведь Калининград – самая западная точка страны. Вряд ли я увидел бы такое у себя в Баку на Восьмом километре. Меня окружало культурное общество!

Быть собой в подобном окружении вряд ли удастся, так что возникли сомнения в поступлении.

– Откуда такая уверенность? – спросил я Любу.

– Мальчиков не хватает. У тебя большое преимущество.

– Разве? – усомнился я.

Какие у меня могут быть преимущества? Я в музыкальной школе не учился и даже нот как следует не знал. Сплошные недостатки.

– Ты после армии, – доходчиво объяснила скрипачка.

В тот момент я опасался не за себя. Мне было страшно за молодую и красивую девушку: Люба играла со своей

жизнью, словно наигрывала на скрипке шуточную мелодию, юмореску, которая могла оборваться в любой момент.

– А ты не боишься упасть? – спросил я. – Ты даже не держишься.

Люба странно посмотрела на меня и задумчиво произнесла:

– У Бога черновиков нет.

– А вдруг есть? – предположил я.

Скрипачка затянулась, не ответив на мой вопрос.

– Не хочешь меня подержать? – неожиданно предложила мне Люба.

Я смутился и промолчал.

– Я с детства за гриф и смычок держусь. У тебя сигареты есть? – спросила она затягиваясь.

– Не курю, – с сожалением ответил я, сознавая, что мой здоровый образ жизни может оказаться препятствием для общения в культурном обществе. Кажется, пора ступать на плохую дорогу и познать все прелести свободной жизни.

– Заходи как-нибудь, – предложила Люба. – Я в пятьсот пятнадцатой живу, с красивой девочкой познакомлю.

– Я её уже знаю – Света, с вокального отделения, блондинка, – поспешил я.

– Не Светка, хотя она тоже ничего. С Ленкой Чекиной… аккордеонисткой. Шатенкой. Ты с ней знаком?

– Нет, – ответил я. Люба успела поймать мой похотливый скользящий взгляд на своих гладких, высоко оголённых ногах.

– Знаешь какие у неё ножки?.. Как у козочки, – дразнясь, осведомлённо заявила она. – В колготках постоянно ходит…

– Ноги как у тебя? – осмелев, спросил я – мои кавказские комплексы здесь были неуместны. Я уже для себя решил, что буду от них избавляться и пойду по плохой дороге. Но только не заходить слишком далеко.

Люба внимательно оглядела свои ноги:

– У Ленки длиннее, – раскрыла секрет непосредственная Люба и добавила, – где ты сегодня найдешь красивую, умную, скромную, некурящую, к тому же – девочку? На третий этаж даже не суйся, там таких нет.

Я смутился ещё больше и стыдливо промолчал – ещё никто не обсуждал с мной длину женских ног и физиологию половой системы. Тем более на кухне. А вдруг кто-то войдет чайник на плиту поставить или яичницу пожарить.

– Обидишь Ленку – со мной будешь дело иметь, – пригрозила Люба и выпустила густую струю белого дыма.

Я никого не собирался обижать, тем более Ленку, у которой длинные ноги и такая боевая подруга. Как бы меня самого тут не обидели. Я опять промолчал. Она продолжила:

– Я людей насквозь вижу. Ты не говно, поэтому и предлагаю.

Я снова промолчал: вроде бы и комплимент, но есть повод задуматься. И комментарии здесь были лишними. И на том спасибо, что оценила меня. Между прочим, один из лучших комплиментов, который приходилось услышать в свой адрес. Я видел перед собой черноволосую скрипачку Любу с белыми ногами, блондинку и вокалистку Свету с соблазнительной фигурой, некурящую шатенку аккордеонистку Лену, скромную девочку с длинными ногами. Может, и не придётся ступать на плохую дорогу. Хотелось бы этого не делать, я давал слово маме. Невероятно: меня приглашает в гости девушка, чтобы познакомить с красивой подругой! «Похоже, в пятьсот пятнадцатой комнате живут самые красивые девушки пятого этажа общаги», – сделал я вывод и согласился зайти.

– Её сейчас нету, она в стройотряде, в Молдавии.

– А ты чего не поехала? – поинтересовался я.

Люба затянулась, критично взглянула на меня, потом на свои ноги.

– Посмотри на мои пальцы, – она выставила перед собой свою тонкую изящную ладонь. – Мне надо заниматься. Концерт Баха ля минор учить.

Весь июль я, действительно, слышал звуки скрипки за дверью пятьсот пятнадцатой комнаты. И как позже оказалось, это и был концерт Баха.

Очевидно, Люба знала, о чём говорила, но, несмотря на столь твёрдую её убеждённость, сомнения и тревоги мои возрастали с каждым днём. Основы гармонии и теории музыки оставались выше моего понимания, шансы мои были невысоки. Всё-таки поступал не в сельскохозяйственное или торговое училище, где тоже был конкурс, а в Храм искусств – святое место! Здесь не только головой, но и руками работать следовало. А у меня ни то, ни другое не работало. После армии ещё не адаптировался. Тем не менее время шло, я знакомился и общался, наслаждался новым окружением, городом и его европейской архитектурой. «Это тебе не Восьмой километр, где хулиганы курят анашу под "Долю воровскую" или кайфуют от маштагинского мейхана», – то и дело повторял я.

Месяц я провёл на крыше, выведывая у загорающих в купальниках студенток ценную информацию. Эти девочки охотно готовили меня к первому этапу – творческому собеседованию. Рассказали много любопытного.

И вот время вступительных экзаменов наступило. Вооружённый полученными на крыше знаниями, утром я побрился, погладил рубашку и отправился на трамвае № 8 в Храм искусств. Меня пригласили в кабинет, я вошёл и присел к столу. Опасливо покосился на поднятую крышку пианино. Дрогнуло сердце от страха: «Только бы к инструменту не посадили».

Раманаускас в армии мне рекомендовал выучить несложную пьесу для экзамена и согласился выступить

в роли экзаменатора. Я взял первые попавшиеся ноты и приступил. Это оказался клавир второго концерта Моцарта для валторны с оркестром ми-бемоль мажор. Раманаускас, посмотрев в клавир, скептически усмехнулся и посоветовал учить что-то другое. Но отступать не хотелось, я уже выучил двадцать тактов и был готов покорять вершину. Через две недели, когда я сыграл ему всю первую часть, выпускник Вильнюсской консерватории Раманаускас поинтересовался: «Ты точно никогда не играл на пианино?» Я признался, что до Моцарта играл только до-ре-ми, до-ре-до. У нас дома стояла тёмно-вишнёвое пианино «Украина», купленное сестрой в кредит. Вот на этом инструменте я и упражнялся.

«Мне кажется, ты просто фанатик, – заключил Раманаускас. – В целом неплохо. Но пальцы у тебя неправильно поставлены, и мизинец торчит. Хотя это мелочи по сравнению с твоим диагнозом». Он поставил мне верный диагноз: мне настолько не хотелось возвращаться на Восьмой километр, что я готов был выучить что угодно, хоть «Революционный» этюд Шопена. И не важно, что пальцы неправильно поставлены.

И вот началось.

– Почему вы решили поступать именно в наше училище? – деловым тоном осведомляется женщина экзаменатор.

– Я в области служил, – объясняю, – мне Калининград понравился.

Это, конечно, не причина для поступления, но девочки в купальниках рекомендовали быть честным. Могу, конечно, ещё добавить, что могила Иммануила Канта и кафедральный собор привлекают, но вряд ли меня правильно поймут. Или что в Баку взятки берут. Хотя тоже не аргумент. Может, про генерала рассказать, благодаря чьей доброй воле я два года служил в оркестре?

Тем временем эта приятная женщина смотрит в мою анкету:

– У вас нет музыкальной подготовки…

– Да. Нет. – Я начинаю волноваться. – Но я в военном оркестре играл. Мы в Риге на конкурсе военных оркестров четвёртое место заняли.

– Сколько оркестров участвовало?

Мысли о Восьмом километре отвлекают, не дают сосредоточиться на главном.

– Пятнадцать! – выдыхаю я.

– Хорошо. – Она оживляется. – На каком инструменте играли?

– На альте, потом на теноре… в оркестре вторые партии исполнял…

– На какое отделение поступаете?

Незадолго до этого собеседования в коридоре училища я познакомился с Александром, студентом второго курса эстрадного отделения. Я не верю в случайности. Думаю, всё происходящее предопределено. Александр задал мне такой же вопрос и посоветовал поступать на эстрадное: «Иди на эстрадное. К Владимиру Ивановичу Щукину на тромбон. И педагог хороший, и человек замечательный».

– На эстрадное. К Владимиру Ивановичу Щукину, – повторил я слова Александра.

– Вы с ним знакомы?

– Пока нет.

– Владимир Иванович – руководитель известного в Калининграде джаз-бэнда «Ритм». О них в каталоге джазовой музыки написано. «Мелодия» пластинку недавно выпустила.

Эта подробность меня ошеломила: каталог джазовой музыки, пластинка! Александр мне об этом не говорил. «Куда ты лезешь! – мелькнула мысль. – Возвращайся на Восьмой километр. Мама будет рассказывать про

тетю Маню и наших соседей. Во дворе "Доля воровская" исполняется». Я приуныл.

– Ну, хорошо, – чуть подумав, снизошла экзаменатор. – Первый тур вы прошли. Но предупреждаю: училище у нас серьёзное. Вам будет очень тяжело. Придётся очень много заниматься, чтобы не отставать. Экзамены через три недели. Времени на подготовку достаточно. Запишитесь в библиотеку.

От радости перехватило дыхание. Я попытался убедить её, что готов принести себя в жертву искусству, и счастливый вышел из кабинета. Главное – поступить! А там посмотрим.

Итак, меня допустили к сдаче вступительных экзаменов. Предстояло пройти два серьёзных испытания – сдать экзамены по сольфеджио и специальности. Сольфеджио – дисциплина для развития музыкального слуха, освоения нотной грамоты и теории музыки. Специальность – это искусство владения музыкальным инструментом. На экзамене по специальности требовалось исполнить одно музыкальное произведение. Я продолжал надеяться на чудо. Чудеса в моей жизни случались. Вспомнить хотя бы доброго генерала. Чем не чудо? Так что надо просто верить в чудеса.

Владимир Иванович оказался приятным добродушным человеком. Организовал выдачу казённого тромбона, так что мне не пришлось самому искать инструмент, показал хроматическую гамму, подобрал не слишком сложную джазовую пьесу для экзамена. Каждое утро я приезжал в училище, спускался в подвальное помещение – место дислокации духовиков, – извлекал из твёрдого чехла инструмент и ноты и разучивал пьесу, занимаясь до посинения губ.

Экзамен по сольфеджио принимала Людмила Фёдоровна Стучилина, стройная и требовательная дама невысокого роста. В аудитории помимо меня находились

ещё пять абитуриентов. Людмила Фёдоровна сыграла на пианино несложную одноголосную мелодию, которую требовалось записать в нотную тетрадь. Время поджимало. Я никак не мог определить тональность, с какой ноты начиналась мелодия. Стучилина проиграла фразу ещё раз и поторопила. Моя нотная тетрадь оставалась чистой. Людмила Фёдоровна заглянула в мою тетрадь и проиграла мелодию в третий раз. Важно было хоть что-то записать, иначе провал. Я запаниковал. Захотелось встать и выйти. Но если даже меня ждал провал, всё равно надо было бороться до конца. Собравшись с мыслями, я записал сначала ритмический рисунок, потом длительность нот, а потом разложил тональность, после чего сдал тетрадь Людмиле Фёдоровне и вышел.

Вторым и последним экзаменом была специальность. Под фортепианный аккомпанемент я исполнил джазовую пьесу, что разучивал в подвале до изнеможения, и с надеждой взглянул на Владимира Ивановича. В аудитории находились три человека: я, молодая женщина аккомпаниатор и Владимир Иванович.

– Учиться будем? – спросил Щукин.

– Будем. Я для этого сюда и приехал, – сказал я.

Хотелось добавить про Восьмой километр, но вовремя тормознул себя.

– Посмотрим…

Аккомпаниатор дружелюбно подмигнула мне.

В конце июля на доске объявлений вывесили списки. Зачислен! В списке! Я буду студентом Калининградского музыкального училища! Чудо свершилось! Меня охватила неподдельная гордость. Больше не придётся слушать истории про тётю Маню с пирожками на базаре. Но самое важное, что я поступил без помощи генерала. Впереди меня ожидает совершенно другая жизнь, полная приятных неожиданностей.

Мой преподаватель по классу тромбона,
педагог эстрадного отделения
Калининградского музыкального училища,
Владимир Иванович Щукин (1946 – 2001).
1986 или 1987 год.

Я позвонил домой и поделился радостным известием. Мама сказала: «Слава Богу. Годой ту мя[77]. По плохой дороге там не ходи». Я объяснил, что Калининград – город, где похоронен выдающийся философ Иммануил Кант, и дорога у меня теперь другая.

Общежитие постепенно пустело. Студенты разъезжались по домам. Остались интерны со второго этажа, проходившие практику в калининградских больницах и поликлиниках. Их было немного. Жаркий летний август оказался полностью в моём распоряжении. Мечта сбылась! Я поступил – и я живу в Европе! В крайней западной точке страны. Самое время вспомнить об обещании и отдать дань уважения Иммануилу Канту. Я сел на трамвай и поехал к «Стоа Кантиана»[78]. Кафедральный собор стоял без крыши, кирпичные стены хранили следы от пуль, главная башня была разрушена. Во время войны английские и американские лётчики сбросили на город кучу бомб, но могила Канта чудом уцелела. Я не спеша обошёл собор, постоял возле саркофага, поблагодарив философа за участие в моей судьбе, и дал ему слово регулярно докладывать о своих успехах.

Не считая коменданта и четырёх преподавателей, – Макеевой, Сизовой, Шварц и Каграмановой, молодых женщин, проживающих в общежитии по распределению после консерватории, – пятый этаж пустовал. Женщины с дипломом о высшем образовании стояли в очереди на получение государственных квартир. Лето они обычно проводили в общаге или ненадолго уезжали. Я тоже остался. Ехать домой не имело смысла. Во-первых, подготовка к учёбе: требовалось читать книги из библиотеки училища. Во-вторых, очень хотелось поближе познакомиться с городом, основанном тевтонскими рыцарями.

---

[77] Ты мой дорогой. – *Татский язык.*

[78] «Кантовский портик» – место упокоения Иммануила Канта.

В-третьих, мой дом – общежитие на Александра Невского, а не «хрущёвка» на Нефтепереработчиков. Хватит постигать дворовые законы Спутника! Пора приобщаться к европейской культуре. К вечной музыке Баха, Моцарта, Гайдна и Вивальди.

Я записался в библиотеку музучилища и набросился на книги и пластинки с произведениями классиков. Словно высохшая губка, я, помимо обязательных к ознакомлению произведений, включённых в учебную программу, с жадностью впитывал всё, что попадалось под руку. Добрался даже до «Альпийской симфонии» Рихарда Штрауса, не входившей в учебную программу.

Мечты всё-таки сбываются! Конечно, не всегда, когда хочется, и не у каждого, особенно если не приложил для этого усилий, – но сбываются. Важно непреклонно в них верить, не отступать и получать удовольствие от каждого прожитого дня, потому что назад дороги нет.

АНДРЕЙ

В конце августа в коридорах общежития возобновилась обычная студенческая жизнь. Тут встречались и обнимались, целовались и выясняли отношения, одалживали до стипендии терцию и квинту[79], мальчики напрашивались на чай к девочкам. В общей кухне жарили картошку и яичницу и признавались в симпатии. Вся эта беспорядочная на первый взгляд кипучая деятельность была настолько привлекательной, что я быстро приспособился ко всему новому и тоже принялся брать в долг терцию и квинту. Моими соседями по комнате оказались первокурсник Андрей Земсков, отслуживший на Северном подводном флоте, и Игорь Щербинин, двадцати-

[79] Здесь терция, третья ступень диатонической гаммы – три рубля; квинта, пятая ступень – пять рублей.

шестилетний второкурсник эстрадного отделения. Оба были выше среднего роста, и на этом их физическое сходство заканчивалось. Обладатель атлетического телосложения Андрей был весёлым парнем с открытым добрым лицом и таким же характером. Астеник Игорь – рыжий, худой, с удлиненным лицом и заячьей губой, плоской грудной клеткой, вечно недовольный и упрямый тип. Зато у них обоих быстро обнаружилась любовь к употреблению алкогольных напитков, точнее говоря, нездоровая тяга к выпивке.

Поселить нас, отслуживших в армии троих мужчин, в одной комнате было верным решением коменданта пятого этажа общежития, занимаемого музыкантами: так Ирина Алексеевна намеревалась оградить от нашего пагубного влияния вчерашних школьников. (Я уже говорил, что общежитие делили медики и музыканты, поэтому было два коменданта.) У Андрея в атомной подводной лодке пробудилась сильная тяга к оперному пению и обнаружились способности оперного певца. Игорь заявил, что на Андрея подействовала радиация от силовой установки, и, опасаясь за собственное сексуальное здоровье, отодвинул свою кровать в дальний угол комнаты. И хотя Андрей уверял нас, что у него кроме голоса всё стоит, Игорь всё равно не вернул кровать на прежнее место. Не поверил. Говорили, при поступлении Андрею якобы покровительствовала сама Галина Юльевна Лангер, педагог с авторитетом, заведующая отделением теории музыки, и в музыкальное училище его приняли без экзаменов. Точнее, экзамены были формальными. Но всё это не важно: талантам – широкую дорогу! Бездарь сам пробьётся, а талантам всегда надо помогать. Андрей, несомненно, был талантлив. Утром он благородным и бархатным баритоном на весь пятый этаж распевал ариозо Мизгиря из оперы Римского-Корсакова «Снегурочка»: «На тёплом синем море, у острова Гурмыза, где волны хлещут пену о камни скал прибрежных…» Вечером

Андрей распивал с однокурсниками водку, с боем добытую в дикой очереди в винно-водочном магазине. В стране полным ходом шла антиалкогольная кампания, но на Андрея она странным образом не распространялась. Если одной бутылки водки оказывалось недостаточно, вторую он покупал у таксистов. С переплатой, конечно, но на что только не пойдешь ради служения искусству. Нередко в нашей комнате собиралась «могучая кучка»[80] – друзья Андрея, любители выпить на халяву: Курбатов, Зарубин, Щербинин, Айдаров – и другие непризнанные гении и служители муз, не входящие в дружный творческий союз. Страстные споры об искусстве и культуре обычно велись в сопровождении водки, дешёвых сигарет, нехитрой закуски, русских междометий. Затрагивался широкий спектр гуманитарных тем. Горячо обсуждались вопросы художественно-эстетического воспитания подрастающего поколения. Без этого водка у них не шла.

Как-то раз спор зашёл о композиторах Венской классической школы. Вопрос был поставлен грамотно: чему отдавали предпочтение в своих оперных произведениях венские классики? Что для них являлось первичным – музыка или текст? Я высказал предположение, что Моцарт придавал большое значение музыке, в отличие от текста, так как Моцарт – мелодист. А в операх Гайдна музыка служила фоном и сопровождением для текста. Со мной не соглашались. Приводились дикие доводы: Ильдар Айдаров утверждал, что Гайдн был евреем и состоял в тайном масонском обществе. Вспомнил даже про упавшую на премьере его новой симфонии люстру, от которой удивительным образом никто не пострадал.

[80] Название «Могучая кучка» носило творческое содружество русских композиторов, образовавшееся в Санкт-Петербурге в конце 50-х – начале 60-х годов XIX века. Этот кружок составили М. А. Балакирев, М. П. Мусоргский, А. П. Бородин, Н. А. Римский-Корсаков, Ц. А. Кюи.

Уверял, что это был грамотно продуманный рекламный трюк, так как об этой симфонии много писали. Споры часто были напряжёнными. Страсти накалялись быстро. Однажды тромбонист Зарубин резко встал и крикнул: «Отойди! Щас риголетто сделаю!». После этого его отпаивали чаем и отмывали пол. Он очень любил оперу Верди «Риголетто» и часто её упоминал. Интересная и многогранная личность, Сергей Зарубин использовал образные выражения, отчего его речь становилась красочной и более выразительной. В конце концов члены «могучей кучки» сошлись на том, что конфликту положила начало опера Глюка «Орфей и Эвридика», породившая в Европе реформу в оперном искусстве. Ещё выяснили, что Верди не следовал традиционной форме, отчего водка Заре не пошла. Утром Андрей снова распевал бархатным, но уже не совсем благородным голосом: «На тёплом синем море, у острова Гурмыза...» Голосовые связки предательски подрагивали, Андрей откровенно фальшивил, и слышал это весь пятый этаж, включая бедных педагогов с тонким слухом.

Андрей родился в ста километрах от столицы, в городе Кимры – живописном уголке бескрайней России. Выпив, он с любовью рассказывал нам о достоинствах и красоте русской природы и о сказочных видах Волги, недалеко от которой находился его бревенчатый, с резными ставнями голубой дом. Рассказывал о тихой берёзовой роще, куда выходили окна его спальни. Мы прозвали его Кимры. Вернее, так прозвал его Игорь Щербинин, с которым Андрей сблизился и часто выпивал. На трезвую голову хмурый и немногословный Кимры был плохим рассказчиком. Художник в нём просыпался только после употребления некоторого количества водки. После второй бутылки в нём просыпался талант. Говорят, после третьей Андрей становился гением. К сожалению, в таком состоянии мне видеть его не приходилось. Об этом говорил Щербинин. На счастье Андрея,

педагоги музучилища узнали о его страстной и тайной любви к алкоголю много позже – когда воспитывать и наказывать его не имело смысла.

Раз во время очередного заседания «могучей кучки» Игорь Щербинин стал подстрекать Кимры:

– А слабо тебе из горла́ без паузы глушануть?

– Легко, – принял вызов Кимры и потянулся к бутылке. – На что спорим?

– Э! Э! Имейте совесть! – вмешался саксофонист Олег Курбатов, почётный член «могучей кучки» и однокурсник Игоря, прозванный им Курба. – Не мешайте трудящимся культурно отдыхать! – запротестовал он.

– Подчиняйся общим законам теории музыки. Не выбивайся из ритма, – прибавил Зара.

Тогда Кимры, приняв театральную позу, коротко откашлялся и громко выразительно затянул:

Сказала мать: «Бывает всё, сынок...
Быть может, ты устанешь от дорог.
Когда придёшь домой в конце пути,
Свои ладони в Волгу опусти».

Издалека долго
Течёт река Волга,
Течёт река Волга –
Конца и края нет.
Среди хлебов спелых,
Среди снегов белых
Течёт моя Волга,
А мне семнадцать лет...

– Кончай, Андрей! – сказал Курба. – Сейчас Ирина Алексеевна кипиш подымет.

Молодая и решительная женщина, комендантша Ирина Алексеевна была грозой нашего пятого этажа.

– Чувствуешь, каких орлов воспитываем! – с покровительственной ухмылкой сказал Игорь Курбе.

– Чистое искусство, – соглашался Курба, разливая водку в гранёные стаканы. – Большой театр!

Андрей действительно обладал красивым голосом. И вообще все, с кем сводила меня судьба в общежитии, оказывались на удивление талантливыми личностями. Как они преображались в училище – это другой вопрос и тема для отдельного разговора. Но в общаге это были умные и рассудительные парни, говорившие о высоком искусстве и безудержно творившие.

ЗАРА

Сергей Зарубин учился на духовом отделении и тоже был тромбонистом. Но, в отличие от меня, он был хорошим тромбонистом. Я ему не завидовал. Я его уважал. Поясню за что и почему. Но сначала краткая портретная характеристика Зары. Симпатичный, интеллектуально развитый, коммуникабельный, умеющий контролировать себя и свой темперамент. Любитель хорошей музыки и веселых компаний. Ростом чуть выше среднего, с короткой стрижкой, всегда чисто выбрит. Цвет глаз карий, хотя сейчас уже не уверен, но разве это важно. Зара играл почти на всех городских концертах, однако ребята в музучилище его больше ценили как непревзойдённого мастера художественного слова; и нарциссизмом Сергей не страдал, как, скажем, Кимры или другие самовлюблённые непризнанные гении. Зара жил с родителями на Музыкальной улице, недалеко от общежития. (Мне очень нравились красивые названия Калининградских улиц, особенно с фамилиями композиторов: Алябьева, Брамса, Вагнера, Генделя, Глинки, Грига, Мусоргского, Римского-Корсакова, Шаляпина, Чайковского; там есть даже Венский переулок.) Всё своё свободное время Зара проводил в общаге на Александра Невского, так что комендант и вахтёры были уверены: Сергей

здесь прописан[81]. Ирина Алексеевна, как-то заприметив его в коридоре, спросила: «Сергей, а ты чего постельное бельё не меняешь? Сегодня последний день!» Зара даже не растерялся: «Готовимся к областному конкурсу. Занесите в пятьсот двадцатую комнату». И она занесла. Так продолжалось бы вплоть до окончания училища, но однажды мать Сергея, разыскивая заблудшего сына, позвонила в общагу на проходную. Тогда-то тайна и открылась. Но даже после этого вахтёры пропускали Зару, почему-то делая для него исключение.

Зара не применял ненормативную лексику, чем грешили многие другие студенты. Он не ругался. Даже когда выходил из себя. Напротив, Зара украшал свою речь образными выражениями, используя музыкальные термины. Его речь звучала как музыка. «Нравственность человека видна по его отношению к слову», – сказал Лев Толстой. Зарубин был нравственной личностью, потому что к слову он относился трепетно. Мне, например, он советовал: «Бросай заниматься. Само придёт. Переходи на рубато[82]. Пошли в столовую». Однажды я был свидетелем его разговора с первокурсницей. Долго её в чем-то убеждая, он в какой-то момент выпалил: «Времена года играют, а ты телишься, как мнимая простушка»[83]. В другой раз я оказался свидетелем стычки Зары с безобидным валторнистом Сашей Галкиным. «Все валторнисты попадают в рай. И ты сейчас туда попадешь!» – пригрозил он Саше. Я не понял слов Зары. Он быстро объяснил: «Когда у валторнистов соло,

---

[81] Студенты, проживавшие в общежитии, имели временную прописку.

[82] Обозначение темпа в музыкальном произведении. Зара использовал созвучие итальянского музыкального термина с русским просторечием рубать – «есть быстро и с аппетитом».

[83] Здесь обыграны названия знаменитых скрипичных концертов Вивальди и оперы-буфф Моцарта.

за них молится весь оркестр». Я тогда был не способен разобраться в оркестровой иерархии, но Зара разложил мне всё по полочкам – от первой скрипки до последнего литавриста. Также он рассказал о бытовавшем иерархическом соотношении между отделениями в музыкальном училище. Первые идут теоретики: они знают всё. «Держись от них подальше! – предупреждал Зара. – Разберут по косточкам». Далее – дирижёры: милые девушки, иногда заносчивые, но приятные в общении и с большой фантазией. Потом пианисты: красивые девушки быстро выходят замуж, некрасивые дают концерты с симфоническим оркестром. Струнники: работяги и мастера своего дела; держат на себе всю симфонию; партии почти без пауз. Вокалисты: люди без фантазии, не едят мороженое. Духовики: раздолбаи, но на серьёзных концертах трезвые. Эстрадники: получают диплом, чтобы в ресторанах лабать и водку на халяву глушить. И наконец народники: «Держись от них подальше! – повторился Зара. – Засосет».

Итальянского композитора Доменико Чимароза Зара не жаловал, поскольку, слегка искажая, использовал его имя в оскорбительном смысле: «Не создавай диссонанс! Чморроззо». Однажды после занятий мы с ним ехали в общагу в час пик. Кто-то в трамвае случайно его толкнул. Зара среагировал тут же: «Аллеманда![84] На сарабанду[85] нарываешься!» Пассажир промолчал, приняв Зару за опасного душевнобольного, – в трамваях так не разговаривают!

От Зары я узнавал неожиданные и интересные вещи. Например название ранней оперы Моцарта, о которой не знали многие старшекурсники. Зара что-то рассказывал мне о студентке со второго курса и неожиданно

[84] Старинный танец немецкого происхождения.

[85] Старинный испанский народный танец.

вставил: «Светка "Полёт шмеля"[86] исполняет виртуозно, с переходом на вибрато. Талант. Предложи – не пожалеешь». Я отказался. Сказал, что не знаком с ней настолько близко. «Дурак! – осудил меня Зара. – Так поступают все женщины»[87]. Зара любил творчество Моцарта, в особенности его оперы. Знал названия всех ранних опер великого австрийца: «Бастьен и Бастьена», «Мнимая садовница», «Идоменей, царь Критский», «Похищение из Сераля» и другие – короче, был настоящим знатоком и ценителем творений Мастера. Находясь рядом с Зарой, учебник по музыкальной литературе можно было не открывать. Зара сообщал сведения, известные не каждому. Если студентка пыталась выделиться дорогими шмотками – следовал укор от Зары. «Фригийская каденция! Диатонический лад распознать не может, а уже "Монтана" на жопу натянула!» – осудил он девушку в обтягивающих немецких джинсах. «Жопа» было самое грубое слово в его лексиконе.

В отличие от Зары, Курба выражался по-шахтёрски прямолинейно, без изящества и загадок. Он жил на улице Клары Цеткин, что тоже многое объясняло. В музыкальной литературе Курба сильно отставал от Зары. Да и к слову он относился утилитарно. Курба говорил: «Толян, не ссы в компот, не делай волны!» Или, например, Игорь Щербинин. Ну о чем можно говорить с человеком, называющим виолончель виолочленом? Я не принадлежал к «могучей кучке» и не принимал активного участия в спорах этой компании. Мне хватало других забот.

Во время одного из подобных вечерних споров

---

[86] «Полёт шмеля» – оркестровая интермедия Римского-Корсакова из оперы «Сказка о царе Салтане».

[87] Такое название – «Так поступают все женщины» – имеет опера-буфф В. А. Моцарта.

случился у меня с «кучкистами» конфликт. Они, как обычно, обсуждали серьёзные творческие вопросы и засиделись в нашей комнате допоздна: Щербинин, Кимры, Курба, Зара и Ильдар пили водку, курили, травили анекдоты.

– Расходитесь, мужики! – не выдержал я. – Завтра с утра занятия.

– Живи настоящим, Толян, – рекомендовал Зара.

– Кто не курит и не пьёт, тот здоровеньким помрёт, – ехидно заметил Курба.

– Садись квасить с нами, – великодушно предложил Щербинин. – Чё ты диссонанс создаёшь?

– По плохой дороге не хожу! – озвучил я принцип, усвоенный с детства.

– Нарушаешь хронологию, – констатировал Зара. – Форма произведения страдает. Выпей любовный напиток. Поможет в поиске звуковой палитры.

Зарубин именовал водку любовным напитком, позаимствовав у Гаэтано Доницетти название его одноименной оперы. Иногда говорил: волшебный напиток. Остальные называли водку проще: бухло, кир, квас и даже огненная вода.

– У меня в восемь специальность, – попытался вразумить я пьяное сборище.

– Не мучай других своими успехами, – продолжил Зара.

– Вы всю ночь квасите! А меня из училища выгонят! – разгорячился я. – Идите в ленинскую комнату пейте.

– Ладно, мужики, – смягчился Зара, – после репризы уходим на коду.

Но реприза, по обыкновению, затянулась. Квинтет долго не выходил на коду, и сквозь неспокойный, прерывистый сон до меня доносились отдельные фразы и слова: «Сотворение мира», «Прощальная симфония»,

пассакалия, квинтсекстаккорд, контрапункт, ХТК[88]. Говорили о симфонической поэме Скрябина «Поэма экстаза», вспоминали «Страсти по Матфею» Баха.

Сейчас я ненадолго отвлекусь от линейного повествования и вкратце расскажу о строительных отрядах. В этом есть необходимость, так как молодому читателю вряд ли об этом известно. Всесоюзные студенческие строительные отряды – ВССО – государственная программа ЦК ВЛКСМ. Вот некоторые выдержки из общего Положения:

«На студенческие отряды возлагаются задачи формирования высоких нравственных качеств, чувства патриотизма; стройотряды рассматриваются как важный институт социально-трудовой адаптации учащейся молодёжи. В студенческом трудовом отряде осуществляется культурно-массовая, спортивная и воспитательная работа. Под руководством комиссара в отряде создается творческая группа, осуществляющая культурно-массовую деятельность отряда. По окончании работы командир студенческого трудового отряда отчитывается об итогах проведённой культурно-массовой, спортивной и воспитательной деятельности перед Штабом студенческих отрядов и учебным заведением, на базе которого сформирован отряд».

Особого внимания заслуживает пункт 8.4 Положения, который гласит:

«Членам студенческого отряда запрещено распитие спиртных и слабоалкогольных напитков на протяжении всего периода нахождения в отряде (в рабочее и нерабочее время)».

---

[88] «Сотворение мира» – оратория Йозефа Гайдна, «Прощальная симфония» – его же Симфония №45 фа-диез мажор. ХТК – «Хорошо темперированный клавир», цикл произведений И. С. Баха, состоящий из прелюдий и фуг.

Студентов музучилища тоже отправили воспитывать в себе нравственные качества: первокурсникам в течение двух летних месяцев предстояло собирать виноград – помогать в развитии агропромышленного комплекса Молдавской республики. Бригадиром студенческого отряда назначили Зарубина. Много ли было собрано винограда, мне не известно, но Сергей уверял, что справились... трудились ударно, и не поверить ему было сложно, так как первого сентября он явился трезвым и поздравлял всех с Днём знаний. Кто-то даже хотел подарить ему цветы, но Зарубин от букета отказался.

В актовом зале института «Калининградгражданпроект»[89] в честь юных ударников социалистического труда был устроен студенческий капустник. Здание проектного института находилось на Московском проспекте, в пяти минутах ходьбы от музучилища. Актовый зал института вмещал намного больше людей, чем наш, поэтому многие торжественные мероприятия проводились здесь. Но отдельно мне хочется отметить служебную столовую «Калининградгражданпроекта», куда мы часто ходили обедать. За один рубль двадцать копеек получали тарелку супа, кусок рыбы или котлету с гарниром, салат, стакан сметаны, компот и хлеб без ограничения. Что ещё нужно вечно голодному студенту? «Кушай хорошо. Голодным не оставайся!» – говорила мама, и это второе правило, которому я старался следовать. Но вернёмся к показу трудовых будней студенческой самодеятельностью. На сцене разыгрывались весёлые сценки о сборе винограда, из жизни отряда. В капустнике участвовали учащиеся дирижёрско-хорового, струнного, духового, фортепианного, эстрадного, народного отделений и отделения теории музыки.

[89] Говорили в шутку, будто это слово занесено в Книгу рекордов Гиннесса как самое длинное.

Теоретики – особая каста музыкального училища. Самовлюблённые, важные девушки, с чувством собственного превосходства. Общий язык остальные с ними находили, но это было непросто. Свидание с теоретиком заканчивалось голой теорией, без желаемой практики. Меня об этом не предупредили, и я пригласил на свидание Люду – стройную, симпатичную второкурсницу отделения теории музыки. Она знала много, лекция длилась весь вечер. Люда рассказывала мне о построении доминантсептаккорда и его разрешениях. Сознаюсь, рассказывала увлекательно. Учебный год только начался, а я не имел элементарного понятия о разрешениях доминантсептаккорда. Позже я воспользовался полученными знаниями. Итак, излагаю кратко. Доминантсептаккорд имеет три обращения: первое – квинтсекстаккорд, второе – терцквартаккорд, третье – секундаккорд. Доминантсептаккорд разрешается в неполное тоническое трезвучие с пропущенной квинтой и утроенным основным звуком. Квинтсекстаккорд разрешается в полное тоническое трезвучие с удвоенной примой. Терцквартаккорд разрешается в полное тоническое трезвучие с удвоенным основным звуком в октаву. Секундаккорд разрешается в тонический секстаккорд с удвоенной примой. Вот что я узнал от Люды на первом свидании. Мы ещё обсуждали многоголосные политональные прелюдии Баха и применение контрапункта. Точнее, говорила Люда, я внимательно слушал, не отвлекая вопросами. Это вам не лейтенант Ивашковец с его политзанятиями. Здесь головой на всю катушку приходилось работать. Под конец свидания теоретик сообщила, что около трети известных советских композиторов использовали чужие темы в своих произведениях. Эта новость меня совершенно обескуражила: неужели и уважаемый мною Слонимский? Дашкевич в своей знаменитой композиции к серии телефильмов о Шерлоке Холмсе использовал музыку английского композитора Бриттена.

Я Люде не поверил. Тогда она назвала какие-то струнные квартеты Бриттена. Честно говоря, мне было не до этого. Я был озабочен другим. Тем не менее время провёл с пользой. Когда вернулись в общагу, Люда пригласила зайти на чай, и я охотно согласился. «Сейчас всё начнётся», – размечтался я. В комнате Люда продолжала рассказывать мне о правилах модальной композиции и каком-то неведомом Шёнберге и его анализе тональной гармонии. Я уснул на её кровати. Где в ту ночь ночевала сама Люда, мне не известно. Утром в комнате её не обнаружил. Думаю, была на занятиях – слушала лекции о модальной композиции.

Если в нашей компании оказывался нытик и зануда, ему давали рекомендацию: «К теоретикам! Им расскажешь!» Он не уходил, но на некоторое время подстраивался под нужную тональность.

Совершенно другими оказались пианистки и скрипачки – модные, доступные, готовые неожиданно удивить и порадовать. С современными взглядами и без мнимого пафоса. И говорили они преимущественно о нижнем белье. Помню, как одна второкурсница хвасталась подружке: «Вчера купила лифчик и трусики фирмы “Лаума”. Посмотри, какие тонкие лямки». И она непринуждённо расстегнула блузку. Я тогда подумал: «Не у Юры ли взяла этот красивый лифчик?» Нижнее белье латвийской фирмы «Lauma» пользовалась огромным спросом, купить его было непросто. Но был в нашей общаге известный спекулянт Юра, у которого всегда имелся фирменный товар. В общем, лифчик действительно был красивый, мне очень понравился, а вот трусики второкурсница так и не показала. Но я, кажется, снова отвлёкся. В очередной раз возвращаюсь в актовый зал института «Калининградгражданпроект».

Шутки и миниатюры о жизни стройотряда следовали на сцене одна за другой. Особенно отличились девчонки с народного отделения, их репризы и весёлые

частушки взорвали зал. Хохот стоял невероятный. Это объяснимо: юмор народников был ближе и понятнее, чем юмор теоретиков или духовиков. Я сидел в последнем ряду и наслаждался капустником. Раньше и слова такого не слышал, а теперь: капустник, солянка, шоу, КВН. Наконец-то я выписался из бесплатного санатория и окунулся в атмосферу европейской культуры. Здесь всё по-другому. Больше не будет Восьмого километра, Бакинского нефтеперерабатывающего завода, нефтяных вышек, Чёрного города, площади Азнефть, Нефтяных Камней, газет «Вышка» и «Бакинский рабочий». А будут: «Калининградская правда», конкурс пианистов «Янтарное глиссандо», улица Александра Невского, Кафедральный собор, Бранденбургские ворота, Музей янтаря, Бункер Ляша и могила Канта, которому я всю жизнь буду обязан за поступление. Чёрное нефтяное прошлое надо смыть, стереть из памяти. Меня окружают красивые молодые люди – будущая интеллигенция города. Душа полнилась ликованием и торжеством, как финал Девятой симфонии Бетховена.

В какой-то момент моё внимание привлекла симпатичная русоволосая девочка с аккордеоном в центре сцены. Мне захотелось с ней познакомиться. Девочка с народного отделения точно не будет рассказывать о разрешениях доминантсептаккорда. Имени её я не знал, поэтому запомнил лицо – надеялся встретить в училище или коридоре общежития. Но наши пути всё не пересекались, надежда постепенно угасала. Я даже не знал, живёт ли аккордеонистка с народного отделения в общаге или с родителями в собственной квартире. Однажды заметил похожую на неё девочку, скользнувшую в комнату № 533, но знающие ребята сказали: там живут пять неприступных девчонок с народного, и ловить там нечего. Учебный процесс поглотил меня с головой, и симпатичная аккордеонистка отошла на второй план, а потом растворилась. Правда, лишь до поры.

АНДРЕЕВА

Как и было предсказано на собеседовании, учёба давалась тяжело. Знающие люди объяснили: первый курс особенно напряжённый. Морально я был готов к стрессу и не сдавался. Я не пропустил ни одного урока, занимался до позднего вечера, усердно осваивал специальность, подолгу пропадал в лингафонном кабинете, слушая симфонии, оперы, концерты, мотеты, кантаты и оратории. Открыл для себя ранее незнакомых композиторов, таких как Монтеверди, Пёрселл, Глюк, Перголези, Жан-Филипп Рамо, Паизиелло. На начальной стадии стал определять тональность симфонических произведений. Усвоил форму сонатного аллегро и её ключевые части. Научился отличать главную партию от побочной. В моей речи в ту пору преобладали слова «барокко», «речитатив», «ренессанс», «доминантсептаккорд», «реприза», «октава», «фермата», «седьмая ступень», «вибрато»... Благодаря лейтенанту Ивашковцу я знал слово «глиссандо», но им в основном пользовались студенты старших курсов, в сочетании с одним и тем же эпитетом: *глубокое глиссандо.*

Музыкальная литература изучалась со второго курса, но я не мог сдержать своего бурно пробуждающегося интереса к познанию замечательного предмета. Преподаватель музыкальной литературы Елена Георгиевна Андреева, статная белокурая женщина, входя в лингафонный кабинет, где я проводил всё свободное время, удивлённо приподнимала брови:

– Погружаетесь в волшебный мир музыкальной литературы? Толя, вы очень интересный человек. Я буду ставить вас в пример своим дирижёрам-балбесам. Их сюда палкой не загонишь, а вы добровольно заточили себя в четырёх стенах и грызёте гранит науки.

– Музыка – не гранит, а голос души, – выдал я пошлую банальность.

– Ошибаетесь, Толя, – с улыбкой не согласилась Елена Георгиевна. – В нашем училище музыка – это булыжник, которым иногда очень хочется дать кое-кому по башке. – Андреева рассекла воздух кулаком. – В следующем году с нетерпением жду вас на моих уроках... Вам что-нибудь известно о «Могучей кучке?» – вдруг спросила она.

Конечно, известно. Даже больше, чем требуется: «кучкисты» регулярно кучкуются в нашей комнате. Я знаю, какую водку они пьют и где достают. Под какую закуску ведут жаркие споры о стилях и направлениях в музыке. Где и с кем просыпаются, какие сигареты курят и о чём мечтают. И даже знаю об их планах на ближайшее время. Например, в эту пятницу «кучкисты» снова собираются квасить. Уже даже скинулись. Деньги у Андрея – он умеет быстро доставать.

Но я скромно ответил:

– Ну, немного слышал.

– Это же третий курс! – удивилась Елена Георгиевна.

Да хоть четвёртый! Они мне спать ночами не дают. Вся комната табачным дымом провоняла.

– Кто входил в «Могучую кучку?» – продолжила Андреева, видимо, затронула излюбленную тему.

Стукните меня ночью по голове, и я безошибочно назову всех: Земсков, Щербинин, Зарубин, Курбатов, Айдаров.

– Мусоргский, Римский-Корсаков, Бородин, кажется, Балакирев, – перечислил я.

– Цезаря Антоновича Кюи не забудьте, – дружелюбно подсказала Елена Георгиевна.

– Да, Кюи, конечно! – воскликнул я, хотя слышал фамилию впервые.

– Мы с вами подружимся! – радостно произнесла Елена Георгиевна. – Редко встретишь интересного

человека с эстрадного отделения. Ваше сердце принадлежит музыке. Я это вижу, – заключила она. – Вы завещаете свое сердце музучилищу так же, как Шопен завещал свое сердце родной Польше?

– Вряд ли, – смутился я. – А что сделали с сердцем Шопена?

– Сердце Шопена было замуровано в колонну костёла Святого Креста. Тело в Париже, сердце в Варшаве.

Она сообщала очень интересные сведения, которые я вряд ли мог найти в учебниках. Естественно, мы с Еленой Георгиевной подружились: добрая, весёлая, отзывчивая, готовая оказать помощь – как можно было не подружиться с таким человеком. Много позже Андреева мне признается: «Музыка – это всё, что у меня есть. Музыка – это моя свобода. Моя жизнь». И это не было пафосом. Музыка осветляла её изнутри. Елена Георгиевна – открытый и светлый человек. Находясь рядом, я сам загорался. Но, к сожалению, быстро сгорел. Полетал над очагом культуры, как мотылёк над огнём, и сгорел в языках ослепительного пламени. Ну а пока я медленно погружался в загадочный, прекрасный, радостный, светлый, волшебный и божественный мир.

«КОМИТЕТ ОХРАНЫ ТЕПЛА»

Людмила Фёдоровна Стучилина была требовательным педагогом: на уроках не говорила лишнего и не терпела приблизительности. Сольфеджио – как математика, только музыкальная. А ещё точнее, это математика музыки. Однажды после очередного урока Людмила Фёдоровна задержала меня и предложила принять участие в аттестации одной самодеятельной рок-группы. Я ранее уже слышал об аттестационных комиссиях – в стране шла перестройка. Согласно копии документа, висевшей в музучилище на доске объявлений, они образовывались

по инструкции Министерства культуры для оценки художественной самодеятельности, оказания профессиональной помощи и рекомендаций молодёжным коллективам, совершенствования их идейно-художественного уровня. Короче говоря, рок-группам требовалось получить добро аттестационной комиссии, чтобы официально давать концерты и гастролировать. Я понимал, что вся аттестационная возня вокруг рок-групп, – чистая формальность, и не горел желанием участвовать в этом театре. Шансы на аттестацию подпольные рок-группы имели невысокие. Задействован государственный аппарат, потому всё это сомнительно. Что скажут потомки и современники? Что скажет Зара?! «Кончай, Толян, репрессиями заниматься! Не будь гольдони»[90]. Ребятам и без меня в подполье несладко. «Ритмы Каспия», можно сказать, тоже когда-то находилась на нелегальном положении. Я помню, как непросто было организовать концерт и сыграть на танцах. Стоит ли теперь пятнать своё честное имя в истории рок-музыки? А вдруг этих ребят в Зал славы рок-н-ролла включат? Зачем мне несмываемый позор на всю жизнь. Нет, не буду в этом участвовать.

Но Людмила Фёдоровна интеллигентно настаивала:

– Толя, вы должны поехать со мной!

– Почему я? Предложите Сергею Суханову. Он тоже в армии отслужил.

– Суханов тут ни при чём. Помните диктант? Я вам натянула...

Я хотел прояснить что, но сам догадался: проходная оценка на экзамене по сольфеджио. Долг платежом красен.

– Хорошо. Я согласен. Когда надо?

---

[90] В этом случае в уничижительном смысле была использована фамилия Карло Гольдони, венецианского драматурга и либреттиста XVIII века.

– Сейчас. Едем в Дом культуры железнодорожников на аттестацию группы «Комитет охраны мира», – объявила Людмила Фёдоровна.

– Вы уверены, что это рок-группа? – усомнился я.

– Кажется, так называется группа.

«Ничего себе название для рок-группы! – поразился я. – Что же они играют? "На страже мира"?»

В ДК железнодорожников нас с нетерпением ожидали. К Людмиле Фёдоровне приблизился худощавого вида парень в кожаной куртке и тёмных очках.

– Олди. Руководитель панк-группы «Комитет охраны тепла», – сдержанно представился он.

– Пожалуйста, снимите очки, здесь нет солнца, – настоятельно попросила Людмила Фёдоровна.

Олди деликатно промолчал. Я поздоровался с излишней любезностью, всем своим видом давая понять, что разделяю принцип «живи быстро, умри молодым»[91].

Людмила Фёдоровна сдержанно кивнула и спросила:

– Как ваша настоящая фамилия?

– Белоусов, – неохотно ответил Олди. И добавил: – Сергей.

– Готовы? Начинайте, – распорядилась Людмила Фёдоровна.

Мы прошли в тёмный зал и уселись в центре.

– Какая первая песня? – спросила Стучилина с места.

– «Комсомольцы», – ответил Олди со сцены.

Людмила Фёдоровна насторожилась, и, оказалось, не зря. Типичное для панк-музыки примитивное шумное гитарное вступление, сопровождаемое басгитарой и ударными, стало настоящим испытанием для

[91] Live fast, die young – неофициальный лозунг части представителей рок-н-ролла и панк-субкультуры, согласно идеологии которых, следует прожить яркую, насыщенную событиями, но короткую жизнь. Олди это удалось: он умер молодым.

музыкального слуха Стучилиной, с отличием окончившей Казанскую государственную консерваторию, отделение теории и композиции.

«Эй, комсомольцы! – выкрикивал со сцены Олди. – Довольно слов! Довольно лести! Кто это выдумал – бег на месте?»

Стучилина выслушала песню, сохраняя внешнее спокойствие. Вторая песня, «Гематоген», мне понравилась больше – за Людмилу Фёдоровну не ручаюсь, – поэтому привожу текст полностью. Почти уверен, вам тоже понравится.

Мне Гопман сказал: «Чтобы жить, нужно врать».
Это – замкнутый круг: проще сесть, чем встать.
Но лучше честно стоять, чем проституткой сидеть,
Я обхожу капканы, я разгрызаю сеть!

А вчера в гематогене я обнаружил чью-то кровь,
Я, наверное, вампир, во мне проснулась любовь...

Я ненавижу бумагу, я презираю печать:
Это происки агентов, их нужно убрать.
Я рисую цветы, я пытаюсь врать,
Я говорю «любовь», а слышится «блядь».

А вчера в гематогене я обнаружил чью-то кровь,
Я, наверное, вампир, во мне проснулась любовь...

Эй, кто там, наверху? Эх, чтоб вашу душу...
Кто придумал устав и сам клятву нарушил?
Кто ломает гитары и суёт автоматы?
Это, мать их, Moscow, это, мать их, Штаты.

А вчера в гематогене я обнаружил чью-то кровь,
Я, наверное, вампир, во мне проснулась любовь...

Мне угрожает жена: мол, ты – антисоветчик.
Я не могу жить без неё – я люблю Маргарет Тэтчер!

Ей не нужно на работу, ей не нужно стирать,
Мы будем с ней болтаться, мы будем с ней гулять.

А вчера в гематогенє я обнаружил чью-то кровь,
Я, наверное, вампир, во мне проснулась любовь...

Аттестация продлилась чуть более часа. Олди ознакомил нас с полным репертуаром группы. Мужественно выдержав панк-выступление, Людмила Фёдоровна встала и спросила:

– У вас всё?

– Это новые песни... Можем ещё из старого...

– Достаточно, спасибо, – сказала Людмила Фёдоровна и начала оказывать помощь молодому коллективу, согласно инструкции Министерства культуры: – Приоритетными направлениями деятельности коллектива художественной самодеятельности является удовлетворение культурных и духовных потребностей общества. У меня к вам вопрос. Объясните, пожалуйста, Сергей, то есть Олди, что означает ваша странная фраза «лучше честно стоять, чем проституткой сидеть»? Значит, если я в трамвае сидя еду на работу, то я – проститутка?

Олди ненадолго задумался.

– Нет. Бляди и проститутки в другом месте сидят. По-моему, здесь всё понятно.

Людмила Фёдоровна не стала уточнять в каком, она обернулась ко мне:

– Ну, что вы, Толя, об этом думаете? Вам нравится?

Мне не очень понравилась фраза про блядей и проституток, но я решил встать на защиту демократизации и свободы общества. Хватит запретов и гонений на молодежные группы!

– Это панк-музыка... субкультура... – оправдывал я «Комитет охраны тепла», – новая волна... типа «Секс пистолз»... Вы, наверное, слышали...

Людмила Фёдоровна не дала мне закончить, поступив верно. Иначе я заговорил бы непонятно о чём. Со мной такое уже случалось. Как раз незадолго до аттестации я прочёл книгу об ущемлении прав негров в Америке и находился под впечатлением. Так что мог наговорить чёрт знает что.

– Репертуар, прямо скажем, не способствует эстетическому воспитанию зрителя, – сделала резонный вывод Стучилина. – Но я думаю, мы вас аттестуем. Что скажете, Толя? – снова обратилась ко мне Людмила Фёдоровна.

– Надо идти в ногу... время собирать камни... – некстати вспомнил я фразу из Библии (мне её дала почитать в общаге Галина Афанасьевна Макеева, о которой расскажу дальше). Не прерви меня снова Людмила Фёдоровна, я бы вспомнил и «Не судите, да не судимы будете».

Однозначно утверждать не берусь, но «Комитет охраны тепла» прошёл аттестацию благодаря и моему скромному участию, чем я очень горжусь. Особенно удачным, по моим наблюдениям, у коллектива оказалось название. Работники ЖЭКа, увидев афиши, приходили в замешательство. Им казалось, будто сотрудники неведомого комитета ходят по домам с датчиками и замеряют уровень тепла в квартирах. Все ли градусы доходят. Так что я продолжаю надеяться, что в Зал славы рок-н-ролла «Комитет охраны тепла» когда-нибудь включат.

ВССО

В конце мая, по окончании первого учебного года, преподаватель музыкальной эстетики Лиля Ивановна Бирюкова (именно так называли её студенты: Лиля) собрала первокурсников в актовом зале и тоном, не терпящим возражений, торжественно возвестила:

– Поступило распоряжение… Едем в стройотряд. По-го-лов-но! Без исключений. Кто не поедет без уважительной причины, будет безжалостно отчислен! Уважительная причина – некролог в газете.

Никто не усмехнулся, кроме меня. Игорь Щербинин утверждал, что муж Бирюковой – полковник КГБ, а сама Лиля Ивановна – член партии. Я не знаю, было ли это правдой, но её строгий тон, чёрные костюмы, полувоенные манеры наводили на определённые мысли. Конфликтов с ней избегали.

Поехать в стройотряд меня долго уговаривать не пришлось. Я давно рвался отправиться совершать трудовые подвиги во благо страны. Кроме того, согласно программе ВССО, «на студенческие отряды возлагались задачи формирования высоких нравственных качеств, чувства патриотизма».

Итак, в начале июня 1987 года наш отряд «Ритм-87» отправился в Кабардино-Балкарию на пищевой комбинат, – формировать высокие нравственные качества и чувство патриотизма.

День сгорает в пламени заката,
Нам к лицу студенческий наряд.
Это очень здорово, ребята,
Что придумал кто-то стройотряд.

В даль летят дорог таёжных ленты,
И спешат на Север поезда.
Уезжают с песнями студенты,
Уезжают строить города[92].

Бесспорной удачей оказалось то, что нас не отправили на строительство какого-нибудь города или на бескрайние поля страны собирать картошку. Для музыкантов,

[92] Популярная песня Всесоюзных строительных отрядов. Автор слов неизвестен.

людей тонкой организации, такие задачи оказались бы непосильными. Наверное, поэтому нас объединили со студентами КГТУ[93] и отправили на пищевой комбинат. От такого химического соединения образовалась весёлая команда из будущих специалистов рыбного хозяйства и служителей муз. Мы жили на территории комбината в двух одноэтажных корпусах: в одном – мальчики, в другом – девочки. Вечером ребята спешили попасть к девочкам в комнаты. Некоторые девчата приходили к мальчикам. На комбинате воцарилась атмосфера умеренной свободы, дружбы и любви – то, что пропагандировали хиппи, живущие одной духовной общиной, которая является для них идеальной формой общежития. Только в нашей общине не было наркотиков и свободной любви. Здесь у многих пробуждалась первая любовь, развивались чистые отношения. Мы с девчонками дружили, обнимались, целовались...

Трудились мы на комбинате в две смены. Я работал в первую – с семи до трёх. Разливали в стеклянные трёхлитровые банки фруктовые соки: яблочный и сливовый. Сначала банки замачивались и тщательно отмывались, потом из мойки пускались по конвейерной ленте в цех, там их наполняли соком и закатывали крышкой. Сок в банках пастеризовался, и готовая продукция отправлялась на склад. Хочу отметить, что соки производились натуральные, без химических добавок и красителей. Пили мы без ограничений. (Надеюсь, всем понятно, речь не о водке.) Нам разрешали выносить соки из цеха, банки требовали сдавать обратно. Для нас, энергичных юношей и девушек, работа на комбинате была чем-то вроде активного отдыха и развлечения. Хотя и уставали очень: стояли у конвейера полную рабочую смену – восемь часов. Случалось, банки лопались прямо на конвейере, стеклянные осколки разлетались во все стороны. Защитных

[93] Калининградский Государственный технический университет.

очков, понятное дело, не выдавали. Но обходилось без несчастных случаев. Большинству ребят в отряде было по шестнадцать лет. Старшими в отряде были я и Света Горшкова, которая училась на отделении народных инструментов по классу гитары. (Меня удивляло, почему этот классический инструмент преподаётся на народном отделении.)

Лара Павловна Попова, методист-организатор, включила меня в состав агитбригады: четыре девочки, три парня. В агитбригаду входили сын Лары Павловны, Миша, и дочка Лили Ивановны, Марина. Как оказался среди этих достойных людей, я, честное слово, не знаю. Сам туда не стремился, но им за это благодарен. Мы с Мариной аккомпанировали на гитаре и пели вместе с остальными. Нас посылали выступать по всему району. Оказалось, работать в агитбригаде приятнее, чем на комбинате. Ездили с шефскими концертами в детсады, на предприятия и студенческие слёты. Наши выступления отличались от выступлений других отрядов – запоминались стройными голосами и достойным аккомпанементом, что было понятно и объяснимо: всётаки будущие музыканты, а не рыбохозяйственники или товароведы. Глава района даже сказал о нас что-то хорошее на площади райцентра.

Был у меня один яркий номер – «Испанская рапсодия», инструментальная композиция собственного сочинения. Ларе Павловне очень нравилась эта композиция. В тот день мы выступали во Дворце пионеров. Только перед самым выходом на сцену я обратил внимание на отсутствие трёх струн на гитаре. Одна струна оборвалась днём ранее, и я забыл её заменить. А что случилось ещё с двумя? Кто их оборвал? Чьи это были тёмные делишки? Кто против меня интриговал? Как раз накануне Попова настоятельно рекомендовала мне проверить и настроить инструмент, но я проигнорировал совет – был слишком уверен в себе. Знаете, я где-то читал, что

Паганини многие свои произведения на концерте вообще без репетиции исполнял. «Ну что, доигрался, Паганини? Как будешь играть "Испанскую рапсодию" на трёх струнах?» – мысленно спросил я себя. По-тихому уйти не получится: это значит сорвать концерт. Моя «Испанская рапсодия» была ударным номером программы, к тому же меня объявила сама Лара Павловна, и моё отсутствие не останется незамеченным. Более того, мой трусливый поступок расценят как предательство. И тогда Лара Павловна и Лиля Ивановна устроят мне репрессии: прощай, концертная деятельность, и даже прощай, музыкальное училище. А мне есть что предъявить миру. Кроме всего, мне приписывали интимную связь с несовершеннолетней пианисткой Леной Горчаковой – говорили, якобы я её совратил ночью на футбольном поле. Кто-то нас видел на поле без мяча. Этого мне уж точно не простят. Да, не отрицаю: был я с Леной ночью на поле, и в футбол мы с ней там не играли. Целовались совсем чуть-чуть. Но я её не совращал, всё как раз наоборот: она меня совратила. Хотя не думаю, что в милиции поверили бы двадцатидвухлетнему парню, отслужившему в армии.

Я уже молчу про другой инцидент, с комиссаром отряда, когда я отказался подчиниться распорядку дня лагеря. «Анатолий! И в очаге культуры можно сгореть!» – с отчётливой угрозой произнесла тогда Лиля Ивановна. Смысл этой загадочной фразы до меня дошёл не сразу, но интонация не оставляла сомнений: впереди ждут неприятности – и они у меня были.

«Испанскую рапсодию» пришлось исполнить на оставшихся трёх струнах. Всё прошло гладко: благодаря моему профессионализму и высокому мастерству отсутствие трёх струн осталось незамеченным. А жаль. Иначе сейчас обо мне говорили как о Паганини.

Через две недели после интенсивной работы отряда Лиля Ивановна и Лара Павловна организовали экскурсию в Чегемское и Баксанское ущелья. Живописные

горные водопады, канатная дорога, заснеженный горный перевал, откуда был хорошо виден Эльбрус – завораживающая красота! Ребят охватило чувство неподдельного, детского восторга. Оказавшись впервые в горах, все в момент превратились в стайку непослушных детей. На перевале мы сделали общую фотографию на память. Сегодня, пересматривая старые фотографии, я открыл тайный смысл слов Раманаускаса о том, что «вся наша жизнь состоит из плохих любительских фотографий». Как же верно замечено: хороших фотографий совсем мало.

В августе выдали зарплату. Это было неожиданно и даже несколько странно. Я думал, всё будет как при военном коммунизме: натуральная оплата коллективного труда, возведённого, вместе с всеобщим равенством и братством, в ранг общественной идеи. Но оказалось, я ошибался. Деньги – мера обмена товаров и услуг – не утратили своей ценности и необходимости в обществе. Коммунизм ещё не построили. Да и не всех стран пролетарии соединились.

Пришло время возвращения в родные стены альма-матер.

Первого сентября в коридорах общежития снова раздавалось хорошо знакомое «На тёплом синем море, у острова Гурмыза...» Этим ариозо ознаменовалось начало второго учебного года – очередного витка борьбы за место под солнцем. Кстати, Андрею каким-то образом удалось избежать призыва в стройотряд и поездки в Кабардино-Балкарию, и мне не известно, чем он занимался летом. И может даже хорошо, что он не поехал: кроме воды и натуральных фруктовых соков, пить там было нечего.

Лиля Ивановна сдержала слово и после возвращения стройотряда в Калининград собрала всех учащихся в Большом зале училища. О комсомольском собрании

я узнал случайно. Точнее, я о нём знал, но не имел понятия, на какой день и час его назначили. Информация прошла мимо. Меня заметил в коридоре однокурсник и, придержав за рукав, сказал: «А ты разве не идёшь? Все уже собрались». И я пошёл, как будто меня только и ждали. В переполненном зале было оживлённо. Ребята что-то между собой обсуждали. Кто-то сохранил для меня место, и это насторожило: такой предупредительности раньше не наблюдалось.

– Тишина! – раздался командирский голос Лили Ивановны, как только я вошёл и присел.

Неприятное ощущение усугубилось. Я взглянул на сцену. Лара Павловна сидела за столом слева от Бирюковой, держа в руках какие-то листы с записями. Позади них белел концертный рояль «Steinway & Sons» – гордость музыкального училища (за инструмент была уплачена баснословная сумма государственной валюты). В зале воцарилось молчание.

– Общее комсомольское собрание музыкального училища объявляется открытым, – продолжила Лиля Ивановна. – На повестке дня два вопроса. Первый – обсуждение итогов работы строительного отряда в Кабардино-Балкарии. И второй, – Бирюкова устремила свой острый взгляд в мою сторону, – моральный облик студента эстрадного отделения Семёнова Анатолия.

– Точнее, аморальный, – категорично вставила Лара Павловна.

– Вот именно, – согласилась Бирюкова.

«Ну всё, Толян, держись!» – послышался сзади чей-то ободряющий голос. Зал снова оживился. Почему-то все очень быстро принялись обсуждать мой моральный-аморальный облик, хотя в повестке этот вопрос объявили вторым.

– В целом по производству пищевой продукции замечаний нет, справились неплохо. Осложнение состоит

в другом: что делали ночью на футбольном поле Семёнов и первокурсница фортепианного отделения Лена Горчакова? – Задав риторический вопрос, Лиля Ивановна оглядела присутствующих. – А кстати, где она?

– На уроке. У неё специальность, – последовал громкий ответ из зала.

«Молодец, Ленка! – одобрил я. – Затащила меня на поле и на собрание не пришла». Между тем гул в зале нарастал. Видимо, нечасто здесь обсуждались вопросы морального облика учащихся. Кто-то толкнул меня в плечо, я оглянулся и увидел валторниста Сашу Галкина. Он подмигнул и заговорщицки спросил: «Что ты там делал?» – «Пора отсюда валить», – подумал я.

– Тишина! – снова потребовала Лиля Ивановна.

– Пусть Семёнов всем расскажет, что они с Горчаковой делали ночью на футбольном поле, – предложила Лара Павловна.

Я сидел неподвижно, вставать с места даже не думал. Пускай выгоняют, если им надо. Или что там они ещё могут? Выговор объявить с занесением в личное дело? Это если повезет.

– В футбол играли, – выкрикнул из зала какой-то остряк.

– Кто выиграл? – спросили позади меня.

– Любовь! – выкрикнула сидящая впереди девушка, подружка Лены, я её узнал.

В зале раздался дружный хохот. Быстро возобновились разговоры, завязался спор, послышались какие-то предложения. Под общий шум я вышел из зала. Сделать это не составило труда – сидел рядом с входом. Да и что мне там было делать без Лены Горчаковой – главного свидетеля и непосредственного участника ночных событий на футбольном поле?..

Через несколько дней я встретил Сашу в училище. Судя по его блуждающему взгляду, Галкин, как обычно,

был голоден. Он сказал, что собрание благополучно прошло без нас с Леной. Заверил, что из училища меня не исключили, выговор не объявили и что вообще ничего другого, кроме моего аморального поступка, который только пробудил нездоровый интерес к Лене, на собрании не обсуждалось. Ребятам захотелось познакомиться с Горчаковой поближе, но она никому не даёт.

– Что не даёт? – спросил я.

– Номер телефона, – сказал Саша.

Я сказал, что она живёт в Балтийске, и туда непросто дозвониться – это закрытый город. Там подводные лодки базируются: военная база. Об этом знали все, так что никакого секрета тут не было.

Я пригласил Сашу в буфет выпить чаю. В кармане у меня был рубль с мелочью. Мы спустились вниз на первый этаж. У меня начинался урок, но любопытство не отпускало – а Сашу потом неизвестно где искать. Как раз в это время привезли свежие пирожки и пончики с повидлом. Грузчик заносил деревянные лотки. Буфетчица принимала товар, что-то аккуратно записывая в тетрадь. Я заметил, что тетрадь у неё нотная. Цифры она записывала между линейками. Мы немного подождали. Саша в нетерпении выстукивал пальцами по прилавку какую-то мелодию. «По голове себе постучи», – посоветовала буфетчица. Потом я взял два стакана чая и четыре пирожка с картошкой. Съели по пирожку. Второй свой пирожок Саша аккуратно завернул в салфетку – на ужин. Потом отпил немного сладкого горячего чая и признался, что после собрания у него появилась заветная мечта. Я уже начинал догадываться, но всё равно спросил какая.

– Хочу трахнуть Лену на белом рояле. Прикинь? На «Стейнвее»… ценой в миллион долларов. – Мечтая, юный валторнист завысил стоимость рояля. – Как она на футбольном поле? Хорошо играет?

– Она сонаты Моцарта и инвенции Баха хорошо играет, – сказал я. Мне доводилось слышать, как Лена исполняет эти произведения на фортепиано.

Разве я был обязан отвечать сопляку на интимные вопросы? Мы с ним не дружили. Шестнадцати лет от роду, в армии не служил, жизни не знал – Саша был зелёным щеглом и девственником, в отличие от меня, спасибо нашему с Леной ночному рандеву на футбольном поле. Да дело даже не в этом. Я вообще ни с кем не обсуждал интимные вопросы.

Время от времени в Саше просыпалась необходимость делиться своими детскими мыслями и фантазиями. Хотя почему детскими. Чем рояль плох для любви? Тем более если влюблённые – музыканты. И я бы на белом рояле не отказался… Мне однажды посчастливилось посидеть за этим инструментом, помузицировать. Звук настолько волшебный, что поневоле хотелось стать пианистом.

– Как думаешь, она мне даст? – с надеждой заглядывая мне в глаза, спросил Саша, как будто я мог ему в этом помочь.

– Лена не такая доступная, как тебе кажется. Но проблема не в этом – с Леной ещё можно договориться.

– А в чём?

– В белом рояле.

– Почему? – удивился Саша.

– После комсомольского собрания к «Стейнвею» большая очередь.

– Может, тогда на пианино? – не унимался он. Видимо, фантазия не на шутку разыгралась.

Почти во всех классах стояло пианино «Красный Октябрь» – дурно звучащий инструмент, как его ни настраивай.

– Ленка на «Красный Октябрь» не ляжет. У неё очень хороший слух, – возразил я, и Саша со мной согласился.

Весь следующий месяц мысль о белом рояле заводила и будоражила меня. Саша Галкин подсказал оригинальную идею. Надо поговорить с Леной – может, исполнит для меня «Поэму экстаза» Скрябина на белом рояле. Мечты нередко сбываются, хотя второй раз терять свой моральный облик было слишком рискованно.

Холодным дождливым вечером я возвращался после занятий в общагу усталый и промокший. На лестничной площадке столкнулся с девчонками. Это были «неприступные народницы», исполнявшие на капустнике весёлые частушки: Света, Лариса, Галя, Инна и русоволосая аккордеонистка – имени её я по-прежнему не знал – девочки из комнаты № 533. (Позже я узнал: Лариса училась на фортепианном отделении, а Галя – на дирижёрско-хоровом, но в общаге их комната считалась «народной».) Судя по боевому оперению, девочки собрались на танцы в военное училище. Яркий макияж, красивые причёски с завитыми локонами наглядно это подтверждали. Во всех военных училищах, коих в Калининграде было множество, по субботам устраивались танцы. Почти все девочки из общежития наведывались туда в призрачной надежде выйти замуж за будущего офицера. (Не за музыканта же или медика выходить! Медики и музыканты народ несерьёзный и много пьющий.) Однако мало кому из девочек удавалось выйти замуж за офицера. Ларисе удалось осуществить свою мечту, но эту историю несчастной любви, достойную отдельного рассказа, поведаю ниже. Как пелось в популярной советской песне: «Верят девочки в трудное счастье. Не вспугнёт их ни дождь, ни пурга». Лишь некоторые девочки ходили на танцы ради лёгкого, ни к чему не обязывающего флирта.

Итак, девочки спускались по ступенькам. Я поднимался, оставалось преодолеть последний пролёт. Мы столкнулись на площадке между четвёртым и пятым

этажами. Настроение у девчонок, не в пример моему, было приподнятое и возбуждённое. Я поздоровался. Мимо меня поочередно проскользнули Света, Лариса, Галя, Инна.

– Толик, почему ты ходишь расстегнутый? – преградила мне дорогу последняя.

Я поднял усталый взгляд. Передо мной стояла аккордеонистка, с которой я долго искал встречи. Откуда она знала моё имя? Нам не доводилось раньше общаться, мы с ней нигде не встречались. С её подругами я познакомился в кухне и коридоре, а с ней не пересекался, она редко появлялась. Чтобы самому зайти к ним в комнату и познакомиться – об этом не могло быть и речи. Много комплексов. Мамина любовь сказывалась.

Девочки обернулись и замерли. От навязчивой маминой заботы я уже отвык, а кто, кроме мамы, может задавать подобные вопросы? Жена или любимая девушка. Жены у меня не имелось, любимой девушки – тоже. Сознаюсь, я вообще был не избалован женским вниманием. Более того, испытывал сильнейшую робость от внимания слабого пола к своей скромной персоне. А тут сразу такое, да ещё на лестничной площадке при свидетелях. Я беспомощно и растерянно взглянул на аккордеонистку, хлопая глазами. Она шагнула ближе, непринуждённо застегнула молнию моей куртки до самого небритого подбородка и кокетливо предложила:

– Давай в кино пойдём?

Это было уже слишком. Девчонки остолбенели от удивления. А я даже покраснел от такой наглости. Кто-то из девчонок завистливо протянул: «Ну-у, Лина, ты да-ё-ешь!..» (Так я узнал её имя: Лина.) «Молодец! Действуй!» – поддержала подругу Инна. «Правильно! Не теряйся!» – вторила ей Галя. Девчонки дружно расхохотались. Я был готов сгореть от стыда. Провалиться под землю. Надерзить. Известно, что грубость – лучшая

защита. Хамство – это имитация силы слабым человеком. Я не слабый: тридцать суток в армейской тюрьме отсидел – и хамить не буду. Но алло! Как говорит Зарубин, дайте четыре такта паузы. Что здесь происходит? Меня, двадцатидвухлетнего возмужавшего парня, отслужившего в армии и вкусившего все тяготы и лишения воинской службы, на лестничной площадке, при подругах бесцеремонно кадрит провинциальная шестнадцатилетняя девчонка с народного отделения?! И я краснею! Боже! Хорошо, что моя бедная мама этого не видит. Что бы она сказала? «Тофик, распущенная девочка нам не нужна!» И была бы права: в Баку шестнадцатилетние девочки не зовут незнакомых парней в кино. Разве я давал Лине повод кадрить меня?

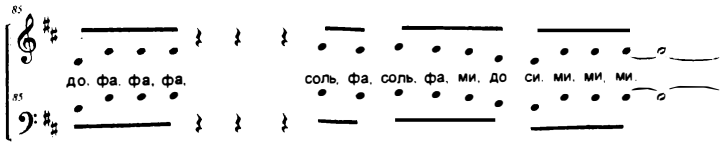
Я веду скромный образ жизни. С утра до вечера пропадаю в училище. Занимаюсь. О глупостях нет времени думать. Я не видел её в купальнике на крыше. Мы не гуляли вечером под луной, не зажимались в тёмных углах общежития. Не объяснялись в любви на кухне. Она меня к себе на чай не приглашала. Один раз я видел её на капустнике с аккордеоном на сцене, второй раз – в домашнем халате в коридоре со сковородкой. Третий раз вижу на лестничной площадке с подружками, все в полной боеготовности, собрались на танцы в военное училище.

К такому резкому виражу я не готов. Такой поворот событий не для закомплексованного кавказского парня. Моя мама этого не одобрит. И почему именно я? Потому что мимо проходил? Неужели в общаге настолько безысходная ситуация с мужским полом, что и в кино не с кем сходить? А как же военное училище? Высокие русские красавцы-офицеры? Танцы-шманцы-зажиманцы?

Если бы не свидетели, я бы не в кино, а на крышу её затащил. И не важно, что дождливая погода – любовь не знает преград! Но так как всё происходило на глазах её подружек, я стыдливо согласился. А ведь Зара предостерегал держаться от народников подальше.

Мы пошли в кинотеатр «Заря» смотреть фильм «Асса» – Лине нравились Виктор Цой и группа «Кино». Их песни слышались на каждом этаже общаги. Цой мне тоже нравился, но в тот момент я больше думал о нашей случайной встрече на лестничной площадке, о том, почему Лина обратила на меня внимание. Когда и почему я оказался в поле её зрения, о чём даже не догадывался.

Перед сеансом показали архивный киножурнал о восстановлении Калининградской области. Я не удивился, так всегда было: перед хорошим фильмом показывали какую-нибудь чепуху. Мне запомнилась такая фраза из киножурнала: «Поднимать и строить новую область пришли уральцы и волжане, псковичи и туляки, люди с Дона и Кубани... Улицы города наполнены трудовым ритмом». Борясь с понятным искушением в тёмном зале кинотеатра, я держал Лину за руку и сдерживал свои примитивные фантазии. В голове странным образом навязчиво вертелась строчка из песни ВИА «Синяя птица»: «Вместо пылких фраз я тебе послал ноты. Там было: до-фа-фа-фа. Соль-фа-соль-фа-ми-до-си-ми-ми-ми». Моя сестра Мира любила слушать советскую эстраду и дома часто крутила эту пластинку.

После фильма мы с Линой вернулись в пустую комнату общаги. «Девчонки загуляли на танцульках, вернутся не скоро», – сказала Лина. Комната была в нашем распоряжении. Мы слушали кассету с записью русского рока, недавно вырвавшегося из-под официального запрета. Ночная лампа тускло освещала ясные глаза и пухленькие губы Лины. Мы обнимались, и нам казалось, что

безрассудная молодость, ощущение счастья и чистая любовь всегда будут с нами. Лина угощала меня бабушкиными домашними котлетами. Котлеты были очень вкусными. Вообще всё в тот вечер было незабываемым под песни «Кино» – «Хочу перемен!» и другие – и под «Наутилус Помпилиус»:

Мне стали слишком малы
Твои тёртые джинсы,
Нас так долго учили
Любить твои запретные плоды.

Гуд бай, Америка! О-о-о.
Где не буду никогда.
Услышу ли песню,
Которую запомню навсегда.

МАКЕЕВА

Хмурым ноябрьским днём преподаватель хорового дирижирования Галина Афанасьевна Макеева, проживающая в общежитии, попросила меня зайти к ней. Я не удивился, Галина Афанасьевна иногда обращалась ко мне с мелкими просьбами, как то: сходить в аптеку, магазин или ноты кому-то передать. Меня не раз просила об услугах и преподаватель по классу фортепиано Наталья Владимировна Сизова (их с Макеевой комнаты находились рядом, и они дружили). Инна Анатольевна Шварц (её комната находилась возле кухни) доверяла даже больше – пару раз просила меня забрать дочку из садика, пока сама была на уроке. Инна Анатольевна встречалась с кубинским моряком и родила от него кудрявенькую девочку, которую назвала Мелинда. Я никогда не отказывал педагогам, если они меня просили.

Почему бы и не помочь людям? Особенно если эти люди служат искусству, и у них, кроме музыки, по большому счёту ничего больше нет! А вдруг попаду в следующем году к кому-то в класс.

Макееву я любил платонической любовью: Галина Афанасьевна казалась мне уравновешенной мудрой женщиной. Конечно, она могла накричать, если студент приходил на урок неподготовленный, но в общежитии была тихой и сдержанной.

Мы с ней столкнулись в коридоре. Галина Афанасьевна вышла из кухни, держа в руках небольшую эмалированную тёмно-синюю кастрюльку, из которой густо шёл пар. Она вошла в комнату, поставила горячую кастрюльку на стол и присела на край кровати. Её окружала спартанская обстановка жилища одинокой женщины за тридцать, всецело посвятившей свою жизнь служению в Храме искусств. Галина Афанасьевна являла собой наглядный пример преданного служения Музыке. Она сидела передо мной в домашнем байковом цветастом халате, застёгнутом на все пуговицы, и коричневых хлопчатобумажных чулках, какие носила моя мама. На ногах были такие же, как у мамы, чувяки. Чёрные волосы были аккуратно собраны и перетянуты резинкой в короткий хвост. Серьёзная симпатичная женщина с высшим образованием. Стоит в очереди на квартиру и в скором времени её получит – уже начали строить дом. «От каждого по способностям, каждому по потребностям». Марксистско-ленинский принцип построения социалистического общества работал. Будь я чуть старше, не задумываясь сделал бы Макеевой предложение. Вот какая жена мне нужна – преданно служащая! Я не меркантильный, и не в квартире дело. Это вопрос мировоззрения. Женщина, которая служит музыке как Богу, – духовный клад! Откровенно говоря, умные женщины всё-таки редко встречаются, а Галина

Афанасьевна сидела передо мной, гордая и доступная (не в сексуальном смысле) – можно было даже прикоснуться и убедиться: свободная, одинокая, скромная, преданная искусству. Куда интеллигентные мужчины смотрят?..

Наверное, как и любой другой портовый город, Калининград испытывал большой недостаток мужского пола. Особенно несладко приходилось женщинам с высшим образованием. А нашим педагогам с консерваторскими дипломами слесаря и газосварщики судостроительного или вагоностроительного заводов вряд ли составили бы подходящую партию. Свободных интеллигентных мужчин в портовом городе для них не имелось. Или, может, наши женщины предпочитали одиночество семейному счастью? Глупости! Такого не могло быть. Разве станет человек добровольно обрекать себя на одиночество? Не монахини же преподавательницы, в конце концов. Вот Инна Анатольевна не растерялась, с кубинским моряком роман закрутила и красивую девочку родила.

– Толя... – начала Галина Афанасьевна доверительным тоном. – У меня к вам серьёзный разговор. – У Макеевой был очень красивый проникновенный грудной голос, только за этот голос можно было в неё влюбиться.

Я приготовился к исповеди. Мало ли в чём она может признаться. Но как реагировать?

– Я вас слушаю, Галина Афанасьевна, – так же доверительно ответил я, поддерживая заданную тональность. Всё-таки в неподходящий момент она меня застала – в тренировочных штанах и застиранной футболке. Несолидно выглядел. Но, похоже, мой внешний вид её не интересовал.

– Может, вы уже знаете... Недавно Юдиттен-кирху освятил православный священник, – полушёпотом сообщила Галина Афанасьевна, как будто нас могли подсушивать.

Я ожидал другого разговора, но и это было неожиданностью.

– Нет, не знаю. В Калининграде открывается церковь? – удивился я.

– Она уже действует. Меня назначили регентом. Нам нужны тенора, баритоны, басы… – Галина Афанасьевна выжидательно посмотрела на меня. Я молчал. – Приходите к нам в хор. Денег, конечно, никому не платят, я сама там бесплатно… работаю с хором. Это для души, понимаете? Для души это очень важно. Мы подчинились страстям и погрязли в похоти. Живём в окружении фарисеев и лицемеров.

Где-то месяцем ранее Макеева как бы невзначай сунула мне в коридоре потрепанную Библию без обложки. Тогда я впервые в жизни увидел Священное Писание. Там слова «книжники» и «фарисеи» часто встречались. Так что я понимал, о чем идёт речь. «Но почему она выбрала меня? – занервничал я. – Может, сознаться, что я еврей и не могу осквернять христианский храм своим пением?»

– Но я уже в хоре Клибановой пою, – деликатно напомнил я.

– Знаю. Это всё не то. Сколько можно петь католический «Реквием» Моцарта, который он даже не закончил! Мы произведения Бортнянского, Турчанинова, Березовского поём. Я достала редкие ноты. «Всенощная» Рахманинова. – Галина Афанасьевна поднялась. – Толя, никому не рассказывайте. Божественная музыка! Вам понравится. После такой музыки хочется жить, – заключила она и не спеша запела глубоким, выразительным меццо-сопрано: – *Бла-го-сло-ви, ду-ше моя, Гос-по-да. Гос-по-ди Бо-же мой, воз-ве-ли-чил-ся е-си зе-ло. Во ис-по-ве-да-ни-е и в ве-ле-ле-по-ту об-лекл-ся е-си…*

Боже мой! Восемнадцать тактов чудесной музыки – и моя душа очистилась! А я и не знал, что Рахманинов

церковную музыку сочинял. И действительно – божественную музыку. Меня пробрало до пяток. Голос Галины Афанасьевны пронзил мне сердце, на глазах выступили слёзы. Я почувствовал, как одновременно перехватило дыхание и подкосились ноги. В этот момент я испытал непреодолимое желание опуститься перед Макеевой на колени – святая женщина! Галина Афанасьевна была рождена для церковного пения. Мне захотелось её поцеловать. Я готов был соглашаться на всё, что она мне предложит, только бы находиться рядом. От неё исходили душевное тепло и умиротворение.

– Обязательно приду, – пообещал я, стыдливо опуская голову, в надежде, что она не заметит моих слёз.

– Приведите с собой вашего… этого тенора… который в коридоре постоянно фальшивит… Пласидо Доминго из себя изображает…

– Андрей, – подсказал я.

– Я с ним поработаю, он запоёт, как ангел.

Странно. Я всегда считал, что у Кимры баритон. Вот так новость! Надо будет ему об этом сказать. Он очень обрадуется, что Галина Афанасьевна его с Пласидо Доминго сравнила. Хотя я не думал, что Кимры в церковном хоре будет петь. Он активный член «могучей кучки» – водку умеет доставать, и на церковь времени у него не найдётся.

– И вообще, Толя, – продолжила Макеева, – знаете что, переходите на ДХО. Я вас к себе возьму. Слышала, вы музыку сочиняете. Буду с вами композицией заниматься в свободное время. Вы – серьёзный человек. Не как многие остальные бестолочи.

Я снова удивился. Меня назвали серьёзным. И не кто-нибудь, а уважаемая Галина Афанасьевна Макеева. Я себя считал несерьёзным. Полагаю, что выигрышно выглядел на фоне «могучей кучки» – не пил, не курил, регулярно посещал занятия. Но это ещё ничего не означало. В армии генерал назвал меня мудозвоном. Такую оценку

он дал мне, отправив в оркестр, и его оценка была верной. Это я только снаружи кажусь серьёзным. На самом деле о себе я того же мнения, какое генерал высказал. Не ниже и не выше. Мудозвон серьёзным быть не может.

Предложение Макеевой о переходе на дирижёрско-хоровое отделение я принял и в следующем полугодии учился у неё.

По поводу композиции надо разъяснить. В конце первого курса я активно занялся сочинительством – из меня, как говорится, полилось. Я писал музыку для дуэтов, трио, квартетов. Имелось несколько вокальных аранжировок на русские народные темы. Один из дуэтов для фортепиано и флейты назывался «Зима». Мне удалось уговорить пианистку и флейтиста четвёртого курса исполнить мою «Зиму». Я завёл их в свободный класс, ребята быстро разучили свои партии и сыграли пьесу несколько раз. Пьеса была несложной технически, но оказала завораживающее действие. Я не заметил, как в класс вошла Елена Георгиевна Андреева.

– Что это вы сейчас играли?

– Семёнов нам зиму устроил, – пошутил флейтист и показал гусиную кожу на руке.

– Действительно холодно, – улыбнулась Андреева. – Толя, вы сочиняете музыку? – Елена Георгиевна взяла в руки папку с моими записями.

Меня смутило такое внимание к моему творчеству преподавателя музыкальной литературы.

– Совсем немного, – отозвался я. – Это просто ноты… так… черновик…

– Интересно, интересно… За нотами скрывается вечность. Вы Альбину знаете?

– Не знаю.

– Я вас с ней познакомлю, очень талантливая девочка.

Мне как раз не хватало общения с талантливыми девочками, и я сразу согласился. Меня окружали члены «могучей кучки», талантливые алкоголики.

Как я и предполагал, Кимры отказывался петь в церковном хоре. Утверждал, что очень занят: времени нет, зачёт на носу и так далее. Даже про мореходную школу почему-то вспомнил. Ещё бы, что может быть важнее сплочённого союза «могучей кучки». Я сказал, что Галина Афанасьевна сравнила его с Пласидо Доминго. Кимры это не впечатлило. Тогда я сообщил, что Макеева определила его голос как тенор, и ей лучше знать.

– Всё зависит от водки, – заметил Щербинин. – Одна бутылка – баритон. Две бутылки – тенор. Три – альт. Чем выше градус, тем выше голос.

– А если четыре? – поинтересовался Кимры.

– Это уже в Большой театр!

– Так что передать Макеевой? Будешь петь в церковном хоре? – спросил я Кимры.

– Церковь – это род государства, и притом самый лживый. Так говорил Заратустра, – вставил импульсивный Ильдар.

Я вопросительно взглянул на Кимры, он кивнул на Ильдара: мол, вот тебе ответ.

В церковном хоре я пел два раза в неделю. Ездил после занятий в кирху на трамвае. Галина Афанасьевна оказалась права: музыка Бортнянского, Рахманинова, Березовского была божественной. Очищала и одухотворяла, я от неё становился добрее. До первой трамвайной остановки. При виде контролёра, проверяющего билеты, опускался на землю и возвращался в советскую реальность. Но когда ты в хоре одновременно слышишь все голоса, и тебя окутывает контрапунктное движение басов, и полифоническое сплетение сопрано с альтами, – от этого уносит в небеса. Я наслаждался пением в церковном хоре и полюбил музыку Бортнянского. Узнал значение слов «хоругвь», «экзарх», «юродивый», «игумен», «иерей»... Кроме того, я начал разбираться в православных праздниках: различал Рождество Христово, Крещение Господне, Сретение Господне, Благовещение

Пресвятой Богородицы и многие другие. Выяснил, что Вербное воскресенье и Вход Господень в Иерусалим – один и тот же праздник. Узнал, когда начинаются и заканчиваются посты, и даже соблюдал некоторые, благо это не составляло труда: еды в общаге не было, а за пение в церковном хоре денег не платили. Так что вопрос заработка подобным способом сам по себе отпадал. Зато когда я занимал своё место в церковном хоре, голод немедленно отступал. Воистину, Святой Дух помогал и поддерживал меня. По-другому никак не могу объяснить.

В апреле, как раз в период Великого поста, Кимры снова явился в общагу навеселе. Это было ясно задолго до его появления в комнате, поскольку в благородном теноре Кимры слышались фальшивые нотки. Его сильный голос заполнял коридор пятого этажа: «На тёплом синем море, у острова Гурмыза, где волны хлещут пену о камни скал прибрежных…»

Кимры вошёл в комнату и торжественно сообщил:

– Толик, тебе подарок.

– Я не пью, – отмахнулся я.

– Водку я и сам оприходую, – улыбнулся Кимры и протянул мне цветастую охапку нечистого тряпья.

– Что это? – изумился я.

– Флаги иностранных торговых судов, – многозначительно ответил Кимры.

– И что мне с этим делать?

– Храни. На память!

– Они же грязные. Надо отстирать.

– Ни в коем случае, – запротестовал он. – Это ветер дальних странствий.

Я бросил грязные тряпки в шкаф и надолго о них забыл. Не вешать же эти флаги на дверь. Вряд ли Ирина Алексеевна допустит нарушение правил социалистического общежития. Она женщина молодая, но строгая – специфический юмор не понимает. Как-то комендантша

выбралась на крышу, где студенты уединялись не только для музыкальных занятий, и напустилась на девочек: «Чем вы здесь занимаетесь?!» – «Менуэт разучиваем, – невинно ответили скрипачки, держа в руках инструменты. – Для двух скрипок». «Найдите другое место для минета! – вскипела Ирина Алексеевна. – Устроили здесь разврат!» Несмотря на молодой возраст, биография её была непростой: приехала из уральской глубинки, где жителям, озабоченным пропитанием и обременённым физическим трудом, не до культуры. Однажды я встретил её на улице с авоськами в руках и предложил свою помощь. Мы разговорились. Ирина Алексеевна оказалась улыбчивой симпатичной женщиной, чего в стенах общежития не замечалось. Мы шли по улице Александра Невского в сторону общаги, и она стала мне рассказывать о своём тяжёлом уральском детстве, о пьянстве в деревне, об отсутствии перспектив и работы для молодых. О том, как пять лет назад приехала в Калининград учиться, потом нашла работу коменданта. «Пока вроде довольна, а там посмотрим», – заключила она. Ирина Алексеевна спросила о моих планах на будущее. Что я мог о них знать. Мои планы были окутаны густым туманом и полны неопределённости. Точнее, не было у меня никаких планов.

Через короткое время после смешного случая с менуэтом на крыше, ещё долго обсуждавшегося в училище и общаге, произошёл новый казус. В тихую лунную ночь комендант в очередной раз заявилась на крышу. (Ирина Алексеевна регулярно сгоняла нас вниз, этого требовали правила техники безопасности.) В этот раз она подловила парня с девушкой. «“Хоральную прелюдию” учим, – уверили её студенты. – Зачёт завтра сдавать». «Сопляки! – вскричала комендантша. – Рано вам ещё оральной прелюдией заниматься». Слава богу,

милицию не вызвала, но «Хоральную прелюдию»[94] выучить на крыше так и не дала. Но с того дня все прелюдии Баха назывались оральными. «Иди оральной прелюдией займись, – говорили мы друг другу. – Или минетом для двух скрипок».

Не успели утихнуть страсти по «оральной прелюдии», как меня поразил Кимры, у которого это время от времени неплохо выходило. Он сообщил, что при мореходной школе организовал поп-группу «Литовский вал», и спросил, не хочу ли я стать их директором. Нужен активист, который будет ездить по клубам и воинским частям, договариваться и организовывать концерты. Я был активным, но решил заглянуть на репетицию и удостовериться в серьёзности этого замысла – причины для сомнений имелись. Я приехал на Литовский вал[95]. Кимры подготовился основательно – сделал себе химическую завивку с начёсом (такие причёски называли «взрыв на макаронной фабрике», они были характерны для поп- и рок-звёзд восьмидесятых: СС Catch, Сабрины, Виктора Салтыкова, Дэвида Ковердейла из группы «Whitesnake» и многих других) и надел ярко-голубые «бананы» – свободные сверху и зауженные книзу штаны. Состав группы оказался хорошо мне знаком, что обрадовало, но в то же время насторожило. Бас-гитара – Игорь Щербинин, создатель и руководитель «могучей кучки», душа алкогольных возлияний. Вокал – Кимры, он же Андрей Земсков, активный член «могучей кучки». Синтезатор, клавиши, драм-машина – Ильдар Айдаров, член «могучей кучки», не регулярно вносящий членские взносы.

---

[94] Короткое литургическое музыкальное произведение И. С. Баха.

[95] Комплекс оборонительных сооружений XVII века, где в советское время в казематах размещалась мореходная школа.

Ильдар был родом из города Брежнев. В 1982 году Набережные Челны переименовали в город Брежнев, чем Ильдар был очень недоволен. Он учился на духовом отделении, играл на тубе, в свободное время играл на фортепиано, а свободен он был почти всегда. Так что на фортепиано он играл лучше и чаще, чем на тубе. Встречаются такие самородки: левая рука постоянно занята сигаретой, а правая гоняет по клавиатуре сложные джазовые пассажи. Джаз на фортепиано он играл поразительно легко и со вкусом, но преимущественно правой рукой, так как в левой часто дымилась сигарета. Без зажжённой «Примы» за инструмент Ильдар не садился. Вдохновлялся дымом отечества.

ИЛЬДАР

В субботу вечером мальчики и девочки собирались в ленинской комнате для культурного отдыха. В тот день смотрели по польскому каналу эротический фильм по мотивам произведения французского классика XIX века. Я смастерил из алюминиевой проволоки коротковолновую телевизионную антенну (срисовал схему из библиотечной книги), и наш чёрно-белый телевизор стал принимать два польских канала. Эротику показывали по субботам, хотя не всегда.

Итак, ленинскую комнату наполняет атмосфера лёгкой беспризорной любви и страстного желания. Мальчики чуть придвигаются к девочкам, вперившимся в чёрно-белый экран. Вдруг резко открывается дверь, всовывается голова Ильдара, и он решительно заявляет: «Отдайте Крым татарам!» – «Ильда-а-ар!» – недовольно закричали девчонки, и Айдаров захлопнул дверь. Напоминаю: шёл 1987 год! Рейган и Горбачёв только-только подписали в Вашингтоне договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, а Ильдар выкрикивает

в ленинской комнате антисоветские лозунги. Я понятия не имел о проблеме крымских татар, вообще не знал о существовании такой проблемы. Тот факт, что Ильдар татарин, ещё не давал ему права выкрикивать в ленинской комнате антисоветские лозунги. Тоже мне, борец за гражданские права выискался. Таких активистов у нас быстро перевоспитывали. Но Ильдар был таким – прямолинейным и искренним. Какие-то слабые нотки безрассудного диссидентства звучали в его загадочной душе, будоражили его ищущий неспокойный ум, наводили испуг и тоску на окружающих. Ещё год назад за подобные лозунги в психушку на принудительное лечение отправляли. Правда, для Ильдара психушка была как дом родной. Он там уже не раз бывал, когда от армии косил. Сумел одурачить опытных психиатров, которые разоблачили многих, кто уклонялся от почётного долга. Щербинин говорил, что Ильдар не притворялся, он на самом деле шизофреник. Ильдар не обижался. Он любил повторять: «Шопенгауэр сказал: мир – это госпиталь неизлечимо больных». «И он прав!» – соглашался Ильдар с немецким философом.

Что ни говори, он был мне симпатичен своей непринуждённостью и начитанностью. Я нередко видел его в ленинской комнате с труднодоступными моему пониманию философскими книгами: Бердяев, Ницше. Раз застал его там за чтением философского романа «Так говорил Заратустра». Ильдар сидел за пианино, уставившись в книгу, и одним пальцем нажимал клавишу. Я застыл в недоумении. Ильдар объяснил, что звуковые колебания синхронизируют мысли. Я решил не синхронизировать свои мысли с Ницше и быстро вышел. И где он только находил такие книги? Но начитанность его была особенной и несколько странной. Ильдар выдавал краткую, обрывочную информацию, часто вставляя в разговор заученные фразы. Например, говорил: «Цицерон сказал: все искусства состоят в исследовании истины».

Непременно упоминал автора высказывания. Я его уважал уже за то, что он не приписывал чужие высказывания себе. А ведь мог бы: у нас в общаге Шопенгауэра и Цицерона никто не читал. Даже в учебную литературу редко кто из студентов заглядывал. Находились даже такие, которые нот не открывали. Так что вряд ли можно было проверить, кто и что сказал. Раз я слышал от Ильдара краткую лекцию об истоках декаданса в литературе второй половины XIX века. Не буду пересказывать всего, что говорил Айдаров в ленинской комнате несовершеннолетним девочкам (сам толком не понимал), но хорошо запомнилась фраза «искусство ценнее истины». «Это Ницше сказал», – горячился Ильдар, хотя с ним никто не спорил, никто ему не возражал.

Второй раз Ильдар резко раскрыл дверь ленинской комнаты, когда мы смотрели по польскому каналу эротический фильм по мотивам итальянской классики. Возможно, он умышленно выбирал такие моменты. «Вы все хотите оргазма», – презрительно изрёк он и тут же закрыл дверь. Девочки недовольно закричали, а я подумал: «Как всегда в точку! Наверное, Бердяева начитался». От острого плотского желания электризовался воздух. Оргазма хотелось всем, кто тогда находился в ленинской комнате. Эротические фильмы обнажали со всех сторон запретный плод, который хотелось сорвать и вкусить. Переходный возраст давил на психику и другие органы музыкантов. Уже не столько кино хотелось смотреть, а самим главные роли исполнить. Но желания пока ограничивались просмотром эротических фильмов с помощью моей телевизионной антенны. О видеомагнитофонах мы, конечно, уже слышали – наша промышленность производила «Электронику ВМ-12», – но приобрести такой аппарат было нереально. Мы с Димкой Митриевым интересовались: при государственной стоимости одна тысяча двести рублей цена на чёрном рынке доходила до трёх тысяч пятисот рублей. Как «Запорожец» Бориса

Семёновича. И недостаточно было иметь видеомагнитофон, ещё требовалось доставать видеокассеты с записями. За одну кассету брали пять рублей в день. Более того, подпольные обладатели домашних видеотек не высовывались и даже скрывались, их могли привлечь к юридической ответственности за «нетрудовые доходы». Так что они сидели тихо и выдавали кассеты на руки только тем, кто приходил по рекомендации общих знакомых.

Мы с Димкой проведали, где можно было взять в аренду видеомагнитофон «Электроника», и потом вышли на одного типа, у которого брали видеофильмы: он имел большую видеотеку дома. Мы решили не упускать редкую возможность заработать и применили наши связи и настойчивость для незаконной трудовой деятельности – показывали американские фильмы в воинских частях. Например, боевик «Рэмбо III», в котором Сильвестр Сталлоне в роли Джона Рэмбо геройски уничтожает в Афганистане советских солдат и офицеров. Этот фильм был официально запрещён в СССР, но, как ни удивительно, командиры и офицеры воинских частей, куда мы привозили «Рэмбо III», не запрещали его показывать и замечаний нам не делали. Офицеры сидели в зале вместе с солдатами и смотрели этот дурацкий боевик. Мне жутко не нравились фильмы с гундосым переводом. Говорили, переводчик зажимает нос бельевой прищепкой. Но рассказывать о нашей с Димой незаконной видеопрокатной деятельности я не буду: очень много времени займёт. Скажу только, что нас за это не привлекли к ответственности.

Третий раз ворвавшись в ленинскую комнату, Ильдар возбуждённо объявил: «Тайна Янтарной комнаты раскрыта! Андрей Рябцев её нашёл!»

Интерн Андрей Рябцев часто гостил на нашем «музыкальном» пятом этаже. Я познакомился с ним через всё того же Димку Митриева, который притянул Андрея к нам. Среди музыкантов было веселее, чем среди

врачей-интернов. Я пару раз спускался к ним на второй этаж. Скука. Они между собой обсуждали виды женских болезней и способы их лечения! Причём говорили в основном о болезнях мочеполовой системы. Конечно, у них перед нами было завидное преимущество: врачи-интерны девушкам в кабинете могли сказать: «Раздевайтесь!» – и любая быстро и без вопросов снимала одежду. (Мне Андрей рассказывал, как он ведёт осмотр.) Музыканты такого сказать не могли. Нет, при желании можно было и не такое сказать, но как бы это выглядело? Заходит, к примеру, в класс Лариса Таранкова, симпатичная пианистка из соседней комнаты, сонату Моцарта поиграть, а ты ей: «Раздевайся!» Она не поймёт. Начнёт глупые вопросы задавать. Ну, она-то, может, и разденется, потому что знает, что нравится многим мальчикам, а что с ней дальше делать? Сонату Моцарта в четыре руки играть? А вот Ирке Дубонос такое уже не скажешь. Отдубасит за милую душу. Ну да ладно. Зато мы говорили на любые другие темы: декаданс, философия, религия, история КПСС, перестройка, неопознанные летающие объекты. Эти темы в основном Ильдар поднимал. А ещё у нас в ленинской комнате эротические фильмы смотрели, а у врачей-интернов – в настольный теннис играли. Врачи – люди без фантазии, неинтересные. Не считая, конечно, Андрея.

После года интернатуры Андрей работал в больнице терапевтом. В 1988 году Информагентство ТАСС совместно с калининградским отделением Советского фонда культуры организовало экспедицию для поиска пропавшей во время Второй мировой войны Янтарной комнаты. Руководил экспедицией корреспондент ТАСС по Калининградской области Валерий Бирюков. В газете «Калининградский комсомолец» опубликовали объявление о наборе добровольцев. Андрей откликнулся не раздумывая и был зачислен в экспедиционную группу: врачи нужны везде, а Янтарная комната уже давно

не давала ему покоя. Андрей с детства мечтал найти клад. У Ильдара тоже была мечта, но другая. Он узнал, что Янтарную комнату собирались искать в подвалах заброшенного немецкого пивоваренного завода, и тоже пошёл записываться, но его не взяли: джазовые пианисты в экспедиции не требовались. С того момента он ревностно следил за ходом поисковых работ.

Вскоре выяснилось, что Ильдар всех дезинформировал: Янтарную комнату не обнаружили. Нашли всего лишь фрагмент янтарного украшения, не имеющий отношения к Янтарной комнате. Ильдар сказал, что это обломок украшения, принадлежавшего прусской принцессе Виктории Луизе Адельгейде Матильде Шарлотте, дочери германского императора Вильгельма II, и добавил: «Они не там ищут! Я знаю, где искать! Янтарную комнату надо искать в Японии, на Хоккайдо. Немцы её японцам на сохранение отдали». Думаю, эта невероятная гипотеза имеет под собой основание, и когда-нибудь на Хоккайдо отправят экспедицию. Но если с Янтарной комнатой всё более-менее было ясно, то непонятным оставалось другое – как мог фрагмент янтарного украшения прусской принцессы оказаться в подвале пивоваренного завода. Но мы не мучали Ильдара лишними вопросами.

«ЛИТОВСКИЙ ВАЛ»

Группа «Литовский вал» исполнила пять песен, показав всё, на что была способна. «Белые розы», «Алые розы», «Розовые розы», «Розовый вечер» и «Кони в яблоках». Потом Кимры спросил: «Хочешь, “Яблоки на снегу” спою?» Я жарко запротестовал: песня Михаила Муромова звучала в общаге за каждой дверью. Тогда Кимры спел песню группы «Электроклуб», неоднократно повторяя фразу «Ты замуж за него не выходи,

не выходи» – мне эти слова врезались в память. Подражая популярным исполнителям, Кимры высоко подпрыгивал, нелепо передвигался с микрофоном по сцене, завышал окончания фраз, как делали Юрий Шатунов, Виктор Салтыков и другие советские поп-звёзды конца восьмидесятых. Звук был на должном синтетическом уровне – так звучали почти все поп-группы того времени. Но, несмотря на это, недоставало какой-то важной детали, и я не мог определить какой.

На следующий день, когда увидел в общаге двух девочек в коротких юбках, меня осенило: группе «Литовский вал» необходима танцевальная поддержка. Наблюдать за тремя парнями на сцене в течение двух часов – занятие малоприятное. Хмурый Игорь Щербинин. Вечно недовольное лицо Ильдара. Подпрыгивающий на сцене Кимры в «бананах». Такое выдержит не каждый зритель, тем более в перестроечное время. Нужны девочки в коротких юбках. В этом я видел спасение и успех группы. Ребята активно поддержали мою идею. Особенно она понравилась Ильдару. Он подсказал: «Найди самых сексуальных. Чтоб ноги от ушей». Это был главный критерий для приёма в поп-группу.

Надеясь застать репетицию танцевального кружка, я отправился в Дом культуры рыбаков. Но там меня ждало разочарование: поздно приехал, репетиция закончилась. В фойе у зеркала я заметил двух девочек, уже собиравшихся уходить домой. Подошёл, познакомился. Одна назвалась Наташей, другая – Викой. Третий год занимаются в клубе современными танцами. Наташа была чуть выше ростом и симпатичнее. И ноги у неё были что надо – Ильдару понравится. У Вики ноги были тоже ничего, в лосинах – для Ильдара сойдёт. Девочки сказали, что следующая репетиция состоится только через месяц, так как руководитель кружка ушёл в отпуск. Столько времени у нас с группой не было, ребятам не терпелось выступать и зарабатывать. Я кратко изложил Наташе

с Викой суть дела и пригласил в группу «Литовский вал», пообещав высокие гонорары: двадцать пять рублей каждой за выступление.

– Давайте попробуем, – сразу согласились девочки. – Что для этого нужно?

– Короткие юбки.

– С юбками проблем не будет! – пообещала Наташа. – Укоротим.

Я взглянул на Вику, ожидая подтверждения.

– Всё будет в лучшем виде, – кивнула она.

Замечательно! С такой подтанцовкой мы всем покажем, совершим переворот в поп-музыке. В конце концов, я ради Ильдара старался – в городе Брежнев девушек с такими ногами не водилось. Там КамАЗы делают. Пусть порадуется немного.

Для успешной концертной деятельности новоиспечённой поп-группе необходимо яркое название и профессиональные, типографской печати афиши. В конце восьмидесятых напечатать типографские афиши самодеятельной группе было непросто. Требовалось числиться работниками государственной организации. Государственные типографии не имели права работать с физическими лицами. Страна ещё не отделалась от советского наследия. Оплатить заказ должна была юридическая организация. Я понимал, что найти в Калининграде типографию, которая согласится выполнить заказ частного лица, не удастся. Надо отправляться в глубинку. Я сел в автобус и поехал в ближайший населённый пункт. Купил в киоске местную газету и пришёл по указанному адресу редакции. В провинциальной типографии сразу дали согласие. Оплатив квитанцию в сберкассе, через неделю я получил готовые афиши. На них синим и красным шрифтом было напечатано: ГРУППА «ЛИТОВСКИЙ ВАЛ» И ШОУ-БАЛЕТ «ЭРОТИКА». Теперь и мой коллектив мог гастролировать наравне

с «Ласковым маем» и «Электроклубом» и зарабатывать. Наше турне по области успешно стартовало.

Мы покоряли сельские и городские клубы. Работники колхозов и совхозов, восторгаясь талантом и непринуждённой сценической сексуальностью молодых и красивых девушек, аплодировали нам стоя. Особым успехом шоу-балет «Эротика» пользовался в воинских частях. Две изящные девушки оказались в центре внимания, быстро набирая популярность. Их стройные красивые ножки, открытые взору благодаря коротким юбкам, будоражили воображение военнослужащих и пробуждали их тайные желания. Один концерт я устроил в ракетной бригаде, где когда-то служил. Зал здесь вмещал всю бригаду – тысячу военнослужащих! После концерта наш микроавтобус, в котором переодевались девочки, усердно осаждали солдаты. Симпатичный сержант долго уговаривал меня допустить его к Наташе, горя желанием с ней познакомиться. В конце концов я сдался и позвал девчонок. Переодевшись, Наташа и Вика, довольные повышенным к себе вниманием, вышли из автобуса. Толпа военнослужащих тут же сомкнулась плотнее. Я был доволен собой и своим творческим открытием. Это я их нашёл, привёл в группу и вывел на большую сцену. Всеобщее внимание и первые лучи славы. Восторженные крики и одобрительный свист горячих поклонников. Теперь Наташу и Вику ждали слава и успех. Мы торжествовали, наслаждались растущей популярностью и сравнительно лёгкими деньгами. Военные уговаривали нас приехать снова. Мы обещали вернуться. В тот вечер заработали тысячу двести рублей – фантастическую сумму.

Ехали назад после концерта с ощущением приятной усталости. Микроавтобус мчал нас по пустынному шоссе домой. Наташа и Вика не скрывали переполнявших их обеих радостных эмоций. Для всех это было первое выступление на большой сцене: тысячный зал, до отказа

забитый возбуждёнными военнослужащими. Ехидно улыбающийся Ильдар недолго наблюдал радость девчонок. Проникнутому тшеславием, ему тоже хотелось поделиться эмоциями, и он вдруг сказал:

– Эти евреи уже достали! Всех в Израиль надо депортировать!

– Почему это? – изумилась Наташа.

Мы с Игорем и Андреем уже не реагировали на подобные откровения, привыкли, а девчонки пока не успели.

– А почему татар можно, а евреев нельзя? Где справедливость?

– Неправда! – расстроилась Вика. – Наташин папа – еврей. Он очень хороший человек. Я его знаю.

– Да? А кто твой папа? – прищурив один глаз, спросил Ильдар у Наташи.

– Подполковник милиции. В центральном отделении работает, – спокойно, даже равнодушно ответила Наташа.

У меня челюсть отвисла, я на короткое время онемел. Честное слово. Ильдар и бровью не повёл. Он хотел что-то ещё сказать, но ему помешал Игорь.

– Кочумай, Ильдар! – резко сказал он и отвернулся к окну.

Ильдар промолчал, и наступила гробовая тишина. Мы только слышали гул колёс микроавтобуса, плавно мчащегося по шоссе. На лицо Ильдара легла бледная тень не то уныния, не то задумчивости. Кимры попытался заполнить пустоту, рассказывая невероятно глупую историю. Ему казалось, история смешная, но смеялся он один. Его не слушали, каждый ушёл в себя. Игорь неотрывно смотрел в окно. Ильдар о чём-то напряжённо думал (он больше не проронил ни слова до самого общежития). Веко его левого глаза подергивалось. Я у него этого раньше не замечал. Не считая нервного тика, молчание было Ильдару к лицу.

Должен заметить, что гастролировал «Литовский вал» нелегально. Билеты на концерты мы не продавали.

Я стоял на входе и брал плату наличными, никаких отчётов не велось. Гонорар делили поровну на четверых. Девочки за выступление получали фиксированную сумму, как уже сказал, двадцать пять рублей. Все были довольны. Дела шли неплохо. Но, как известно, хорошему быстро приходит конец. И конец этот ребята ускорили сами.

В один из дней Кимры трагическим тоном объявил мне, что группа больше не нуждается в услугах администратора. Эту новость я воспринял с внешним спокойствием, но внутренне предательство переживал долго. Сидели ребята без денег, пили. Только начали выступать и зарабатывать – крышу снесло. Я понимал, откуда ноги растут. Воду мутил Игорь Щербинин – жадный и расчётливый алкоголик, неизменный собутыльник Андрея. Пытаться образумить Андрея было бесполезно. Он сказал, что ездить по области и организовывать концерты они будут сами. Я предупредил: не каждый способен договориться. Есть определённые тонкости, условия, которые мне уже известны. Кимры не поверил мне, он был уверен, что всё делается легко и просто – как это получалось у меня. Я не стал разубеждать его и доказывать обратное, только добавил: «Надолго вас не хватит». Так и случилось: за их первое выступление без меня им заплатили только половину – элементарно обманули. Уже через месяц Андрей уговаривал меня вернуться, но мосты сгорели. Мы ведь были друзьями. Когда-то я гостил у него, в старом бревенчатом доме в Кимрах, на берегу Волги. Я любил Андрея и симпатизировал ему.

Короткое отступление. В 2011 году благодаря Интернету я разыскал Андрея. Он жил и работал в Твери. Мы связались по «Скайпу». Я не хотел вспоминать старые дела. Что было – то прошло. Пригласил его к себе в Канаду. Андрей сказал, что сейчас записывает новый диск, и сам вспомнил о том неприятном случае. Сказал, что Игорь и Ильдар его на это подбили и в итоге обманули – забрали какие-то инструменты и не заплатили.

По интонации я понял: извиняется. Это было лишнее. Зла в сердце я не хранил. Жизнь в последующие годы так перетёрла, что самому хотелось всё забыть. А спустя два года я узнал, что Андрей умер. Ему было всего сорок восемь лет. Остаётся предполагать, что причиной трагедии было его нездоровое пристрастие к водке. Хотя могу и ошибаться. Прости, Андрей, что не смог направить тебя по хорошей дороге. Светлая тебе память.

Да разве можно всё забыть?
Забыть, как падала звезда.
И след по небу, словно нить,
Оборванная нить, короткая судьба[96].

Гастроли «Литовского вала», деньги от концертов, общение с поклонниками занимали меня всё больше, постепенно ослабляя стремление к освоению музыкальных

[96] Слова из песни «Воспоминание», написанной композитором Борисом Рычковым на слова поэта Игоря Кохановского. Первой эту песню исполнила София Ротару.

дисциплин, отдаляя от училища. Мною овладевала лень, принимая в свои уютные объятия. В зачётке появились тройки. Я получил предупреждение о лишении стипендии, и вскоре был её лишён. На горизонте замаячил голод: денег ждать было неоткуда. (К тому моменту наша гастрольная деятельность прекратилась.) У родителей денег я не просил и не думал начинать просить. Я ведь всегда стремился к самостоятельности. Получил её и надеялся только на себя.

Моя одежда износилась, и новая футболка очень была нужна – сдачу зачётов никто не отменял. В шкафу я случайно наткнулся на цветастое тряпьё, что когда-то подарил мне Кимры. Я выбрал два красивых флага, отстирал и сшил из них себе модную майку. Шить меня научила сестра, так что у меня получилась очень красивая безрукавка. Я никак не предполагал, что в этой майке окажусь объектом заинтересованного девичьего внимания. Спереди на груди красовался шведский флаг, сзади на спине – финский. Любопытный факт: спустя одиннадцать лет мне предстоит работать в Москве в корпункте финского телеканала YLE с корреспондентом Каритой Петерссон, шведкой по национальности. Вряд ли это простое совпадение. Тут скрыта какая-то магия. Как после этого не верить в тайные знаки судьбы?..

Девушки интересовались, не у Юры ли я купил мою модную вещицу. Юра, как я упомянул выше, был известным в общежитии фарцовщиком. Когда-то он ходил в море и теперь пользовался выгодными связями. В свободное время Юра учился в медучилище на зубного техника. В основное – спекулировал французской косметикой, импортными женскими трусами и лифчиками, американскими порножурналами и презервативами, японской аудиотехникой и телевизорами NEC. О нём будет рассказ ниже.

Я многозначительно отвечал: «Футболку дядя из Америки прислал». Естественно, никакого дяди в Америке

у меня не было. О мамином брате, дяде Сёме, со времени его последнего визита, когда мне было лет четырнадцать, я больше ни разу не слышал. Уехал он в Израиль или нет, в доме об этом не говорили, эта тема была запретной. Я примитивно морочил девушкам голову, хотелось показаться модным плейбоем, и мне изредка это удавалось.

МАКС

В тот период я часто слонялся по коридорам и комнатам общежития с Максом, симпатичным блондином из Уфы – доброжелательным, искренним башкиром. Как и многие парни, он был склонным к лени, но это не отражалось на учебном процессе. Макс был воспитанником военно-морского училища, служил в военном оркестре и параллельно учился в музучилище на отделении духовых и ударных инструментов. Макс подолгу не посещал репетиций оркестра, ещё реже его можно было увидеть в стенах нашего училища. Не знаю, как ему удавалось сдавать зачёты – но он их сдавал! Причём на «хорошо» и «отлично». (Собственными глазами видел четвёрки и пятёрки в его зачётке.) Зато его безошибочно можно было узнать по серебристому лирическому тенору, раздававшемуся за дверью женских комнат.

Макс хорошо аккомпанировал себе на гитаре, в его репертуаре преобладали песни Александра Розенбаума. Мне нравилась вот эта: «Гоп-стоп, мы подошли из-за угла. Гоп-стоп, ты много на себя взяла. Теперь расплачиваться поздно…» – и так далее. Блатные песни способствовали росту его популярности среди студенток-медиков, хотя Макс знал и неплохо исполнял лирические песни о любви. Но будущие медсёстры были особенно восприимчивы к проникновенному голосу псевдовлюблённого блондина, когда он исполнял блатные песни.

Девушек вдохновлял лиризм тюремной поэзии. Загадки никакой в этом не было. Всё объяснялось просто: музыкантов серенадами не удивишь, в течение дня девчонки из музыкального училища уставали от шума и желали только тишины. У будущего же младшего медперсонала нехитрые гитарные аккорды пробуждали романтические чувства, располагали медсестричек к откровенным беседам. Они доверчиво раскрывали трубадуру любви свои девичьи тайны, и Макс охотно одаривал их ценными советами.

Макс был желанным гостем у многих девочек в общаге. Благодаря его таланту у меня снова появилась уверенность в завтрашнем дне. Голод отступил на неопределённый срок.

– Ну что, опять голодный сидишь? Пойдем к девчонкам, – подхватывая гитару, говорил он, и я охотно следовал за ним.

Макс обошёл с гастролями все женские комнаты в общаге. Закончив концерт на пятом этаже, он солировал на четвёртом. Через неделю – благо на этаже размещалось около сорока комнат, где проживали девочки – Макс спускался на третий. На втором этаже в основном проживали интерны. Будущие врачи уже были связаны семейными узами, но это не мешало нам после концерта принимать от них заслуженное вознаграждение. Особенно успешно проходили гастроли на третьем и четвёртом этажах. После концерта девушки угощали нас домашними пирожками с чаем и вареньем, жареной картошкой с котлетами и другими аппетитными прелестями. Если попадались недогадливые, Макс говорил: «Девчонки, дайте поесть», – и те выставляли на стол привезённую из дома еду. Жить было можно, при условии, что умеешь играть на гитаре и петь блатные песни.

Нередко Макс выкидывал такой фокус: в середине романтического вечера, исполнив часть песен из своего репертуара и отведав угощений, он выходил с гитарой

из комнаты с обещанием скоро вернуться, оставляя меня, и назад не приходил. Я оказывался один с девчонками. Блатных песен на гитаре я не исполнял, но как мог развлекал девчонок. Иногда я оставался у них в комнате на ночь. Никакого интима, просто утром мы вместе завтракали. Почему Макс так поступал, я не имел понятия. Потом он объяснил: в коридоре его тут же перехватывали другие девчонки, и он не мог им отказать. В общем, вы поняли: добрым парнем был.

Постепенно юному дарованию становилось тесно в узких коридорах родного общежития. Его беспокойная, ищущая признания натура рвалась на широкий простор. Макс попросил меня организовать выступление в общежитии торгового техникума, где проживали будущие товароведы. Он планировал обойти все близлежащие казармы. (По своей военно-морской привычке Макс называл общагу казармой, а комнату – кубриком.) Однако по каким-то причинам этим планам не суждено было осуществиться.

Макс неоднократно советовал мне:

– Толя, обязательно напиши об этом книгу.

– «Похождения Макса Линдера», – раз пошутил я.

– На Александра Невского, – с улыбкой кивнул Макс.

Мы откровенно дурачились – какую книгу? Я писем маме по полгода не писал.

ЮРА

Фарцовщик Юра никак не вписывался в нормы социалистического общежития – и особо не стремился вписаться. Жил в отдельной комнате, что было большой роскошью и привилегией. В его комнате были японский цветной телевизор и проигрыватель, дорогие импортные пластинки. Даже холодильник имелся. Молодая красивая жена носила модное платье в стиле «сафари» с карманами

на груди, медными заклёпками и соблазнительным декольте. Многие парни в общежитии ему завидовали: всегда при деньгах и фирменных шмотках. Кроме всего прочего, Юра был завсегдатаем валютного магазина «Альбатрос», где он отоваривался импортными вещами.

К девушкам в комнаты Юра часто входил без стука и приглашения. Они его не стеснялись и не выпроваживали. Говорят, незваный гость хуже татарина. Юра был желанным незваным гостем. И он был русским, что в его случае служило большим плюсом. Думаю, девушки реагировали бы иначе, входи к ним без предупреждения татарин Ильдар. Если девушки переодевались, Юра не выходил из комнаты и даже не извинялся. Отгораживался дверцей шкафа, не смущаясь доставал из заграничного пакета привлекательную упаковку и говорил:

– Девочки. Итальянские трусики. Недорого.

– Покажи, – с любопытством слетались они. – Сколько?

– Эти – пятнадцать, эти – двадцать рублей.

– Что так дорого?

– С бантиками... кружевами. Фирма́! – объяснял Юра. – Лифчик в комплекте есть.

– Жалко, сейчас денег нет.

– Можно в долг, – реагировал Юра.

– А что ещё есть? – интересовались девочки, и фарцовщик аккуратно извлекал из пакета дорогие заграничные товары. Девочки с интересом рассматривали, примеряли, любовались собою в зеркале.

Юра был парнем без комплексов, свободно говорил с девчонками на любые темы. Однажды я слышал, как он убеждал девушку в существенной разнице между клиторальным и вагинальным оргазмами и даже порывался доказать это. Другой девушке Юра предлагал осмотр груди на предмет мастита. Девушка не раздумывая согласилась, и это несмотря на то, что Юра учился на зубного техника, о чём знала вся общага. Мне было чему у него поучиться. Я завидовал его непринуждённому

поведению и втайне изумлялся внутренней свободе Юры. Это тебе не забитый кавказский парень с Восьмого километра, – укорял я себя.

Как-то я тормознул его в коридоре третьего этажа:

– Юра, давно хотел спросить…

– В темпе вальса, – любезно позволил он. – Время – деньги.

– Как ты можешь?

– Ты о чём? – не понял фарцовщик или сделал вид.

– Трусы девушкам продавать. Вот так свободно…

– А чего тут странного? – искренне удивился Юра. – Думаешь, они без трусов ходят? Хотя не исключаю! Пойми, чувак, я делаю бизнес. Государство этому теперь не препятствует. КПСС дала добро. Тебе, кстати, тоже надо чем-то заняться. Могу взять в долю. Пять процентов твои.

– А что надо делать?

– Всё то же – по комнатам ходить…

– Трусы продавать? – смутился я и покраснел.

– Не только трусы! Колготки, лосины, чулки, лифчики, косметику… Сейчас у них цветные колготки в моде. Видел?

Ещё бы не видеть! В городе многие девушки в таких ходили – эта мода пришла из Польши. Фотографии женщин в цветных колготках и лосинах я видел также в польских журналах, которые продавались в киосках.

– Кстати, презервативы с усиками нужны? – Юра показал красивую упаковку.

– Это лишнее.

– Ты здесь уже половину девок перетрахал…

– Это искажение реальности. Иллюзия. Я на чай хожу, – возразил я.

– Знаю, чем это заканчивается.

– Чем? – наивно поинтересовался я.

– Триппером! Пора о защите подумать, – заявил опытный Юра.

Я промолчал. Возражать снова было бесполезно, да и незачем. Каждый думает в меру своей распущенности. Да и что взять с бывшего матроса. Хотя, если быть до конца честным, Юра был недалёк от истины.

– Я предупредил. Praemonitus praemunitus.

– Что это значит?

– Предупреждён – значит вооружён. Это на латыни. – Юра снисходительно похлопал меня по плечу.

– Мне тяжело. Я не понимаю женскую логику.

– Там нет логики. Кто познает женщину – тот познает мир, – многозначительно произнёс Юра. – Пошли!

Он решительно вошёл в ближайшую комнату. Я – следом за ним.

– Девочки, вопрос на сообразительность. Кто ответит, получит палетку. Даю три попытки.

Наборов теней польского производства у Юры в сумке было много. Их ему регулярно приносил знакомый моряк. Бóльшую часть Юра сбывал через комиссионку, остаток – в общаге.

– Давай, – с готовностью сказала одна из девушек.

– Почему у Венеры Милосской нет рук?

– Красивой женщине руки для любви не нужны.

– О как! – подмигнул мне Юра. – Будем знать… Как тебя зовут? – полюбопытствовал знаток женской психологии.

– Регина.

– Приятно познакомиться, – сказал он, вынул из сумки новый набор теней и протянул Регине. Та с радостью приняла. – Будем сотрудничать…

– С удовольствием, – кивнула Регина.

Мы вышли в коридор.

– Ты понял?

– Кажется, я только что познал мир, – признался я.

– Не прошло и двух минут. Ну ладно, мне некогда. Мне ещё надо сюда зайти.

Юра снова вошёл в комнату, из которой мы только что вышли. За дверью послышалось: «Девочки! Кружевной пеньюар. Прозрачный. Очень соблазнительный».

После этого разговора я всерьёз задумался. Не о презервативах с усиками, а про заработок. Хотя о презервативах тоже – заинтересовало, как они выглядят. Если Юра может так, почему я не могу? Что меня сдерживает? Восьмой километр? Это оправдание для неудачников.

ЗАВХОЗ

Проходя однажды мимо гостиницы «Турист», расположенной рядом с нашим общежитием, я обратил внимание на сваленные во внутреннем дворике кресла. Не заметить эту кучу было невозможно: кресла обтягивал ярко-красный дерматин. Тут же валялись никелированные ножки. В нашей комнате не было стульев. Один сломался от частых сборищ «могучей кучки». Второй исчез: кто-то его вынес и не вернул. Я обращался к комендантше с просьбой выдать нам стул, но та отказала и объяснила: за нами числится два стула, и за один из них надо уплатить – государственную мебель ломать запрещается! Надо было это сказать «могучей кучке».

Я направился к служебному входу гостиницы, вошёл, разыскал завхоза в тёмном подвальном помещении. Невысокого роста крепкий мужичок, опираясь на бадог[97], напевал: «Давай пожмём друг другу руки, и в дальний путь на долгие года...» Пел завхоз лучше, чем кое-кто из нашего хора.

– Здравствуйте! – сказал я с порога.

– И вам не хворать. Чем объясните неожиданный визит?

[97] Инвалидная трость.

– Там у вас во дворе кресла валяются...

– Примем к сведению, – сыронизировал завхоз. – А вы кто?

– Я студент... Музыкант, – уточнил я.

– Знаешь, что такое пантеизм? – перешёл на «ты» завхоз.

– Нет. Но, по-моему, это не музыкальный термин, – ответил я.

– Это отождествление Бога с природой. Ты отождествляешь природу с Богом?

– Только когда очень голодный... Я насчёт кресел. Можно взять одно?

– В одну руку всего не загребёшь. Бери, сколько унесёшь, – любезно разрешил завхоз и снова запел: – Когда простым и нежным взором ласкаешь ты меня, мой друг...

Мне захотелось продолжить с ним общение: хорошо поёт, к тому же не часто встретишь доброго завхоза – вдруг из гостиницы ещё что-то выбросят. Пора заводить полезные связи. Кроме как с Еленой Георгиевной, в училище особо и не с кем побеседовать на свободные темы.

– Что вы поёте? Песня военных лет?

– Скорее предвоенных. Ты же музыкант, должен знать.

– Вы, наверное, воевали...

– Ага. С директором. Врукопашную. Жду, когда к награде представят. – Завхоз взял со стола газету. – Вот послушай, какие сильные стихи о войне.

Я только раз видала рукопашный,
Раз – наяву. И сотни раз – во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне[98].

[98] Цитируется стихотворение поэтессы-фронтовика Юлии Друниной.

– Мой отец тоже воевал...

– Так заходи как-нибудь, поговорим, – предложил завхоз.

В тот день в нашей комнате появились два роскошных кресла из ресторана гостиницы «Турист». Красные дерматиновые кресла вносили диссонанс в обстановку, резко контрастируя с казённой мебелью. Поначалу Игорь и Кимры обрадовались пополнению меблировки – удобнее стало предаваться служению высокому искусству и разливать водку. Но протрезвев, ребята принялись жаловаться на тесноту и порекомендовали отнести кресла в ленинскую комнату. Так продолжалось некоторое время: служение высокому искусству – ленинская комната. Мне это надоело, и я предложил альтернативу: предаваться служению высокому искусству в ленинской комнате – там просторно и пианино стоит. Но Игорь сходу отверг моё предложение: «Эта ванильная коза явится в общагу с проверкой, а мы с Кимры квасим в ленинской комнате! Чувствуешь, какой нездоровый конец нас ждёт?» Я не догадывался, о ком он говорит. «Кагэбэшница Бирюкова», – пояснил Щербинин. Выражение «ванильная коза» резануло мне слух, такого сочетания слов я раньше не слышал. Но от Щербинина и не такое можно было услышать.

Как-то шли с ним по коридору общежития. Впереди нас – Лада, красивая виолончелистка с третьего курса (на пятом этаже было много красивых девушек), и вдруг Щербинин говорит: «Мне очень нравится одна её черта». – «Какая черта?» – спрашиваю. И слышу в ответ: «Которая делит её попу на две половинки». В общем, такой культурный уровень отличал Щербинина.

Ладно, я сам решу, как поступить с креслами! В конце концов, это я их обнаружил, договорился, волок на себе на пятый этаж, починил, отмыл – а теперь в ленинскую комнату отдать?! Бесплатно? Юра этого не одобрит. Так бизнес не делается. Он женские трусы продаёт, а я кресла не смогу продать?! Я попробую! Наступил в моей

жизни переломный момент. Но кому, как продать? Где найти покупателя?..

Я вспомнил, что в городе, как грибы после дождя, появлялись кооперативы. Общество сделало выбор в пользу экономической свободы. «Гласность. Перестройка. Ускорение»[99]. Ожидались коренные перемены. Между тем мебели, необходимых предметов обстановки всё ещё не хватало. Я втащил кресла в трамвай и поехал по знакомому маршруту. Через некоторое время, заприметив на фасаде здания вывеску «Ремонт теле- и радиотехники», решил выйти и попытать счастья. В кабинете за рабочим столом сидел упитанный мужчина. Похоже, директор кооператива. Другой мебели, кроме скромного рабочего стола и небольшой табуретки, которая едва выдерживала директора и, казалось, стонала от его тяжести, в поле зрения не имелось.

– Здравствуйте! – бодро начал я. – Вам кресла нужны? В хорошем состоянии. Как новые.

– Сколько? – Директор встал.

– Тридцать рублей каждое.

Он подошёл и потрогал обивку кресла.

– Витя, полюбуйся на этого предпринимателя! – крикнул он.

Из соседней комнаты вышел партнёр по бизнесу.

– Ого! – обрадовался он. – Роскошные кресла!

Кооперативщики внимательно осмотрели кресла, для надёжности посидели в них и не торгуясь выложили шестьдесяти рублей – сумму, равную двум стипендиям или цене билета на самолёт от Калининграда до Баку (если точно помню).

– Откуда ты узнал, что нам кресла нужны? – полюбопытствовал Витя.

---

[99] Лозунги и ключевые направления реформаторского курса генсека ЦК КПСС М. Горбачёва в СССР в 1985–1988 годы, имевшего целью масштабные перемены в идеологии, экономической и политической жизни страны.

– По новой вывеске над входом, – объяснил я. – Вы недавно сюда въехали. Значит, требуется мебель.

– Такие люди стране нужны! – заключил Витя.

– Сообразительный, – заметил директор. И добавил: – Привози ещё два.

– Завтра будут, – пообещал я.

Куча сломанных кресел на заднем дворе гостиницы «Турист» начала приносить деньги. Два кресла я отвёз уже знакомым предпринимателям. Ещё четыре купила фирма бытовых услуг, в вестибюле которой кресла выставили для посетителей. Деньги я в прямом смысле делал из мусора! Этот опыт позже мне очень пригодился. Горка поломанных кресел быстро уменьшалась, и наконец задний двор гостиницы от них очистился. Так на короткое время я оказался миллионером, познакомился с основами экономической теории и получил необходимый опыт ведения бизнес-отношений.

Я зашёл в гостиницу поблагодарить завхоза за отзывчивость, да и просто хотелось с ним повидаться. Он сидел в своём кабинете с газетой в руках, на лице отражались мучительные раздумья. Увидев меня, поинтересовался, кто такой гетеросексуал.

«Гетеросексуал» и другие новые слова, благодаря кооперативной прессе, издававшейся в перестроечные годы, активно пополняли народный лексикон. Слова «менеджер», «грант», «клон», «квота», «петтинг», «маркетинг», «брокер», «стриптиз», «рэкет», «супермаркет», «конъюнктура» всё чаще мелькали в газетах, переходя в разговорную речь.

– Это не музыкальный термин, – ответил я.

И подумал: «Хорошо, про петтинг не спросил». Вряд ли я мог ему объяснить значение этого слова. Мне был неясен даже смысл слова «менеджер», которое попалось в газетном объявлении: «Совместному предприятию требуется менеджер со знанием английского».

И спросить было не у кого, что означает это новое слово. «Маркетинг» – ещё куда ни шло, можно самому догадаться: это когда марки собираешь. А попробуй объяснить человеку, пережившему послевоенную разруху, смысл слова «петтинг». В кооперативных газетах часто встречались настоящие перлы. Завхоз сказал, что ему нравятся гороскопы, спросил про мой знак Зодиака и зачитал:

– «Апрель станет отправной точкой в счастливое будущее Близнецов. В этот период ретроградный Сатурн будет восходить и оголяться. Меркурий, пребывающий в Тельце, основательно войдёт в Деву»...

Все куда-то входили и оказывали благоприятное влияние на умственные способности друг друга. Мой Сатурн каждый месяц в кого-то входил, но на моих умственных способностях это не отражалось. Я сказал, что не верю в эти гороскопы.

Завхоз немного подумал и предложил:

– Тогда о поэтах Серебрянного века поговорим.

Я согласно кивнул.

Завхоз продекламировал:

Не жалею, не зову, не плачу,
Всё пройдёт, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

– Ты когда-нибудь задумывался, – продолжил он, – почему все талантливые русские поэты прожили очень короткую жизнь? Пушкин, Лермонтов, Есенин, Блок, Маяковский...

– Потому что были гетеросексуалами? – неуверенно предположил я, так как к музыкальной литературе это отношения не имело.

– Нет. Во всём виноваты женщины. Шерше ля фам.

Я помолчал и спросил, будут ли ещё выбрасывать чего-нибудь.

– Инвентаризация каждые пять лет. А может, и раньше выбросим. Так что заходи.

Завхоз поблагодарил меня за помощь в избавлении от мусора на заднем дворе, сообщил, что к награде его так и не представили – ждёт, и мы попрощались. Встречаться с ним, к сожалению, мне больше не доводилось. А жаль. Наши встречи были не менее интересными, чем лекции по культурологии, которые читал в музучилище Марк Соломонович.

«ЯНТАРНАЯ КЛАВИША»

Отборочный конкурс пианистов Прибалтики «Янтарная клавиша» проводился в Большом зале нашего училища. Зара тут же предложил свой вариант: «Янтарная калоша» (но в зале он так и не появился ни разу – был занят своими делами). Подготовка к конкурсу была солидной: сцену помыли, затащили на неё второй рояль, прошлись с пылесосом по залу, повесили на стены дополнительные портреты Рахманинова, Шостаковича, Скрябина. В состав отборочной комиссии вошли Владимир Дмитриевич Слободян и Людмила Ивановна Якубинская – известные в городе педагоги училища, публичные и уважаемые люди в местном культурном обществе. Председателем комиссии была умудрённая опытом женщина – профессор Ленинградской консерватории, приглашённая для произнесения вступительной речи и курирования конкурса. Говорили, профессорша знала самого Дмитрия Шостаковича и даже написала о нём книгу. Одно это заставляло меня перед ней трепетать. Участники конкурса исполняли произведения Шопена, Чайковского, Рахманинова, Шумана, Грига

и других композиторов. Тогда я впервые услышал произведение Чайковского «Времена года», о котором любил упоминать Зара. Но конкурс меня привлёк не «Временами года». Я хотел пообщаться с человеком, который видел великого Шостаковича. Его знаменитая симфония № 7, «Ленинградская», действовала на меня возбуждающе. Хотя для этого мне не требовалось симфоний – заводился я по любому поводу. Конкурс длился четыре дня, и я не пропустил ни одного. Мне никак не удавалось приблизиться к профессорше и поговорить с ней о Шостаковиче. Мешала робость: где Шостакович, и где я. В день окончания конкурса, когда я выходил из зала, Людмила Ивановна Якубинская, преподаватель фортепианного отделения и член комиссии, остановила меня и, показывая на меня профессору, спросила:

– Простите, вы с какого отделения?

– С эстрадного, – сказал я.

– Надо же! Я своих пианистов в зал загнать не могу, а к нам эстрадники ходят… Удивительно!

Что же тут удивительного, если человек любит музыку и занимается самообразованием! Я ожидал, что она предложит перейти к ней на фортепианное, но Якубинская не успела – в этот момент меня окликнула Елена Георгиевна, тоже находившаяся в зале. Я извинился и отошёл. Повезло, что Андреева окликнула меня, иначе пришлось бы отказать Людмиле Ивановне, а отказывать педагогам я не умел.

– Толя, вышел замечательный фильм о Моцарте. «Амадей» называется, – сообщила Елена Георгиевна. – Вы обязательно должны посмотреть. Я настоятельно рекомендую. Только не обращайте внимания на глупые мелочи.

– На какие глупые мелочи? – не понял я.

– Что Сальери отравил Моцарта. Никто никого не травил… А кстати, что там у вас в общежитии происходит? – неожиданно сменила тему Елена Георгиевна.

– Ничего не происходит. – Я напрягся. – Никто никого не травил.

Может, она насчёт стекла? Вчера Ильдар по пьяни в комнате окно разбил. Но ведь это не её забота. Ирина Алексеевна нам вчера же вставила по первое число, как по инструкции полагается. Грозилась стоимость стекла вычесть из стипендии. А кто из «кучкистов» её получает, эту стипендию?

– Говорят, вы какую-то могучую кучку организовали…

Вот она о чём! Этого мне только не хватало! Дурная слава о «могучей кучке» распространялась всё шире. Плохие слухи расползаются, как тараканы. Кто способствует этим сплетням? Комендантша? «Могучая кучка» давно будоражит покой общежития. Так что доброжелатели найдутся.

– Кто вам такое сказал? Я ничего не организовывал.

– О ваших собраниях уже все говорят.

Я похолодел: если дойдёт до Лили Ивановны – конец. Вряд ли Бирюкова станет разбираться, кто конкретно участвовал в моральном разложении несовершеннолетних студентов в общежитии. Живёшь в комнате с Щербининым и Земсковым – значит, с ними заодно. А если сюда ещё Ильдара добавить… Содом и Гоморра!

– А Лиля Ивановна в курсе? – осторожно поинтересовался я.

– Насчёт Лили Ивановны не знаю. Я от Татьяны Борисовны узнала.

Час от часу не легче. Татьяна Борисовна Панкова – директор музыкального училища. Похоже, меня ожидали большие неприятности.

– Елена Георгиевна, я ничего не организовывал, и не вхожу ни в какие союзы! – разнервничался я.

Могут ещё и антисоветскую деятельность приписать. Ильдар в последнее время за языком не следит, болтает всякую дурь. Крымские татары покоя ему не дают.

Вчера опять Ницше цитировал. Вышел в коридор и кричал: «Если вы решили действовать – закройте двери для сомнений!» Пьяный дурак.

– А чего вы испугались? – улыбнулась Елена Георгиевна. – Это же прекрасно! Собираетесь, спорите... В спорах рождается истина, знаете?

Знаю, очень хорошо знаю. Столько истин уже родилось в нашей комнате. Запоминать не успеваю. Может, их кто-то даже тайно записывает?..

– Зная вашу творческую натуру... – Елена Георгиевна задумалась. – Слушайте! – воскликнула Андреева так, словно её осенило. – Давайте ваш творческий вечер в Большом зале устроим. Я всё организую, помогу. Вы Альбину знаете?

Опять она меня о таинственной Альбине спрашивает.

– Не знаю. Но, кажется, нам с ней пора познакомиться.

– Стройная, с косичками, голубоглазая. С хорового отделения. Я вас обязательно познакомлю, – улыбнулась Елена Георгиевна. Это качество в ней мне нравилось. Она всегда улыбалась. – Очень милая. Пишет хоральную музыку. Немного в стиле модерн, но ничего страшного. Это даже хорошо. Вы – струнную. Она – хоральную. Яркий контраст.

Тень неизвестной Альбины заслонила горизонт. Я не против знакомства с талантливой голубоглазой девочкой, сочиняющей хоральную музыку. Я пишу для фортепиано, для флейты и струнных инструментов. Может, научусь хоральную сочинять?

– Будете дополнять друг друга, – прибавила Елена Георгиевна.

Согласен, рано мне ещё одному выходить на большую сцену. С Альбиной безопаснее: в случае неудачи ответственность на ней – хоральная музыка на любителя. Как реквием, который приходится слушать, когда кто-то умирает.

Наш совместный творческий вечер состоялся через месяц. За это время успели подготовиться все исполнители. Елена Георгиевна повесила у главного входа в училище афишу, написанную гуашью. Зал от зрителей не ломился, но это меня не расстроило: вчера мою музыку никто не слышал, а сегодня мне аплодировали, задавали вопросы из зала. И даже не это главное. После творческого вечера Елена Георгиевна дала оценку моему творчеству. Она сказала: «Толя, вы только не обижайтесь, но одно ваше произведение местами напоминает мотивы оперы "Вильгельм Телль"». Это была высокая оценка. Я сознался, что мне давно нравится произведение Россини, а когда вижу Пашу Ройтмана, так и хочется поставить ему на голову яблоко и выстрелить в него из арбалета. Мы рассмеялись.

– Вы счастливы? – спросила Елена Георгиевна.

Безумно счастлив! Я наконец познакомился с таинственной Альбиной и её хоральной музыкой, местами действительно напоминающей заупокойную мессу. В хорошем, конечно, смысле.

Ранним утром в дверь нашей комнаты неуверенно постучали. Я услышал негромкий стук сквозь сон и проснулся. «Кучкисты» Кимры, Ильдар и Игорь накануне отмечали Международный день музыки и теперь мирно храпели в своих кроватях. По решению коменданта с нового учебного года Ильдар жил в нашей комнате. Разумеется, уплотнение отразилось на моём спокойствии. «Кого бы так рано могло принести?» – подумал я. Обычно в такое время наведывались с проверкой Лиля Ивановна с Ларой Павловной. Они, как правило, не стучали в дверь, а если стучали, то сразу входили в комнату.

Я лежал в кровати и продолжал размышлять. Хотя водку я с коллективом «могучей кучки» вчера не пил, тем не менее что-то удерживало меня в постели.

Неуверенный стук повторился, на этот раз громче. Значит, не проверка. Может, кто из девчонок за чаем или хлебом пришёл? Но я вспомнил, что ни чая, ни хлеба или даже соли в нашей комнате давно нет. Легче водку было найти или вино, чем чай или хлеб. Так что и девочки в такой ранний час отпадают.

Дверь открылась, и кто-то вошёл в комнату. Я не мог видеть нашего гостя: между кроватью и входной дверью стоял высокий гардеробный шкаф. Из-за него неожиданно выглянуло смуглое улыбающееся лицо. Эрика Алтуняна, с которым, напомню, мы познакомились на концерте «Блик-Битлз», я узнал сразу. Его невозможно было не узнать: блестящие карие глаза, чёрные кудрявые волосы, прямой, как говорится, греческий нос. Нам с Эриком не удалось увидеться ни перед армией, ни после, и теперь, когда отслужил и уволился в запас, он приехал в Калининград меня навестить.

– Подъём! Труба зовёт! – улыбаясь сказал он.

Вот это сюрприз. Умеет человек удивлять!

Мы обнялись. Через час сидели в буфете нашего училища. Эрик рассказал мне о своей службе, как узнал мой адрес, о том, что мечта стать музыкантом с годами только окрепла. Я устроил ему экскурсию по училищу: провёл по классам, показал Большой и Малый залы, лингафонный кабинет, мастерскую нашего мастера-скрипача, который вырезал из дерева инструменты подобно Гварнери и Страдивари. Познакомил его с некоторыми эстрадниками. Потом мы поехали на остров Кнайпхоф, навестили склеп Иммануила Канта, погуляли вокруг Кафедрального собора. Осмотрели Кирху памяти королевы Луизы в центре города, в которой размещался театр кукол. Эрик гостил несколько дней. Провожая его на вокзале, он пообещал: «Ты обо мне ещё услышишь», сел в вагон и уехал.

Через некоторое время после него объявился Володя Погосян. Видимо, впечатлился рассказами Эрика.

Володя поселился в общаге надолго. Приходил в училище, спускался к духовикам в подвал, где размещался также класс ударных инструментов, и демонстрировал продолжительную виртуозную игру на барабанах. Техника его значительно улучшилась и теперь была на достойном, высоком уровне. Игру Володи спускались послушать старшекурсники, педагоги эстрадного и духового отделений. Погосян любил удивлять и быть в центре внимания – и ему это удавалось. В училище пошла молва о чумовом барабанщике, как сказал о Погосяне барабанщик Костя Белов, студент четвёртого курса эстрадного отделения. Мне начали задавать неожиданные вопросы. Владимир Иванович Щукин, педагог эстрадного отделения, тромбонист и руководитель джаз-бэнда «Ритм», чью пластинку выпустила фирма «Мелодия», спросил меня:

– Твой друг не хочет тут остаться? Я его в джаз-бэнд возьму. Поговорю с директором училища, его зачислят на второй курс со стипендией.

Я переадресовал этот вопрос Володе.

– Знаю! – Погосян от счастья был на седьмом небе. – Уже все в училище об этом говорят.

– И ты остаёшься? – полюбопытствовал я.

– Вряд ли.

– Ты же всегда хотел играть в бэнде. Джаз любишь.

– Люблю… – согласился Володя. И прибавил: – А теперь я ещё люблю девушку…

Уговаривать его оказалось бесполезно. Погосян никого не слышал. Он был глух и слеп. Он влюбился, влюбился безрассудно и самозабвенно. В общаге Володя вскружил голову Вике, скрипачке-второкурснице из Киева. Стройная, невысокого роста симпатичная девочка с короткой стрижкой стала пропускать занятия. Вика была одним из лучших инструменталистов на курсе – первой скрипкой камерного оркестра училища, которым руководил Андреев, муж Елены Георгиевны Андреевой.

Днём, когда её соседки по комнате занимались в училище, Вика с Володей занимались в запертой комнате. Вот только звуки скрипки оттуда точно не доносились. В комнате Вики, как утверждали студенты из соседних комнат, слышался скрип кровати, отдалённо напоминающий виртуозные пассажи гениального Никколо Паганини, который пилил свою скрипку с невиданной страстью. К вечеру влюблённые выходили из комнаты и разговаривали на кухне у окна. Прежде ни разу не замеченная с сигаретой скрипачка вдруг закурила: Вика смотрела на меня благодарным взглядом и выпускала тонкую струйку дыма в открытое окно. «Тебе курить вредно! – рекомендовал я скрипачке. – Может ты уже беременная». Вика только загадочно молчала.

А может, я и не прав, не Погосян вскружил бедной девочке голову, а наоборот, Вика увлекла его молодостью, доверчивостью и изящной формой своего чарующего инструмента. Я видел, как она соблазнительно расстегивала чехол и доставала оттуда скрипку. Уже только за это в неё можно было влюбиться. Короче говоря, они оба потеряли голову от любви. Ровно через месяц Погосян сделал Вике предложение. Она бросила училище, уехала с Володей в Баку и там вышла за него замуж.

Узнав, что у меня завелись деньги от продаж кресел, Кимры, Ильдар и Игорь стали время от времени занимать у меня то терцию, то кварту, а то и квинту – до стипендии, хотя никто из них давно её не получал. Я им давал, и мне было не жалко: деньги делал из кучи мусора. Они только удивлялись, откуда у меня деньги. Я им не объяснял.

– Займи квинту, Толь, – в очередной раз с улыбкой как-то подошёл ко мне Кимры. Он всегда улыбался, когда занимал деньги. – Праздник с ребятами хотим отметить.

Кимры был неплохим парнем: добрый и веселый, в общаге он многим нравился. И я уже говорил, одно

время мы с ним дружили. Но я больше не хотел давать ему денег – сколько можно? Неужели ему свое здоровье не жалко? Но Кимры не отставал.

– Пора тормознуться. Здоровье надорвёшь. Голос сядет. Игорь и Зара и те делают паузы, – попытался я образумить Андрея.

– Да ты чё, Толь, – обиженно проговорил Кимры. – Со Дня музыки капли в рот не брал… Блядью буду! – прибавил он для весомости.

Его клятвенное заверение меня убедило.

– А чё за праздник?

– А ты не знаешь? – укоризненно произнес Кимры. – День полярника… С праздником тебя!

Я протянул ему пять рублей.

– Добавь до сексты, – попросил Кимры.

Я протянул ещё рубль.

– И тебя с праздником.

– Со стипендии отдам, – заверил повеселевший Кимры. – Кстати, ты в курсе, что Зара в Ленинградскую консерваторию собирается поступать?

– Я даже не сомневаюсь, что он поступит, – высказал я свое мнение.

Настроение Кимры тут же поменялось, улыбка сменилась тихой печалью.

– Не грусти, найдешь себе другого собутыльника, не хуже.

Помолчав, Андрей сказал:

– Ладно, пойду, а то магазин закроется.

Он протянул руку, и мы попрощались.

Интересно, где теперь Зара, Сергей Зарубин, мудрый друг и духовный наставник, почётный член «могучей кучки», сердцеед и поклонник скрипачек и пианисток, талантливый тромбонист и достойный представитель сильного пола. Не сомневаюсь, играет в симфоническом оркестре Мариинского театра, выдаёт на тринадцатой

минуте симфонии № 6 Чайковского, «Патетической», разрывающее душу соло, в котором отражена вся боль и трагедия русской души. Спасибо тебе, Зара, за интенсивные содержательные уроки музлитературы, за твой оригинальный «музыкальный» юмор и уважительное отношение к педагогам музучилища! Я у тебя многому научился, только вот не послушал твоего совета – держаться от народников подальше.

Несмотря на то, что я бывший музыкант, хотя бывших музыкантов, как известно, не бывет, – как бы там ни было, считаю своим долгом напомнить читателю: Международный день музыки отмечается в первый день октября. «Могучая кучка» каждый год достойно отмечала этот праздник. Кроме Дня музыки они регулярно отмечали Рождество Христово и День молодежи. День работника морского флота и День рыбака. День моряка-подводника и День космонавтики. Всемирный день туризма и День Конституции. День знаний и День работников нефтяной и газовой промышленности. И ещё многие другие праздники, всех я уже не помню. Ах, да, ещё один отмечали – День российских студенческих отрядов, хотя ни Кимры, ни Ильдар, ни Игорь в стройотряде никогда не были.

ЛАРИСА

Судьба Ларисы Кравченко драматична и увлекательна – схожа с судьбой Ларисы Огудаловой, героини фильма «Жестокий романс», – классика советского кино! – снятого по мотивам пьесы «Бесприданница» русского классика Александра Островского. Поэтому излагаю в виде синопсиса – вдруг какой-нибудь режиссёр пожелает снять новую версию этого фильма!

В тот памятный день, когда Лина преградила мне путь на лестничной площадке и предложила сходить

в кино, Лариса с девчонками тоже времени зря не теряла – она отправилась на танцы в КВАТУ[100] и познакомилась там с симпатичным курсантом Педановым. Курсант пригласил её на медленный танец, прижимался и страстно обнимал, шептал на ушко нежные слова, обещал жениться и увезти с собой на край света – любовь с первого взгляда, в которую девушки обычно не верят и, наверное, правильно делают. Потому что первая любовь у многих очень скоротечна. Но Педанов не обманул. Женился и действительно увёз на край света. Далее – как в «Бесприданнице». Кто не читал – настоятельно рекомендую.

Свадьбу сыграли в Нестерове – родном городе Ларисы. Нестеров – город небольшой, провинциальный, население – пять тысяч. Стоит, правда, не на Волге, как Бряхимов в «Бесприданнице», но какая-то речка и там есть. Городок, одним словом, ничем не примечателен, кроме того, что там жил и учился Виктор Пацаев, космонавтом Герой Советского Союза. На свадьбу неожиданно, без приглашения явился Сергей, бывший парень Ларисы. Движимый ревностными чувствами и горьким разочарованием, он попытался выяснить с ней отношения. Лариса Кравченко ответила примерно как героиня пьесы «Бесприданница» Лариса Огудалова, которая сказала своему жениху Карандышеву: «Как вы мне противны, кабы вы знали!» Атмосфера праздника наполнялась тревогой, гостей охватило беспокойство. Глубоко оскорблённый Сергей не обманул ожиданий присутствующих и со словами «Так не доставайся ж ты никому!» с горя устроил пьяную драку. Слава Богу, обошлось без применения огнестрельного оружия. Но это не помогло: Сергея судили и посадили в тюрьму.

Лариса на суде не присутствовала. У неё своих забот было выше крыши. Они с Педановым решили сыграть

[100] Калининградское военное авиационно-техническое училище.

вторую свадьбу у него на родине, чтобы об этом дне осталась у всех добрая память. Там молодожёны снова обменялись кольцами, и в этот раз обошлось без драки. Педанова, теперь уже молодого офицера, отправили по распределению на Дальний Восток. Лариса к тому времени защитила диплом и последовала за мужем на край света. Всё её приданое было при ней, а именно диплом Калининградского музыкального училища по специальности «Преподаватель детских музыкальных школ по классу фортепиано». Так что Ларису с основанием можно было назвать бесприданницей.

Квартиру молодожёнам не дали, и это понятно – кто даст квартиру вчерашнему курсанту. Офицеры годами стояли в очереди. Жили Педановы в офицерской гостинице. Осенью и зимой – дикий холод. Плитку включать было запрещено: от перенапряжения электричество в гостинице отключалось. Условия – на грани антисанитарии. Лариса беременная. Оставаться здесь с новорожденным ребёнком – значит, подвергать его риску заболеть. Поехала к маме в Нестеров, где Сергей досиживал срок за пьяную драку. Пока Лариса рожала, муж увлёкся на танцах новой девушкой. Опять жаркие объятия, нежные поцелуи, новые клятвы в любви – и заявление на развод. Тем временем хулиган и дебошир Сергей вышел на свободу, узнал, что Лариса в Нестерове, пришёл с цветами в родильный дом и сделал предложение бывшей девушке, родившей от другого мужчины, которому он успел на свадьбе съездить по физиономии. Лариса дала согласие и вышла за него замуж. У них двое детей: Иван и Александр. Лариса ведёт фортепиано в музыкальной школе и работает аккомпаниатором в детском саду. Вот такая настоящая любовь. В этом «фильме», в отличие от «Жестокого романса», где героиню убивают из пистолета, будет счастливый финал.

ЛИНА

Отношения с Линой развивались поэтапно – так ей было удобнее. Вы же понимаете: девочки любят ставить мальчикам немыслимые условия и препятствия. Этап первый – походы в кино и кафе-мороженое. Второй – томные вздохи, нежные объятия, целомудренные поцелуи в парке и на крыше общаги. (Кстати, на крышу я Лину всё-таки заманил, где целовал её при полной луне.) До третьего, главного этапа, по моим расчётам, нашим отношениям предстояло дойти не раньше конца учебного года, в мае – ждать оставалось недолго. Конечно, хотелось пропустить первые два этапа и сразу приступить к третьему – зачем терять столько времени? Но Лина не торопила события, объясняя свою позицию тем, что, если пропустить один из этапов, желаемой гармонии можно не достигнуть. Кооперативных газет и журналов начиталась. Долго рассказывала мне про фэншуй, поиск благоприятного потока энергии и его использование для гармонизации семейных отношений и достижения достатка. Раньше ничего подобного в прессе не публиковали.

Так что мне приходилось довольствоваться зоопарком, ботаническим садом, Музеем янтаря, кинотеатром и сливками в кафе-мороженом. Естественно, на всё это требовались деньги, а их было немного. И фэншуй в этом почему-то не помогал, хотя я старался следовать его древним правилам. Может, нарушал?

Солнечным майским днём, во время совместной прогулки у Верхнего пруда, что находился за общежитием, Лина загадочно произнесла:

– Скоро защита диплома…

– Да, – кивнул я. – Время пролетело незаметно.

– Нас распределят в разные места… – продолжила она.

– Да, – повторил я.

– Ты понимаешь, что мы больше не увидимся? – Лина заглянула мне в глаза. Вопрошающий взгляд её чистых голубых глаз обезоруживал.

– Понимаю, – согласился я.

– И что? – с досадой выдохнула Лина.

– А что я могу сделать? Не могу же я отменить систему распределения.

– Не в системе дело, Толик!

– А в чём? – недогадливо спросил я.

– Может, мы поженимся?! – в ультимативной форме предложила Лина.

Вопрос был поставлен ребром: или женимся, или расстаемся. Вот до чего доводят походы в кино – до ЗАГСа. Сначала в кино, потом в ЗАГС. А дальше что? Развод и девичья фамилия?

Лину распределили в совхозный клуб деревни Берёзовка – за сто пятьдесят километров от Калининграда. Мы ради любопытства даже туда съездили. Было интересно увидеть своими глазами наше будущее место работы и будущий дом. Председатель совхоза, женщина средних лет, показала клуб и недостроенный дом с участком, который совхоз передавал в нашу собственность при условии, что мы с Линой поженимся, и я тоже буду работать в клубе. Рассказала, как разводить поросят и ухаживать за домашней живностью. Я не хотел расставаться с Линой, но и в совхозе жить не собирался – не для того вырвался из Восьмого километра, чтобы поросят разводить. По возвращении в Калининград я сообщил Лине о своём решении: «Я в совхоз не поеду». Три года мы уже вместе. Терять её, конечно, не хотелось. Кроме того, наши отношения наконец дошли до третьего этапа. Но для женитьбы всего этого недостаточно. У меня ни денег, ни работы, ни квартиры – ничего нет! Одна наглая голая молодость, которая, если верить гороскопу, скоро должна войти в Деву. А Лина по гороскопу

была Девой. Спрашивается, зачем я ей нужен, почему она выбрала меня? У меня всё временное, даже прописка. Через год прописка закончится, и что будет дальше? Нет. Больше я в этот фэншуй не верю. Какая может быть семья без квартиры, без работы, без прописки? Отдаёт ли себе Лина в этом отчёт?..

– Ты меня любишь? – не отставала она, глаза её увлажнились.

Видимо, в этот день Лина решила всё для себя прояснить.

Весна пульсировала, и я отчётливо ощущал в себе эту пульсацию природы. Чувства переполняли и расцветали вместе с ней. Гороскоп тоже настраивал на любовь с Девой. Уверял, что Близнец в скором времени войдет в Деву.

– Люблю, – после короткой паузы признался я и безрассудно согласился: – Давай поженимся…

– Это дело надо отметить, – заключила довольная Лина с видом победителя.

Я пригласил её в кафе «Театральное» отметить триумфальную победу. Кафе располагалось недалеко от драматического театра, напротив которого красовался изящный бронзовый памятник великому немецкому поэту и драматургу Фридриху Шиллеру, часть поэмы которого «Ода к радости» Людвиг ван Бетховен включил в последнюю, четвёртую часть своей девятой, «Хоральной», симфонии.

Мы вышли на трамвайной остановке, недалеко от памятника. Я взял Лину за руку, мы подошли к Шиллеру. Минуты две стояли молча, потом я прочитал по памяти:

Обнимитесь, миллионы!
Слейтесь в радости одной!
Там, над звёздною страной, –
Бог, в любви пресуществлённый! [101]

[101] Перевод И. Миримского.

Я недавно сдавал зачёт Галине Афанасьевне, так что произведение Бетховена знал хорошо.

Лина спросила:

– Ты никогда не задумывался, почему в Калининграде многие памятники во время войны были разрушены, а Шиллер остался целым?

– Может, промахнулись? – предположил я.

– Нет, – сказала Лина. – Его спас советский солдат. Он написал на памятнике: «Не разрушайте! Это великий поэт!»

– Спасибо солдату за памятник.

– Спасибо за Победу! – поправила меня благодарная Лина, и я с ней согласился.

Мы удобно расположились в полутёмном уютном зале. Я любил это место. Заходил сюда, когда появлялись деньги. Неоднократно ужинали здесь с Линой. Мне нравилось всё, что было связано с театром, музыкой, искусством. В самом названии «Театральное» была притягательная сила. Внутри кафе царила уютная обстановка, посетителей обслуживали приветливые официантки в белоснежных викторианских передниках с оборочками, звучала романтическая музыка. Меню было выполнено в виде партитуры с пожелтевшими страницами. Отбивная из свинины соблазнительно называлась «Allegretto[102]». Официантка предложила на выбор «Allegretto» с гарниром и цыплёнка табака. Я отказался от «Allegretto» – дорого, и заказал два цыплёнка табака, жюльен, салат, два бокала красного вина и фрукты – благо у меня оставалось рублей двадцать. Гулять так гулять! Лина о чём-то увлечённо рассказывала. Кажется, о своей подружке и однокурснице, очаровательной Лене Чекиной, которая «залетела» от баяниста Юры Тамбовцева, красавца с народного отделения.

[102] Музыкальный термин, обозначающий умеренный темп.

ЛЕНА ЧЕКИНА

Эта трогательная и одновременно трагическая история любви заслуживает отдельного рассказа. Но боюсь, у меня не хватит слов, чтобы описать всю глубину этой драмы. Тем не менее попытаюсь. Возможно, в моем рассказе имеются некоторые неточности – каждый интерпретирует по-своему – за это прошу прощения. Рассказываю то, что знаю.

Юра Тамбовцев был заносчивый, надменный, стройный – герой-любовник. Всё у него складывалось хорошо. Талантливый, способный музыкант, после окончания музыкального училища он легко поступит в Ленинградскую консерваторию. Многие предрекали ему большую сцену и славу. Особенно его педагог Владимир Георгиевич Тимофеев. Лена нравилась очень многим парням в музучилище, в том числе и мне: скромная, обворожительная, стройная и стильная девушка, она всегда носила модные колготки в сеточку и делала причёску с начёсом, как у популярных певиц эпохи «диско». Даже в общаге не позволяла себе выглядеть неопрятно, в отличие от других девчонок. Если и появлялась в коридоре в домашнем халате – всё равно выглядела соблазнительной и желанной: халат сидел на ней как модное платье. Однако Лена остановила свой выбор на Юре – как можно было устоять перед обезоруживающей улыбкой Алена Делона и пронзительным взглядом чёрных глаз! Я слышал, как они в училище дуэтом исполняли «Зиму» Антонио Вивальди: Юра на баяне, Лена на аккордеоне. Это фантастическое произведение я впервые тогда услышал в таком оригинальном исполнении: изумительно сочетались звуки двух родственных, но разных инструментов. Немецкий аккордеон «Horch» в руках Лены издавал чарующие переливы. Играли Юра с Леной превосходно, довели до слёз. Солировал, конечно, Юра, но от Лены невозможно было оторвать взгляд. Лена

была в отглаженной белоснежной блузке, чёрной короткой юбке, чёрных колготках. Она сидела, сдвинув чуть в сторону правую ногу, на левую опирался аккордеон, а между ног клавиатура, по которой легко бегали её тонкие пальцы…

Короче говоря, Лена забеременела. Как выразился циник Щербинин, доигрались. (Между прочим и Щербинин когда-то её безуспешно добивался.) Юра не пожелал связывать себя узами Гименея. Сказал об этом Лене легко и непринуждённо – он всё делал так: легко сходился, легко расходился, легко поступил в консерваторию, легко исполнял на баяне сложные концертные произведения. Не время, мол, сейчас беременеть, да и зачем ему провинциалка из унылого, обшарпанного Гвардейска. (Мне как-то пришлось там побывать – действительно наводящее тоску местечко, Салтыкову-Щедрину мало не показалось бы.) Его, Юрия Тамбовцева, ждёт большая широкая дорога: Ленинград, профессора консерватории, лучшие подмостки страны, статьи в газете «Культура». Красавицы культурной столицы. Слава и деньги. Вряд ли кто-то в этом сомневался: Юра был рождён для любви и славы. У ног такого лежит весь мир. Сознаюсь честно, мне хотелось с ним дружить. Но я, очевидно, не был рождён для любви и славы, как Юра. Дружбы у нас не получилось. Дружеское общение было, но дружбы не вышло.

Лена тяжело пережила разрыв. Точнее даже не разрыв. Это была измена, предательство. Предательство родного и любимого человека. Мама грозилась выгнать Лену из дому – сама была матерью-одиночкой и прошла через многие мытарства, ставя на ноги двух дочек без отца. Работала, не разгибая спины, чтобы отдать Лену в музыкальную школу, на последние деньги купила ей дорогой немецкий аккордеон. Хорошо понимала, что ожидает двадцатилетнюю дочь без мужа и с ребёнком на руках в маленьком провинциальном городе. Она сказала Лене:

«Я вас одна двоих воспитала, теперь посмотрю, как это сделаете вы». Этим было всё сказано. Трагедию усугубляло то, что родители Юры не были в курсе происходящего: Тамбовцев скрыл свою оплошность – подумаешь, ошибка молодости. С каждым может случиться, и действительно, похожие ситуации случались и с другими парами в общаге: молодость прекрасна, но беспечна. Парни ей сочувствовали и даже жалели. (В их число входил и я.) Девушки перешёптывались: сама виновата, нечего было выбирать красивого и талантливого. Захотела всех опередить – вот и расплата. Такую подлянку кинуть на четвёртом курсе, перед финишем – на Юру претендовали многие однокурсницы, а Лена лишила их надежды и возможности его заполучить.

Юра порекомендовал Лене сделать аборт. Она не согласилась, поделилась своей болью с Любой, соседкой по комнате и подругой. Люба Алексеева вызвала Юру на серьёзный разговор. Это не помогло – Юра оставался непреклонным, ему нужна свобода и творчество. А точнее, свобода творчества. После разговора с Любой Юра стал настаивать на аборте. Лена противилась, отказывалась, защищалась, но она была одна со своей бедой (Люба сделала всё что смогла) и вскоре не выдержала давления и сломалась. Сдалась.

Но тут выяснилась одна на первый взгляд незначительная, но важная деталь: у Лены по какой-то причине не оказалось калининградской прописки, а врачи без прописки не принимали. Не имею понятия, почему у Лены не стоял в паспорте штамп, подтверждающий временную прописку. Такой штамп ставили всем, кто проживал в общежитии – закон есть закон, и пренебрегать советскими законами нельзя. Это было чревато последствиями. Может, Лена паспорт потеряла, а в новом ещё не успела сделать прописку. Кажется, так и было, но точно мне неизвестно. Теперь это не важно. Но Бог – не фраер, Он всё видит, как сказал Ильдар. И, похоже,

Бог действительно видел. За помощью Юра обратился к Андрею Рябцеву. Тому самому интерну, который жил в нашей общаге. К этому времени Андрей уже работал терапевтом в городской больнице. Он вник в суть дела и пообещал помочь. Андрей договорился со знакомой коллегой гинекологом. Лена пришла в больницу на осмотр. Села в кресло. Гинеколог говорила с ней недолго, но после этого разговора Лена выскочила из кабинета в слезах. «Девочка! Жизнь коротка, а мужчины – сволочи. Поверь мне. Не губи ни себя, ни ребёнка. Твой Ромео ещё вернётся. Одумайся! – неслось ей вслед. – Одумайся!» И Лена одумалась.

Когда слухи о беременности дошли до Владимира Георгиевича Тимофеева, он прервал урок и сказал своему любимому ученику: «Юра, ты за Лену очень сильно не переживай! Одна она не останется. Завтра же её беременной с ногами и руками заберут». Это было правдой: в Лену были влюблены два парня из её родного города. Оба были готовы взять её в жены, и беременность их не озадачивала.

Слова Тимофеева на Юру тоже не подействовали. Он молчал и снисходительно улыбался. Несмотря на то, что оба родились зимой, – Лена в январе, Юра в феврале – их времена года не совпадали: в его душе продолжала играть (точнее лютовать) зима, а у Лены в душе давно пробудилась весна и уже должно было начаться лето. Роды были очень тяжёлыми. Весь этот день от неё не отходила Люба Алексеева, специально приехавшая в Гвардейск. Она первой и увидела новорожденную. Не Юра, отец ребёнка, а Люба Алексеева, соседка по комнате и единственная настоящая подруга.

Люба незамедлительно сообщила Юре о рождении дочери. Юра приехал из Ленинграда через пять дней посмотреть на девочку. Улыбнулся ей своей лучезарной улыбкой, подумал и загадочно, неуверенно произнес в никуда: «Надо жениться». Кому надо, когда надо?

Раз надо – женись, делай предложение! Но Юра уехал в Ленинград. После родов хрупкая Лена долго мучилась болями в спине. Защита диплома оказалась не легче родов: моральный и физический стрессы давали о себе знать. Но Лена, несмотря ни на что, защитилась и вернулась в родной захолустный Гвардейск. С мамой тоже кое-как договорилась. Добрые люди известили родителей Юры про геройства их сына. Теперь родители были в курсе, но повлиять на сына они уже не могли: Юра в Ленинграде, постоянно занят учёбой, задействован в оркестре, отвлекать его ни к чему. Да и чем Лене могли помочь его родители? Нет, конечно, отец Юры поговорил с сыном по-мужски, попытался кое-что объяснить, но на этом помощь закончилась: Лена с ребёнком жила и работала в Гвардейске, а Юра учился в Ленинградской консерватории.

Зимой Юра приехал домой в Черняховск. Решил отвезти холодильник в общежитие на улицу Доблести в Ленинграде. Юра любил жить с комфортом и ни в чём себе не отказывал. Точнее, отказывал, если это требовалось для достижения мастерства исполнения и других творческих целей. Поехал с отцом, главным врачом психиатрической больницы города Черняховска, на больничном четырёхместном УАЗе. Машину вёл Юра, недавно получивший права. В пути из-за того, что участок шоссе был покрыт ледяной коркой и снегом, произошла страшная автокатастрофа. Я не знаю, как и по чьей вине случилась авария. После удара УАЗ перевернулся. Тяжёлый холодильник придавил Юре грудь. Он скончался по дороге в больницу. Говорят, отец отделался царапинами, но от горя на какое-то время впал в прострацию: потерять талантливого молодого сына в расцвете лет – такое никто не способен перенести без последствий.

Юру похоронили в Черняховске. Отец его, приехав в Гвардейск, разыскал Лену и забрал её с ребёнком к себе

на некоторое время. Дочку Юры Тамбовцева и Лены Чекиной зовут Валентина. Сейчас ей уже двадцать семь лет. Я знаю это потому, что у меня хранится фотография Лены с дочуркой на руках, на обороте которой она красивым почерком написала: *На память от Лены и Валентинки. 6 мая 1990 г.* Эту фотографию она прислала нам с Линой в Канаду. Где теперь Лина, и где теперь Лена? И где та врач-гинеколог, спасшая ей ребёнка? Как заметил позже Андрей Рябцев, она оказалась умнее нас всех.

Незадолго до трагедии Дима Митриев предложил навестить Юру в Ленинграде. Идея сразу пришлась мне по душе: я никогда не был в городе на Неве. Мне очень хотелось увидеть консерваторию – Храм, в котором когда-то учились Чайковский и Шостакович, посидеть за инструментами, на которых играли и возможно сочиняли музыку великие композиторы, – прикоснуться к вечности. Ещё хотелось побывать в Эрмитаже, с Юрой пообщаться, узнать насчёт вступительного конкурса. Димка мне постоянно талдычил про поступление в Ленинградскую консерваторию. Как будто там нас, разгильдяев, только и ждали.

Юра принял нас приветливо. Мы расположились в его комнате. Пока к нему никого не вселили, он наслаждался одиночеством.

Каждый вечер Юра занимался, тренировал свои пальцы – взял себе за правило. Садился на табурет, брал баян в руки и гонял по клавиатуре минут сорок пассажи – стремясь достичь исполнительских высот, совершенствовал технику игры. В один из вечеров после занятия он отложил баян в сторону и завёл со мной странный разговор.

– Не понимаю я тебя. Ты вроде умный человек: Моцарта любишь, третий концерт Гайдна… Чего ты с этой Линой связался?

– А что тебе не нравится? – задал я ему встречный вопрос.

– Она же из Черняховска, – сказал Юра презрительно, как будто Черняховск был помойкой. Хотя, если честно, город производил удручающее впечатление, будто его не восстанавливали, чтобы он служил доказательством страшной войны. Я объездил многие города Калининградской области и видел, в каком плачевном состоянии они находились. На некоторых фасадах виднелись следы от пуль и осколков, кое-где даже читались выцветшие надписи на немецком языке.

Я растерялся, не знал, как реагировать. Что это? Оскорбление или дружеское любопытство?

– А сам ты из Москвы, что ли?

Юра проигнорировал мой вопрос. Он продолжил:

– Брось ты её! Зачем тебе нужна колхозница!

– Так же, как ты Лену с ребёнком бросил? – парировал я. – Может, навестишь дочку в Гвардейске?

– Может, и навещу, – спокойно отреагировал Юра.

Если он хотел меня оскорбить, то ему это удалось. Я испытал желание ударить его, но медлил: живём в его комнате, питаемся у него... Я не знал, как мне поступить. Сказывались мнительность, неуверенность в себе, нерешительность – плоды воспитания движимой любовью мамы – полный набор отрицательных качеств для мужчины. (Мамочки! Не воспитывайте своих сыновей так, чтобы им потом всю жизнь исправлять ваши ошибки.) Пока раздумывал, вмешался Дима Митриев.

– Кочумай, Юра! – сказал он. – Лина хорошая девчонка.

Юра попросил прощения, но у меня на душе остался осадок. Я тогда пожалел, что не влепил ему. А сейчас думаю, и хорошо, что не дошло до этого. Лина хоть и живёт в Канаде четверть века, а как будто из своей деревни и не уезжала.

О трёх других, помимо Ларисы Кравченко, соседках Лины по комнате в общежитии, к сожалению, мне

известно совсем немного – всех раскидало по белу свету.

Света Носова в 1990 году вышла замуж за Сашу Петрова, водителя санитарного автомобиля калининградской городской больницы. Через несколько лет Света с Сашей разошлись, и она вернулась в родной Советск. Работает в музыкальной школе преподавателем и руководит оркестром народных инструментов. Даёт частные уроки. В Советске Света снова вышла замуж. Её сыну Александру, рождённому в первом браке, уже двадцать семь лет. Дочери Ульяне – десять, она играет на скрипке.

Аккордеонистка Инна Артамонова (она родилась в городе Неман) вышла замуж за младшего брата Юры, Диму Тамбовцева. (Юра, кстати, категорически возражал против их дружбы.) Инна с Димой переехали в Ленинград и прожили вместе десять лет. Детей родить не смогли. Не получалось никак. Дима ушёл к другой. Инна постоянно ходила в церковь и молилась несколько раз в день. Она хотела детей и просила Господа посодействовать. В церкви она познакомилась с батюшкой. Тот советовал: «Молись, и по вере воздастся» – и Инна уверовала. Уверовала и родила… от батюшки. Развелась с Димой, вышла замуж за священника, стала матушкой. У них чудесная дочь Лизонька. (Велики и чудны дела Твои, Господи!) Инна ведёт класс аккордеона в общеобразовательной школе в Санкт-Петербурге.

Дирижёр-хоровик Галя Балынская (из какого она города Калининградской области, мне неизвестно) вышла замуж за эстрадника Владимира Наумова, с которым я учился на первом курсе, до перехода к Макеевой на ДХО. Галя работает в Калининграде в музыкальной школе хормейстером и в музыкальном театре. Также поёт в церковном и камерном хоре. Двадцать лет руководит женским вокальным ансамблем «Кантабиле», коллектив поет *a cappella* на пять голосов, много гастролирует. У Гали с Володей дочь Ольга.

Не так давно я пересматривал фильм режиссера Алексея Балабанова «Брат 2». В какой-то момент меня как громом поразило: исполнитель главной роли Сергей Бодров поразительно похож на Юру Тамбовцева. Как две капли воды. Причёска, овал лица, глаза, губы, густые чёрные брови и такой же выразительный взгляд. Сергея Бодрова любила вся страна. Ещё бы не полюбить. Сергей Бодров тоже погиб молодым, да ещё на пике популярности.

Я уже закончил работу над этой книгой, когда мне посчастливилось отыскать Диму Тамбовцева. То, что удалось узнать, я посчитал нужным здесь рассказать.

Окончив музыкальное училище, Дима поступил в Ленинградскую консерваторию. В 1996 году получил диплом о высшем образовании по специальности «Концертный исполнитель и артист оркестра». Его вторая жена – тоже музыкант, народница. Познакомились в консерватории. Живут в Португалии. Вместе с женой Дима создал трио народных инструментов «Санкт-Петербург», и теперь они выступают на различных концертных площадках, играют для туристических групп.

Его племянница Валя Тамбовцева (дочка Лены Чекиной) живёт в Санкт-Петербурге, окончила два питерских вуза: Государственный экономический университет и Государственный университет (по специальности «Лингвистика»). Валя свободно владеет тремя иностранными языками: английским, немецким, испанским. Участвует в переговорах международных компаний как представитель российских и зарубежных фирм. Активно занимается дайвингом. Кроме того, она чемпионка России 2011 года по парапланеризму среди девушек. Рискует своей жизнью, шагая в пустоту – «Небо ошибок не прощает». Занимается лёгкой атлетикой: бегает на короткие дистанции – спринтерша. Имеет награды. Я видел её фотографию на пьедестале, с золотой и бронзовой

Класс педагога народного отделения
Владимира Георгиевича Тимофеева (стоит в центре).
По левую руку от него стоят Дима Тамбовцев, Лена Чекина, Инна Артамонова.
Сидят Юра Тамбовцев и Лена Травникова.
Большой зал Калининградского музыкального училища.
Ноябрь 1987 года.

«Три девицы под окном. . .»
Трио аккордеонисток (слева направо):
Инна Артамонова, Лена Чекина, Лена Травникова.
Большой зал Калининградского музыкального училища.
Ноябрь 1987 года.

Девочки комнаты № 533 общежития на ул. Александра Невского, 51.
Верхний ряд (стоят, слева направо):
Света Носова, Галя Балынская.
Нижний ряд (сидят, слева направо):
Лена Травникова, Инна Артамонова, Лариса Кравченко.
Третий курс Калиниградского музыкального училища.
Калининград, 12 октября 1988 года.

медалями. Она ещё фигуристка, наездница, лыжница, фотомодель и просто красавица. Достижения этой целеустремленной девушки снова и снова заставляют меня задумываться о человеческих судьбах. А если бы Лена тогда решилась прервать беременность? А если бы гинеколог её не отговорила? А если бы у Лены оказалась в паспорте прописка и она попала бы к другому врачу? Не гордилась бы сегодня Лена своей дочерью. И не писал бы я сейчас о Валентине эти строчки. Было бы неплохо, если бы девушки, попав в тяжёлую ситуацию, подобной той, в какой оказалась Лена, об этом задумывались. Однако меня поражает то, что Валентина как будто продолжает играть со своей жизнью, – так же, когда её мать сидела в кресле гинеколога, согласившись на аборт, но в последний момент передумала и выбежала из кабинета.

И вот что я узнал ещё от Димы Тамбовцева. 14 октября 2011 года Лена вышла замуж за Васю Суворова. Эта новость меня приятно удивила. Потому что ещё раз убедился: мечты сбываются. У Василия мечта сбылась.

Я хорошо помню Васю Суворова. Высокий блондин, близорукий, в очках, интеллигентный, стестнительный и немного зажатый (как и многие из подростков того времени). Ему тогда было лет шестнадцать. Мы поступали в один год: он, аккордеонист, – на народное отделение, я – на эстрадное. Учились на одном курсе. С первого дня Вася влюбился в Лену (что не удивительно – очень многие неравнодушно поглядывали в её сторону) и мечтал на ней жениться. Он бегал за ней повсюду. Постоянно всех спрашивал: «Лену не видели? А с кем она ушла? Куда?» Она не воспринимала Васю всерьёз: Лена шутила и посмеивалась над ним, но не отгоняла. Позволяла восхищаться собой – и правильно делала: красота требует постоянного признания и восхищения. Вася терпел насмешки, продолжал ходить за Леной, посвящал ей стихи, носил её аккордеон и всюду фотографировал. (Он увлекался фотографией и не расставался с фотоаппаратом.)

Юра Тамбовцев не писал Лене стихов, не фотографировал её, не носил её аккордеон – ни о чём подобном он не беспокоился, не видя в Суворове соперника или какой-то опасности. Ну поможет Вася Лене тяжёлый аккордеон донести, поставить в шкаф или снять инструмент сверху, со шкафа, – и ладно. Пусть радуется.

В команде стройотряда «Ритм-87» наши с Василием койки стояли недалеко друг от друга – через две. Иногда некоторые девчонки вечерами приходили к мальчикам в комнату и оставались на ночь. Никто из ребят не дергался и не возражал, кроме Васи. Он краснел и выговаривал: «Толик, твоя Лена Горчакова мне спать мешает. Скажи, чтоб она сюда больше не ходила». Как будто только Лена приходила. «Хорошо Вася! – пообещал я. – Скажу». Мы не таких девственников перевоспитывали. Завтра ты у меня по-другому запоёшь. В тот же день Лена по моей просьбе принесла лифчик и трусики, и я в тайне от всех положил их в Васин чемодан, в котором он хранил полотенце, умывальные принадлежности и другие вещи. Чемодан лежал под кроватью. Утром Вася достал его, положил на кровать и открыл. Когда Вася увидел в своём чемодане лифчик и трусики, он долго на них смотрел, потом взял в руки и показал всем. «Не понял, – простодушно удивлялся он, – это чьё? Почему девчачьи трусы в моем чемодане?» Мальчишеский хохот заполнил комнату, а Вася, продолжая с глупой улыбкой демонстрировать лифчик и трусики, ходил по комнате и долго удивлялся. После этого он стал популярным. Вася больше не делал замечаний и даже проявлял дружелюбие. Видно, понравился мой нестандартный способ воспитания, который помог ему раскрепоститься. В училище он ещё раз отличился: тихий, скромный и сдержанный Вася Суворов назвал однокурсницу дурой, что было недопустимо. За стенами музыкального училища – ради бога, но в Храме музыки такое поведение было недостойно звания комсомольца. В общем, над Васей устроили

товарищеский суд. Секретарь комсомольской организации, стройная девушка лет двадцати пяти, на общем собрании долго отчитывала и стыдила Васю, убеждала принести однокурснице искренние публичные извинения. Василий не выдержал напора и согласился. После этого общим голосованием собрания было вынесено решение об общественном порицании студента народного отделения Василия Суворова без занесения выговора в личное дело.

Лена с Васей живут в Калининграде. Два раза в неделю Лена ездит в Гвардейск преподавать в музыкальной школе урок аккордеона. У неё десять учеников, все влюблены в свою учительницу музыки, её уважают педагоги, а с директором школы они подруги. После уроков Лена заходит к больной, почти ослепшей матери, помогает ей по хозяйству, убирает квартиру, готовит ужин. Мать всем недовольна, постоянно критикует дочь, но Лена молчит и терпит. Вася поменял профессию: он бросил аккордеон и стал ремонтировать компьютеры, очевидно полагая, что два аккордеониста в одной семье – перебор.

Вася любил Лену, добился её расположения и получил её: гордую красивую, не сломленную, не отступившую перед жизненными трудностями, не опустившую руки в тяжёлый для всей страны перестроечный период, когда профессия музыканта оказалась на обочине культуры. В девятнадцатилетнем возрасте Лена потеряла любимого человека и одна вырастила дочку, ставшую переводчицей, спортсменкой и красавицей. Побеждает тот, кто не сдаётся. Вася тоже не сдавался, верил – и его мечта осуществилась!

Я долго не решался написать Лене Чекиной, боялся причинить ей душевную боль. Мне ведь только стоит начать вспоминать – не остановишь. Я себя знаю. Но спустя месяц после переписки с Васей я всё-таки попросил у него контакты Лены, набрался смелости и через

двадцать семь лет после той трагедии написал ей, задав интересующий меня вопрос: «Лена, а что было после смерти Юры?» Она мне ответила: «А дальше, Толик, всё... ничего не было. Мои надежды на счастливую жизнь бесследно растворились. Я Юру ещё год ждала, думала, он в консерватории учится, скоро на каникулы приедет, а потом взяла себя в руки».

ЛИНА
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Я сидел с Линой в кафе «Театральное» и невнимательно слушал, пытаясь предугадать её реакцию на мою тайну, когда признаюсь. Лина наверно откажется от своей сумасшедшей затеи. Не станет же эта молодая, симпатичная русская девушка выходить замуж за бедного горского еврея и добровольно губить свою жизнь. Или станет? Кто же мог подумать, что всё зайдёт настолько далеко. «Ты замуж за него не выходи, не выходи», – как заклинание, повторял я строчку из песни группы «Электроклуб». Тянуть больше было нельзя.

– Лина. Надеюсь, ты хоть не беременная? – осторожно прервал я её.

– Нет, и на том спасибо, – с лёгким сарказмом заметила Лина.

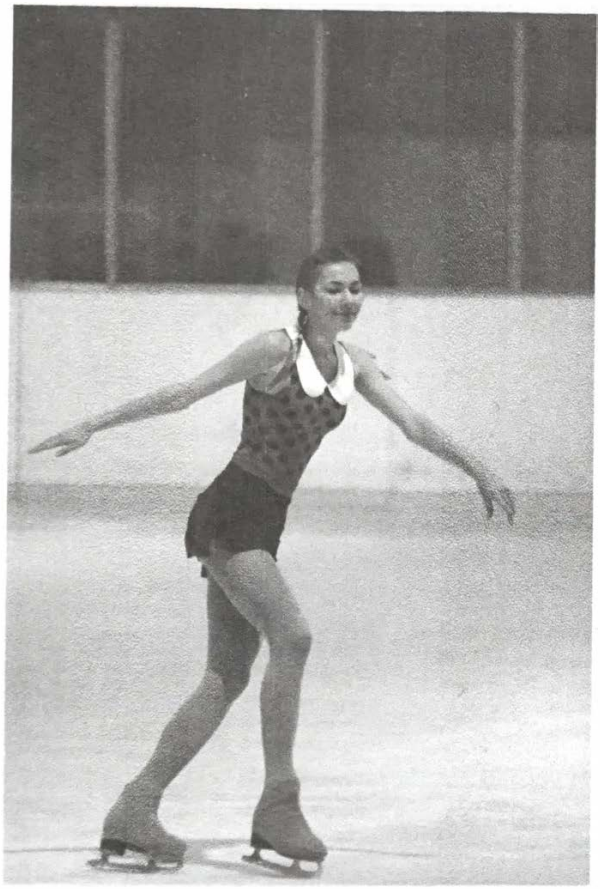
Ха! Знала бы она, кого за это надо благодарить. Я всё же купил у Юры по скидке упаковку презервативов с усиками, и, должен сказать, применение меня не впечатлило. Praemonitus praemunitus. Предупреждён – значит вооружён.

– Тогда я должен тебе кое в чём сознаться, – робко приступил я к реализации своего коварного плана.

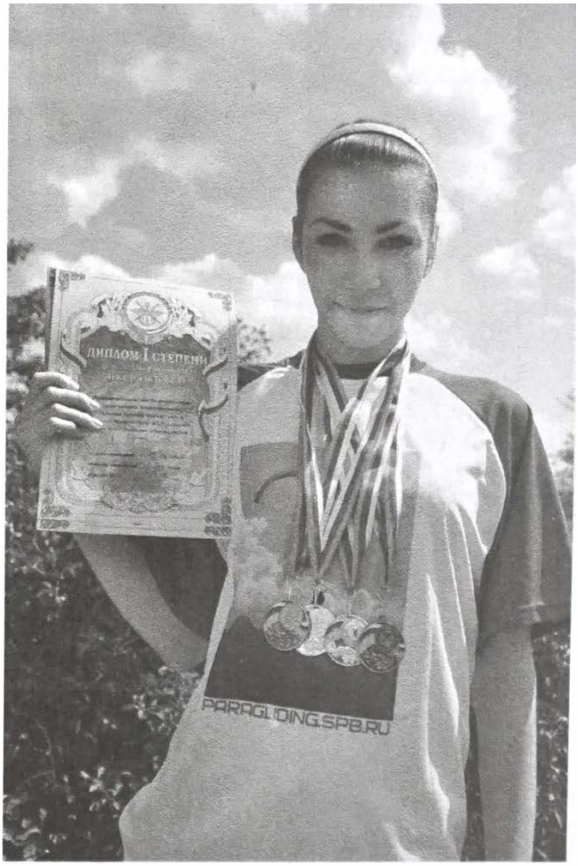
– В чём? – аппетитно жуя цыплёнка, поинтересовалась Лина.

Лена Чекина (16 лет).
Второй курс Калининградского музыкального училища.
1986 год.

Валя Тамбовцева на соревнованиях
по фигурному катанию среди любителей. Произвольная программа.
Санкт-Петербург, март, 2009 год.

Валя Тамбовцева – чемпионка России
по парапланеризму среди девушек, 2011 год.

Вася Суворов и Лена Чекина (Суворова)
во Дворце бракосочетаний города Гвардейска.
14 октября 2011 года.

– Я по национальности еврей, – выдал я наконец страшную тайну.

Наступила холодящая тишина. Лина молча доедала жареного цыплёнка.

– Горский, – для полной убедительности добавил я, рассчитывая окончательно её ошеломить.

«Сейчас она спокойно дожуёт цыплёнка, допьёт вино, бросит салфетку мне в лицо, встанет и уйдёт», – предвкушал я лёгкую победу. Однако ничего такого не происходило, никакой реакции на лице Лины не отражалось. Она была спокойна, как «Альпийская симфония» Рихарда Штрауса. Чем же можно объяснить такое спокойствие? Может, ещё сознаться, что я в церковном хоре в Свято-Никольском храме пою? Она, наверное, об этом уже знает. Исповедаться, как во время крестного хода на Пасху хоругвь держал и восклицал «Христос воскрес! Воистину воскрес!»? Нет. И это вряд ли произведёт на неё должное впечатление. Мало ли евреев, принявших христианство. Да полно! Композитор Антон Рубинштейн, например. Или поэт Осип Мандельштам. Можно ещё Христофора Колумба вспомнить, но не буду заходить так далеко. Я ещё ничего не принял, но батюшка уже интересовался – вёл со мной образовательные беседы о православном богослужении.

Признаться, я опасался чего угодно – горячего кофе в лицо или гневной тирады: «Ах ты сволочь горская! И ты три года от меня это скрывал?! Да как ты мог! Да чтоб я, русская аккордеонистка с красным дипломом, вышла замуж за несчастного бедного еврея… Никогда этому не бывать! Мой дед – белорус. Оккупацию пережил. Бабушка – потомственная смоленская крестьянка. А ты, горский козёл, столько времени мозги мне пудрил». На этом наши отношения закончатся, и всё встанет на свои места. Мы тихо-мирно разбежимся. На такой исход я и надеялся. Мне не хотелось быть инициатором нашего разрыва. Чтобы потом не жалеть и не гадать:

«А правильно ли поступил? А вдруг это была моя судьба?» Пусть лучше это сделает Лина. Но женщины загадочны и непредсказуемы.

– Теперь понятно, почему ты свинину не ешь, – неожиданно сказала Лина.

– Свинина-то здесь при чём? – не понял я.

– Евреи свинину не едят!

– Да? – искренне поразился я.

– А то не знал? – усомнилась Лина.

– Нет. Свинину я очень люблю, – заверил я. – В армии нас свининой на убой кормили. Ещё добавку давали. В супе большие жирные мослы[103] плавали.

Лина не поверила. Доев цыплёнка, она пригубила красного вина. Потом подумала немного и деловито поинтересовалась:

– А почему ты не обрезанный?

«А про обрезание откуда известно русской девочке?! Может, она посещает синагогу?» – с ужасом подумал я. Неужели в Калининграде есть синагога?

– Лина, я не знаю. Отстань, – смутился я.

– Я думала, ты кубинец или афганец[104].

– А это что-то меняет?

– Ладно, не бери в голову. Половина музыкального училища евреи.

– Да? А кто? – заинтересовался я.

Лина принялась перечислять:

– Лангер, Шварц, Марк Соломонович, Жданович, Иванов...

– Хуго Карлович, – подсказал я.

– Хуго Карлович Круйзман как раз не еврей, – уверенно возразила Лина. – А вот Иванов – да.

---

[103] Так у нас в ракетной бригаде называли куски сала в супе.

[104] В Калининграде в советское время училось немало афганцев и кубинцев.

– Евсей Михалыч? – поразился я.

– Он такой же Иванов, как ты Семёнов.

Эта новость меня удивила и в то же время расстроила. Про Иванова никогда бы не подумал. Я замолчал.

– Я тоже должна кое в чём сознаться, – продолжила Лина.

Я почувствовал, как похолодел спинной мозг. Достаточно для одного дня потрясений. «Оказывается, евреи – обрезанные и свинину не кушают. А я сижу себе тут необрезанный и чуть отбивную не заказал. А вдруг Лина сейчас признается, что она тоже еврейка?» Когда-то мама обмолвилась, что после армии обязательно женит меня на еврейке – дикие традиции общины. Я сюда уехал, за три тысячи километров – на самую западную точку страны, дальше некуда. Пусть мама других женит. Своё счастье я найду сам.

– В чём? – затаив дыхание, спросил я.

– Бабушка и мама против замужества.

– Ну, слава Богу, – непроизвольно выдохнул я.

– Что? – опешила Лина.

– Ничего. А дедушка?

– Дедушка соблюдает нейтралитет.

– Стоит прислушаться к бабушке и маме.

– Никого слушать не собираюсь! – твёрдо сказала семнадцатилетняя Лина. – Я достаточно самостоятельна и могу всё сама решить, – поставила точку она. И прибавила: – Знаешь, я думаю, даже хорошо, что ты еврей.

– Ничего в этом хорошего нет, – возразил я. – Этот народ проклят Богом. Обречён на вечные страдания. Подумай хорошо.

– Не смеши людей! Проклят Богом, – передразнила Лина. – Правда, немного жаль маму. Она не вынесет, когда всё узнает.

– Подумай о ней. Или ты хочешь ей неприятность доставить?

– Неприятность? – иронично переспросила Лина. – Когда она узнает, что ты еврей, мамулю кондратий хватит.

– Тем более пожалей мамулю и бабулю, – порекомендовал я. – Твои смоленские родственники не переживут смешение кровей.

– Что ты предлагаешь?

– Предлагаю ничего не говорить, – ответил я.

– Всё равно придётся. Может, сказать индус?

– Я по паспорту тат. Это такой гордый немногочисленный народ. Всё равно никто не знает. Я сам долго этого не знал.

– Ладно, что-нибудь придумаю... Надо отсюда уезжать, – резко переменила тему Лина.

– Что? – Мне показалось, что я ослышался.

– Видишь, что в стране творится? – оживлённо продолжила она.

– Вижу. Перестройка.

– *Перестройка*... – снова передразнила меня Лина. – Проснись и пой! Никому ни до чего дела нет! Особенно до искусства. Дина Яковлевна в Америке.

Мудро рассудив, Лина напомнила о своём педагоге по фортепиано. Я помню, как мы с Линой незадолго до отъезда Дины Яковлевны заходили к ней проститься – при Горбачёве евреи снова получили разрешение на выезд. В тесную квартирку набилось очень много провожающих, преимущественно евреев, в надежде бесплатно чем-нибудь поживиться. Дина Яковлевна раздавала какие-то вещи, книги, пластинки, потом сквозь толпу протиснулась ко мне и строго наказала: «Никогда её не бросай! Понял?» А я подумал, хочет дать мне что-то. Но ничего не дала. Обидно. Я ведь тоже какой-никакой, а всё же еврей. Наверное, другие евреи уже опередили и всё разобрали. Вот так всегда: «Бедному еврею жениться – ночь коротка». А именно к этому дело и шло.

В 1989 году цены на все товары стремительно росли. Пустые прилавки становились обычным явлением. Очереди выстраивались везде, где появлялся товар первой необходимости. Вместе с ценами увеличивалась нервозность трудящихся. Кое-кто из педагогов и студентов задумывался об отъезде. В этот период дирижёр-хоровик Паша Ройтман осторожно заговорил о родственниках в Америке. Было это так. Мы готовились к сдаче зачёта.

Студенты толпились перед дверью Большого зала в ожидании своей очереди. Я должен был дирижировать хоровым произведением Родиона Щедрина «Первый лёд»: «Мёрзнет девочка в автомате, прячет в зябкое пальтецо всё в слезах и губной помаде перемазанное лицо...»[105] Как учила Галина Афанасьевна, необходимо было войти в образ, подумать о причине обиды девочки – «первый лёд от людских обид». Для достоверности представить себя на её месте. Подошёл Паша и бесцеремонно шепнул на ухо: «Только никому: я скоро в Америку уеду. У меня родственники на Брайтон-Бич». От неожиданного известия я впал в ступор, не смог Паше ничего ответить. Такую подлянку кинуть мне перед экзаменом – надо ещё постараться! «Девочка в автомате» вылетела из головы.

Мысли переключились на Пашу, на Брайтон-Бич, на его родственников. Зачёт я не то чтобы провалил, я не получил оценку, на которую рассчитывал – на экзамене из головы не выходил Паша, который действительно уехал в Америку, но перед этим предусмотрительно закончил музучилище и Петрозаводскую консерваторию. Уже несколько лет Паша работает в Детройте кантором и дирижёром в хоральной синагоге и на мои электронные письма не отвечает – ведёт себя как настоящий кошерный еврей. Преданно служит древней культуре

[105] Щедрин положил на музыку стихотворение А. Вознесенского «Первый лёд», написанное поэтом в 1959 году.

еврейского народа. Ему с гоями общаться запрещено – древняя религия этого не позволяет. А я есть самый настоящий гой[106]. Кушаю свинину и хожу необрезанный – позор еврейской нации.

Галина Афанасьевна Макеева настолько прониклась религией, что стала монахиней Антониной, настоятельницей женского монастыря Державной иконы Божией Матери и регентом лучшего церковного хора в Калининграде и области. Пению этого хора внимал сам Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Я настоятельно рекомендую и вам, дорогие читатели, послушать. На «Ютубе» запись легко находится по такому запросу: *Хвалите Имя Господне (И. Смирнов). Хор Свято-Никольского женского монастыря. Калининград. Солист – регент хора монахиня Антонина (Макеева)*. Запись выйдет первой ссылкой. Надеюсь, вам понравится.

Мои электронные письма оставляет без ответа и монахиня Антонина. И, думаю, правильно. Я – иноверец. Могу во искушение ввести. Для кантора хоральной синагоги я гой, для православной монахини – иноверец. При диктатуре советской власти Галина Афанасьевна и Паша Ройтман четыре года дружески общались, выступали вместе в концертах, исполняли католический «Реквием» Моцарта, и ничего – вроде были счастливы. А что теперь? Паша был талантливым студентом. Галина Афанасьевна добросовестно исполняла свои обязанности педагога и дирижёра, работая со всеми студентами, независимо от их национальной принадлежности и вероисповедания. Да я готов обрезание себе сделать, иврит выучить и Талмуд в оригинале прочитать, если Паша Ройтман вдруг откликнется на моё письмо. А уж если настоятельница женского монастыря Антонина (в миру

[106] Гой – язычник или неоднократный нарушитель Завета. Отступник иудейской религии.

Галина Афанасьевна Макеева) уделит мне пять минут – я не раздумывая признаю христианство близкой мне по духу религией. А пока остаюсь язычником и поклоняюсь разным богам.

Моему дяде-еврею было пятьдесят лет, когда он решился на эмиграцию. Паше Ройтману – двадцать пять. Галина Афанасьевна, слава Богу, осталась в России и преданно служит патриархии. Лина, безбожница, заговорила об отъезде в семнадцать. Один я в свои двадцать три ничего в жизни не понимал. Хотя в Бога я верил, а в религии постоянно сомневался. Что же там происходит во Вселенной? Есть ли рай, и существует ли ад? Войду ли я в Эдем или буду гореть в геенне огненной? Пора было разобраться во всех откровениях и тайнах бытия. Но наступил день, который разрушил мои планы.

В два часа после полудня 22 июля 1989 года мы с Линой расписались в калининградском Дворце бракосочетаний. Дворец находился на Зарайской улице, в пяти минутах ходьбы от училища. Этот факт оспорить трудно: Дворец всё ещё там. Всего месяцем ранее мне стукнуло двадцать четыре. Лине восемнадцати ещё не исполнилось. Во мне ещё теплилась слабая надежда, что нас не распишут, ведь невеста несовершеннолетняя. По советским законам замуж с восемнадцати лет могли выходить. Но на такую мелочь никто даже внимания не обратил. На свадьбу из Баку приехали моя сестра Рива с маленькой племянницей Ирадой (Олиной дочкой), старший брат Рафик и младший брат Эдик. Сторону невесты представляли бабушка, дедушка, мама Лины со своим вторым мужем, тётя Ира. Также присутствовали друзья и сокурсники: Света Носова со своим парнем Сашей, Инна Артамонова с Димой Тамбовцевым, Галя Балынская, подруга Лины домристка Света Нырцова и кто-то ещё. Ларисы Кравченко на свадьбе не было. Судьба приготовила ей испытания, как в «Бесприданнице» Островского.

Что меня порадовало, свидетельницей была лучшая подруга Лины – Лена Чекина, чья беременность ещё не бросалась в глаза. Моим свидетелем был балалаечник Дима Митриев, который мечтал освоить классическую гитару, но, так и не успев, сыграл нам марш Мендельсона на балалайке. Довольно редкое и необычное исполнение. Где и когда ещё мне доведётся услышать свадебный марш на балалайке…

Бабушка, тётя Ира и мама Лины держались сдержанно, особого расположения не выказывали. И я прекрасно их понимаю: единственная дочка, русская, против их воли выходит замуж за еврея! И не за обычного, а за бедного еврея. Ну и кем я был в их глазах после этого? Похититель. Агрессор. Осквернитель праха предков. Сознаюсь честно, я и сам собой не восторгался. Но ведь не я, а Лина поставила условия. Соблюдавший нейтралитет дедушка меня обнял и поздравил: только мужчина может по-настоящему понять и поддержать в тяжёлые минуты другого мужчину. Рива тихо сказала: «Подойди, обними бабушку и мать». Я так и сделал. Радостью их лица не светились. Бабушка плакала, от счастья или от горя, – я так и не понял, но выяснять не стал. Мама держалась достойно: гордая и важная – как прораб на строительной площадке, кем она на самом деле и была. Ну не мог же я им сказать, что инициатор этого неравного брака – их собственная дочь! Честное слово. Вряд ли мне бы кто-то поверил. Особенно в тот момент в ЗАГСе. Я бы и сам не поверил. Это против всякой логики. Я решил молчать – родственников не выбирают.

Заключение нашего счастливого брачного союза мы отмечали в ресторане «Ольштын»[107]. Гости сидели за длинным столом, пили, ели, выкрикивали «Горько!» и русские народные прибаутки. Света Носова сообщила всем: «Жена не лапоть, с ноги не скинешь». Инна

[107] Название города на севере Польши.

Артамонова добавила: «Жена не седло, со спины не снимешь». Галя Балынская прочитала четверостишие:

Кто сидит не развлекается,
Не танцует, не поёт –
Пусть на нас не обижается,
В виде штрафа – рубь даёт!

В промежутке между очередными «Горько!» Лина сообщила, что незадолго до свадьбы мамуля всё-таки выяснила, кто такие таты. Вычитала в энциклопедии и с осуждением спросила: «А знаешь ли ты, доча, за кого замуж собралась?» «Знаю, мама, за еврея», – ответила доча. «Так тебе и надо!» – вдруг успокоилась мама. Слава Богу, обошлось без сердечного приступа. Удалось избежать одной неприятности. Теперь понятно, почему в ЗАГСе мама и бабушка не выглядели счастливыми во время бракосочетания единственной дочки и внучки.

Но зато Лина молодец! Никого не послушала, настояла на своём и оказалась на высоте. Именно поэтому она живёт сейчас с тёщей в Канаде, в собственном двухэтажном доме, работает в стоматологической клинике гигиенистом, имеет для счастливой жизни достойную зарплату, хорошую новую машину и двоих детей от меня. А я сижу в Москве, униженный и оскорблённый, без работы, визы и прописки, в ожидании надвигающейся депортации. И снова хочу напомнить доброму читателю: я никого не осуждаю. Как говорили древние латиняне, *suum cuique*. Каждому своё.

После успешной сдачи госэкзамена Лина получила диплом, и мы с ней перебрались из общаги в двухкомнатную квартиру на улице Марины Расковой[108]. Дом

[108] Советская лётчица-штурман, одна из первых женщин, удостоенная звания Герой Советского Союза.

наш находился в двух минутах ходьбы от бывшей дачи министра-президента Пруссии Германа Геринга на улице Кутузова. Мимо этого небольшого двухэтажного особняка мы с Линой проходили каждый день и мечтали о своём доме. (Должен сказать, сегодня у Лины дом в Канаде больше дачи рейхсмаршала Великогерманского рейха.)

Квартира на первом этаже, в которой мы поселились, принадлежала отчиму Лины. Он был хорошим человеком, но имени его, к сожалению, не помню, и спросить не у кого: ни Лина, ни тёща со мной не общаются. Наверное, горько сожалеют, что из-за меня уехали из родного Черняховска. Старший сын отчима погиб в Афганистане. Я видел фотографию этого молодого мужчины, цветной портрет стоял в буфете за стеклом: мужественное доброе лицо офицера Советской армии. Таким сыном гордятся. О младшем сыне отчима Лина сказала: «Наркоман, сейчас на принудительном лечении». Так что пока он лечился от наркотической зависимости, мы жили в этой уютной квартире. Сам отчим переехал в Черняховск к маме Лины. Телефона в нашей квартире не было (зато имелся видеомагнитофон «Электроника ВМ-12», который я взял на прокат в Доме быта годом ранее по большому блату), и связь со своими в Баку я поддерживал через вахтёров родного общежития. Заходил на проходную и получал от них записки: когда звонила мама, что просила передать и другие новости.

Индивидуальная трудовая деятельность в Калининграде активно развивалась и приспосабливалась к новому времени. В центре, недалеко от нас, открылся кооператив аудио- и видеозаписи. Директор этой конторки арендовал комнатку в Доме быта. Мы с ним быстро познакомились и поддерживали деловые отношения. Тогда, в 1989 году, я впервые увидел лазерный аудио компакт-диск (о таком звуковом носителе мне рассказывал Рафик ещё в начале семидесятых). Я называл директора кооператива частным

предпринимателем, у нас установились хорошие деловые отношения. Как-то он записал мне на видеокассету новые клипы. Дома мы с Линой часто смотрели эту кассету, особенно нам понравился и запомнился видеоклип на песню «Here I Go Again»[109] группы «Whitesnake». Мне удалось перевести две строчки: «Я не знаю, куда я иду, но я точно знаю, где я был». Дальше для меня был тёмный лес. Эта песня стала нашим с Линой гимном на многие годы. Она и сейчас со мной. (Имею в виду песню.) Но сегодня английский – мой второй язык, и я хочу привести свой перевод большей части текста этой песни, поскольку с ней связано очень много.

Я не знаю, куда я иду,
Но я точно знаю, где я был,
Цепляясь за обещания вчерашних песен.
И я пришёл к решению,
Что не буду тратить время впустую,
Я снова иду, я начинаю сначала.

Хотя я продолжаю искать ответ,
Кажется, я никогда не найду того, что ищу.
О Боже, умоляю, дай мне сил продолжать,
Потому что я знаю, что значит
Идти в одиночку вдоль пустой улицы мечтаний.

Я начинаю сначала один на один с собой,
Иду по единственной дороге, которую знаю.
Как бродяга, я родился, чтоб идти в одиночку.
И я пришёл к решению,
Что не буду тратить время впустую.

Я просто ещё одно сердце, нуждающееся в спасении,
В ожидании сладких милостей любви,
И я собираюсь продержаться до конца своих дней,

[109] Песня «Я начинаю всё сначала» написана вокалистом Дэвидом Ковердейлом и гитаристом Берни Марсденом.

Потому что я знаю, что значит
Идти в одиночку вдоль пустой улицы мечтаний.

Спустя год счастливой семейной жизни я получил от мамы сообщение: «Второго августа в три часа буду звонить. Жди у телефона». В назначенный день я ждал на проходной. Телефонный звонок прозвучал так пронзительно, словно не предвещал ничего хорошего.

– Срочно приезжай! Ты слышишь? Дядя Сёма здесь, – прокричала мама в трубку.

– Из Израиля приехал? – потрясённый известием, воскликнул я.

– Сёма туда не уезжал. Он уже десять лет в Канаде живёт, в Торонто.

– А нас в Израиль агитировал.

– Не теряй время... – расслышал я, и связь прервалась.

– Ну, что? И вы в Израиль? – понимающе поинтересовалась вахтёрша.

Промолчав, я подумал: «Какой может быть Израиль, когда выяснилось, что я необрезанный и свинину кушаю?! Меня к Израилю и на пушечный выстрел не подпустят».

Оказывается, умный дядя в Канаду эмигрировал. Бывалый капитан прекрасно знал, где швартоваться. Маленький Израиль выходит к трём морям: Красному, Мёртвому и Средиземному, но капитан высадился на берегу Онтарио в Торонто. Видать, много книг в тюрьме прочитал. Может, на его выбор повлиял роман Фенимора Купера «На берегах Онтарио»?..

Я рассказал Лине о телефонном разговоре, о дяде из Канады и его золотых погонах. Сказал, что её мечта, возможно, скоро осуществится, и это будет лучшим свадебным подарком.

– Только моей маме про подарок, пожалуйста, ничего не говори, – предупредила Лина. – Второго потрясения она не переживёт.

– И бабушке, – предположил я.

– Бабушке – тем более. Она меня воспитала. Понимаешь?

«Понимаю. Чего же здесь непонятного? – подумал я. – Не я же заставлял тебя выходить замуж за бедного еврея».

Как и просила Лина, я *держал тайну в строгом секрете*. То есть никому ничего не говорил. Лина сама всё рассказала, когда мы приехали в Черняховск к родственникам в гости. Мать внешне восприняла известие спокойно. Наверное, думала, что из этой сумасшедшей затеи ничего не выйдет – мало ли доченька ей глупостей наболтала за недолгое время своего замужества. Бабушка не смогла примириться со страшной новостью, её трясло. Она выскочила из соседней комнаты и накинулась на меня с кулаками, порвала чёрную жилетку, связанную для меня Линой. «Еврейская мразь! – кричала бабушка, пережившая немецкую оккупацию. – Думаешь, увезёшь мою единственную внучку в Израиль?! Вот тебе! – Она ткнула мне в лицо кукиш. Её большой крестьянский кулак выглядел весьма убедительно. – Не для тебя такой цветок вырастила! (У бабушки имелась теплица, где она выращивала огурцы, помидоры и цветы.) Говно будешь там убирать! Туалеты будешь мыть!» Бабушка оказалась права. Я действительно мыл туалеты. И сидел с нашей маленькой дочкой, пока Лина училась в колледже на ассистента зубного врача и тайно встречалась с настоящим обрезанным евреем, который ходил в синагогу и не ел свинину. *Suum cuique*. Каждому своё.

Я понял важную вещь: если вы необрезанный еврей и едите свинину, – опасайтесь, что ваша жена уйдёт к кошерному еврею. Срочно сделайте обрезание, прекратите есть свинину и соблюдайте шабат. Я не шучу, не иронизирую. В Канаде Лина с честью прошла гиюр, долгую обязательную церемонию, и выполнила все требования

еврейского обряда принятия иудаизма[110]. Потом стояла под хупой[111], выходя замуж за кошерного еврея. (В Калининграде мне она в христианской церкви предлагала венчаться!) Вот такая нелёгкая еврейская судьба у русской женщины. А как известно, еврейская судьба в принципе лёгкой не бывает. Не могу понять другого – как и почему обычная русская девочка, которая приглашала меня в кино на лестничной площадке общежития на улице Александра Невского и которая нежно шептала на ухо слова любви, добровольно приняла иудаизм. Когда, в какой момент с человеком начинают происходить странные метаморфозы? Какие обстоятельства заставляют пойти на подобный шаг? Любовь? Отчаяние? Может, свойственная женщинам склонность к предательству? Я уверен: Лина меня любила – и ничто не разубедит меня в этом! Любила сумасшедшей любовью, потому что только сумасшедшая выйдет замуж в семнадцать лет за бедного еврея – без работы, без квартиры, с сомнительной специальностью дирижёра хора и такой же перспективой, наперекор маминым советам и протестам бабушки. Впрочем, сейчас это уже не важно. Обидно не то, что она изменила и бросила меня, а то, что она изменила русской народной музыке, исконно русским традициям, а может, даже и православной вере. (В этом ещё предстоит разобраться.) Ренегат, одним словом. Неужели не боится, что предки предадут её анафеме? Надеюсь, Всевышний разберётся с вероотступницей в день Страшного суда. Впрочем, каждый свою судьбу выбирает сам. Сегодня я горько сожалею о другом – что не женился на Галине Афанасьевне Макеевой. Возможно, она

---

[110] Гиюр, обряд обращения нееврeев в иудаизм, длится в общей сложности год.

[111] Хупа олицетворяет еврейский дом, символизируемый тканевым балдахином и четырьмя столбами.

сейчас жила бы не в монастыре, а в своём доме в Канаде, как Лина, и воспитывала бы детей...

Подводя итог религиозной темы, хочу вспомнить о Лиле Ивановне: я разыскал её – сегодня благодаря Интернету это возможно быстро. Меня интересовала её дальнейшая жизнь и судьба после нашего с Линой отъезда и распада СССР. Я разузнал её электронный адрес и написал письмо, она не заставила себя долго ждать с ответом, за что я очень благодарен. В некотором роде Лиля Ивановна тоже ушла в религию. Нет-нет, не стоит тревожиться раньше времени. Она не стала монашкой и не изменила своей вере. Хотя, если честно, изменила. Идеология КПСС была религией в СССР, а Лиля Ивановна ей преданно служила.

Лиля Ивановна Бирюкова, член КПСС с более чем двадцатилетним стажем, переехала из Калининграда в Сергиев Посад, в свои сорок шесть лет приняла крещение, теперь работает в издательстве Русской православной церкви «Учебный комитет РПЦ». Пути Господни, как говорится, неисповедимы.

Даже Лиля Ивановна поразилась, узнав, что мы с Линой разошлись. «Как же так, Анатолий? – писала она мне. – Я её хорошо помню. *Она была на хорошем счету!*» Я и сам, Лиля Ивановна, потрясен. До сих пор не могу осознать всю глубину трагедии и смириться с потерей. Лина, что произошло? Ведь ты была на хорошем счету в училище. Как можно было так поступить и разрушить веру и чистую любовь? По предположениям Лили Ивановны, Лина «не справилась с тяжёлыми буднями эмигрантской жизни». Должен вам признаться, дорогая Лиля Ивановна, и я с ними не справился.

Надеюсь, вы помните Веру, секретаря норвежского корпункта NRK на Ленинском проспекте? Это она мне

сказала: «В России ещё и не такое возможно». Вспоминайте! Я предупреждал, в этой книге нет случайных людей. Так вот, Вера тоже стала глубоко верующим человеком. Отец Веры служил дипломатом. Она окончила университет при МИДе, имеет два высших образования. До норвежского корпункта Вера работала в посольстве одного из африканских государств. После смерти мужа, успешного московского архитектора, вышла замуж за простого водителя, соседа по даче. Бросила работу в корпункте и ушла работать в храм в посёлке. Мой друг Павел, видеооператор, случайно встретил Веру на православной ярмарке в Москве и написал мне: «От неё исходили душевной покой и ясные добрые мысли, что очень редко встречается в людях в наше время».

Что за чудеса случаются с человеком? Почему возможны такие кардинальные перемены? Что заставляет современного человека с высшим образованием уходить в религию, принимать монашество, менять вероисповедание? Мне кажется, это происходит от недостатка любви. Человек – как цветок, постоянно нуждается в солнечном свете. Любовь – это солнечный свет. От недостатка любви Лина приняла иудейскую веру и теперь носит какое-нибудь древнееврейское имя. Скорее всего, Лея. (Между прочим, так звали мою бабушку по отцовской линии – Лея, Лейхо.) От недостатка любви Макеева приняла монашество и стала сестрой Антониной. От недостатка любви Инна развелась с Димой Тамбовцевым и вышла замуж за священника. От недостатка любви я пишу эту книгу. И от недостатка любви Лиля Ивановна переехала в Сергиев Посад и пришла в христианскую религию. Все эти люди, за исключением Веры, когда-то работали и учились в Калининградском музыкальном училище, недостаток любви заставил их изменить свою жизнь. Надеюсь, они нашли, что искали, и сейчас любви им достаточно.

Лиля Ивановна Бирюкова в офисе издательства
Московской Духовной академии.
Фото около 2015 года.

Я сомневаюсь, что эту книгу когда-нибудь прочитает монахиня Антонина, в миру Галина Афанасьевна Макеева. Монахам запрещено читать беллетристику – бесовскую литературу, но всё же надежда не оставляет меня – может быть, устно кто-то донесёт до неё мои слова. А если даже и нет, я всё равно должен их сказать. Это необходимо для моей души, ибо она мечется в агонии в тёмном лабиринте моей совести. Галина Афанасьевна! Я хочу, чтобы вы знали: я вас люблю! Я всегда вас любил. Стеснялся и даже боялся признаться. (Какая глупость – боязнь признания женщине в любви!) Вы были Богиней в священном Храме музыки. Богом в Свято-Никольском храме. Примером для подражания в любви к искусству. Я поклонялся вам и молился на вас. Я вспоминаю наши встречи, занятия, общение, церковный хор, вспоминаю наши разговоры в общежитии, и меня одолевают странные мысли: как вам живётся в монастыре? С какими мыслями вы сами каждый день надеваете чёрную рясу, отказываете себе в простых человеческих радостях? Почему вы отказались от других цветов? Неужели чёрный и белый достаточны для самовыражения и душевного равновесия? Мне довелось побыть в женском монастыре, хотя и недолго, но я видел, как живут монахини, где работают и чем занимаются в личное время. Нет. Я не способен на такие жертвы.

«Толя, каждый несёт свой крест сам и каждый приходит в *свой* храм», – объясняла мне Макеева в церковном хоре общечеловеческую сущность бытия. Но что мог тогда понимать о жизни, о кресте и личном храме легкомысленный, самонадеянный юноша?..

Господи, прости меня за непутёвую, грешную жизнь. За неблагодарность к людям, оказывавшим мне поддержку и покровительство. За мои пошлые мысли и бесплодные дела. За моё равнодушие, несдержанность, трусость, малодушие, эгоизм, бессердечность, похоть и подлость… И ещё за очень многие грехи прости,

Господи, мою еврейскую душу. Аминь, или ай худо, как говорила мама. Я не пошёл по плохой дороге, но и хорошую дорогу тоже не выбрал. Я не защищал Родину от врага, как мой отец. Не родил с женой десять детей, как мой отец с моей мамой – матерью-героиней. Не строил БАМ, как мой старший брат, и не получал от правительства наград. Не пожертвовал своим семейным счастьем, как моя старшая сестра, которая заботилась о младших братьях и сестрах. Я не сделал ничего полезного для страны. Я предательски оставил её в самое тяжёлое время – время глобальных перемен. Я увяз на пересечении извилистых дорог у большого указательного камня, и время моё неумолимо утекает в бесконечность.

Считаю необходимым привести здесь письмо Лили Ивановны Бирюковой, поскольку оно отражает её ви́дение отрезка времени, о котором я здесь рассказываю, и раскрывает её отношение к тем событиям. Мой вопрос был простым: «Сожалеете ли Вы о распаде СССР и окончании советского периода, в котором мы жили?» Вот её ответ:

Здравствуй, Анатолий! Молодец, что пишешь книгу. Я очень рада. Предполагаю, что книга найдёт своих читателей. Как в среде русских эмигрантов, так и в России.

На вопрос «Сожалеете ли Вы о распаде СССР и окончании советского времени?» отвечаю: я безмерно жалею о раздроблении Российской империи, которую собирали многие столетия и которая нашла форму существования, даже после свержения царя.

Династия Романовых имела «проект» выхода к трём морям – Балтийскому, Чёрному и Японскому. Он осуществлялся 300 лет. Этот проект был направлен на укрепление государства. Проект такого масштаба задавал необходимость развития множества отраслей хозяйства и, таким образом, мощно двигал развитие образования и культуры. А за ними уже включались все остальные преобразования – государственного управления, структуры и оснащения армии, строительство железных дорог, мостов, тоннелей. Почему так лихо потом строили метро? Опыт

был огромный, как ни в одной стране. Пробивали горы от Урала до Сихотэ-Алиня, но это уже частности.

Теперь о советском образе жизни. Если птичку посадить в аквариум, а рыбку – в клетку на окне, то будет то, что происходило с людьми из СССР, которые ввалились в перестройку. Они задыхались. Меня прежде всего подкашивало то, что изменились правила жизни – моральные устои. Это было жуткое и подлое предательство. Предательство красоты и идеалов, предательство русской культуры, русских обычаев. Советская символика – это кисея на мощном здоровом теле русской православной традиции, которая жила в народе сознательно и бессознательно. Именно одна такая часть традиции русского народа – не предавать Отечество – разгромила фашизм. Я была в пионерах, комсомоле и 23 года в КПСС. Это отдельная тема – как преломлялись эти формы общественной жизни в сознании русского человека (это я про себя).

Жалею ли я о прошлой жизни в СССР? Нет, не жалею. Там была молодость, были силы, был простор для самореализации. Перестройка заставила содрогнуться от вульгарности и пошлости, которые ворвались в жизнь, как разбойники. Стояла задача поиска *нравственного стержня* (курсив мой. – *Авт.*). Советское увиделось искусственным образованием, и тогда стал подниматься со дна сознания фрегат Русского мира. По-другому рассматривалась история, которая не существовала без Православия, без православной церкви. Я крестилась в 46 лет. Пришла стабильность. Раскрылся мир иной жизни и красоты. Марина, моя дочь (ты её помнишь по стройотряду), после окончания исторического факультета КГТУ поступила в иконописную школу Московской Духовной академии, которая с 1814 года находится в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре в Сергиевом Посаде. Мне до пенсии оставалось два года, когда Марина оканчивала школу, и наш священник благословил меня поменять квартиру на Сергиев Посад. Мы продали квартиру в Калининграде и переехали в Сергиев Посад.

Всего доброго.
Лиля Ивановна Бирюкова
Декабрь 19, 2014 г.

Вот парадигма жизни отдельно взятого человека. Объективная реальность во времени и пространстве — универсум. Крушение метафизической концепции отверженного и потерянного поколения.

Кто виноват в драматических перипетиях жизни запутавшейся Лины, плетущей интриги вокруг моего еврейского дяди? Почему наш предполагаемый отъезд окутан тайной, словно мы заговорщики? Кто виноват в напрасных хлопотах её родственников? Лина пожертвовала спокойствием бабушки и мамы, выбрав жизнь в Канаде. Я советовал ей подумать о здоровье бабушки и не выходить за меня. Но она не послушалась, теперь пусть выпутывается. Вряд ли я здесь чем-то помогу. Ну если только развестись, против чего была Лина. С этими невесёлыми мыслями я оставил её одну. Нельзя было терять ни минуты: дядю из Канады могли перехватить родственники, коих в Баку было в избытке. (Родственниками стали называться даже те, кто ими по определению быть не мог. На что только ни готовы были пойти бесчестные люди ради выезда из страны.) Гостевых приглашений на всю родню не хватит. Количество бланков ограничено. Недолго думая я купил билет на самолёт, вылетел в город своего детства Баку и прямиком из аэропорта приехал в родной посёлок Восьмой километр, на улицу Нефтепереработчиков, ставшую уже красивым широким проспектом имени Кара Караева – замечательного композитора.

Баку встретил меня довольно неприветливо: навязчивое кавказское гостеприимство дежурных контролёров быстро вернуло мне память предков. Многочасовое ожидание багажа объяснялось забастовкой грузчиков, требующих повышения зарплаты – первые плоды горбачёвской перестройки и демократизации общества. Некий тучный кавказский пассажир предложил увеличить зарплату грузчикам из своих личных фондов и уже

вытащил из кармана толстый мятый конверт, но дежурный отговорил благотворителя. А жаль. Быстрее получили бы багаж.

ТОРОНТО

Замечательно, что Америку открыли,
но было бы намного лучше,
если бы Колумб проплыл мимо.

Марк Твен

ЗВЁЗДНАЯ СТРАНА

Кто тебя выдумал, звёздная страна?
Снится мне издавна, снится мне она.
Выйду я из дому, выйду я из дому –
Прямо за пристанью бьётся волна[112].

Дядя напоминал посетителя валютного магазина «Альбатрос», куда я неоднократно заходил с фарцовщиком Юрой: модный джинсовый костюм, запах французского одеколона, в руке золотая зажигалка, хотя он не курил. Он крепко меня обнял и поздравил с женитьбой.

– Ну, давай, показывай свою жену! – по-командирски сказал бывший капитан.

– Только на фотографии.

Я протянул ему чёрно-белый снимок, простодушно надеясь на одобрение моего выбора. То есть не совсем моего, но всё равно надеялся. Лина на этой фотографии выглядела особенно удачно.

Дядя критически посмотрел на голубоглазую русоволосую девушку, почему-то взглянул на обратную сторону фотографии и с осуждением произнёс:

– Теперь твои дети не будут евреями... Национальность по матери определяется! – раскрыл мне глаза дядя.

– Именно этого я и хотел, – откровенно заявил я.

Мама произвела руками какие-то загадочные движения и приложила палец к губам: молчи. Дядя уничижительно оглядел меня.

---

[112] Первый куплет песни «Маленький принц», написанной композитором Микаэлом Таривердиевым на слова поэта Николая Добронравова.

– Сёма, ты его не слушай. Это он глупости болтает, – вступилась за меня мама. – Дурак… молодой ещё.

Дядя помолчал и безапелляционным тоном сказал:

– Ничего. Мы их разведём! У меня в Канаде есть для него хорошая еврейка.

Что-то во мне замкнулось в этот момент, надломилось, затуманился рассудок. Кажется, я догадываюсь, почему евреи гонимый народ. Я бы и сам погнал дядю обратно, если бы не мама, не видевшая брата много лет. В подобных случаях, когда подкатывала неприязнь, ценитель оперного творчества Джузеппе Верди тромбонист Зарубин говорил: «Щас риголетто сделаю». И не обманывал. Похожее чувство испытал и я. Кто здесь командует? Бывший капитан дальнего плавания, осуждённый за нарушение правил о валютных операциях! Вчерашний изменник Родины! И как его вообще обратно пустили? Женим! Разведём! Переведём! Много вас здесь таких желающих. Прошу не забывать, это моя жизнь, и капитан в ней я! Мне захотелось дядю куда-то послать, например, насладиться менуэтом из «Французской сюиты» № 1 Баха. Студенты часто прибегали именно к этому номеру. Я ничего не имею против менуэтов или французских сюит – но желание послать дядю было настолько сильным, что я сдержался только благодаря маме, которая энергичными жестами пресекла моё решительное намерение. Ладно. Ведь когда-то же я восхищался его золотыми погонами.

Дядя полез в чемодан, извлёк из него мятый бланк гостевого приглашения, вписал туда мои данные и вручил бумагу мне. Приглашение было заполнено корявым небрежным почерком, разными цветами шариковой ручки: синим, чёрным и зелёным. Без шуток.

– Пойдешь в посольство, – распорядился капитан, – в Староконюшенном переулке в Москве, там тебе дадут гостевую визу!

Дядя говорил настолько убедительно, что не верить ему было невозможно. И всё-таки я усомнился, примут ли у меня приглашение, заполненное разными цветами шариковой ручки. Ведь приглашение – документ. А этот бланк походил на черновик первоклассника. Но это было только полбеды. Я заметил, что в приглашении не указаны данные моей жены.

– А почему здесь не вписана моя жена? – сдержанно поинтересовался я.

– Ты с ней разведёшься! – не унялся дядя.

– Она меня устраивает. Без жены не поеду! – категорично заявил я.

– Тебе русская не нужна! Я тебя на еврейке женю!

– Спасибо, мне русская больше подходит.

Назревал конфликт с ортодоксальным евреем.

– Ты хочешь опозорить наш древний род Мишиевых? Твои дедушка с бабушкой, мама с папой, я с Ниной и Маней – все в Кубé родились, в посёлке Красная Слобода[113], – попытался образумить меня дядя. – Моисей нас из Египта вывел…

– Это он, конечно, зря, – заметил я.

– Нюра, ты слышишь, что он говорит? – призвал он маму в союзники.

Мама с укором посмотрела на меня и покачала головой.

Если и дальше так будет продолжаться, я скоро обращусь в антисемита. Почувствовав, что во мне назревает антисемитское настроение, мудрая мама снова вступила в разговор:

– Сёма, пускай вместе поедут, а там они разведутся.

Дядя подумал и неожиданно согласился. Он не был простаком, чтобы в это поверить, Сёма Мишиев всё

[113] В городе Кубá в Азербайджане исторически проживает большая община горских евреев. Красная Слобода – район этого города.

понимал. Как позже выяснилось, у него родился другой, тайный и злой умысел. Капитан из всего умел извлекать материальную выгоду.

Поведение дяди Сёмы в нашей квартире напоминало действия капитана дальнего плавания с криминальными манерами на подлежащем скорому списанию корабле. Капитан старого корабля изъяснялся короткими предложениями, вставляя в них английские слова.

– Нюра, – кричал он маме из ванной, – принеси мне towel!

– Что он хочет? – тихо спрашивала у меня мама.

– Кажется, полотенце, – неуверенно говорил я, и мама бежала к брату с чистым полотенцем.

– Нюра, – кричал дядя из столовой, – дай мне napkin!

– Что ему надо? – суетилась мама.

– Кажется, салфетку.

– Салфеток нет, – виновато говорила мама.

– Тогда дай ему полотенце, – советовал я. – Кухонное.

И мама снова спешила подать брату полотенце.

Некоторые английские слова я знал благодаря моему увлечению западной музыкой. Я переводил на русский тексты композиций «The Beatles», «Smokie» и других англоязычных групп. Мне нравилось вникать в скрытый смысл песен.

– Slow speed! – кричал дядя, будто швартовал корабль, разливая за столом финскую водку «Absolut», привезённую из Канады. – Малый ход! Ну, лехаим! – резко переходил он на иврит и залпом осушал рюмку. – One more shot. Ещё по одной.

Я опасался, что, напившись, дядя начнёт петь «Хава нагила», но до этого, слава богу, не дошло.

Надо отдать ему должное, человеком он был щедрым и великодушным. Преподносил родственникам королевские подарки. Моей маме, например, подарил

жёлтый поварской передник с надписью *Amber kitchen fairy*[114]. Папе – красную бейсбольную кепку и футболку. Сестре – банку растворимого кофе «Nescafe», редкость в 1990 году, и пачку китайской лапши с каким-то чудо-порошком: как будто тонну мяса варили, уверял дядя, заставляя всех в этом убедиться.

Дядя и пяти минут не мог прожить без приказов. Как видно, сказывалось его профессиональное прошлое. Моей сестре Риве он велел сесть за круглый обеденный стол. (Был у нас такой старый массивный стол с двенадцатью венскими стульями.) В углу комнаты всё так же, как и одиннадцать лет назад, стоял наш старенький диван, на котором я сидел, когда услышал от дяди про Израи́ль. Я сел на диван на то же самое место. Очень было интересно узнать, что дядя скажет сейчас.

– Рива! Слушай меня внимательно! Собирай экипаж...

– Какой экипаж? – с недоумением переспросила моя сестра.

– Семью. Собирай всю семью, и езжайте в Изра́иль! Ждите меня там! Вот вам на дорогу и расходы. – Дядя вытащил из кармана несколько толстых пачек советских рублей и одну вручил Риве. – Лешана абаа бИрушалаим! Как говорят евреи, в следующем году – в Иерусалиме! – пожелал на дорогу проживающий в Канаде дядя.

– А почему не в Канаде? – справедливо поинтересовалась Рива.

– Так надо. В Изра́иле вам будет лучше! – загадочно ответил дядя.

– Там всем хорошо, – иронично заметил Рафик, – если деньги есть... Сёма, дай ещё одну пачку мне, – бесцеремонно попросил брат.

Рафик иногда позволял себе называть «дядю миллионера» просто Сёма.

---

[114] Фея янтарной кухни. – *Англ.*

– Евреи должны жить на земле наших праотцов – Авраама, Исаака и Иакова! – подытожил бывший капитан советского торгового судна, уже десять лет проживающий в Канаде.

Изменение в дяде были налицо, а точнее на слух: теперь в названии исторической родины дядя Сёма делал ударение на «а»: Изра́иль. Побывав там в гостях у наших многочисленных родственников, он исправился. И это была единственная положительная в нём перемена. Капитан оставался всё таким же громким и бесцеремонным.

У меня создавалось впечатление, что дядя знает чуть ли ни полгорода. Его отлучки и встречи, телефонные звонки, неизвестные люди в нашей квартире – всё говорило о том, что дядя сделался объектом внимания, неким информационным ресурсом о репатриации в Израиль. Навестив всех близких и дальних родственников и раздав подарки и ценные поручения, капитан, наконец, улетел в Канаду.

Рива оперативно собрала и организовала семью на алию[115]. Рафика ради этого предварительно выдернули из курортного Светлогорска, где мой брат работал в фотоателье и, как позже он мне признался, занимался нелегальным сбытом ворованного природного янтаря.

Должен рассказать, как Рафик оказался в Светлогорске. После нашей с Линой свадьбы я предложил ему остаться и обустроиться в Калининграде, мол, нечего тебе в Баку делать. А то по плохой дороге пойдёшь. Рафик поначалу сомневался, сможет ли он без местной прописки найти работу. После первого же отказа все сомнения рассеялись. Брат взял первую попавшуюся под руку книгу – «Оперные либретто» – и со спокойной

[115] В переводе с иврита репатриация евреев в Израиль.

совестью улегся на диван. Прочитал он эту книгу на одном дыхании, не задав мне ни одного вопроса, что меня даже немного задело, так как издание изобиловало профессиональными музыкальными терминами.

Я решил не сдаваться: регулярно покупал в киоске местную газету с объявлениями о приёме на работу и подыскивал подходящий вариант. Очень скоро такое объявление попалось на глаза. В фотоателье светлогорского Дома быта на постоянную работу требовался фотограф. Я восторженно показал объявление Рафику. «Без прописки не возьмут, даже нет смысла ехать», – остудил меня брат, не вставая с дивана.

Светлогорск – курортный городок в сорока километрах к северо-западу от Калининграда. Расположился на побережье Балтийского моря. Мы с Линой несколько раз ездили туда гулять, приятно проводили время. Красивое миниатюрное местечко. Все дома и административные здания сохранились в том виде, в каком их оставили жители немецкого Раушена в 1946 году.

Я уверил Рафика, что поеду с ним, и уговорил его встать с дивана. Не для того же я убедил его остаться в Калининграде, чтобы на диване лежать. В этом я и сам был мастер. До Светлогорска мы добрались на электричке. Пришли по указанному в объявлении адресу и вошли в кабинет директора Дома быта. Нас встретил усталого вида невысокий мужчина лет пятидесяти в сером пиджаке. Он сидел за рабочим столом. Разговор оказался профессиональным и коротким.

– Назовите портретные объективы, – предложил он.

– «Гелиос 44-2», фокусное расстояние 58 миллиметров, число объектива 2.0. «Юпитер 37А», фокусное расстояние 135 миллиметров, число объектива 3.5, «Индустар 50»…

– Как достичь эффекта размытости заднего фона? – прервал директор Рафика.

– Чем меньше фокальное число объектива и чем больше фокусное расстояние, тем тоньше глубина пространства.

– Прописка есть?

– Нет, – ответил брат.

Пора было мне включиться в разговор. Я подошёл к директору, показал временную прописку в паспорте, студенческий билет и заверил: Рафик – мой брат и очень хороший фотограф, много лет работал в Баку в фотостудии.

– Верю. Но прописка всё равно нужна... Ладно, беру под вашу ответственность, – сказал директор после короткой паузы и улыбнулся.

Какая может быть ответственность у студента? Главное, чтобы брата взяли на работу.

Рафику предоставили комнату в общежитии и сделали запись в трудовой книжке. Так началась его трудовая деятельность в качестве фотографа в Светлогорске. (О своей подпольной деятельности сбытчика краденого природного янтаря брат не распространялся.) Незадолго до отъезда Рафика в Израиль директор обещал ему выбить квартиру. Но приехал дядя Сёма из Канады, и сестра дёрнула Рафика в Баку для сборов и выезда на историческую родину. Квартира пролетела мимо.

Уговаривать братьев и сестёр на репатриацию в Израиль долго не пришлось. Ситуация в Баку ухудшалась с каждым днём, а к январю 1990 года беспорядки на этнической почве достигла апогея. «Чёрный январь» вошёл в историю республики кровавой страницей. Усугублявшийся армяно-азербайджанский вооружённый конфликт в Нагорном Карабахе и насилие по отношению к армянам в столице Азербайджана заставляли последних спешно покидать Баку, а евреев – массово уезжать в Израиль. Возникла оппозиционная национал-демократическая партия «Народный фронт Азербайджана»,

возглавляемая Абульфазом Эльчибеем, который стремился захватить власть в республике, что позже и произошло. (Словосочетания «*Народный фронт*» и *Абульфаз Эльчибей* мне, отсутствовавшему в Баку с 1984 года, резали слух. Фронт – это значит *война.* Абульфаз напоминает *фас* – «боевую» команду собакам. То ли дело Гейдар Алиев и Центральный комитет Коммунистической партии Азербайджана – приятная на слух мелодия.) Я не буду много рассказывать о трагических страницах истории Азербайджана 1988–1992 годов. Приведу только два два эпизода, имевших отношение к нашей семье.

Работавшая в тот кризисный период приёмщицей в химчистке Рива рассказывала: зашли к ней двое приезжих азербайджанцев из села и принялись так настойчиво выяснять её национальность, что ей пришлось вызвать соседей из ремонта часов и пошива чехлов, сильных здоровых азербайджанцев, и те быстро всё объяснили своим сородичам. Другой случай произошёл с Тамарой, когда я приехал в Баку получить у дяди приглашение в Канаду. Вечером она возвращалась с работы и уже была недалеко от дома: проходила под нашим балконом. Мама стояла на балконе. Это был её наблюдательный пункт. И тут к Тамаре пристал один горячий азербайджанец, он схватил сестру за руку и начал допрос: «Армянка? Сознавайся! Ты армянка?» Через пятнадцать секунд Рафик, Эдик, мама и я были внизу. Окружённый нашей командой молодой и решительный азербайджанец тут же утратил боевой настрой и отпустил руку Тамары. «Мы евреи», – спокойно объяснила мама насмерть испуганному парню, и тот долго и клятвенно заверял нас, что уважает и даже любит евреев больше родной матери.

Одним словом, морально к эмиграции готовы были все. Кроме меня. Поначалу дядя хотел в Канаду пригласить Рафика: холостой, более покладистый по характеру, и вообще с ним меньше проблем. Но Рива убедила Сёму, что с русской женой мне в Израиле семейной гармонии

не достичь. Наши дети евреями считаться не будут, ведь дядя сам сказал, что национальность по матери определяется. К этому убедительному аргументу своё веское слово добавил и я, заявив: «К евреям в Израиль не поеду!» Их там целая страна, а мне одного дяди хватает с лихвой.

Прознав про отъезд нашей семьи в Израиль, нежданно объявился и активизировался бывший Ольгин муж, цеховик и подпольный миллионер, грузинский еврей Яша Давидашвили. С моей сестрой он познакомился в поезде, возвращаясь из отпуска. Красивая перспективная художница с ходу покорила сердце конспиратора. В поезде Яша сделал Ольге предложение и надел ей на безымянный палец старинное наследственное кольцо. Утверждают, что даже встал для этого на колено. Из поезда Оля выходила помолвленной и с дорогой фамильной драгоценностью. Через неделю они с Яшей расписались в центральном Дворце бракосочетаний – Яша всё устроил. У него для этого были большие способности и немалые возможности. Жили молодожёны в новой двухкомнатной квартире в первом микрорайоне, недалеко от памятника 11-й армии РККА, которая 28 апреля 1920 года содействовала установлению в Азербайджане советской власти. Квартиру эту купил Яша. Жили они с Олей хорошо. Ни в чём не нуждались. Через год родилась дочь, назвали Нателлой, в честь Яшиной бабушки, происходившей из старинного рода потомственных грузинско-еврейских дворян. Короче говоря, Яша недолго уговаривал Риву и свою бывшую жену перевезти за границу фамильные драгоценности: бабушкино бриллиантовое колье с сапфирами и изумрудами, золотые кольца и перстни с рубинами, браслеты и брошки с природными бриллиантами, золотой гарнитур серёг и кулонов с жемчугами, старинные ковры ручной работы, серебряные столовые наборы – и другое наследство. Риск был большим – таможенники

Советский цеховик и подпольный миллионер
Яша Давидашвили и Оля.
Баку, 1975 год.

на границе не дремлют, могут запросто конфисковать фамильные драгоценности подпольного миллионера. (Помимо фамильных сокровищ Яша хотел нелегально переправить ювелирные изделия, нажитые нечестным трудом.) Существовали нормы вывоза. Иди потом доказывай Яше-миллионеру, что наследственные драгоценности конфисковали таможенники, а не бывшая жена. (Хотя такой соблазн у Ольги был.) Он никогда в это не поверит. Но если Яша пошёл на столь рискованный шаг – значит, он оказался в безвыходной ситуации. Яша тоже собирался эмигрировать в Израиль и тщательно готовился к поездке. Одному с новой женой ему такую операцию не осуществить, да и зачем подвергать себя большому риску. Фамильные ценности семьи Давидашвили у них однозначно конфискуют. Оставят только то, что в ушах, на шее и руках – разрешённое к вывозу по норме. А разрешалось вывозить немногое. А список драгоценностей не короткий. Поэтому находчивый и деловой Яша решил прибегнуть к помощи бывшей жены. На семью из пяти взрослых человек – Рива, Оля, Мира, Рафик и Эдик – возлагалась ответственная задача: нелегально переправить через границу основную часть ювелирного наследства Яши. Он надеялся, что проверять на границе большую семью не будут столь тщательно, как семью из двух человек, и оказался прав. Хитрый подпольный цеховик в психологии неплохо разбирался. Яша ездил на горбатом «Запорожце» светло-серого цвета. Помню, как он возил нас с мамой в роддом, показать свою дочь Нателлу. На фасаде роддома был закреплен большой транспарант с надписью: С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ ТЕБЯ, СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК! Недоумевая, я часто задавался вопросом, почему Яша, такой богатый человек, ездит на старом горбатом «Запорожце»? «Это он с понтом, – объяснил Рафик. – Чтобы его ОБХСС не вычислил. У него есть новая “Волга”, записана на его маму».

Рива и её экипаж, как выразился бывший капитан торгового судна, к отъезду на историческую родину были готовы. Мама, папа, Тамара и Борис оставались пока в Баку. Папа в Израиль ехать не хотел, говорил: «Мне какая разница, где умирать...» – «Разница большая! – негодовала мама. – На земле наших предков лучше». И грозилась: «Будешь рядом со мной лежать!» Данил находился на БАМе, жил в Северобайкальске и к евреям тоже не торопился. Как он выразился, «среди тайги безопаснее». И, наверное, был прав: в тайге только медведи живут, а в Израи́ле евреи, которые землю предков никак с арабами не поделят.

В квартире воцарился хаос. Сборы шли полным ходом. Порой у меня возникали ассоциации с картиной Васнецова «После побоища», над которой когда-то сидела Оля, изучая стиль и технику русского художника. Не хватало только орлов и погибших воинов. Всё, что считали ненужным, продавалось. Продали Олин мольберт с красками. Продали «Украину» – пианино, которое Хая покупала в кредит. (Она умерла несколькими годами ранее в результате продолжительной болезни.) «"Украину" не трогайте! – потребовала мама, когда узнала. – Бедная Хаечка всю жизнь его выплачивала». Но Рива объяснила: маме придётся самой этим заниматься, когда они с папой, Борей и Томой соберутся ехать в Израи́ль. Почти всё, что было в нашей квартире, Рафик считал ненужным и бесполезным для жизни в новой стране. Он рекомендовал продать даже свой фотоаппарт «Зенит». «Там я себе "Canon" куплю или "Nikon", – предавался мечтам брат. – А лучше "Hasselblad" девятьсот третий». «Ты, брат! Хорош мечтать. Делом займись», – руководила Рива. Рафика не интересовали даже книги – зачем везти с собой давно прочитанное? Лучше продать. В Израиле много других, более интересных книг. В общем, библиотеку, которую Рива собирала много лет, тоже продали. Потом продали все зарубежные и советские

пластинки. Кроме, конечно, «Синей птицы», с любимой маминой песней «Мамина пластинка». Продали трельяж и этажерку. Продали швейную машинку. Олино свадебное платье. Папин старый радиоприемник «Океан-209». Аквариум с рыбками, настольную электрическую плиту и даже альбом с коллекционными марками. Эдик продал свои новые джинсы, на которые долго копил деньги. «В Израи́ле тебе брюки не нужны?» – ехидно заметила Рива. «Там в шортах все ходят», – разъяснил Эдик. «Он как генерал Чарнота будет по Иерусалиму в кальсонах ходить», – подкалывал младшего брата начитанный Рафик. Всё, что могло понадобиться, упаковывали в коробки, укладывали в баулы и связывали в узлы. Решающее слово, что взять, а что продать, конечно же, было за Ривой – бойкой, уверенной в себе, умудрённой опытом сорокасемилетней женщиной, покорившей не одну вершину Северного Кавказа. Мама сидела на стуле в углу спальной комнаты, скрестив на груди руки, и молча наблюдала за происходящим. Широкая межкомнатная дверь была открыта, все действия и передвижения готовящихся к отъезду были ей хорошо видны. Мама грустно покачивалась в такт ей одной слышимой мелодии, звучавшей у неё в голове.

– Раскладушку брать? – обращалась Оля к Риве.

– Как будто в Израи́ле раскладушек нет, – ворчал Рафик. – Оставь! Там итальянские раскладушки.

В нашей семье продолжали говорить Израи́ль, а не Изра́иль, как говорил дядя Сёма.

– Термос брать? – обращалась Мира к Риве.

– Как будто в Израи́ле термосов нет, – фыркал Рафик. – Оставь! Там китайские термосы.

– Зонтик брать? – спрашивал самый младший Эдик.

– Как будто в Израи́ле зонтиков нет, – опережала Рафика с ответом Рива, и все смеялись.

– Зонтик возьми, – неожиданно посоветовал Рафик. – Там дожди редко выпадают. Будем на пляже от солнца укрываться.

Наблюдая за подготовкой евреев к массовому исходу на историческую родину, я вспомнил, как папа много лет назад слушал вражеские голоса – радиостанции «Голос Америки», «Радио "Свобода"», «Голос Израиля», «Немецкая волна», в трансляциях которых упоминался «сионист Натан Щаранский». Я сказал Рафику, что у него скоро появится возможность познакомиться с «сионистом» лично.

– Оставь! Щаранский давно на КГБ работает! – ответил Рафик. – Или думаешь, его просто так из тюрьмы выпустили?

– Не болтай глупости! – одернула его Рива. – Благодаря ему евреев стали в Израйль выпускать... Бедный Щаранский, столько пережил, – посочувствовала она сионисту.

– У этого *бедного* еврея на счету миллионы американских долларов, – язвительно сказал Рафик.

Рива не стала развивать эту тему – чужие деньги её не интересовали, – но она оторвалась от своего дела и серьёзно сказала:

– Шутки в сторону! Чтоб в Израйле ты рта не открывал.

– Само собой, – с готовностью согласился брат. – Бедному еврею везде рот закрывают, – добавил он, и снова все рассмеялись.

Рафик был умным братом, потому что знал: последнее слово всегда за старшей сестрой, и никогда с Ривой не спорил.

Когда сборы были закончены и квартира стала напоминать пристанище беженцев – повсюду баулы, узлы и коробки, – мама встала со стула, молча подошла

к стене, где по-прежнему висел портрет Сталина с трубкой, и с виноватым выражением лица сняла изображение «отца народов», бормоча по-горски: «А чугу́л, а саха́н чю мя вяги́ дур гяроши́. Шолиа́х гярдо́ иш му ря»[116].

– Зачем сняла? – удивился Рафик.

– Его никто не купит, – рассмеялась Оля.

– Нет-э-э… – протяжно произнес брат. – Сталин в тысяча девятьсот сорок седьмом году голосовал за создание Израйля и первый установил с евреями дипломатические отношения.

– На свою голову, – заметила Мира.

– Премьер-министр Голда Меир в Киеве родилась, – продолжал Рафик. – Настоящая фамилия Мабович. Она тоже из большой бедной семьи.

Маму эта информация не впечатлила – эрудированность Рафика давно в семье никого не удивляла – она молча унесла портрет Сталина в другую комнату и спрятала на нижних полках старого буфета, на котором, как и много лет назад, стояли две затертые керосиновые лампы. Мама говорила, что эти лампы были свадебным подарком им с отцом в день их «законного бракосочетания» – 4 апреля 1942 года.

– Керосиновые лампы с собой возьмите, – заботливо сказала мама.

– Что там, война, что ли? – усмехнулся Боря.

Однако я оценил мамино предложение: с этими антикварными предметами была связана её тяжёлая жизнь, в которой было много всего: потеря матери в раннем возрасте, босоногое детдомовское полуголодное детство, полная нужды и тревог молодость, искренняя любовь и супружеская верность. Когда в нашем квартале отключали свет, мама ставила лампы на обеденный стол, заправляла керосином и зажигала. Фитили ровно горели,

[116] Чтоб дьявольский глаз вас не коснулся. Чтобы было вам только счастье. – *Татский язык.*

освещая большую столовую комнату. Мама в задумчивости смотрела на языки пламени и, наверное, видела в них два горящих от любви сердца. Всё как в далёком сорок втором году. А сейчас мама была готова расстаться с дорогим подарком – символом их с отцом долгой верной любви.

Услышав слово «война», мама снова запричитала на языке горских евреев. В этот раз мне не удалось разобрать слов. Позже я неоднократно сожалел, что не изучал язык горских евреев, как советовали родители. Как бы он пригодился мне в 2000 году в Ходжа-Бахауддине, посёлке на севере Афганистана, где в палаточном лагере беженцев я обнаружил родственный татам народ, говоривший на джуури – языке моих родителей. Значит, Лина была недалека от истины, приняв меня в общаге за афганца…

В начале ноября 1990 года Рива с экипажем погрузились в поезд. Репатриация евреев на историческую родину шла полным ходом. Ехали через Москву, где в посольстве Венгрии требовалось получить транзитные визы. Маршрут был следующим: из Москвы поездом до приграничного городка Чоп и дальше до Будапешта. Оттуда на самолёте в Тель-Авив, на землю обетованную. В начале девяностых годов советские евреи выезжали по такой схеме, поскольку между СССР и Израилем дипломатических отношений не было. Рива заняла два купе, доверху заполнив их узлами, баулами и коробками. С собой везли одеяла, подушки, постельное бельё, ковёр (тот самый, который мама с топором отстояла от посягательств ОБХСС) и прочие домашние вещи. Даже книга с рецептами кавказской кухни оказалась среди предметов домашней утвари – кастрюль, чугунных сковородок, чайников, тульского самовара – и фамильных драгоценностей дворянского рода Давидашвили.

В Чоп приехали поздно. Рафик, как обычно, предавался любимому делу – сладко спал, мирно похрапывая

на узлах и баулах. Эмиграция, репатриация, прощание с Родиной и связанные с этим естественные переживания его не беспокоили, как и Яшины фамильные драгоценности, которые были рассованы в самые неожиданные места. Золото и бриллианты можно было найти в самоваре, кухонном комбайне, трусах и носках. В вагон вошли представители таможенной службы – майор с двумя молодыми лейтенантами. Началась проверка документов и вывозимого за рубеж имущества.

– Товарищ, – потрепал по плечу Рафика лейтенант. – Подъём!

– А-а? Что? – вскинулся спросонья Рафик.

– Что здесь? – указал таможенник на баул.

Полусонный Рафик был очень плохим собеседником. Чтобы, прервав его сон, привести моего брата в полное сознание, требовалось не менее пятнадцати минут, о чём молодой лейтенант знать не мог.

– Вещи…

– А здесь? – указал таможенник на баул, на котором лежал Рафик.

– Вещи… – Брат был совершенно равнодушен к фамильным ценностям Яши. Более того, он напрочь о них забыл. Единственное, о чем мечтал Рафик, это чтобы ему не мешали спать.

– А там? – указал дежурный на коробку с кухонным комбайном.

– Вещи… – третий раз односложно и безучастно ответил Рафик.

Самовар и комбайн с фамильным кладом стояли на видном месте. Оценив олимпийское спокойствие и пренебрежительное равнодушие выезжающего за границу пассажира к происходящему и осознав бессмысленность дальнейших расспросов, молодой лейтенант наконец сдался.

– Ладно, спи… – сказал он и вышел из душного тёмного купе.

Вот так благодаря невыспавшемуся Рафику удалось сохранить и в целости и сохранности доставить на землю обетованную фамильные и другие Яшины драгоценности.

Тем временем в обстановке нервозной суеты в вагоне произошёл другой, полный драматизма эпизод.

– Зайти в вагоны и никому не выходить! – скомандовал майор погранслужбы.

Поезд дёрнулся и медленно двинулся к границе. При проезде через буферную зону из купе вдруг выскочила Рива и бросилась в тамбур.

– Остановите поезд! Остановите поезд! Я хочу выйти! Я не хочу уезжать! – кричала сестра в удушливой истерике. – Это моя Родина!

Её рука дёрнулась к красной ручке стоп-крана. Два молодых лейтенанта едва сдерживали Риву. Тяжёлую психологически ситуацию быстро урегулировал красавец-мужчина – майор погранслужбы. Он подошёл и благородно объяснил:

– Успокойтесь и запомните! Придёт время, когда мы вам будем завидовать. А вы сюда ещё в гости приедете.

– О чём вы говорите? Нас сюда не пустят… – рыдала сестра.

Следует напомнить, что до 1992 года репатриантов лишали не только паспортов, но и советского гражданства. Обратной дороги в СССР для них не было.

– Запомните мои слова, – уверял майор. – Скоро всё изменится. Вы будете приезжать в гости.

Интересно, откуда ему было это известно?

Наша с Линой ситуация (к обоюдному удовлетворению) была иной. Мы не выезжали в Израиль на постоянное место жительства и не подвергались процедуре лишения гражданства. Мы собирались выехать в Канаду по гостевому приглашению и там остаться. Таких называли невозвращенцами.

Документы на выезд оформляются по месту постоянного проживания, заявили в ОВИРе. Чтобы не обострять конфликт с тёщей и бабушкой, я под предлогом знакомства с моими родителями вызвал Лину в Баку. Но эти предосторожности оказались лишними: её мать и бабушка уже обо всём догадывались. Временную прописку Лине, после моего разговора на повышенных тонах в ЖЭКе, тоже оформили относительно быстро. Все документы в ОВИР мы сдали в срок. Четырнадцатого декабря из ОВИРа позвонили. Прозвучал короткий загадочный монолог.

– Ваши паспорта готовы, – произнёс женский заговорщицкий голос. – Завтра в десять утра в ателье мод. Метро «Нефтчиляр». Вагиф всё скажет.

– Ясно, – сказал я.

В трубке тут же послышались короткие гудки.

Место встречи было мне хорошо знакомо. Ателье мод находилось рядом с фотоателье, где когда-то работал Рафик. План получения загранпаспортов выглядел так: я должен был передать Вагифу – директору ателье и мужу звонившей женщины – в конверте взятку, двести рублей. По-кавказски это называлось отблагодарить. Потом директор ателье позвонит жене в ОВИР, я поеду туда и получу загранпаспорта. Таковы были несложные условия конспирации, которые я умудрился соблюсти. Слежки за собой не обнаружил.

Очередь в ОВИР изо дня в день увеличивалась. Даже перед винно-водочным магазином такого столпотворения не наблюдалось. Изменилось отношение общества к вопросу эмиграции евреев. Репатриация в Израиль стала важнее алкоголя. Пробиться к входу не представлялось возможным. Я покорно стоял в очереди, но понимал: необходимо что-то предпринять, иначе контора закроется. А завтра у них неприёмный день. Очередь не двигалась. Здесь можно несколько дней стоять, и с места не сдвинешься. В какой-то момент

на дороге рядом с толпой остановился старый «жигулёнок», из окна высунулся немолодой усатый азербайджанец и с чувством оскорблённого достоинства крикнул: «Крысы первые бегут с корабля? Мы же были как братья! Евреи! Опомнитесь!» Евреи притихли, стыдливо отворачивая лица в сторону. Наверное, решили, что их будут бить. Воспользовавшись удобным случаем, я, расталкивая локтями людей, рванул к дверям и достиг желаемой цели. Назвав милиционеру на входе фамилию позвонившей сотрудницы, я, наконец, оказался внутри помещения. Жена директора ателье, черноволосая красивая азербайджанка, передала мне конверт с паспортами и пожелала удачи – мне показалось, что искренне. Теперь предстояло полететь в Москву, получить в канадском посольстве визы и купить билеты в Канаду.

Два дня мама безмолвно наблюдала за нашими сборами: ходила кругами и тяжело вздыхала. На третий день она отозвала меня в кухню.

– Тофик, будь осторожен! Я своего брата очень хорошо знаю! – шёпотом сказала мама.

– Вздумала напугать меня перед дорогой?

– Слушай меня внимательно. Сёма – очень жадный. У него летом снега не допросишься.

– Может, зимой?

– У него ни летом, ни зимой ничего не допросишься, – раздражаясь сказала мама. – Прошу тебя… Тофик. Будь умным! Не будь дураком!

Меня всегда удивляло, почему мама называет меня мусульманским именем Тофик, ведь в свидетельстве о рождении написано: Анатолий. Я сам видел. Эту тайну много лет спустя открыла Рива. Оказывается, задолго до моего рождения у мамы родился сын, которого она назвала Анатолием, но в двухлетнем возрасте ребёнок умер. Считается, новорожденных детей в честь умерших родственников называть нельзя. Перед моим рождением

маме приснился странный сон. Она услышала голос: «Родишь же сына, и наречёшь ему имя Анатолий, а звать будешь Тофиком». Хорошо, что не в честь пророка Моисея назвала или другим древнееврейским именем. А то в нашем еврейском дворе на улице Нефтепереработчиков и без меня хватало пророков: Исаак, Манаширь, Годик, Ихиль. Кстати, мама почему-то была уверена, что популярный советский певец Эдуард Хиль – еврей. Слишком уж подозрительное подобие: Хиль – Ихиль. Если Иосифу Кобзону можно быть евреем, то почему Эдуарду Хилю нельзя?.. Кстати, до того, как маме приснился сон, она хотела назвать меня древнееврейским именем Танхун, что в переводе с иврита означает «утешитель». Не представляю, кого бы я утешал в советской школе своим еврейским именем.

– Раньше надо было пугать, – ответил я. – Сейчас поздно.

Меня в тот период почти не беспокоило, что ждёт нас с Линой в Канаде. Главное – уехать отсюда. Мы молоды и здоровы, всё в наших руках, остальное – у наших ног.

– Я не пугаю. Я предупреждаю.

– Может, ты чего-то не договариваешь? – посмотрел я маме в глаза.

Она помолчала и с сожалением сказала:

– Лучше бы вы со всеми в Израи́ль поехали.

– Мы же советские люди. Нам Израи́ль не нужен, – напомнил я шутливо.

– Ш-ш-ш… – указала мама в потолок. – Соседи.

– Наши соседи давно в Израи́ле! – парировал я. – Ты лучше расскажи, как дядя в Канаде оказался. Он же в Израи́ль хотел.

– На вокзале начал стихи читать…

– Какие стихи? – иронично переспросил я. Мама вечно выдумывала небылицы.

– Вот эти:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, чего-то там голубые,
И ты, замученный народ.

– Так это же Лермонтов, мы его в школе учили… И не замученный – им преданный, – поправил я маму.

– Дай Бог ему здоровья! – простодушно сказала она.

– Кому? Лермонтов давно умер. Его враги на дуэли застрелили…

– Чтоб наши враги сгорели! Ай худо! – завела мама старую пластинку.

– Не отвлекайся. Как всё-таки дядя в Канаде оказался? – попытался добиться я от мамы давно интересующих меня сведений.

– Я же рассказываю. Не перебивай. Слушай. Стал стихи читать… этого, Лермонтова…

– Ну да, про немытую Россию. Продолжай дальше…

Мама продолжила:

Быть может, за стеной Кавказа
Укроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их каких-то там ушей.

– Всеслышащих…

– Да, а поезд пошёл… Все стали кричать: «Сёма! Сёма!» – и он побежал…

– Куда побежал?

– За поездом. А у Любы…

– У какой Любы?

– Его жены… У Любы ноги отказали. Она не могла в вагон войти. Её на руках занесли.

– Про Любу понятно. И всё-таки как дядя в Канаде оказался? – не сдавался я.

– Спросишь у него сам, когда приедешь, – снова ушла от ответа мама. Ей это всегда удавалось.

Из всего хаотичного маминого рассказа я понял только то, что дядя в 1979 году перед отъездом в Израиль читал провожающим на вокзале «Прощай, немытая Россия». А у его жены Любы отнялись ноги, и она только с помощью родственников смогла попасть в вагон.

Потом мама взялась за Лину. «Теперь просто так не отстанет, я же её знаю, она как следователь», – подумал я.

– А что говорит твоя мама? – с бесцеремонным любопытством подступилась она к Лине. – Рада, что муж тебя в Канаду увозит?

– Да, очень, – с детской непосредственностью начала Лина. – Говорит, что ты будешь делать в этой тундре…

Я ткнул её локтем в бок, и Лина осеклась. Я хорошо помнил продолжение тёщиной фразы: «Что ты будешь делать в этой тундре с горским евреем? Уж лучше бы в Израиль поехала, как все нормальные люди».

– На краю света… – закончила Лина.

Увезу тебя я в тундру, увезу к седым снегам,
Белой шкурою медвежьей брошу их к твоим ногам.
По хрустящему морозу поспешим на край земли
И среди сугробов дымных затеряемся в дали[117].

Восемнадцатого декабря в центральном банке, отстояв в большой неорганизованной очереди, мы обменяли четыре тысячи советских рублей на пятьсот канадских долларов. Совсем недавно доллар стоил шестьдесят копеек, а теперь восемь рублей. Как говорят евреи,

[117] Начало популярной советской песни «Увезу тебя я в тундру», написанной композитором М. Фрадкиным на слова поэта М. Пляцковского.

«на наше счастье» был изменён закон об обмене иностранной валюты. К тому же обменивали не более двух тысяч рублей на одно лицо. Деньги нам дала Оля, незаконно продав свою двухкомнатную квартиру, оставленную ей бывшим мужем Яшей. Закон о приватизации государственных квартир уже был принят, но по каким-то неясным причинам сестра не могла оформить документы на квартиру, зато она без проволочек оформила незаконную сделку без документов: взяла у покупателя пачки наличных денег и вручила ему ключи от квартиры. Дальнейшие проблемы оформления документов о собственности ложились на плечи нового владельца с его толстым кошельком.

21 декабря 1990 года мы с Линой вылетели в Москву в трепетной надежде обрести своё хрупкое счастье. Мне для счастья не много было нужно: виза и билет в страну радужных надежд. Всё остальное – от лукавого. По совету мудрой Ривы мы купили турпутевку – это гарантировало номер в гостинице. По-другому в Москве заселиться в гостиницу было невозможно. Гостиница, как оказалось, находилась в ведении МВД и предназначалась для работников, имеющих отношение к правоохранительной сфере. Новые экономические реформы в стране побуждали администрацию гостиницы меняться и показывать трудящимся совсем другое, человеколюбивое лицо исполнительной власти. Находилась гостиница во внутреннем дворе, недалеко от улицы Горького и Центрального телеграфа.

На следующий день я отправился в международные кассы Аэрофлота у метро «Бабушкинская». В просторном зале было человек пять-шесть. Передо мной молодой парень протянул в окно паспорт тёмно-синего цвета. На лицевой стороне я заметил надпись: *United States of America*. «Нет билетов. Бронируйте». Американец безропотно покинул помещение. Кассирша всё мне быстро объяснила: нужно записаться в очередь и отмечаться

каждый день. Когда будет билет, надо ехать в посольство за визой, которую можно получить только при наличии билета. Потом она указала на кого-то позади меня. Я обернулся. У большого окна стоял мужчина лет сорока с блокнотом в руках.

Я подошёл с вопросом:

– Вы записываете?

– Куда летите?

– В Канаду.

– В Штаты и Канаду одна очередь. Запись за полгода вперёд, – предупредительно сообщил он. – Будем записываться?

– Будем.

Мой номер – 135. «Это сколько же придётся ждать, чтобы билет купить?» – пытался прикинуть я в уме. В наших с Линой загранпаспортах было указано: выезд до 14 июня 1991 года. Если билетов не будет или очередь застопорится, тогда придётся всё заново оформлять. И так может продолжаться до бесконечности.

– Быстро очередь движется? – задал я лишний вопрос.

– Полгода, – улыбнулся мужчина и написал номер у меня на запястье.

Столько времени я ждать не собирался. Да и где мы с Линой будем в Москве жить и на какие деньги? Действовать надо грамотно и решительно, а иначе всё было и есть бессмысленно и глупо. Сделать для достижения цели всё возможное, ведь столько препятствий преодолено, столько денег и усилий затрачено. Может, произойдёт чудо – кто-то откажется от брони? Маловероятно, слабо в это верится. Но чудеса изредка происходят. Желания сбываются. В моей жизни чудеса случались. Сегодня, похоже, в кассах ловить мне нечего, решил я, поеду в посольство, узнаю, примут ли мое подозрительное приглашение.

Я поймал такси и попросил отвезти в Староконюшенный переулок. Было около двух часов дня. В дороге я смотрел на номер на руке. Если бы знал заранее, что с билетами такая проблема, вряд ли решился на эту авантюру.

У входа в посольство дежурил милиционер. «Подождите здесь», – сказал он. Из посольства вышла серьёзная тётка в строгом чёрном костюме и белой блузке. Своей аккуратной форменной причёской напомнила мне Лилю Ивановну Бирюкову. Женщину моментально обступили другие ожидавшие. Внутренний голос подсказывал: «Кагэбэшница! Лишнего не болтай». Люди наперебой задавали сотруднице посольства свои вопросы. Я протиснулся вперёд и протянул ей приглашение.

– Скажите, такое приглашение примите? – спросил я.

Кагэбэшница пробежала приглашение, заполненное корявым почерком, и, глядя мне в глаза, произнесла:

– Примем. А в чем проблема?

– Ни в чем. У дяди плохой почерк…

– Русский язык забыл… давно в Канаде… – пошутила она, вернув мне приглашение. – Внимание! – обратилась она к обступившим. – Посольство не будет работать тридцать первого декабря и первого января!

Нам с Линой предстояло каждый день ездить на «Бабушкинскую» отмечаться в очереди, в томительной надежде приобрести билеты. Откуда взялось столько желающих улететь в США и Канаду, что образовалась очередь на полгода вперёд? Может, под Новый год произойдёт рождественское чудо и появятся билеты? Дать кассирше взятку – и всё случится…

На следующий день я отправился в кассы один. Лине захотелось полюбоваться красотами Москвы и прогуляться по Красной площади. Я не возражал – пусть погуляет, пока мы здесь, в Москве, в СССР. Может, никогда больше не доведётся оказаться в этой стране. Я вошёл

в зал авиакасс – очередь была небольшой. Отметился в списке, получил в кассе отрицательный ответ и вышел.

Девяносто первый год мы с Линой встретили в гостиничном номере кока-колой, «Биг Маками» и гамбургерами из «Макдоналдса», героически отстояв многочасовую очередь на Пушкинской площади. Жаждущих вкусить желанный и ещё совсем недавно недоступный в СССР плод капитализма – фаст-фуд набралось очень много. Это был первый и единственный в Москве ресторан «Макдоналдс», к тому же обслуживающий за советские рубли. «Сегодня наш общепит простодушно распахнул объятия заокеанскому сопернику», – сказала диктор в программе «Время» в день открытия. Отечественные рестораны на улице Горького работали за иностранную валюту. (Об остальных не скажу.) Мы с Линой, не догадываясь об этом, зашли в один из таких, когда гуляли по Горького. В тесном фойе, приветливо улыбаясь, нас встретила милая девушка: «Добро пожаловать! Наш ресторан работает за иностранную валюту». Я вытащил из кармана канадские доллары: голоден был настолько, что решился даже пожертвовать иностранной валютой. «Только за американскую валюту», – добавила администратор. Итак, мы подняли пластиковые стаканы и произнесли тост за наше светлое будущее, закусывая «Биг-Маками», подогретыми на отопительной батарее.

Утром первого января Лина разбудила меня и сказала:

– Я видела бабушку во сне…

– Ты ради этого меня разбудила? – спросил я.

– Мне надо с ней попрощаться. Она не переживёт моего…

– Предательства? – подсказал я.

– Ты не понимаешь. Она меня воспитала. Может, больше никогда её не увижу.

– А если билеты появятся, – слабо в это веря, предположил я.

– В новогодние праздники билетов не будет, – убеждённо сказала Лина. – Я только на три дня. Пожалуйста.

– Хорошо, езжай. Прощайся. Я буду в очереди отмечаться. Только не говори им, что я тебя насильно забираю. Я и так враг, а теперь и предатель Родины.

Лина пообещала взять вину за отъезд на себя.

В восемь утра второго января Лина вылетела из Шереметьево-1 в Калининград. Около часа дня в моем номере раздался телефонный звонок. Я его ждал.

– Долетела нормально. Встретили хорошо, – сказала она и добавила: – Приезжай, чего ты будешь один там сидеть?

– Зависит, как меня бабушка встретит.

– Горячих объятий не жди, но ужином тебя покормят, – пообещала Лина. – Бабушка вкусно готовит. Она догадывалась…

– О чём?

– Что рано или поздно это произойдёт.

Конечно, произойдёт! Рано или поздно каждый еврей, согласно Святому Писанию, должен вернуться на свою историческую родину! В Эрец-Исраэль[118]. Лешана абаа бИрушалаим! В следующем году – в Иерусалиме! Моя сестра Рива и её команда с дядей скоро там встретятся. Но если мы с Линой будем мотаться туда-сюда по Союзу – денег на билеты в Канаду может не хватить.

Но, немного поразмыслив, я всё-таки решил поехать в Калининград и попрощаться с родственниками Лины. Может, хотя бы на прощание они признают меня её законным мужем. А то как-то не по-еврейски получается. Точнее, не по-христиански. То есть не по-родственному.

Я спустился на первый этаж к дежурному администратору и попросил его позвонить и выяснить, когда

[118] Земля Израиля. – *Иврит.*

ближайший рейс на Калининград. Получив нужную информацию, заказал такси на шесть утра в Шереметьево-1: послезавтра я полечу в Калининград. А там на автобусе доеду до Черняховска, где четыре года назад в 37-й отдельной десантно-штурмовой бригаде я прыгал с учебной парашютной вышки. Десантироваться бы сейчас в Канаду – и никаких билетов не надо! В последнее время меня одолевают неосуществимые желания. Наверное, это происходит от бессилия, от того, что ты не можешь повлиять на обстоятельства.

Я спустился в метро, доехал до станции «Бабушкинская», где находились Международные авиакассы. Вошёл в зал и не поверил своим глазам: внутри ни души и кассы открыты. Фантастика! С волнением подошёл к открытой кассе.

– С Новым годом, девушка! В Канаду билет посмотрите, пожалуйста. Мне очень-очень нужно. Может, от брони отказались?

– Зачем вам так срочно в Канаду? – улыбнулась молодая кассирша.

– Дядя меня ждёт... сильно скучает. – Я протянул ей деньги.

Тонкие пальцы пробежались по клавиатуре, девушка подняла глаза на монитор. Я разглядел на чёрном экране мерцающие зелёные циферки – тогда, в январе 1991 года я впервые увидел компьютер. И как сейчас понимаю, на компьютере, которым пользовалась кассирша, была установлена операционная система DOS.

– На послезавтра есть два билета. Москва – Монреаль – Москва. Вылет четвёртого января в десять тридцать утра. Быть в Шереметьево за три часа до регистрации.

У меня зазвенело в ушах – будто головой о стену стукнулся. Может, ослышался? Нет, кассирша подтвердила информацию. Я не мог проронить ни слова, лихорадочно размышляя, как поступить. Лина уехала домой

в Черняховск. Я в Москве один, в Международных авиакассах перед окном с паспортом. Билеты есть. Два! И я могу их сейчас купить. И деньги у меня есть. А Лины нет. Что делать? Как поступить?.. Девушка продолжала что-то говорить, но я слышал только гулкий стук собственного сердца. Рождественское чудо всё-таки случилось, хотя и трудно в него поверить. Два билета в Канаду, и нет никакой полугодовой очереди – разве не чудо?

– Берите скорее, – поторопила девушка.

Я сконцентрировался, взял себя в руки.

– Понимаете, жена вчера улетела в Калининград, она не успеет вернуться… А мне надо с ней лететь. Как же поступить?

– Дело ваше, – пожала плечами кассирша. – Сегодня билеты заберут. Решайте.

Решение пришло быстро.

– Давайте один билет, – я протянул ей свой паспорт.

– Без жены летите? – улыбнулась девушка.

– Придётся.

Такая возможность даётся раз в жизни. И бабушка с мамой жены всю жизнь будут мне благодарны за то, что оставил Лину – единственную дочь и внучку! – в Черняховске. Пусть ликуют до конца своих дней. Я же не монстр какой, чтобы лишать их такой радости.

– Посмотрите, может, на следующую неделю есть билет? – я положил перед кассиршей два червонца.

– Это лишнее, – засмущалась она. – Сейчас посмотрю. – Девушка нажимала клавиши, смотрела в монитор, потом кому-то позвонила, что-то записала ручкой на листе бумаги. – Вам повезло. Есть. Отказ от брони. Новый год… Когда жена приедет, пусть ко мне к пятому окну подойдёт. Меня зовут Олеся. А вам сейчас надо в посольство за визой. Не теряйте время! Посольство скоро закрывается.

Да-да! Конечно! Я же без визы не улечу! В посольстве в связи с новогодними праздниками короткие часы

работы. «Успеть! Только бы успеть!» – твердил я как магическое заклинание. У метро я быстро поймал такси.

– В Канадское посольство! Староконюшенный!

– Знаю, – кивнул водитель. – Садись.

Ехали молча, потом таксист не выдержал:

– В Канаду летишь?

– Если паспорт успею сдать.

– Когда закрываются?

– Меньше чем через час.

– Успеем! – заверил меня водитель и надавил на педаль газа. Новогодняя Москва была пустынна. – Все куда-то уезжают. Как Горбачёв железный занавес открыл, так и пошла волна. А что там делать?

– Посмотреть хочу…

– А на что смотреть? На каменные джунгли?

Я не ответил: мне не хотелось вступать в спор.

– Я вот в деревне рос… вот где была жизнь, – с сожалением продолжил разговорчивый водитель. – Натуральный отбор… Селекция… Эволюционный процесс… Поток генов…

Я слушал молча. Точнее, даже и не слушал его. Я переживал, как бы посольство раньше времени не закрылось. Билет у меня на руках. Послезавтра вылет. Сидел весь на нервах. (Должен заметить, деньги на билеты – три тысячи рублей – нам с Линой дал Данил, приехавший в отпуск с БАМа и продавший свой талон на автомобиль «ВАЗ-2109».) Такси мягко неслось к центру по безлюдной январской Москве. Мне нечего было сказать моему собеседнику или хотя бы возразить. В музыкальном училище этому не учили. Лучше молчать. Потом таксист стал рассказывать про естественный половой отбор.

– Вы натуралист? – не выдержал я.

– Ага, юный натуралист.

Машина остановилась на светофоре. «Проспект Мира», – прочитал я название улицы.

– Нет, серьёзно. Где вы учились?

– В Сыктывкаре. ИТК[119] номер двадцать пять. Слыхал? Очень известный институт. Посещал центр трудовой адаптации, – ответил водитель, помолчал и добавил после паузы: – Здесь такому не научат. Братишка, хочешь добрый совет? Выкинь ты жемчужно-розовые мысли из головы. Сотри и забудь!

– Почему? – задал я дурацкий вопрос. Я часто задаю дурацкие вопросы, тем самым создавая о себе ошибочное впечатление. Но ничего, иногда это идёт на пользу.

– У них больное общество... Или ты думаешь, увезёшь Родину в чемодане?

– Я о чемодане не думал... Я просто хочу на свободу...

Водитель оторвал взгляд от дороги и пристально посмотрел на меня. Даже показалось, что он сбавил скорость.

– На свободу? А ты знаешь, что такое свобода?

Я промолчал. Мне нечего было сказать. Действительно, много ли я знаю о свободе? Вырваться отсюда и лететь, куда хочется, – это свобода?.. Я не хотел вступать с ним в спор: таксист на зоне отсидел, ему ли не знать о свободе.

– Можно быть свободным на зоне, а можно на воле жить, как в тюрьме, – продолжал он. – Заграница – это та же зона. Тут – социалистическая. Там – капиталистическая. Решай, где тебе лучше.

– Не понял, – сказал я.

– А тут и понимать нечего. У нас один откинулся, как ты говоришь, свободы захотел...

Таксист осёкся.

– И? – нетерпеливо произнес я.

– Кто родился несвободным, тот несвободным и останется. Мы семьдесят лет на зоне жили... А сейчас что? Вольное поселение? Ты язык знаешь? Do you speak English? Без языка нет свободы.

---

[119] Исправительно-трудовая колония, учреждение исполнения наказания в СССР.

Я попытался рассеять его сомнения и в свою очередь спросил:

– How do you do?

– Хреново ай ду, – ответил таксист. – One, two, buckle my show. Three, four, open the door...[120] Запомни! Там пригодится.

– Английский вам тоже в ИТК преподавали? – снова удивился я.

– Там всё преподавали, – нехотя ответил он.

Наконец мы подъехали к посольству. Я посмотрел на часы: доехали быстро. Расплатился и вышел из машины.

– Братан! – окликнул меня таксист, опуская стекло.

«Мало дал?» – подумал я и подошёл к нему.

– Запомни, братан: хуёво будет – никогда не сдавайся! Пропадёшь! Сотрут в порошок. Имени не вспомнят. Всё как на зоне. Будь здоров! – Он нажал на педаль газа и умчался прочь.

Надо будет запомнить совет доброго человека. Попадаются же сердечные люди на белом свете.

До закрытия посольства оставалось около двадцати пяти минут. У входа дежурил сержант и внутрь уже никого не пропускал. Я показал ему авиабилет и призвал к милосердию. Стражник отворил дверь в мечту и впустил меня внутрь со словами:

– Ждите в фойе.

Ждать пришлось недолго. Вниз по лестнице, точно Золушка в хрустальных туфельках, спускалась уже знакомая мне сотрудница посольства. Только сейчас я обратил внимание на памятный значок у неё на груди. Надпись прочитать не удалось, но творческое воображение подсказало мне вариант: «Почётный чекист». Таких значков давно не выдают. Но может, её наградили давно,

---

[120] Раз, два – пряжку застегни. Три, четыре – дверку отвори... – *Англ.* Популярная детская английская считалка.

за особые заслуги перед Отечеством? И почему она с таким значком работает в канадском посольстве? Как её сюда взяли?..

Почётный чекист внимательно изучила мой билет и с едва уловимым недоверием осведомилась:

– Сколько заплатили?

– Тысяча двести сорок пять рублей тридцать копеек, – точно назвал я сумму, умолчав про двадцать рублей сверху, которые, кстати, милая кассирша брать отказывалась.

Мой ответ уравновесил внутренние сомнения сотрудницы посольства.

– Хорошо, – кивнула она. – Зайдите завтра до двенадцати.

Назавтра, третьего января, я зашёл в посольство за паспортом. Знакомая сотрудница держала в руках конверт.

– Цель поездки? – строго спросила она.

– Гостевая.

– На какой срок едете?

– На один месяц. – Я отвечал как по нотам.

– Возвращаться собираетесь? – перейдя на доверительный тон, поинтересовалась чекистка.

Я на секунду растерялся, но тут же взял себя в руки и отрапортовал:

– Конечно. Здесь же моя Родина. Мой отец ветеран войны! – И для убедительности посмотрел на неё в упор.

Тайная сотрудница спецслужб наконец сдалась.

– Счастливого полёта! – с фальшивой доброжелательностью пожелала она.

Я шёл по Староконюшенному переулку, не чувствуя под собой земли, казалось, ноги её не касаются. С трепетом нёс по Арбату паспорт с визой и билетом, прижимая их к сердцу, словно хрустальную мечту. Надо срочно поделиться радостной новостью с Линой. Рассказать ей обо всём. Сможет ли она за меня порадоваться, объективно

воспринять произошедшее? Не уверен, но рассказать всё равно придётся: не могу я просто взять и уехать – Лина знает номер телефона и адрес моего дяди.

Я направился к Центральному телеграфу на улице Горького. Сегодня бóльшая часть населения планеты имеет различные средства мобильной связи, и число обладателей подобных гаджетов стремительно растёт. Мы перестали зависеть от телефонных переговорных пунктов, томясь в очереди в ожидании вызова. От телеграфов, отправляя международные и внутренние телеграммы, содержание которых открыто всем. Мы в скором времени откажемся от традиционных почтовых услуг. Благодаря возможностям электронной почты и социальных сетей мы в любое время связываемся с близкими в самых отдалённых точках мира. Не выходя из автомобиля, безотлагательно решаем важные вопросы, заключаем контракты, заказываем авиабилеты и оплачиваем покупки и услуги виртуальными деньгами. Мы без усилий и затрат времени отправляем друзьям, знакомым и незнакомым людям фотографии, аудио- и видеосообщения, целые архивы документов, пользуясь Сетью, при этом у нас становится всё меньше свободного времени. Мы оцифровали свою жизнь и храним личные данные в «облаке» интернетовской памяти, доступной в любой момент. Мы теряем свою свободу и независимость мыслей, всё больше увязая в электронной Всемирной паутине.

В январе 1991 года телефонный разговор с городом Черняховском я заказывал на Центральном телеграфе через оператора-телефониста. Двадцать минут ожидания, и связь была предоставлена.

– Черняховск вызывает. Шестая кабина, – дежурным голосом объявила оператор по селекторной связи.

Я вошёл в кабину, закрыл за собой застеклённую дверь, снял с рычага автомата телефонную трубку.

– Ты вылетаешь? – с радостным нетерпением спросила Лина.

– Да… Вылетаю… Завтра… – я не знал, с чего начать разговор, как сказать о своём поступке.

– Я тебя встречу.

– Не надо. Я в Канаду лечу…

– Как в Канаду?… – промолвила Лина внезапно упавшим голосом.

– Я же тебе говорил не уезжай, могут появиться билеты.

– Ты меня бросаешь? – с покорным смирением спросила она.

– С чего ты взяла? Я и не думал.

– Бросаешь! Я знаю, – убеждённо сказала моя оскорблённая жена. – Бросаешь меня одну в этом засранном Черняховске! – Она вдруг по-детски расплакалась. – Я знала, что ты так поступишь… вы все одинаковые… меня бабушка предупреждала… и мама… – в голосе Лины слышались горькая обида и отчаяние. – И даже тётя Ира…

Я был поражён странностью её женской логики: оставила меня одного в Москве, теперь обвиняет в предательстве. Видимо, так поступают все женщины. Недаром великий Моцарт ещё в 1790 году написал оперу с таким названием. Незаслуженные обвинения и беспомощные слезы вывели меня из душевного равновесия. Мне стало душно. Я приоткрыл дверь кабины. В этот момент я вспомнил бабушку, разорвавшую на мне жилетку, и тёщу, вещавшую с надменным сарказмом о моей бесполезности для общества и предстоящей невостребованности в Канаде, их опасения и упреки, будто я претендую на черняховскую жилплощадь… Жалкие люди! Будто я для того уехал из Баку и поступил в Калининградское музыкальное училище, чтобы отнять у тёщи шесть квадратных метров в задрипанном городке. Я вспомнил все прошлые обиды и оскорбления, к горлу подкатил ком. Мне захотелось крикнуть: «Стоп! Лина, остановись! Я тебя не бросаю и никогда не брошу!» Но я продолжал

молчать и слушать её детский плач. И в самом деле, почему я не поступил, как советовал мне в общежитии в Ленинграде Юра Тамбовцев? Надо было расстаться с Линой тогда же, когда её бабушка с кулаками накинулась на меня, обвиняя в жидомасонстве и всемирном еврейском заговоре. Действительно, что связывало меня, бедного горского еврея, из посёлка Восьмой километр с этой доверчивой красивой девочкой с отделения народных инструментов, аккордеонисткой с красным дипломом? Почему я должен был выслушивать советы и нудные нравоучения её мамы? Я улечу один. Отомщу за свои обиды и унижения. Я заберу с собой все деньги и её загранпаспорт, Лина никогда не получит визы в Канаду. Пусть остаётся в Черняховске, ухаживает за бабушкиной теплицей и копает в огороде картошку. Бабушка и тёща будут очень рады, не сомневаюсь. Они всю жизнь будут мне благодарны за мой опрометчивый поступок. И квартира никуда не денется. Ноги «презренного еврея» в этой квартире никогда больше не будет.

– Гуд бай, Америка. О-о-о… Где не буду никогда… – сквозь слёзы напела Лина песню «Наутилуса», под которую мы целовались в общежитии музыкального училища.

И я вспомнил всё… Я вспомнил, как осенью ездил с Линой в Ригу, предварительно продав свой новый и дорогой фотоаппарат «Зенит-TTL». Как мы сняли комнату у латышской пенсионерки недалеко от центра города и долго бродили по старым мощёным улочкам. Как сидели в кафе и потом на центральной площади кормили голубей, и Лина искренне и простодушно радовалась их назойливым приставаниям. Вспомнил, как загорали с ней на песчаном пляже Светлогорска. Как наслаждались вечной музыкой Баха в органном концертном зале Калининграда. Как на лестничной площадке общежития на улице Александра Невского Лина при подружках

предложила мне пойти в кино. Как у Верхнего пруда она нежно шептала мне на ухо слова любви и читала стихи.

Жизнь! Пошли мне случайную встречу,
Соверши невозможный виток,
Чтоб легли его руки на плечи,
Словно жаркий пуховый платок.
Чтобы жестом по-детски не грубым,
Как дыхание южных морей,
Прикоснулись шершавые губы...
Раз, за множество зим – отогрей!
Чтоб однажды, на шумном вокзале,
Излучая свой ласковый свет,
Мне глаза его столько сказали...
Что не скажешь за тысячу лет!
Чтоб земля из-под ног уходила...
Там, где встретятся наши пути,
Чтобы этой минуты хватило –
На нелёгкую жизнь впереди![121]

И ещё я вспомнил... я вспомнил, как Лина подарила мне свою бескорыстную любовь и очаровательную невинность. И я принялся успокаивать жену:

– Ты вообще ничего не поняла. Билет для тебя тоже будет. Он уже есть. Срочно вылетай в Москву! В авиакассах на «Бабушкинской» подойдёшь к пятому окну. Я договорился. Кассиршу зовут Олеся... Красивая молодая блондинка, – добавил я лишнюю деталь.

Я подробно Лине всё объяснил: и про номер в гостинице, и что нужно сказать кассирше, и про стоимость билета, и сколько дать на чай. Снабдил другими ценными советами.

[121] Стихотворение Натальи Вареник.

– Паспорт с долларами найдёшь в чемодане. Номер в гостинице я продлю на два дня.

Ощутив отеческую заботу, Лина немного успокоилась.

– Толя, не волнуйся! – неожиданно услышал я подзабытый голос тёщи, перехватившей трубку. Этот голос вернул мне уверенность в завтрашнем дне. – Я полечу в Москву вместе с ней и сделаю всё что потребуется... Будь спокоен, Лина прилетит! Без жены не останешься! – заверила она меня.

Настоящий цирк с торжественным выходом на арену, парад-алле. Что могло произойти с тёщей за эти пять минут, что сейчас она упорно старается отправить дочку вслед за мной? Неужели канадская виза и билет в руках бедного еврея способны были за такое короткое время изменить её мировоззрение? Похоже, тёща сомневалась, что у меня всё получится. Но сейчас основы марксистско-ленинской теории построения социалистического общества, прочно засевшие у неё в голове, пошатнулись и готовы были обрушиться. Ожидаемый кризис мирового капитализма уже не спешил, не приближался. Но ведь Лина, как и я, не знает английского, значит, ей тоже предстоит убирать туалеты. Ладно. Раз не хотите воспользоваться хорошим шансом разлучить нас – дело ваше. Теперь за Лину я мог быть спокоен. Если тёща пообещала – она отправит кого угодно и куда угодно. Я неоднократно в этом убеждался. С прорабами шутки плохи.

После этого разговора я заказал переговоры с Канадой. «Канада вызывает. Вторая кабина». Я вошёл во вторую кабину. Дяди дома не оказалось. На том конце включилась запись: я услышал знакомый голос капитана, предлагавшего на английском языке, но с диким русско-еврейским акцентом, оставить для него сообщение. Тогда я впервые в жизни услышал автоответчик. Дядя ещё в Баку рассказывал про автоответчик: «Если после пятого гудка я трубку не поднял, включается автоответчик.

Оставишь мне message». Я сообщил день вылета и номер рейса.

Номер в гостинице я оплатил на несколько дней вперёд. В качестве благодарности вручил дежурному администратору десять рублей и получил мнимые гарантии. Я сказал: «Жена прилетит через два дня. Вещи оставляю в номере». «Приглядим. Не волнуйтесь», – пообещал администратор.

На полке в шкафу, на столе, в чемодане – повсюду в номере я оставил для Лины письменные инструкции. У нас было два чемодана. В моем вещей было немного. Я переложил в него некоторые вещи жены, чтобы Лине было легче таскать свой чемодан. Паспорт и почти все деньги – одну тысячу двести рублей и триста пятьдесят долларов – положил в её чемодан. С собой я взял только сто пятьдесят долларов, оставшиеся триста пятьдесят спрятал в трусах Лины. Мне казалось, если кому-то вздумается рыться в вещах в её чемодане – там надёжное место. Сегодня вспоминаю обо всём с содроганием: как я пошёл на такое безрассудство – оставить чемодан с документами и деньгами в гостинице без присмотра на двое суток! Ведь можно было сдать чемодан в камеру хранения. Я не знаю, почему этого не сделал. Наверное, от волнения в голову не пришло. Подсознательно я понимал, что рискую оставить Лину без документов и денег – гостиницу обворовывали, – и тем не менее пошёл на это. Другого выхода у меня не было…

В шесть утра я сдал дежурному администратору ключ, напомнил про обещание присмотреть за номером и про жену, которая приедет через два дня, и дал ему ещё десять рублей. Дежурный заверил, что будет следовать моим инструкциям, я с ним попрощался и вышел. У входа ожидало такси. Я открыл дверцу, бросил сумку на заднее сиденье и сел рядом с водителем.

– Доброе утро! Едем в Шереметьево два.

– У меня в путевке написано Шереметьево один, – удивился таксист.

– Это ошибка, – соврал я. – Едем в международный аэропорт. Лечу в Канаду!

На самом деле никакой ошибки не было. Я действительно заказывал такси в Шереметьево-1, когда намеревался лететь в Калининград.

Водитель, недоуменно глядя в путевой лист, исправил единицу на двойку и сказал:

– Канада так Канада. Поехали. Мне всё равно.

Ему-то, конечно, всё равно – он таксист. А мне нет – я навсегда покидаю свою страну! В голове который раз прокручивался наш с тёщей разговор в калининградской квартире: «Толя, вы авантюристы! Кому вы в Канаде нужны? Где работать будете? Туалеты мыть?! Вы об этом подумали?» Нет. Мы не думали. Мы просто мечтали изменить свою жизнь. Разве за это осуждают? Мы молоды, с большими амбициями и отчаянным безрассудством. Что нам здесь светило? Распределение в совхоз Берёзовка, где пришлось бы заниматься разведением свиней и гусей. Как я уже говорил, нам с Линой захотелось посмотреть, куда приводит диплом музыкального училища, и мы туда съездили. Председатель колхоза повозила нас на «Ниве-21» по селу, показала недостроенный дом («вот здесь будете жить») и поселковый клуб («вот здесь будете работать»). Желания жить и работать в Берёзовке не появилось.

Такси неслышно мчалось по улицам пробуждающегося города. Безлюдные улицы зимней столицы 4 января 1991 года – эта картина запечатлелась в памяти как фотография. Я смотрю в окно и прощаюсь – прощаюсь с городом, прошлыми заботами и проблемами, всей прошлой жизнью. До боли и слёз. Больше никогда мне не суждено сюда вернуться. Уезжаю по гостевой визе, останусь в Канаде навсегда. Подам заявление на статус

беженца, как рекомендовал дядя, и через пять лет получу гражданство. Я не увижу больше своей страны, родителей, педагогов и друзей. Я много кого не увижу. Я – невозвращенец. Тарковский, Барышников, Ростропович – все они невозвращенцы. Но я не Барышников и не Ростропович. Я простой еврей без знания английского языка.

– Насовсем, что ли? – догадался таксист, оценив моё печальное молчание.

– Насовсем…

– Так радоваться надо.

Радоваться… Неужели это всё? Всё, что я хотел и чего добивался. Неужели я скоро улечу? Да. Это свершилось. У меня есть паспорт и есть виза. У меня в кармане сто пятьдесят канадских долларов. Я сделал это. Почему же мне сейчас так грустно? Чего же я хочу? Зубами хватался за любую возможность и зубы не сломал. Главное – не унывать. Вперёд! К новым подвигам и свершениям. Труба зовёт! Тоска и печаль постепенно сменялись восторгом.

Никогда бы не подумал, что аэропорт Шереметьево-2 – такое наводящее тоску унылое место. Недовольный персонал, сердитые пассажиры, медные светильники на тёмном потолке… Отсюда хочется как можно скорее исчезнуть. В зоне регистрации и оформления багажа длинная очередь, переходящая в толпу. Сколько же здесь всего желающих покинуть страну? Нахамив, передо мной врезалась в очередь важная дама в меховой шубе – телеведущая из Останкино. Кто-то в толпе её узнал. А я раньше думал, что телеведущие – интеллигентные люди. Оказывается, когда уезжаешь за границу – можно хамить. Несколько часов ожидания, проверка виз и паспортов, и я наконец в неудобном кресле самолёта Ил-62. Впереди девять с половиной часов полёта.

Я над заснеженными вершинами гор, над бесконечной синевой океана. Потом снова снег и горы: пролетаем над Гренландией. С высоты мне открывается всё великолепие одиночества дикой природы, горные расселины, в которых я пытаюсь разглядеть свои призрачные надежды.

– Смотри, – отвлёк меня сосед, – вон Владислав Третьяк сидит. Будет в Канаде тренером работать.

Я увидел мощный затылок. Такому вратарю попробуй забей. Признанная величина мирового хоккея. Он будет работать тренером, а кем буду я? Уличным музыкантом? Уборщиком туалетов?..

К величине большого хоккея подошла стюардесса с рюмкой коньяка.

– Владислав Александрович, в бизнес-классе есть места, – мило проговорила она.

Владислав Александрович опрокинул рюмочку за благополучное приземление и перешёл в бизнес-класс.

Чем же я буду заниматься? Бизнесом! Да, точно. Это слово я услышал сначала от фарцовщика Юры, а потом от директора кооператива по ремонту бытовой техники, продав ему списанные гостиничные кресла. У меня в бумажнике есть сто пятьдесят долларов плюс тридцать английских слов в запасе. Надеюсь, этого капитала достаточно для начала.

ДЯДЮШКИН СОН
(ВТОРОЙ)

Самолёт приземлился в три часа дня в аэропорту Мирабель в Монреале. Уже в салоне, пока самолёт подъезжал к телескопическому трапу, из динамиков раздался певучий голос с еврейским акцентом бывшего соотечественника:

– Уважаемые дамы и господа! Фирма «Карпаты-экспресс» приветствует вас на гостеприимной канадской земле. Пассажиры, направляющиеся в Торонто, пожалуйста, подойдите к нашему представителю. Мы будем рады обслужить вас и доставить к вашим родственникам и родным. Наш автобус узнать очень легко: синего цвета, стоит напротив выхода. Фирма «Карпаты-экспресс» благодарит всех, кто воспользовался нашими услугами. *Welcome to Canada!* Добро пожаловать в Канаду!

Дядю я ждал более часа. Он всё не появлялся. Уже и синий автобус в Торонто уехал. «Может, – думал я, – он меня не узнал и вернулся домой?» От Монреаля до Торонто – шестьсот километров. Это не шутки – туда-сюда кататься. Что делать? Как его найти? Как ему позвонить с этих автоматов? Какую монету туда бросать и где её взять? Маячу в центре зала у всех на глазах.

Ко мне приблизился полицейский с собакой. Пёс обнюхал мой чемодан и с важностью удалился.

Через минуту подошёл мужчина средних лет, неожиданно заговорил по-польски:

– Як ше называшь? Анатоли?

– Так, – непроизвольно вырвалось у меня. В Калининград часто приезжали поляки, и я нередко слышал их приятную мелодичную речь. Мы с фарцовщиком Юрой как-то у них джинсы и косметику покупали. Вернее, покупал Юра, я рядом стоял, за компанию.

– Удал шие до самоходу, – прибавил поляк.

Самоход по-польски – «машина». Это любому известно. Значит, пошли в машину, – говорит он. Я послушно последовал за поляком. А что мне ещё оставалось?

Поляк оказался необщительным, хранил загадочное молчание.

Я спросил по-русски:

– А что происходит? Где дядя?

– Споткаме. Вуек повидел до тебе.

Тут я совсем ничего не понял.

– Что? Я не понимаю!.. Не разу́мею, – вспомнил я ещё одно польское слово.

– Вуек повидел до тебе, – повторил он.

– Это ты уже говорил. Ты по-русски объясни!

– Твоя wujek на house waiting for you. Понаул? Разу́меешь?

Кое-что прояснилось. Построенное из русских, польских и английских слов предложение не понять было невозможно. Наверное, в Канаде так общаются эмигранты, но я только что из СССР прилетел. Ещё не привык. Вуек – это дядя. Ясно. Дядя ждёт меня дома. А этот поляк встречает меня по его просьбе. Одним словом, дядя Сёма – вуек! Точнее не скажешь. Мог бы, наверное, этот капитан Немо заранее предупредить! Не зря мама предупреждала про снег. Меня охватило беспокойство. Ощущение грядущей неудачи, какой-то беды. Поведение моего вуека не предвещало ничего доброго. Поляк собрал ещё несколько человек с московского рейса, которых родственники тоже просили доставить в Торонто, и усадил в свой белый минивэн «Форд».

К дому «The Kempford» на Yonge street мы подъехали около полуночи. Вошли с поляком в фойе четырнадцатиэтажного кирпичного здания. Поляк подошёл к табло, нашёл нужную фамилию, взял трубку и позвонил. Что-то сказал по-английски. Через пять минут дядя приветствовал меня.

– Сколько денег привёз? – услышал я первые русские слова на канадской земле. (Слова представителя фирмы «Карпаты-экспресс» не считаются, они были произнесены ещё в самолёте.)

– Сто пятьдесят долларов. – Я вытащил из кармана бумажник и извлек три пятидесятидолларовые купюры.

Капитан расчётливыми глазами уставился на заветные банкноты.

– Дай ему пятьдесят и мне пятьдесят! А где жена?

Бросил? – Дядя по обыкновению говорил громко и напористо.

– Нет. Она позже прилетит. Билетов не было.

– Не прилетит она! Бросил девочку одну, – укоризненно сказал дядя.

Во-первых, она меня бросила. Уехала к бабушке в Черняховск. И во-вторых, вроде ты сам хотел развести меня с ней и женить в Канаде на еврейке.

Поляк взял деньги, пожелал мне powodzenia[122] и поехал развозить пассажиров дальше. Дядя жил на одиннадцатом этаже в однокомнатной субсидированной квартире. Платил сорок процентов от суммы аренды. Получал пенсию, наборы продуктов из международной благотворительной организации The Salvation Army[123]. Короче говоря, пользовался надёжной заботой капиталистического государства и протестантов-евангелистов, проповедовавших учение Иисуса Христа. Неплохо устроился. А в Баку мне рассказывал про святое жертвенное обрезание и ханукальные свечи меноры. Оказывается, существуют две традиции зажигания свечей: одну практикует школа Шамая, другую – школа Гиллеля, и в чём разница, еврею знать необходимо. Для чего мне это знать? Я что, приехал сюда ханукальные свечи зажигать?..

Два дня я не выходил из дома. Робел при мысли, что придётся заговорить на английском. Я этого боялся. Мне требовалось время на адаптацию. Или точнее – карантин, как в армии. Мозг был не готов к потрясению. Советский гражданин оказался в капиталистическом раю. В замешательство приводило всё, что меня окружало. Тяжело было уснуть – сказывалась большая разница часовых поясов. Я лежал в кровати, глядя в окно.

---

[122] Удача. – *Польск.*

[123] Армия Спасения (The Salvation Army) – христианское (протестантское) движение, основано в Великобритании в 1865 году.

Дядя вечера проводил у телевизора, смотрел какие-то странные передачи: в студии все о чём-то горячо спорят и что-то обсуждают. Все эти передачи были для меня новыми и непривычными. Я однажды присоединился, сев рядом. В студии молодые мужчины горячо спорили друг с другом, ругались. Зрители позади них кому-то аплодировали, кого-то освистывали. Вдруг дядя Сёма, показывая на экран, спросил:

– Знаешь, кто такой *gay*?

– Нет, – ответил я.

– Пидарас. Петух. Опущенный, – растолковал дядя, имевший за плечами годы на зоне.

– Спасибо, что английскому учишь, – с признательностью сказал я. – А ведущий что хочет? Переведи.

– Не всё сразу. Учись постепенно, – рекомендовал мне капитан.

Был вечер. Дядя увлечённо смотрел передачу про опущенных, а я думал чем себя занять. Английского я не знал, да мне и неинтересно было смотреть про петухов[124]. В СССР за мужеложство, считавшееся преступлением против личности, предусматривалось уголовное наказание сроком до пяти лет. Внизу сверкала неоновая вывеска «Dominion». Супермаркет работал круглосуточно, хорошо была видна надпись красными огоньками: *open 24 hours*. Компактный трактор расчищал от снега парковочную территорию перед магазином. Я решился спуститься вниз. «Смотри, не потеряйся!» – крикнул вслед дядя.

Изобилие продуктов меня поразило. Никогда ничего подобного не видел. Кругом чистота и свежесть, зелень периодически поливается водой из тонких трубок. Мама бы пришла в восторг от такого изобилия овощей, фруктов и продуктов. Всё блестит и сверкает. Мне

[124] Слово «гей» я никогда до этого не слышал. В Баку гомосексуалистов унижали и называли их петухами.

захотелось пить. Я достал из холодильника оранжевую канистру с апельсиновым соком, подошёл к кассе и расплатился. Кассирша приветливо улыбнулась: «Have a good night»[125]. Взяв канистру, я вышел на улицу.

В понедельник, на третий день моего пребывания в Торонто, капитан наконец-то прокатил меня на своём голубом «Chrysler le Baron» 1982 года. К сожалению, ехали недолго – до иммиграционного центра. Там дядя заполнил на моё имя анкету на получение статуса беженца. Я расписался. Он отдал анкету иммиграционному чиновнику. Получили от него какую-то бумагу. Потом мы оказались в учреждении Social Services. Здесь мы подали документы на получение социальной финансовой помощи – welfare[126].

В среду мы поехали в еврейское агентство «Сохнут». Разговор, как ни странно, зашёл обо мне. Несмотря на то, что английского я не знал, по отдельным фразам, которые дядя произносил не торопясь, мне удалось догадаться: капитан собирается сплавить нас с женой в Израиль. Что же задумал этот прохиндей? План его был прост и одновременно гениален: в Канаде мы с Линой регистрируемся как беженцы, и государство выделяет нам финансовую помощь (наши деньги будут приходить на его адрес, так как мы будем жить у него, и он будет класть их на свой личный счёт). Пока рассматривается наше дело – а это не менее двух лет, иногда и больше, – дядя исправно получает от государства наше денежное пособие – одну тысячу двести долларов, и в нужный ему момент, когда придёт время от нас избавиться, он при великодушном содействии агентства «Сохнут» отправит нас в Израиль. Прощай, Канада – страна несбывшихся надежд. Извините, ребята, не получилось. В следующий

[125] Приятного вечера. – *Англ.*

[126] Государственная социальная финансовая помощь безработным, пенсионерам, инвалидам, беженцам.

раз. Я знал, опять же благодаря моему начитанному брату, что «Сохнут» занимается отправкой евреев на историческую родину. Причём делает это за свой счёт. То есть дядя, спровадив нас в Израиль, даже не потратился бы на билет. Ну, как? Разве не гениальный план? Капитан дальнего плавания с большой головой и хапающими, как говорила мама, руками.

Будучи уверенным, что я в английском – ни в зуб ногой (в чём он отчасти был прав), дядя спокойно при мне обсуждал свой замысел с сотрудницей «Сохнута». Она передала ему какую-то анкету, злой гений заполнил её и указал, где мне расписаться. Я спокойно расписался, не подав виду, что раскусил его план, хотя внутри всё кипело от негодования. Я вам покажу, кто здесь хозяин! Играть со мной в тайные грязные игры? Я сорву этот гнусный замысел.

Уже пятый день я собирался поговорить с дядей и открыть ему все карты, но не успел: в этот день из Москвы позвонила Лина.

– Прилетаю тринадцатого, – сообщила она. – Встречай.

– Обязательно! Как ты всё провернула? На билет хватило?

– Это был настоящий цирк. Приеду – всё расскажу, – пообещала Лина.

– Ты никуда не поедешь! – заявил капитан. – Сама приедет!

– Как это сама? – изумился я. – Лина в аэропорту растеряется. Ей всего восемнадцать. Я обещал ей, что встречу.

– Ничего с ней не случится! Не трать деньги! Ты её в бандитской Москве одну бросил, и здесь она тоже не пропадёт, справится, – гнул своё дядя.

Насчёт бандитской Москвы дядя был прав: столицу к этому времени уже захлестнула волна преступности.

Дядя Сёма, капитан дальнего плавания,
на свадьбе моего троюродного брата Сергея.
Нью-Йорк, 1989 год.

Только я Лину не бросал, она туда с мамой приехала, и у них номер в гостинице МВД был забронирован. Деньги лежали в чемодане, записки с инструкциями для неё были оставлены по всему номеру. Но, очевидно, он забыл, что я не юнга и не собираюсь исполнять команды бывшего капитана. Я напомнил Сёме о пенсионном возрасте, о том, что его судно пойдёт ко дну, если он будет повышать голос. Заявил, что встречу Лину, чего бы мне это ни стоило.

– Это будет стоить очень дорого! У тебя в кармане сорок долларов. А билет до Монреаля стоит семьдесят долларов, и потом до аэропорта на автобусе.

«Неужто он мои карманы проверяет?» – подумал я и сказал:

– Я бесплатно доеду. – Моему бескомпромиссному упорству можно было позавидовать. – Лина деньги с собой везёт.

– Как ты без денег доедешь? Тут за всё надо платить.

– Я её встречу! – заключил я. – И ты меня не остановишь!

– Только сделаешь шаг, назад не возвращайся! – ультимативно произнес капитан.

Напугал ежа голой задницей, как любил повторять сержант Яровенко. Я вышел из квартиры, неосмотрительно оставив чемодан с вещами. А куда бы я с ним? Надеялся потом забрать. Думал, пусть полежит, и чемодан лежал у дяди два года.

ONE WAY TICKET

Говорят, человек неузнаваемо меняется под воздействием обстоятельств. В нём проявляются лучшие или худшие качества. Ну вот, обстоятельства изменились, и мне необходимо было меняться. Время пришло. Конфликт с дядей произошёл утром одиннадцатого января.

Лину нужно было встречать тринадцатого. О предстоящих проблемах даже думать не хотелось, но было необходимо. Как добраться до Монреаля? Денег кот наплакал. Английского не знаю. Но не это главное – куда потом с Линой деваться? Вот в чём главный вопрос! От надвигающихся мыслей становилось не по себе.

И вот я посреди пустынной безлюдной улицы, у автобусной остановки. Заметил на столбе указатель: Yonge street. Когда поляк вёз меня из Монреаля в Торонто, немного рассказал про город. Сказал, что Янг-стрит – центральная улица Торонто и самая протяжённая в Северной Америке. Я огляделся: кругом – ни души. Улица чиста, людей нет, будто покинутый перед бомбёжкой город. Только машины изредка мимо проносятся. В кармане, как заметил дядя, сорок долларов. Куда ехать, не имею представления. Даже спросить не у кого. Здесь все на машинах передвигаются. Да и как спросить? Языком не владею. Подошёл автобус. Я вошёл внутрь. Водитель показал, как бросить в металлическую коробку один доллар двадцать центов за проезд, и довез меня до конечной, рядом с метро. Я вышел из автобуса и спустился под землю. Что дальше? Куда ехать? Надо разговаривать, иначе пропал, – убеждал я себя. Не стесняйся. Пусть смеются, зато тебе не до смеха.

Я подошёл к двум молодым девушкам. По виду студентки. Повторял одно слово: «Монреаль, Монреаль, Монреаль...» Они беспомощно переглядывались, разводили руками, но потом догадались.

– Oh! Do you need to go to Montreal?[127] – воскликнули студентки.

– Yes. Montreal. – Я обрадовался, услышав знакомое слово: меня наконец поняли.

Участливые девушки несколько раз произнесли «subway Union station» и «train». Указали направление

[127] Тебе нужно ехать в Монреаль? – *Англ.*

движения. Догадавшись, что station – это «станция», я понял: мне нужно на станцию «Юнион». Что train означает «поезд», я хорошо знал благодаря популярной песне «One Way Ticket» – «Билет в одну сторону» – группы «Eruption». Я переводил эту песню на русский и знал текст наизусть. Слово «train» в нём повторяется несколько раз.

Я вошёл в вагон и доехал до станции «Юнион». Эта станция соединялась с железнодорожным вокзалом. Что дальше? Найти платформу, от которой train отправляется на Монреаль. Я вышел на перрон. У каждого вагона стоял проводник, проверяющий у пассажиров билеты. Точно как в фильме «В джазе только девушки», который я когда-то в детстве смотрел с сестрой. Это вам не наши электрички, в которых можно зайцем каждый день ездить. «Капиталисты чертовы!» – сказал я в сердцах. Вернулся в зал, походил кругами. Отыскал скамейку, сел и задумался. Что делать? Ничего путного на ум не приходило. Поднял голову – увидел перед собой полицейский участок. Прочитал надпись над входом: Police. Похоже, сама судьба указывала мне тропинку. Встал и зашёл в полицейский участок.

Молодой офицер, откинувшись на спинку кресла, смотрел по телевизору хоккей, закинув ноги на стол. Чёрные толстые подошвы его форменных ботинок возвышались над столом. Всё точно так, как я видел в американских фильмах. Я не верил, думал, так только в кино бывает. Но нет. Вот сидит передо мной и не отрывается от экрана. Жестами я привлек его внимание и попросил подойти. Полицейский встал, не спеша приблизился. Я показал ему советский паспорт с красной обложкой и с золотым гербом, раскрыл страницу с канадской визой, пытаясь объяснить, что нахожусь в Канаде легально. Демонстративно вывернул из кармана оставшиеся доллары и несколько раз повторил:

– My wife. Montreal. Plane. Train[128].

Офицер посмотрел на меня с некоторым подозрением, взял в руки советский паспорт, взглянул на визу, на деньги и задумался. Потом жестами дал понять, что всё это нужно собрать и следовать за ним, что я и сделал. Мы прошли через зал, подошли к кассам. Полицейский позвонил в дверной звонок. Нам открыли дверь, и мы оказались в помещении кассы. Офицер что-то объяснял кассирше, потом он передал ей мой паспорт. Я не знал, что думать: либо отправят в Монреаль (чего мне и хотелось), либо в участок заберут для выяснения всех формальностей. Во втором случае я задержусь в Торонто, и Лина будет сидеть в Монреале одна. Через пять минут полицейский с кассиршей подошли ко мне.

– One way ticket, – сказала кассирша и вручила мне официальное письмо с логотипом «VIA Rail Canada».

– One way ticket, – повторил офицер полиции.

Песню «One Way Ticket» я очень хорошо знаю! «Билет в одну сторону». Наша группа «Ритмы Каспия» играла эту песню на новогоднем вечере в школе. Как же я вам благодарен! Вы – мои спасители. Как выразить свою признательность?

– Thank you very much, – выдохнул я. Эту фразу я выкрикивал на концерте «Блик-Битлз». Ничего другого я сказать не мог.

– Not a problem, – ответил полицейский.

«Ничего себе нет проблем! – поразился я. – Обеспечили мне поездку стоимостью в семьдесят долларов – и нет проблем! А говорят, здесь человек человеку волк».

До Монреаля поезд ехал семь часов. В поезде кормили так же, как в самолёте, но за деньги (только вино разливали бесплатно) – а я к этому времени сильно проголодался. Стюард развозил на тележке бутерброды, соки,

[128] Моя жена. Монреаль. Самолёт. Поезд. – *Англ.*

чипсы, орешки, вино. Купил один бутерброд. Я алкоголь не употребляю принципиально (по плохой дороге не ходил), но мне требовалось снять накопившееся напряжение. Тогда я впервые в жизни выпил бокал красного вина. Напряжение чуть ослабло, и я уснул.

Поезд прибыл на вокзал к девяти вечера. Половина пути к цели была преодолена. Теперь следовало добраться до аэропорта Мирабель. (Должен сказать, я был готов идти туда пешком, времени было достаточно.) На перроне я обратился к элегантно одетому человеку за помощью. Узнав, что я из Советского Союза, господин – именно так его назову – пришёл в восторг и довёл меня до автобусной остановки.

– USSR! Very good hockey players[129], – восторженно повторял он. – Tretyak, Mikhailov, Petrov, Harlamov...

– Йес, йес, – поддерживал я, – Бобби Халл, Фил Эспозито, Бобби Кларк.

Надо же, столько лет прошло, а канадцы не могут забыть знаменитую суперсерию игр СССР – Канада 1972 года.

Автобус отправлялся. Я поблагодарил незнакомца и вошёл в салон. Так как денег на билет не хватало, – после перекуса в «Макдоналдсе» оставались последние десять долларов, – пришлось снова пользоваться советским паспортом: я показал его водителю автобуса. «Может, водитель тоже любит хоккей и довезёт бесплатно?» – понадеялся я. Тот посмотрел на мой паспорт, показал десять пальцев и следом два. Я протянул ему последние десять долларов, водитель подумал, взял деньги и указал на свободное место:

– Have a seat[130].

Наконец я добрался до желанной цели – аэропорта Мирабель. Здесь мне предстояло провести почти двое

[129] СССР! Очень хорошие хоккеисты. – *Англ.*

[130] Садись. – *Англ.*

суток: самолёт из Москвы прибывал через тридцать семь часов. Денег не было совсем, но я не умер бы от голода. Человек может прожить без еды тридцать дней. Это намного больше, чем мне было ждать Лину. «Нам бы только ночь простоять да день продержаться». Я достиг своей цели, добрался, теперь требовалось отдохнуть и чем-то занять себя. Я прошёлся по залу ожидания на втором этаже. Чтобы лучше ориентироваться, не спеша изучил обстановку. Я удалился в дальний угол зала ожидания, удобно расположился в кресле. Маячить перед глазами службы охраны лишний раз не хотелось.

Ну вот, радуйся, ты в Канаде, – сказал я себе. Сбылась твоя хрустальная мечта. И вправду, когда Господь хочет наказать человека, он исполняет его желания. Но куда Лину везти? К дяде дорога закрыта. Обратно он не пустит. Что дальше? Возвращаться в Москву? Билеты у нас в оба конца, можно, конечно, вернуться, но это не выход. Ради чего тогда всё это было? Тревога, суета, волнения, денежные расходы. Тёща всю жизнь упрекать будет: «Я же вас предупреждала. Вы там никому не нужны». Нет. Забудь! Обратной дороги нет. (Так, «Обратной дороги нет», называется один из моих любимых телефильмов о войне с Николаем Олялиным.) Здесь надо остаться! Но как, с чего начать? Слишком много вопросов, на которые я не находил ответа. Лучше не думать. Ни о чём не думать сейчас!

Время тянулось медленно, нудно и тягостно. Я разглядывал прибывающих пассажиров: азиаты, латиноамериканцы, европейцы. В шортах, майках, тапочках. Полураздетые и загорелые, с семьями и без, прилетевшие из Мексики и с Кубы. Довольные и счастливые, возвращались с отдыха. Только я сижу несчастный, одинокий и беспомощный, всеми оставленный на произвол судьбы в аэропорту Монреаля. Вот они, другие лица и города. Всё, о чём мечтал в детстве. Столько препятствий

преодолено ради чего? Это война! Бейся за место под солнцем, – сказал я себе. Без боя не сдавайся! Ты сам выбрал этот путь. Надо бороться до конца. Вспомнился добрый совет московского таксиста: «Запомни, братан: хуево будет – никогда не сдавайся! Пропадёшь. Сотрут в порошок». Молодость и наивность – мощная смесь для повышения стойкости духа. Именно эти качества и советская закалка помогли мне выстоять в тот тяжёлый период жизни.

В соседнем кресле кто-то по забывчивости оставил инструкцию к видеокамере «Panasonic». Видимо, купил камеру, открыл коробку, а инструкцию забыл. Лучше бы он видеокамеру забыл. Зато теперь мне было чем себя занять. Я полистал книжечку: основы освещения и композиции, фокусировка и съёмка – всё подробно и наглядно, с рисунками. Мне давно хотелось иметь видеокамеру. Я ещё в Калининграде задумал снять видеоклип для группы «Литовский вал». «При первой возможности куплю себе камеру. И вообще, я стану видеооператором! Да, да! Точно! – вдруг осенило меня. – Профессиональным оператором! Кажется, хорошая профессия». Так в зале ожидания аэропорта Мирабэль было принято судьбоносное решение.

Долгожданное утро я встретил в кресле. Вытянуться во весь рост за ночь так и не удалось: кресла с подлокотниками этого не позволяли. Когда, как и где сообщить очередную шокирующую новость Лине? Сразу сказать, или дать ей время отдышаться? Может, хватит с неё шокирующих новостей? Лучше сразу, решил я. Чтоб не жила напрасными иллюзиями и надеждами, а сразу окунулась в жестокую реальность капиталистического строя. Самолёт из Москвы прилетал в три часа. Я занял позицию на втором этаже, откуда удобнее было наблюдать. Так я её не упущу. Лину я заметил у окна паспортного контроля. В руке она держала чемодан, в котором

я спрятал для неё деньги. Офицер о чём-то её спросил. Лина беспомощно пожала плечами и отрицательно покачала головой. «Ну, всё, пора. Встречай жену!» – подумал я и спустился вниз.

Сохраняя внешнее спокойствие, я подошёл к ней и поцеловал:

– С приездом! Как прошёл полёт?

– Утомительно, – улыбаясь, ответила Лина.

– Ты не переживай, но к дяде мы не поедем.

– Почему?

– Он меня выгнал, – с наигранной лёгкостью произнёс я.

– А куда мы поедем?

Если бы я знал, куда мы поедем. Канада большая, а ехать нам некуда.

– Пока не знаю. Но я что-то придумаю, – пообещал я. (Ожидая Лину в аэропорту, я размышлял о том, что иммиграционный процесс было бы легче начать в Монреале.)

К нам подошёл незнакомец и спросил по-русски:

– Господа, в Торонто едете? – Узнал соотечественников по одежде и чемодану.

Незнакомец оказался менеджером компании «Карпаты-экспресс». Нас никто нигде не ждал, мы могли бы ехать в любой другой город. Но я подумал: «А почему нет?» В Торонто дядя и его дети – мои двоюродные братья и сестры. А в Монреале вообще по-французски говорят. Лина в школе изучала немецкий, а я хотя бы могу спросить: «How do you do?» Так что надо ехать в Торонто.

– Да. Мы едем в Торонто, – решительно сказал я.

– Автобус у входа. Шестьдесят долларов с человека.

Я описал менеджеру нашу ситуацию и попросил отвезти нас в самую дешёвую гостиницу, какую он знает.

Он спросил:

– А кто твой дядя?

– Сёма Мишиев.

– Это который в доме «The Kempford» живёт?

– Да, – удивленно кивнул я.

– Я его знаю, – заметил менеджер.

– Откуда? – снова удивился я.

– Торонто – большая деревня, – объяснил он. (Позже я в этом неоднократно убеждался.) – Короче, я возьму с вас только шестьдесят долларов, как с одного. И гостиницу дешёвую знаю. Садитесь в автобус.

Доброта спасёт мир. Чужие люди проявляли сочувствие и оказывали помощь на каждом шагу. Утверждение «человек человеку волк» не соответствовало действительности. Наверное, оно относится к одному определённому человеку. И я даже знаю к какому.

Было около часа ночи, когда наш автобус остановился у небольшой трёхэтажной гостиницы «Dufferin Hotel» на перекрёстке Dufferin street и Lawrence avenue. Наш благодетель что-то сказал дежурному, пожелал нам не падать духом и уехал. Почти все деньги, что привезла с собой Лина, ушли на гостиницу: я заплатил за неделю вперёд. Оставалось ещё около ста двадцати долларов. Скромная комната с кроватью и телевизором, стоявшим на небольшом столике, находилась на втором этаже. Мы разложили вещи по полкам. Чемодан я положил на шкаф.

– Наконец-то мы в Канаде! – с чувством удовлетворения сказала Лина. – Ты можешь в это поверить?

– Конечно, могу. Дома в таком дерьме не оказались бы. Твоя мать оказалась права…

– В чём? – спросила Лина.

– Во всём.

– Я не хочу отсюда уезжать.

– Мы останемся! – сказал я. – Давай спать.

И мы легли в кровать. «Только сейчас ни о чём не думать. Спать! Утро вечера мудренее», – внушал я себе

в темноте. И действительно, я очень часто убеждался в верности этой русской поговорки.

Завтраком в гостинице не кормили. Через дорогу находилась аптека «Shoppers Drug Mart»[131]. Я купил там хлеб и нарезанную колбасу типа «Докторской», и мы с Линой позавтракали. Девяносто первый год мы встретили в гостинице в Москве «Биг-Маками» и кока-колой. Старый Новый год встречали в гостинице в Торонто колбасой и хлебом. Разнообразием наша жизнь мало отличалась. Только в Москве гостиница была лучше, денег у нас было больше, и все вокруг понимали по-русски.

Между тем дни сменялись один за другим, и надо было действовать – ездить, разговаривать, убеждать. Сидеть на месте – равносильно поражению. Днём я как ни в чём ни бывало улыбался, демонстрируя спокойствие: бой ещё не проигран, я на себя надеюсь. Я не сказал ещё своего решающего слова, которое поняли бы только Лина и дядя. Но дядя слушать меня совсем не захотел, когда мы с Линой приехали к нему за чемоданом, который я по неосмотрительности оставил у него перед уходом. Я позвонил ему снизу, как это сделал поляк, который встречал меня в аэропорту. Такая внутренняя связь имелась в каждом жилом доме. Вам, дорогие читатели, сегодня всё известно и вас вряд ли что-то удивит. А тогда меня даже бананы приводили в восторг, не говоря уже о телефонной связи в фойе жилого дома. С дядей у меня состоялся короткий и содержательный диалог.

– Чего тебе надо? – рявкнул капитан.

– Чемодан отдай, пожалуйста.

– Нет здесь твоего чемодана. Убирайся обратно в Союз! Ты меня понял? Возвращайся в Союз! Я сейчас полицию вызову! – прокричал дядя и повесил трубку.

---

[131] В аптеках «Shoppers Drug Mart» продаются и продукты.

Ладно, не хочет отдавать чемодан, пусть оставит себе на память. Не в чемодане дело. Только вряд ли ему пригодятся наши старые вещи. Что он будет, например, делать с одеждой моей жены? Не продаст же он её платья и трусы? Кому они нужны! Хотя дядя что угодно умудрится продать. Я всё понимал. Что же я, не человек. Он нас сюда пригласил. А чемодан – это компенсация за его хлопоты и беспокойство. Так я уже сделал скромный взнос на его счёт в размере пятидесяти долларов. Но ему, видно, этого оказалось мало.

Забегая вперед, рассказываю: чемодан нам удалось забрать через два года. Дядя потребовал за него выкуп: двести долларов. Большая сумма для нас, но Лине очень хотелось получить назад свои платья, а я мыл в кафе туалеты (как предрекала её бабушка), так что деньги постепенно накопить удалось. Чемодан оказался полупустым. Дядя действительно продал Линины платья, трусы и лифчики. Кому могло это понадобиться, кто это будет носить и как дядя умудрился продать ношеное?.. Наверное, понес в секонд-хэнд. Об этом мне стало известно позже. Я долго вспоминал слова мамы перед моим отъездом, которая сказала: «Сёма – очень жадный. У него летом снега не допросишься».

Однако всё это пустое, – сказал я себе. Нужно сосредоточиться на главном, а именно: подать документы на Лину для получения статуса беженца и получить финансовую поддержку. Для этого требовался переводчик. Я знал, что в Торонто живут мои двоюродные братья и сёстры. У дяди два взрослых сына и две дочери. Один раз когда-то давно я был у них дома в Баку. Мне не приходило в голову, что двоюродных братьев я могу найти в телефонной книге, хотя справочник лежал на столе. (А даже если бы и пришла такая мысль мне в голову, то пользы от этого было бы немного.) Да и что я бы им сказал? Здравствуйте. Ваш папа запретил мне возвращаться

в его квартиру, присвоил чемодан с нашими вещами. Можно, я с женой пока у вас поживу? Денег у нас нет, но кушаем мы не много... «Всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно».

Неделя подходила к концу, как и срок нашего проживания в гостинице. Надо было продлевать номер, платить было нечем. С первого дня нашего пребывания в гостинице в моём сознании появился образ песочных часов, которые показывали, как неумолимо утекает время. Я хорошо понимал: если сейчас не зацепиться, нам с Линой придётся возвращаться. Действовать требовалось безотлагательно, пока имелась крыша над головой и оставались ещё деньги на сносное питание.

Чувствуя приближение отчаяния, я спустился вниз. Попытаюсь объясниться с дежурным как смогу, – мысленно говорил себе. Поляк бы мне здесь пригодился. Он три языка знает. А я попробую на двух.

– No money, – объяснял я дежурному. – One week. Ещё неделя нужна. Money потом принесу. Понимаешь? Understand?

Дежурный молча слушал, не выражая эмоций. Кажется, не понял меня. Вдруг:

– No problem.

Что? Серьёзно? Я не ослышался? Я почти был уверен, что нас с Линой выставят на улицу. А он: «Нет проблем». Ничего себе сюрприз! Какие здесь все добрые, как в сказке. Только мой дядя как Змей Горыныч с тремя головами. Наверное, плохие сказки в детстве читал. Или, может, не в сказках дело, а в его тяжёлом детстве? Всё-таки в детском доме голодал и босиком ходил. Рано мать потерял, редко видел отца-инвалида. Я всё понимаю. Но нам за гостиницу платить скоро. Так что не раскисать! Не расслабляться!

ХИАС

Утром дежурный мне улыбнулся и сказал:

– Good morning, sir[132].

Я денег за номер должен, а он мне – господин. Простите, я гражданин СССР и не привык к такому обращению.

Из номера я позвонил Риве в Израиль. За несколько дней до нашего с Линой отъезда в Москву от Ривы пришло письмо: «Живём как в раю, все госпожой называют. Поселились в городе Натании, у моря, рядом с пляжем». В письме сестра ещё указала номер телефона, и мама убедила меня переписать номер в блокнот.

– Дядя, – говорю, – нас выгнал. Что делать?

– Обратись в еврейский центр ХИАС[133], они евреям помогают, – посоветовала Рива. И добавила: – Делай всё что хочешь, но сюда не приезжай!

Я хотел узнать почему, но каждая минута разговора увеличивала долг. Легко ей было оттуда советы давать: у них там тёплое море, пляж, экзотические фрукты, израильское гражданство в кармане. А у нас снег, мороз, песочные часы в голове, виза заканчивается, денег на еду скоро не останется, и никто нас здесь не понимает. Неизвестно, к чему всё это приведёт и чем закончится. Но я сделаю всё, что смогу.

На следующий день мы с Линой поехали, куда Рива послала – в организацию помощи еврейским иммигрантам. Нас встретили две женщины. Они не представились. Держались отстранённо и прохладно. Задали только одни вопрос:

– Как фамилия пригласившего родственника?

---

[132] Доброе утро, господин. – *Англ.*

[133] HIAS – Hebrew Immigrant Aid Society. (В Канаде JIAS – Jewish Immigrant Aid Services.) Всемирная еврейская благотворительная организация, оказывающая помощь иммигрантам и беженцам.

Я назвал фамилию дяди. Женщины переглянулись, и мне это не понравилось.

– Вы его знаете? – спросил я.

– Хорошо знаем, – ответила та, что стройнее.

– С плохой стороны, – добавила её коллега. – Мы ничем вам помочь не сможем.

– Почему? Я же еврей! – с юдофильской интонацией произнёс я.

– Это хорошо, но здесь вы туристы. Наша организация работает только с иммигрантами.

– Мы как раз и пытаемся эмигрировать в Канаду, – пояснил я.

– Что пытаетесь делать вы, называется иначе.

Я не стал уточнять как. Это было неважно.

– Что нам делать? – покорно спросила Лина.

– Советовать мы вам не можем...

– Возвращайтесь назад, – твёрдым тоном посоветовала стройная женщина.

Спасибо за ценный совет. Я его уже от дяди не раз слышал. Для этого не обязательно было тратиться на дорогу и ехать в еврейский центр. (По делам я старался ездить один. Так мы экономили почти пять долларов в день.) Когда возвращались в гостиницу, Лина в автобусе сказала: «Всё это напоминает плохой водевиль, дешёвый фарс». Что я на это мог ответить? Ведь действительно напоминало. И даже больше чем напоминало – это и был фарс. Только не дешёвый, и никто не смеялся.

Подходила к концу вторая неделя нашего проживания в гостинице. Я старался держаться как стойкий оловянный солдатик, не поддаваться панике. Вспоминал слова московского таксиста о том, чтобы никогда не сдаваться. Спрашивал себя, что ещё можно сделать. Куда поехать? К кому обратиться? Кто даст совет?.. Решение пришло утром.

– Собирайся! Поедем вместе, – решительно сказал я.

– Куда? – спросила Лина.

– На Янг-стрит, там голубое высотное здание…

– Мы там уже были.

– Нужно ещё раз. Нас тогда не поняли.

– А сейчас, думаешь, поймут? – с сомнением спросила Лина.

– У них не будет выбора, – самоуверенно заявил я.

В начале января в этом здании дядя заполнял на моё имя документы на получение ежемесячного пособия. Я надеялся объяснить служащим, что мы уже не живём у дяди, и документы нужно переоформить, чтобы нам сейчас выдали денежное пособие для оплаты гостиницы.

Мы приехали. Поднялись на лифте на третий этаж. Однако женщина в окне твердила непонятное: «You need an interpreter. You need an interpreter»[134] – и отказывалась с нами общаться.

Мы вышли на улицу, зашли в ближайшее кафе. Выпив горячий кофе, Лина сказала:

– Ты говорил, здесь его дети живут?

– Да.

– Надо в телефонной книге найти, – подсказала она.

Действительно, надо попробовать, вдруг помогут? Хотя у них свои заботы и проблемы. Зачем им ещё наши? Да и вряд ли они меня вспомнят.

Мы вышли из кафе, повернули за угол, подошли к телефону-автомату. Я остановил прохожего и, показывая на телефонную книгу, попытался ему объяснить, что нуждаюсь в помощи. Догадавшись, он помог найти нужную фамилию, достал из кармана монетку, бросил её в аппарат и набрал номер, потом что-то спросил и передал трубку мне.

В трубке я услышал русскую речь. Говорила жена моего старшего брата Нина. Она сказала, что муж сейчас на работе, и не удивилась дядиному поведению. Он всех обманывает: детей, жену, еврейский центр. Я не стал

[134] Вам нужен переводчик. – *Англ.*

отвлекаться и вдаваться в подробности: драгоценное время уходит, офис скоро закроется, и нам все выходные в гостинице голодными сидеть, живём там в долг, в понедельник возвращаться сюда и всё сначала. Жена брата любезно пригласила в гости. Я поблагодарил и заверил, что в другой раз мы с женой обязательно воспользуемся её гостеприимством, а сейчас нам как воздух требуется переводчик. Нина сказала, что английский у неё плохой, а старшей дочки дома нет. Я спросил, можно ли пока у них остановиться. «Можете переночевать одну-две ночи», – услышал в ответ. И за это я был благодарен Нине. Действительно. Никто в этом мире ничего мне не должен.

Я повесил трубку. Лина посмотрела на меня с надеждой. «Это ведь не конец?» – читалось в её глазах. Кажется, она готова была расплакаться. Нет. Это ещё не конец. Я ещё не сдался! Бой ещё не проигран. В этом грязном деле ты оказалась по моей вине. А значит, ответственность на мне. Я избавлю тебя от переживаний, позабочусь, чтобы наши с тобой желания о лучшей жизни осуществились.

Далее всё происходило как в тумане. Я схватил Лину за руку и снова вошёл в здание. В лифте решительно ткнул кнопку седьмого этажа. Это был шаг безысходного отчаяния, я не предполагал, что именно на седьмом этаже найдётся решение наших проблем, ключ к нашему счастью. Мне, человеку с советской ментальностью, казалось, что если на третьем этаже располагается Служба социальной помощи, то это значит, что все этажи занимает государственная организация – как было в Союзе. Где-то, может, на самом верху, на двадцатом этаже сидит в своём кабинете начальник. Только как узнать, как его найти?.. Двери лифта открылись. Я не имею понятия, почему из двадцати кнопок нажал на цифру «семь». Как будто внутренний голос подсказал это действие. А ещё мне нравилась эта цифра потому, что я родился 7 июня.

Держа Лину за руку, я решительно вошёл в ближайший от лифта офис. Там за столом сидел солидный господин в белой рубашке и тёмно-серой тройке и что-то писал. Наверное, это и есть начальник всей конторы. Я без приглашения уселся перед ним в кресло и велел Лине последовать моему примеру. Лина нерешительно присела рядом. Мужчина в костюме поднял голову и недоумённо взглянул на меня. Из-за очень бедного, я бы сказал нищего словарного запаса, мой страстный английский монолог оказался коротким. Воспроизвожу его на понятном для читателя языке. Выдал я примерно следующее: «Мы из Советского Союза. Вот наши паспорта. (Положил перед мужчиной два документа.) Хотим подать документы на статус беженца и получить велфер. Дядя нас выгнал. Денег у нас нет, идти нам некуда, так что спать мы будем в вашем кабинете. Делайте что хотите, но мы не встанем с места, пока вы не дадите распоряжение». Лине я между делом тихо сказал: «Не вставай». В общем, пока этот жирный функционер не позвонит куда надо, мы с кресел не поднимемся. Когда-то я подобным способом добился в Баку прописки. Начальник ЖЭКа не подписывал заявление, я сел перед ним на стул и выдвинул ультиматум: подписывай, или я отсюда не выйду. Начальник пригрозил милицией, но я с места не сдвинулся и добился своего.

Молча выслушав меня, солидный господин что-то сказал про полицию и поднял телефонную трубку.

Вздумал меня полицией пугать? Делай всё, что хочешь, жирная морда. Мне терять нечего.

Он с кем-то коротко поговорил и передал трубку мне.

– Анатолий, это Бо́гдан, – услышал я. – «Карпаты-Экспресс». Как вы там оказались?

Так я узнал имя нашего спасителя, доставившего меня с Линой из Монреаля в Торонто.

– Где?

– У мистера Томпсона.

– А кто это?

– Мистер Томпсон – известный иммиграционный адвокат. Вы сейчас у него в кабинете!

– Зашли в лифт, нажали кнопку седьмого этажа.

Бóгдан усомнился:

– К мистеру Томпсону запись. Очередь.

Никакой очереди при входе не было, я попал к нему без записи. Так что пусть мистер Томпсон не гонит пургу.

Бóгдан спросил:

– У вас деньги есть?

«И здесь взятку надо давать, – подумал я. – Прямо как в нашем бакинском ЖЭКе».

– Есть. Долларов пятьдесят…

– Мистер Томпсон возьмёт шесть тысяч за двоих. Через пять лет гарантирует гражданство. Он тридцать пять лет проработал на канадское правительство в Immigration Canada[135].

Всё это меня не впечатлило. Я попросил передать мистеру Томпсону, что мы не сдвинемся с места, пока он не распорядится немедленно заняться нашим делом. Мистер Томпсон безмятежно выслушал Бóгдана и опустил трубку на аппарат. Тут же набрал другой номер. Закончив разговор, мистер Томпсон снова позвонил Бóгдану.

– Анатолий, – сказал тот мне. – Мистер Томпсон позвонил президенту еврейского центра. Завтра утром вы пойдёте в ХИАС, они всё сделают.

– Не пойдём! Мы там уже были. Они рекомендовали нам возвращаться в СССР.

– Анатолий! Завтра они перед вами красную дорожку расстелют. Посмóтрите, – заверил Бóгдан. – Делайте, как он говорит!

– А откуда он вас знает? – задал я лишний вопрос.

---

[135] Государственная организация по вопросам иммиграции и гражданства.

– Торонто – большая деревня, – ответил Бо́гдан так же, как в аэропорту.

Мистер Томпсон глядел на меня победоносно, излучая свет и надежду. Я некоторое время ещё сомневался, покидать его кабинет или остаться здесь ночевать, но Лина встала и потянула меня за рукав. Мы поблагодарили и попрощались.

В девять утра мы вошли в ХИАС. Бо́гдан всё-таки приврал – красной дорожки не расстелили, – но теперь нашим скромным персонам оказывалось особое внимание. Нас проводили в кабинет президента. Как я догадался, такой чести удостаивался редкий посетитель центра. В кабинете нас ожидали переводчица и чай с конфетами и печеньем на столике. Президент поздоровался со мной за руку.

Женщина представилась и перевела:

– Это президент еврейского центра Марк Лаза́р. Я – Этта.

– Очень приятно. Анатолий. Моя жена Лина… Русская, – зачем-то добавил я.

Странно, что Этта подчеркнула еврейскость центра. Я хорошо знал, куда пришёл. Именно Этта посоветовала нам с Линой возвращаться назад, в СССР. Теперь мне было известно её редкое имя.

После необходимых бумажных формальностей, таких как заполнение анкет, снятие ксерокопий с паспортов, росписи в бумагах, президент центра поинтересовался, как мы попали к мистеру Томпсону. Недоумевая, почему этот вопрос так всех интересует, я рассказал про нажатую сгоряча кнопку в лифте. Президент центра посмотрел на Этту.

– Вы хотите сказать, что попали к нему случайно? – перевела Этта.

– Именно так, – подтвердил я.

– Поэтому мистер Томпсон звонил вчера мистеру Лаза́ру домой? – продолжала Этта свою работу.

Я промолчал. Откуда же я знал, куда мистер Томпсон звонил ему.

– Ok. No problem, – сказал Марк Лазáр. – You don't have to answer this question.

– Хорошо. Нет проблем. Можете не отвечать на этот вопрос, – при переводе Этта стремилась к предельной точности, с чем она, как мне кажется, блестяще справлялась.

Как я и ожидал, президент еврейского центра мне не поверил. Кто же поверит в подобную нелепицу! Мистер Томпсон серьёзный и занятой адвокат, к нему по записи ходят, он не будет тратить драгоценное время на случайных, залётных посетителей. К тому же бесплатно!

– Можно задать вашей жене вопрос? – обратилась ко мне Этта.

– Да, пожалуйста, – согласился я, опасаясь тем не менее подвоха. – Только по-русски. Она немецкий изучала.

– Вам о холокосте что-нибудь известно? – доброжелательно обратилась Этта к Лине.

Ну вот, началось. Экзамен устроила!

– Знаю, – неуверенно ответила Лина.

– Что, например?

– Ну, что в печах сжигали... И ещё в рабстве были... Моисей их в пустыню привёл... вернее, из рабства вывел, потом сорок лет по пустыне водил. Десять заповедей...

Честное слово, это не я. Про рабство, Моисея и десять заповедей я ни сном, ни духом не ведал. Откуда мне, советскому еврею, такое могло быть известно? Я советский человек. Ни религией, ни историей евреев не интересовался. Помню, на Пасху (мне было тогда десять лет) мама попросила меня помочь ей из синагоги коробку мацы донести. О нашей религии и национальности мама не заикалась, просто сказала: пасху идем отмечать. Ни старая синагога, ни сухая безвкусная маца, ни бородатый сухой раввин – мама говорила раббай – мне не понравились.

Раббай не понравился тем, что провёл с курицей какой-то ритуал и отрезал ей голову. После такого кровавого действа меня с религией тем более ничего не связывало. Может, мама Лины в поисках информации о горских евреях зашла так далеко? Тёща это могла.

Этта протянула мне визитную карточку и любезно предложила сообщать о проблемах, если они возникнут. Я пообещал держать её в курсе. Кажется, Лина сдала экзамен.

ХИАС выделил нам переводчика, югославского еврея, до эмиграции преподававшего русскую литературу в Белградском университете. К сожалению, имени этого доброго интеллигентного человека я не запомнил. В еврейском центре он был волонтёром, то есть работал бесплатно. Ему хотелось помогать людям. Мы встретились с ним утром на автобусной остановке и отправились в Службу социальной помощи, где неожиданно узнали, что по просьбе дяди мой файл был закрыт и отправлен в архив. Оказывается, капитан позвонил и сообщил, что я вернулся в СССР. Пришлось заводить новый файл. Признаться, это было даже на руку нам с Линой, избавляло от путаницы с адресом. Только переводчик сильно переживал и никак не мог взять в толк, что заставило моего дядю так гнусно поступить. Я не стал ему объяснять. Меня это не беспокоило, я был предупреждён о странностях дяди Сёмы, потому себе в голову этого не брал. Как говорил фарцовщик Юра, praemonitus praemunitus. Предупреждён – значит вооружён. Главное – дело сдвинулось, и государственная машина пришла в движение.

Мы заполнили все необходимые анкеты и расписались, где нам указали. Спустя час нам выдали чек на сумму, позволяющую оплатить проживание в гостинице и месячную аренду жилья, и порекомендовали поскорее снять жильё, на адрес которого ежемесячно будет приходить пособие. Неподалёку от Службы социальной помощи находился Toronto Dominion Bank.

Мы открыли там счёт, депонировали чек и получили триста долларов наличными. Счёт нам открыли по советскому паспорту и канадской гостевой визе. Переводчик объяснил операционистке, что мы беженцы из Советского Союза. Та понимающе кивнула. Расплачиваясь утром с дежурным за номер, я вздохнул спокойно: первая трудность преодолена. Но предстоит их ещё немало. Это наша первая маленькая победа. Сколько их ещё будет? Я сделал для себя важный вывод: жизнь состоит из маленьких побед и больших поражений, но главное – не опускать руки, и тогда маленькие победы станут большими. Проигрывать можно, сдаваться нельзя. «Пока человек не сдаётся, он сильнее своей судьбы», – сказал Эрих Мария Ремарк.

Я звонил в еврейский центр и отчитывался.

– Алло. Это Этта? – спрашивал я.

– Да. Это Этта, – слышалось в ответ.

– Этта, всё хорошо. Подыскиваем жилье…

– Приезжайте в наш центр, вместе подыщем адрес, – говорила Этта. – Наша картотека обновляется каждый день.

Мы сняли жильё недалеко от дяди. Это вышло случайно: устраивала цена – пятьсот пятьдесят долларов, и дом располагался недалеко от автобусной остановки и метро – сабвея. Хозяин дома, румынский еврей пенсионного возраста, показал нам бейсмент – полуподвальное помещение. Бейсмент оказался чистым, с окнами, отдельной кухней, холодильником, душем и туалетом, спальней, телефоном и телевизором. Через неделю Служба социальной помощи доставила новую кровать, постельное бельё, подушки, одеяла. Освоившись на новом месте, я предложил Лине поехать в даунтаун, пройтись по центру. Мне хотелось взглянуть на то, ради чего мы пошли на эти лишения.

С погодой повезло: день выдался солнечным. Погуляв по центральной части города, вдоволь налюбовавшись

типично английской архитектурой, улицами, пёстрым китайским кварталом (Чайна-таун), старым еврейским рынком (Кенсингтон-маркет), американскими и японскими автомобилями, мы задержались возле красиво оформленных широких витрин старейшего магазина компании «Sears», основанной, судя по информации на медной табличке с гравировкой у входа, в Соединенных Штатах Америки в 1893 году. Элегантные модельные платья на манекенах и замшевые выходные туфли ярких цветов на каблуке заставляли останавливаться у каждой витрины. На вчерашних советских студентов эти товары производили сильное впечатление. Подобной красоты нам с Линой ещё никогда не доводилось видеть. На светло-голубое вечернее платье с крупными цветами и тонкой полоской кружев по низу юбки Лина смотрела особенно пристально. Долго не отходила от витрины. Мысленно примеряла цветастое платье на себя. Я подошёл ближе, на ценнике было написано: «Laura Biagiotti». Мне это ни о чем не говорило, я знал только фабрики «Большевичка» и «Красная заря», а платье от Лауры Биаджотти действительно было шикарным.

– Всё как в лучших домах Лондóна и Парижа? – вспомнила Лина нашу дежурную присказку.

– Скорее, как в лучших домах Торонто.

Мы зашли в кафе немного отогреться. Я взял два чая, потом попросил Лину рассказать про обмен долларов. Мне было интересно узнать, как ей это удалось в Москве, где обмен валюты был рискованным и небезопасным делом. Было немало случаев обмана и воровства. Лина начала с самого начала. Она с мамой прилетела в Москву. В гостинице дважды перечитала все мои инструкции, на которые она натыкалась в каждом углу комнаты и которые обнаруживала в шкафу и в чемодане, и потом поехала с мамой на «Бабушкинскую» за авиабилетом. Олеся в пятом окне уже готова была оформить билет, но выяснилось, что не хватает трёхсот рублей. В январе

1991 года обменных пунктов в Москве не было. Лина позвонила горскому еврею, который недавно заходил к нам домой в Баку и к дяде Сёме и назвался нашим дальним родственником. Он сообщил, что живёт в Москве и занимается обменом, и оставил свой московский номер телефона. (У меня были подозрения, что советских рублей Лине может не хватить, и я предусмотрительно записал этот телефон в инструкции.) Меняла назначил Лине встречу у памятника Юрию Долгорукому – напротив московского горисполкома, где сейчас мэрия Мос-квы. «Там меньше всего было бандитов», – объяснила Лина. Аргумент был убедительным и логичным. Обмен канадских долларов на рубли состоялся непосредственно под Юрием Долгоруким. Сопровождавшая Лину тёща курсировала неподалёку, наблюдая за нелегальной сделкой. Криминал в Москве набирал обороты и выходил из-под контроля правоохранительных органов. Обмануть восемнадцатилетнюю девушку или отобрать у неё доллары для мошенника не составило бы особого труда. Не помогли бы никакие родственные связи. Но всё прошло гладко, обмен состоялся без происшествий, из горисполкома милиция тоже не побеспокоила.

– Спасибо, что о билете договорился. Я бы сама не смогла. В кассах такая очередь была… – сказала Лина, закончив свой рассказ.

Цену деньгам дядя Сёма знал хорошо, экономить научился с детства. Детский дом в Евпатории оказался жестокой школой жизни. К моменту моего приезда дядя прожил в Канаде уже десять лет, и за это время он стал ещё больше ценить и беречь каждую копейку. Дядя не верил, что я смогу практически без денег добраться до Монреаля и встретить Лину, потому что «тут за всё надо платить». Но я это сделал – доехал и встретил. В этом состояла моя маленькая победа. Хотя, должен признать, без помощи отзывчивых посторонних людей

я бы вряд ли добрался до цели. Дядя не учёл человеческий фактор – отзывчивость и доброту людей, и вот о доброте и отзывчивости я и хотел рассказать в своей книге. Дорогие читатели, спешите делать добро!

Обо всём остальном расскажу в продолжении под названием «Нелегальное лицо. Россия сегодня». Как говорится, была бы охота врать…

Окончить же данную книгу хочу словами английского искусствоведа и главного идеолога эстетизма Уолтера Патера, который утверждал: «Любое искусство стремится стать музыкой». Если это верно, в чём я пока не уверен, – получается, я создал большое музыкальное произведение. Надеюсь, справился с задачей, и лишних нот здесь не много. Спасибо, дорогие читатели, за то, что были со мной до конца и геройски дошли до финала. Вот на этой оптимистичной ноте я заканчиваю первую часть своей симфонической поэмы.

Во второй книге я расскажу о мистере Файне, иммиграционном адвокате, благодаря которому нас с Линой признали беженцами. О том, как чиновник иммиграционного центра продлил нам визу, ошибочно приняв меня за известного хоккеиста Анатолия Семёнова, игравшего тогда в «Toronto Maple Leaf». О забавном одессите Грише, который чуть было не уронил банку краски на голову посетительницы магазина. О русской прессе, с которой соприкоснулся в качестве внештатного корреспондента. А ещё про любопытного поэта Якова Гозмана, посвятившего милым женщинам сборник стихов под названием «Что у женщин между ног»; у него мне посчастливилось взять интервью и выяснить, что он имел ввиду. Оказывается, совсем не то, о чём вы подумали. Я расскажу также об уникальном бандуристе Викторе Мишалове, украинце, родившемся в Австралии и учившемся в советские годы в Киевской консерватории, и вербовке его офицером КГБ на могиле Тараса Шевченко. Про то, как я, вопреки здравому смыслу, всё-таки стал новостным

телеоператором. Как оказался в Москве и работал в корпункте финского телеканала YLE, а потом, в ожидании депортации, – в съёмочной группе фильма «Жулик», ассистентом известного кинорежиссёра Рудольфа Фрунтова[136]. Вы узнаете, по какой причине этот фильм был пролонгирован и не закончен. Про скромного дагестанца Тажудина, который на свои личные сбережения латал асфальтом ямы на дорогах. Про моего друга Павла, который, находясь в командировке в Баку, лично в руки передал недовольному президенту Алиеву письмо от ветерана войны, нуждающегося в справедливой защите закона. О любопытном главном редакторе московской «Родной газеты», который недоумевал, «что делает гражданин Канады в этой ужасной, криминальной, отвратительной России», и мечтал «поскорее из неё свалить». О том, как я попал на работу на международный телеканал «Russia Today» и с какими интересными людьми мне посчастливилось там познакомиться. Один из них – Денис Трунов, первый заместитель Маргариты Симоньян, главного редактора канала, работал под девизом «Не дадим правде испортить хорошую историю!». И не давал.

Я расскажу о Диане Рогожиной, красивой блондинке и главном редакторе журнала «Наше кино», которая на моё предложение взять интервью у легендарного сценариста Якова Костюковского, работавшего с Леонидом Гайдаем, в ответ спросила, кто это такой. И о том, почему она после этого отправила меня в командировку в Сочи на кинофестиваль «Кинотавр» и что там меня ожидало. И конечно, я расскажу об Эрике Алтуняне, который во время армяно-азербайджанского конфликта, спасая свою жизнь, покинул Баку в багажном отсеке купе поезда, неожиданно оказался в Германии без денег и личных вещей и преуспел там, добивших успеха.

[136] Фрунтов снял фильмы «Ларец Марии Медичи», «Тревожное воскресенье», «Жил отважный капитан» и др.

«Сегодня я могу купить весь Остервик»[137], – сказал мне по телефону Эрик. И ещё о многих достойных и замечательных людях. Но самое главное – я расскажу, почему Владимир Владимирович Шпаковский, добросовестный и неподкупный подполковник миграционной службы, всё-таки выдал мне разрешение на получение выездной визы, хотя и был категорически против положительного решения помощника президента Российской Федерации по национальным вопросам А. А. Аслаханова.

Ну а пока хочу пожелать вам того же, чего желал мой дядя всем евреям: Лешана абаа бИрушалаим! В следующем году – в Иерусалиме! И для этого не обязательно быть евреем. Достаточно быть человеком. Поверьте мне на слово. Быть человеком не так просто, как кажется. Я много раз пытался, но получалось у меня неважно. Для этого необходимо ежедневно работать над собой. И как бы ни хотелось опровергнуть утверждение моего школьного учителя пения Михаила Павловича Мадатова по поводу преобладания в людях «животного» над «человеческим», у меня пока нет для этого достаточных оснований. Но я открыл для себя простую истину: искусство способно освободить человека от животных инстинктов, оно помогает стать свободным. Здесь, дорогие читатели, я ставлю точку. Как говорил помощник военного дирижёра прапорщик Федорченко: «Музыкант должен вовремя кончить». Надеюсь, я это сделал вовремя. Добрый конец – всему делу венец.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

Москва – Хельсинки – Торонто
Апрель 2007 – Август 2017

[137] Небольшой городок в 170 километрах от Лейпцига. Эрик живет в Остервике.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

По-настоящему счастлив тот, кто постоянно испытывает чувство благодарности. Чтобы понять эту простую истину, мне понадобилось полвека. Чувство большой и искренней благодарности я испытываю ко всем, кто помогал мне работать над этой книгой.

Я благодарен своим братьям и сёстрам, перечислять которых здесь уже нет необходимости. Благодарен одноклассницам и одноклассникам Володе Погосяну, Рустаму Гасан-Заде, Фахрие Абиловой, Халиде Мустафаевой. Я благодарен своему учителю географии и обществоведения Борису Семёновичу Назарову за уроки и рассказы о нашей стране – СССР. Нине Михайловне Адамович – за то, что с первого класса научила меня понимать, что такое Родина. Признателен своей дочке, которая в семилетнем возрасте открыла мне простую истину: «Люди живут на Земле для того, чтобы она не чувствовала себя одинокой». Оказывается, это очень важно – не чувствовать себя одиноким. Сокурсникам и сокурсницам Свете Носовой (Казак) и Диме Тамбовцеву. Лене и Васе Суворовым – за предоставленные фотографии из личного архива. Я благодарен Лене Гончаровой (Дарвиной) и Марине Степановой. Андрею Рябцеву, Александру Никольскому и Павлу Чукову – без их поддержки, критики и советов текст не стал бы полноценнее и интереснее. Низкий поклон Лиле Ивановне Бирюковой за рассказ о роли строительных отрядов в жизни училища и за письмо. Моему строгому учителю жизни подполковнику ФМС Владимиру Владимировичу Шпаковскому – за то, что заставил переосмыслить жизненные принципы. Помощнику по национальным вопросам при президенте России, генерал-майору МВД СССР Асламбеку Ахмедовичу Аслаханову – за предоставление

возможности высказаться. Журналисту финского телеканала Марко Лёнквисту – за его независимое мнение и содействие. Заведующей отделом иностранной литературы центральной городской библиотеки Квинса и Форест-Хилса (США) Линде Бранитской – за убедительные аргументы не бросать работу над книгой и довести её до конца. (Она обещала положить мою книгу рядом с «Зоной» Сергея Довлатова.)

Выражаю благодарность литературному редактору Александру Серову, который, подобно знаменитому скульптору, безжалостно отсекал всё лишнее и указывал на недоработанные, слабые места, и который в ходе нашей обширной переписки в числе других героев книги особо отметил Лену Чекину. «Нельзя бросать таких девочек, тем более беременными, – написал он. – Это не по-божески. Женщины подобной красоты – дар для мужчины, аванс, который надо отработать сполна. Судя по глазам, у Лены и душа глубокая. И поклон ей низкий, что ребёнка сохранила. Потому, наверно, Господь и наградил многими талантами и достоинствами Валю Тамбовцеву, что могло её не быть на свете вовсе».

Мое почтение родителям и старшему брату за то, что помогали строить страну, в которой у нас было счастливое детство. За крепкий духовный стержень, не позволивший мне сдаться в самый тяжёлый период. Я даже благодарен сотруднице канадского посольства Наталье Булгаковой за слова, которые вонзились мне ножом в сердце: «Нет такой страны! Вычеркните и забудьте!» Они заставили меня задуматься и переосмыслить всю прошлую жизнь. Как же можно было так сказать? Для моего поколения, чья молодость пришлась на переломные годы смутной бандитской перестройки, когда воровской, преступный развал страны выкинул его на обочину и заставил выкарабкиваться из глубокой канавы, – для них СССР будет всегда. Эту страну невозможно вычеркнуть и стереть из наших воспоминаний, потому что

Советский Союз был нашим адресом. Мы будем об этом помнить. Помните и вы, дорогие читатели. Кто не помнит своего прошлого, у того нет будущего.

Краткая справка:

Владимир Иванович ЩУКИН
(09.09.1946 – 20.08.2001)

Тромбонист, аранжировщик, руководитель оркестра. Один из лидеров джаза в Калининграде. Родился в селе Шалинское, Краснодарского края. В 1970 г. окончил Калининградское музыкальное училище, а в 1976 г. Вильнюсскую консерваторию по классу тромбона. Дебютировал в биг-бэнде «Ритм» Сергея Гурбелошвили, в 1980 – 1983 гг. играл в бэнде Виктора Авдеева, а в 1984 г. возглавил оркестр «Коллегиум», с которым выступал на многих отечественных фестивалях.

В составе «Коллегиума» в разные годы играли трубачи Виктор Авдеев, Станислав Штатнов и Аркадий Штыглер, тромбонист Владимир Воронков, саксофонисты Евгений Пономарёв и Олег Берлин, барабанщик Юлий Малышев, гитарист Анатолий Колесников, бас-гитарист Вячеслав Феоктистов, пианист Валерий Андрианов.

В 90-е годы Владимир Щукин во многом способствовал становлению джазового клуба в Калининграде.

Записи:

- «Джаз над Волгой» (1981, с бэндом «Ритм»)
- «Осенние ритмы-87» (1988, оркестр «Коллегиум»)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5
Пролог 10

МОСКВА
Железный занавес 15
Россия — не проходной двор! 38
Руслан 70
Граница. Шпионский роман 79
Письмо Президенту 97

БАКУ
Краткая история развитого социализма 107
Король футбола 135
Дядюшкин сон (первый) 175
«Ритмы Каспия» 190
Дворец имени Ленина 207
Святой долг Родине 216
Снабженец Большого театра 265

КАЛИНИНГРАД
Дорога к Храму 271
Андрей 286
Зара 291
Андреева 301
«Комитет охраны тепла» 303
ВССО 308
Макеева 322
Ильдар 332
«Литовский вал» 337
Макс 345

Юра 347
Завхоз 351
«Янтарная клавиша» 357
Лариса 366
Лина 369
Лена Чекина 373
Лина (продолжение) 388

ТОРОНТО

Звёздная страна 417
Дядюшкин сон (второй) 460
One way ticket 468
ХИАС 480

Послесловие 495

Литературно-художественное издание

Анатолий Семёнов

НЕЛЕГАЛЬНОЕ ЛИЦО

Генеральный директор издательства С. М. Макаренков

Ведущий редактор *Е. Афанасьева*
Литературный редактор: *А. Серов*
Корректор: *И. Шахов*
Выпускающий редактор *Е. Крылова*
Компьютерная вёрстка: *И. Новожилов*
Дизайн обложки: *А. Гатсуков*
Графика: (Москва, Баку, Калининград, Торонто)
А. Щвец

18+

Знак информационной продукции согласно Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ

Подписано в печать 07.12.2017 г.
Заказ № 119172. Формат 84×108/32.
15,7 п.л. Гарнитура «Times New Roman».
Тираж 500 экз.

Адрес электронной почты: info@ripol.ru
Связаться с автором: semenov.anatoli@gmail.com
Сайт в Интернете: www.ripol.ru

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»
109147, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 23

Отпечатано: АО «Т8 Издательские Технологии».
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корпус 5.
Тел: +7 (499) 322-38-32

Анатолий Семёнов родился в Баку в большой дружной семье горских евреев. Окончил Бакинское мореходное училище, служил в Советской армии, учился в Калининградском музыкальном училище. В январе 1991 года уехал по гостевой визе в Канаду, где подал ходатайство о предоставлении статуса беженца и получил канадское гражданство. Вернувшись в Россию через десять лет, работал в московских корпунктах иностранных телекомпаний, а позже – на российском государственном телеканале «Russia Today». Неоднократно бывал в служебных командировках в Чечне и Афганистане, во многих странах Европы, на Фарерских островах и в Гренландии, объездил Россию и страны, входящие в Содружество Независимых Государств. Важными главами своей жизни считает периоды, связанные с четырьмя городами: Баку – где родился, Калининградом – где учился, Москвой – где работал, и Торонто – где живёт.

В своем сатирическом произведении «Нелегальное лицо. Россия – не проходной двор» Анатолий Семёнов рассказывает о последнем десятилетии существования СССР, отце-фронтовике, своей матери – воспитавшей десять детей, Матери-героине, старшем брате – строителе БАМа, о репатриации братьев и сестёр в Израиль и о том, как спустя десять лет работы в России оказался на нелегальном положении.

Тонкий юмор придаёт его рассказам о дяде – капитане дальнего плавания, муже сестры – цеховике и подпольном советском миллионере, подполковнике ФМС, не выпускающем из страны нарушителя визового режима, особый колорит и увлекает с первых страниц. Также книга раскрывает взгляд автора на любовь и предательство, потерю и обретение веры, на пропагандистскую кухню западной и российской телевизионной журналистики. «Вся моя жизнь – это маленькие победы и большие поражения. Но именно поражения научили меня побеждать», – пишет Анатолий Семёнов в своей книге. И по большому счёту этой науке и посвящена его книга.

ISBN 978-5-386-10554-9
9 785386 105549

Книга содержит нецензурные выражения